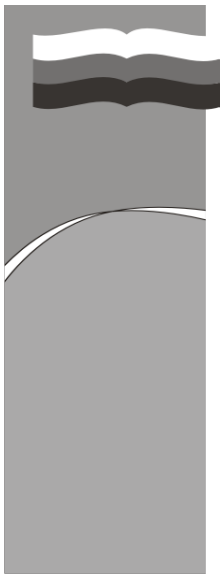


РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 3(22)' 2011

включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК Минобрнауки России
Печатает статьи по истории, педагогике, психологии, биологии, филологии, философии, культурологии, политологии, праву и экономике
РНЖ входит в систему Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ) и представлен на его сайте www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НАГОРНОВ Валентин Павлович

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
ЛОСЕВ Юрий Иванович

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРКОВ Алексей Сергеевич

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
НОВОЖИЛОВ Александр Юрьевич

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ДАНИЛОВ Александр Анатольевич – Председатель Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории факультета социологии, экономики и права ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

БОРИСОВ Валерий Михайлович – Зам. Председателя Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории ГОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова»

ЛОСЕВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, проректор, зав. кафедрой всеобщей истории ГОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

АКУЛЬШИН Пётр Владимирович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и философии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет»

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Историко-социологического института ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени П. П. Огарёва»

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич – член Совета, профессор, доктор исторических наук, декан гуманитарного факультета, зав. кафедрой истории науки и техники ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ»

ЮРКИН Игорь Николаевич – член Совета, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники С. И. Вавилова РАН, г. Москва

РЕЕНТ Юрий Арсенович – член Совета, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Академии Федеральной службы исполнения наказаний РФ

КОЛЬЦОВА Вера Александровна – член Совета, первый зам. директора Института психологии РАН, профессор, доктор психологических наук, зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии

ДОНЦОВ Александр Иванович – член Совета, действительный член РАО, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор психологических наук

ЗАБРОДИН Юрий Михайлович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, проректор ГОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», действ. гос. советник РФ, вице-президент Федерации психологов образования России

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – член Совета, профессор, доктор педагогических наук, рук. Центра духовно-нравственного воспитания ГОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГРЕБЁНКИНА Лидия Константиновна – член Совета, профессор, доктор педагогических наук, зав. кафедрой педагогических технологий ГОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ПАНОВ Виктор Иванович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), зав. лабораторией экопсихологии развития Психологического института РАО

СТРЕЛКОВ Юрий Константинович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, зав. кафедрой труда и инженерной психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ВОЛОДАРСКАЯ Инна Андреевна – член Совета, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат педагогических наук, лауреат премии Президента РФ в области образования, Председатель Учебно-методического совета факультета психологии МГУ, г. Москва

НАГОРОВ Павел Сергеевич – член Совета, профессор, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник НИИ психологии и развития способностей

УХОВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор медицинских наук, зав. кафедрой гистологии и биологии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Фед. агенства по здравоохранению и соц. работе

ЕПИФАНОВ Алексей Герасимович – член Совета, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, заведующий отделением сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова»

РЫСКИН Николай Николаевич – член Совета, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института общей физики РАН, г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Гомзин А. А. К вопросу об особенностях монетных кладов последней четверти X в. в Поочье....3
Рындин И. Ж. Система межкняжеских отношений в русских княжествах перед Куликовской битвой (1340-1380 гг.) [Часть 15]....16
Холяев С. В. Союз 17 октября мог прекратить существование в 1906 году....28
Ковалев И. Г. «Пэры против народа»: проблема реформы Палаты лордов в период бюджетого кризиса 1909 года...36
Князева М. В. Становление архитектурно-строительной службы в структуре городских общественных управлений в период с 1870 по 1917 гг. (на примере города Рязани)....47
Мухинова Н. А. Начало Великой Отечественной войны в воспоминаниях заключённых исправительно-трудовых лагерей и колоний Советского Союза....54
Сафронов Б. В. Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Ханое в 2006 году....60
Козлова Т. А. Мордовский фольклор как источник изучения хозяйственной жизни этноса....66

II. ФИЛОСОФИЯ

Недугова И. А. Нелинейный уровневый подход в анализе культуры....70
Филиппов А. В. Специфика осмысления сущности истории в философии раннего христианства....77

III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Варданян Ю. В., Савинова Т. В. Проектирование и реализация технологии развития компетентности субъекта педагогического общения....83
Володарская Е. А. Психологическое изучение деятельности общества «Знание» России по популяризации науки на примере журнала «Новые Знания»....88
Фомина Н. А., Авдеев В. С. Особенности организованности студентов....98
Фомина Н. А., Алейкин А. Г. Общительность, организованность и ответственность как профессионально важные свойства личности студентов-будущих управленцев....104
Арутюнян Т. А., Фомина Н. А. Особенности общительности и тревожности необщительных подростков....111
Кустубаева А. М., Мэттьюс Дж., Джакупов С. М., Камзанова А. Т., Толегенова А. А., Жолдасова М. К. (*Казахстан, США*) Адаптация русскоязычной версии Данди стресс опросника....118
Агафонова С. В., Брюхова Н. Г. Влияние развивающейся регуляторной функции эмоционального компонента самопонимания на совершенствование принятия профессиональных решений будущими психологами....123
Василенко Т. Д. Структура жизнестойкости в ситуации хронического соматического заболевания....133
Захарик С. В., Крук В. М., Лузгин Д. А. Воздействие психотравмирующих факторов на жизнедеятельность военнослужащих в ходе выполнения боевых задач....139
Зотова О. Ю. Типология поведения личности, обусловленная восприятием социально-психологической безопасности....144
Мамедова А. В. Структура коммуникативной деятельности будущего специалиста....155
Муртазов А. К. Дополнительное интегрированное образование детей в области экологии космоса как инновационная составляющая системы общего образования....163
Новикова И. А. Индивидуально-типические особенности общительности и специфика темперамента студентов...177
Бакланова О. Э. Личностные особенности и ролевая адекватность супругов в сфере внешней привлекательности....185
Вепренцова С. Ю. Особенности воздействия на подростков опыта волонтерской работы в программе тренинга «Ровестник – ровестнику»....191
Гордеев В. В. Временное пространство волевого действия в контексте волевой системы координат....197
Долгорукова М. Ю. Суеверие как вариант обыденного знания....203
Ермолов Е. М. Образовательная среда кадетского корпуса как фактор социально-педагогической поддержки становления и развития качеств лидера воинского коллектива у кадет....209
Мяо Чунь [Miao Chun] (*КНР*). Возрастание роли нравственного воспитания студентов КНР....215
Орлова И. Н. Представления современной российской студенческой молодёжи об интимных отношениях....224
Проталинская И. В. Психологическая структура ответственности....230
Тимошина Т. А. Подходы к определению понятия «индивидуальная образовательная траектория» в педагогической науке....236
Шань Нина [Shan Nina] (*КНР*). Роль родного языка в условиях преподавания русского как иностранного....242
Юрков С. А. Педагогическая модель формирования кризисной компетенции личности будущего государственного служащего в процессе профессиональной подготовки....247

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Ельцова Л. Ф. О формировании профессиональной коммуникативной компетенции иностранных студентов в медицинском вузе....253
Предтеченская Н. В. О межкультурной коммуникации и невербальных средствах общения....258
Федотова О. С. К проблеме иерархии категорий текста....263

V. ЭКОНОМИКА

Лещев В. В. Новый подход к хеджированию опционов....269

VI. БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

Шубина О. С., Смертина Н. А., Мельникова Н. А., Лапшина М. В. Влияние минерального состава питьевой воды на строение почек и кишечника белых крыс....275
Иванов В. В. Отдалённые результаты симультанных вмешательств у пациентов с ожирением....280
Иванов Е. С., Авдеева Н. В., Кременецкая Т. В. Биоморфологическая структура флоры природного историко-архитектурного и рекреационного комплекса – усадьба «Воронцово» г. Москвы....290
Summary....297
Authors....307

РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

УДК 94(47).02+737.1
ББК 63.3(2)41+63.221(2)4+63.444(2)
Источниковедение, нумизматика, археология

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МОНЕТНЫХ КЛАДОВ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ X В. В ПООЧЬЕ

А. А. Гомзин

В статье рассматриваются клады исламских дирхамов последней четверти X в., найденные в бассейне Оки. На основе анализа хронологического и географического составов выделяются характерные особенности этих комплексов, которые отличаются от отмеченных в более ранних исследованиях. Рассмотрение причин формирования этих особенностей позволяет скорректировать реконструированную прежде картину обращения куфических монет в Поочье.

Ключевые слова
Клады куфических монет, бассейн Оки, хронологическое и географическое распределение, целые и поврежденные дирхамы, подражания, Саманиды, Бувайхиды, Зийариды

Как известно, изучение исламского монетного серебра в Восточной Европе привело исследователей к выводу о существовании на указанной территории денежных рынков, отличающихся друг от друга по хронологическому и географическому распределениям дирхамов [см., например: 31. С. 113-116; 45. С. 123; 60. С. 115-118].

Один из таких рынков 970-980-х гг. был выделен в Рязанской земле. На основании данных о составе трех Борковских кладов (1948, 1951, 1958 гг.), А. В. Фомин отмечал, что они представляют собой особый вариант комплексов куфических монет. Их характерной чертой является образование дирхамами 910-920-х гг. пика на графике хронологического распределения, что позволило исследователю выдвинуть тезис о консервации в кладах, а стало быть, и в местном денежном обращении региона 970-980-х гг., заметной доли монет конца IX – первых двух десятилетий X в. [54. С. 67, 72]. Причину этого явления при выделении его целенаправленного характера исследователь до конца не прояснил, видя ее то в сокращении ввоза монетного серебра с 930-х гг. (так называемая хронологическая лакуна), то, утверждая, в том числе и в других своих работах, что удаленность от источников поступления монетного серебра и основных торговых путей увеличивали степень консервативности хронологического состава кладов, но в то же время указывая, что «районы Поочья прекрасно связаны торговыми магистралями с волжским и донским водными путями» [50. С. 78; 53. С. 33; 54. С. 65,

67, 70-71].

Однако при более внимательном знакомстве с составом рассматриваемых кладов их тождественность по изложенному выше признаку не кажется столь уж очевидной. В комплексе 1948 г. ранняя саманидская часть представлена всего лишь двумя экземплярами 310(?) (922/923 г.) и 328 (939/940 г.) гг.х. (РИАМЗ. КП-3398/3; КП-3419/8) [подробнее о кладе: 7. С. 66; 13. С. 73-74; 23; 30. С. 84, №77; 36. С. 92, №38; 39. Л. 3, №7]. Из 20 дирхамов соответствующей выборки клада 1951 г. 10 датируются 930-ми гг., а по степени сохранности 17 экземпляров представлены фрагментами или монетами с отверстиями (РИАМЗ. КП-3419/1, 2, 4-7, 9-12, 14, 126, 138, 139, 145, 179, 184, 202, 205, 210) [подробнее о кладе: 7. С. 66; 24; 29. С. 147-148; 30. С. 84, №79; 36. С. 92, №39; 39. Л. 3, №8; 42. С. 94-96, №1877]. Все это не дает оснований считать указанные части кладов консервативной составляющей, скорее, они являются естественным сопровождением хронологически более поздних дирхамов и интенсивно использовались при различных торговых операциях. Подобная же картина, кстати, наблюдается и в двух других поокских комплексах последней четверти X в. – Сидоровском 1960 г. (РИАМЗ. КП-7075/3-8) и Белоомутском 1839 г. [подробнее о кладах: 14. С. 65; 17; 18. С. 141-142, №82; 25; 30. С. 85, №84; 34. С. 39-40, №220; 36. С. 92, №31; 39. Л. 4, №24; 56. С. 5].

Совершенно иной случай представляет Борковский комплекс 1958 г., состав которого довольно четко распадается на две части [подробнее о кладе: 7. С. 66-67; 30. С. 85, №80; 36. С. 93-94, №64; 39. Л. 3, №9]. К первой относятся 56 дирхамов, представленных саманидскими эмиссиями Исма'ила б. Ахмада-Насра б. Ахмада. Эта часть по хронологическому и географическому распределениям соответствует особенностям состава поокских кладов первой четверти X в. (РИАМЗ. КП-6185/6-61). Погодовым чеканом в ней представлены дирхамы 293-302 гг.х. (905-915 гг.) с пиком, приходящимся на монеты 299 г.х. (911/912 г.). Набор мест чеканки так же традиционен для начала столетия и представлен дирхамами Шаша (40 экземпляров), которые преобладают, Самарканда (18 экземпляров) и Андарабы (семь экземпляров) с незначительной примесью монет Балха (один экземпляр) и Нисабура (два экземпляра). При этом подавляющее большинство экземпляров имеет хорошую сохранность, что свидетельствует о малой степени интенсивности их использования.

Вторая же часть клада обнаруживает вполне явное тождество с комплексами последней четверти X в. Хронологическое распределение кладов этой группы не столь компактно и цепочки погодового чекана дирхамов не так велики по сравнению с комплексами начала века, а экстремумы в них выражены значительно слабее, в некоторых случаях они вообще не выделяются. В кладе 1958 г. четко прослеживается и такая специфическая черта среднеокских комплексов этого времени как примерное равенство количества дирхамов Шаша и Самарканда (22 и 19 экземпляров соответственно), при их преобладании над монетами других мест чеканки.

Все это предполагает два варианта интерпретации состава рассматриваемого Борковского клада. Первый – в один комплекс были слиты два разных клада, соответственно первой и последней четвертей X в., что нельзя исключать, поскольку монеты были найдены и принесены в музей детьми. К тому же музейный отчет зафиксировал в кладе 870 дирхамов, хотя по акту поступления было принято 152 монеты, отсюда возникают вопросы о судьбе остальных экземпляров и их выпускных данных [41. Л. 13]. Кроме того, при визуальном осмотре сосуда, в котором якобы находились дирхамы, возникают сомнения в том, что туда могли поместиться хотя бы те же 152 монеты, так невелик

он по своим размерам. Второй – следует отчасти признать правоту А. В. Фомина и согласиться с тем, что явление целенаправленного сохранения дирхамов конца IX – начала X в., поступивших в первой четверти X в., до конца этого же столетия в отдельных регионах Восточной Европы и в Поочье, в частности, могло иметь место.

Для проверки первого варианта были измерены объем внутреннего пространства сосуда (сумма объемов цилиндра и двух усеченных конусов) и суммарный объем 149 монет клада (три экземпляра, хранящиеся вместе с дирхамами комплекса имеют иное происхождение). Первый показатель составил 136,855 см3, второй – 72,912 см3. Такое соотношение чисел оставляет достаточно места на пустое пространство между монетами, поскольку ясно, что они не могли прилегать друг к другу без зазоров. Оно же наглядно свидетельствует, что 152 дирхама вполне умещаются в рассматриваемый сосуд, чего явно не сказать о 870 монетах. Это позволяет отбросить версию о смешении двух разновременных кладов и признать происхождение и размеры комплекса 1958 г. вполне достоверными.

Однако отказ от первого варианта интерпретации вовсе не означает признания второго. В понимании природы происхождения ранней части анализируемого Борковского клада способен помочь Савковский комплекс 1924 г. Последний клад сформировался позднее всех остальных упоминаемых в данной работе поокских комплексов последней четверти X в. Его младшая монета выпущена одним из бувайхидских амиров в 386 г.х. (996/997 г.). Время сложения наложило отпечаток и на весь состав клада. Дирхамы Саманидов в нем по-прежнему преобладают, но совершенно незначительно, и уже уступают сумме монет Бувайхидов и Зийаридов (МИХМ. М-8424/1-123) [подробнее о кладе: 4. С. 131; 30. С. 79, №13; 36. С. 91, №6; 48. С. 290, №19].

Попутно отметим, что тенденция изменения степени соотношения дирхамов в династическом распределении кладов сохранилась и в начале XI в. Комплексы Поочья этого времени изучены недостаточно, во многом в силу времени и обстоятельств их обнаружения – Коростовский, 1891 г.; клад между селами Гавриловское и Селезенево, 1905 г. – но говорить о незначительном преобладании саманидских монет в них вполне возможно [9. С. 225, 227; 16. С. 617; 27. С. 105, №64; 36. С. 92, №34, С. 312, №1; 39. Л. 4, №19, Л. 5, №1; 49. С. 7; 56. С. 4; 57. С. 1-2, 5, табл.I; 58. С. 60, 66, 71; 59. С. 67-68; 60. С. 128, 131; 61. С. 127-128, №2]. Для сравнения, клады этого периода с территории Волжской Булгарии поменяли свой династический состав более радикально. В них доминируют дирхамы Ма'мунидов, присутствуют монеты Караханидов и Симджуридов, а эмиссии Саманидов по количеству уступают бувайхидским или зийаридским выпускам [см., например: 2. С. 71-72; 3. С. 64-65; 20. С. 64-65].

Изменение соотношений в династическом составе Савковского клада естественным образом повлияло и на географическое распределение его дирхамов. Монеты, чеканенные в Мавара'аннахре и Тохаристане (аш-Шаш, Самарканд, Бухара, Андараба), чье присутствие в комплексах последней четверти X в. можно считать традиционным, фактически сравнялись с дирхамами, выпущенными в Табаристане и Джурджане (Амул, Астарабад, Сарийа, Джурджан), а в сумме и несколько уступили последним – 33 и 35 экземпляров соответственно. В хронологическом же отношении основная масса саманидских монет несет даты до 370 г.х. (980/981 г.) включительно, только два дирхама отчеканены в 378 г.х. (988/989 г.) и 379 г.х. (989/990 г.) в Шаше и Андарабе соответственно. Подавляющее большинство монет Бувайхидов и Зийаридов выпущено до 373 г.х. (983/984 г.) включительно. Лишь один бувайхидский экземпляр, являющий-

ся младшим в кладе, отчеканен в 386 г.х. (996/997 г.) с лакабом Баха' ад-даула.

Малочисленность дирхамов 370-380-х гг.х. в данном случае вполне можно объяснить политическим крахом государства Саманидов, выразившимся в неудачном противостоянии вместе с Зийаридами Бувайхидам в Джурджане, действиями Симджуридов и других саманидских сановников в Хорасане и потере в течение 380-гг.х. почти всего Мавара'аннахра в борьбе с Караханидами, что повлияло на объем притока монет в Восточную Европу [3. С. 65; 28. С. 149-151, 153-159; 47. С. 27-30].

Ранняя саманидская часть Савковского клада не так велика (16 дирхамов), как в Борковском комплексе 1958 г. Однако 10 экземпляров при этом не имеют никаких повреждений, или они крайне незначительны, что указывает на невысокую степень интенсивности их использования. Набор мест чеканки так же традиционен, хотя и слабо выделяется количественно. Отсутствуют только дирхамы Балха и изменено соотношение остальных монет – доминируют выпуски Самарканда (шесть экземпляров), а эмиссии Шаша и Андарабы сравнялись между собой (по три экземпляра).

Удивляет лишь одно обстоятельство: наличие в выборке трех дирхамов Нисабура 313 (925/926 г.), 323 (934/935 г.) и 324 гг.х. (935/936 г.) хорошей сохранности, отлично оформленных и читаемых и только что не обладающих монетным блеском. Такого количества монет этого города можно было бы ожидать, если бы речь шла либо о кладах начала X в., например, Казарском или Лужковском, либо о комплексе последней четверти того же столетия типа Борковского 1958 г., где ранние саманидские дирхамы других мест чеканки (Шаша, Самарканда, Андарабы) представлены значительно большим числом, о чем уже упоминалось выше.

Однако столь явному несоответствию возможно найти вполне допустимое объяснение, если обратить внимание на географическое распределение дирхамов Савковского клада. Комплекс сформировался, в основном, из монет четырех областей – Мавара'аннахра с Тохаристаном и Табаристана с Джурджаном. К последним тяготеет еще несколько экземпляров, выпущенных в соседних Джибале и Фарсе. Сюда же примыкает и часть земель Хорасана с Нисабуром, имевшая тесные торговые связи с прикаспийскими областями [47. С. 41-42; 45-46]. Это обстоятельство и способно объяснить наличие в кладе трех нисабурских дирхамов, ведь вероятность их попадания в комплекс в месте чеканки или поблизости несравненно выше возможности их отложения в удаленных землях Поочья, особенно учитывая номенклатуру географического распределения монет начала X в.

Сделанное наблюдение дает основания полагать, что и в целом почти весь объем ранней саманидской части таких кладов как Савковский или Борковский 1958 г. формировался еще до их попадания в земли Поочья. Этому не противоречат и особенности обращения серебряных дирхамов в Средней Азии и Восточной Европе в саманидское время.

В Мавара'аннахре примерно до середины X в. дирхамы исма'или во внутреннем обращении имели ограниченное применение, поскольку основная их масса уходила на нужды внешней торговли. Тем не менее, они известны по находкам в Средней Азии и письменным источникам, последние называют еще и фрагментированные дирхамы, обращавшиеся в Самарканде и Хорезме [19. С. 111, 114-115, 118; 26. С. 218-219; 44. С. 56]. Расширение весового ремедиума, отказ от юстировки монет во второй половине правления Насра б. Ахмада и, что более важно, снижение указной пробы дирхамов и увеличение ее отклонений от нормы при Нухе б. Насре и далее при его преемниках, естественно, не остались незамеченными. Увеличение

лигатуры в монетном сплаве снижало его пластичность, в какой-то степени влияло на качество чеканки и внешний вид монет [19. С. 114-116, 118; 43. С. 208-209; 60. С. 134].

В Восточной Европе на рубеже IX-X вв. произошли серьезные изменения в путях поступления и структуре потока исламского монетного серебра. Сокращение притока дирхамов по водной системе Дона, особенно усилившееся в последнем двадцатилетии IX в., с начала X столетия постепенно стало компенсироваться саманидскими монетами, попадавшими в регион преимущественно по волжскому пути. Начиная с 910-х гг. высококачественные серебряные дирхамы Саманидов стали составлять большинство в кладах. В Среднем Поочье они получили более широкое распространение уже в 900-е гг. Здесь наряду с типичным восточноевропейским комплексом самого начала столетия из д. Одинцово Ясногорского района Тульской области (младшая монета 291 г.х. (903/904 г.)), представляющим группу кладов с преобладанием монет Аббасидов или их долей в 12-35%, известен комплекс у оз. Казарское Рязанского уезда Рязанской губернии (младшая монета 296 г.х. (908/909 г.)), где на саманидские дирхамы приходится уже 86,84% всего объема, а аббасидские составили лишь 5,26% [10. С. 169-176; 11. С. 58-60; 12. С. 252-253, 257-259, 261-262, 267; 15. С. 58-60; 30. С. 85-86, №81, 98; 31. С. 113; 33. С. 5-6; 35. С. 30; 36. С. 93, №46; 60. С. 107, 116, 118-122; 62. С. 161-163].

Не все восточноевропейские рынки в 930-940-е гг. прореагировали на ухудшение качества среднеазиатских дирхамов. Часть регионов продолжила их получать, в других же, в том числе и в Поочье, их поступление полностью или частично прекратилось [51. С. 135; 54. С. 66-67, 70-72; 55. С. 188-192]. Детально реконструировать этот процесс в настоящее время вряд ли возможно, однако взаимосвязь ухудшения качества дирхамов с сокращением их притока кажется вполне вероятной. При этом не совсем логичным и продуманным выглядит постулируемый иногда исследователями отказ от поштучного приема дирхамов и превращение их в обломки, что само по себе вообще-то ничего не дает, так как качество металла от фрагментирования монет не улучшится [51. С. 134; 60. С. 134-135]. Такая ответная реакция представляется более применимой для Средней Азии, где при существовании курсового отношения между различными видами дирхамов (исма'или, гитрифи, мусайаби, мухаммади) могли контролировать пробу серебра и заниматься его очисткой [19. С. 112-118, 131].

В Восточной Европе, где дирхамы любого качества использовались не только как средство торговли, но и металлическое сырье, способы определения пробы металла окончательно и достоверно не установлены [22. С. 16-17; 40. С. 143, 167]. Выдвигаемые предположения о взаимосвязи пробы с цветом, пластичностью или внутренней структурой монетной пластины, которую видно при фрагментировании, позволяют сделать это лишь примерно и содержат большую вероятность ошибки [43. С. 200-202, 208-209]. Отсюда следует, скорее, предполагать не исключительный переход к весовому приему куфических монет, который в идеале подразумевает наличие в регионе развитой системы счетно-весовых понятий, убедительно реконструировать каковую для разных областей Восточной Европы пока почему-то не удалось, а изменение цен приобретаемых на дирхамы товаров.

В 950-е гг. приток куфических монет в Восточную Европу продолжается. В Поочье известно три клада этого времени – у п. Красный Яр Спасского района Рязанской области (РИАМЗ. НВ-3436), с. Туро-во Серпуховского района Московской области и д. Рядово Перемышльского района Калужской области [12. С. 267; 46. С.

194-195, здесь комплекс случайно объединен авторами с более ранним кладом с того же поселения].

Однако период хронологической лакуны, в Поочье приходящийся на 930-940-е гг., вовсе не означает отсутствия находок куфических монет. К этому промежутку относится группа кладов, где существенный процент или вообще большинство составляют характерные подражания дирхамам, а незначительные выборки саманидских монет младшими имеют экземпляры, отчеканенные в 310 – самом начале 330-х гг.х. [52. С. 193, 195].

Местом производства указанных подражаний традиционно считаются либо Хазарский каганат, либо Волжская Булгария [32. С. 61-63; 38. С. 59-60; 52. С. 187-188, 196-197]. Окончательно решить этот вопрос будет возможно только при проведении поштемпельного и палеографического анализов с учетом топографического и хронологического распределений и публикаций изображений максимально возможного числа этих монет, чего пока так явно не хватает отечественной нумизматической литературе [32. С. 62; 52. С. 187-188].

В Поочье отмеченная группа кладов представлена комплексами с поселения у с. Турово Серпуховского района Московской области, г. Мурома 1868 г. и Моршанского района Тамбовской области [1. С. 569-572; 12. С. 267; 29. С. 147; 34. С. 5-6, №28; 36. С. 91, №9; 46. С. 194-195].

Как свидетельствует состав кладов периода хронологической лакуны, подражания в комплексах этого времени в ряде случаев заняли место саманидских дирхамов. Они, собственно, и копируют, порой весьма достоверно, монеты Исма'ила б. Ахмада-Насра б. Ахмада. Цвет и физическое состояние их монетных пластин производят вполне благоприятное впечатление и, видимо, должны были создавать у владельцев уверенность в хорошем качестве, высокопробности, металла. К сожалению, опубликованных данных о пробировании рассматриваемых подражаний автору не встретилось.

В отличие от раннесаманидских дирхамов и их имитаций значительная часть новых среднеазиатских монет имела так называемые рваные края в виде утраты небольших секторов, порой с маленькими центростремительными трещинками. К примеру, из 16 относящихся к Борковскому кладу 1948 г. дирхамов Насра б. Ахмада-Мансура б. Нуха такие повреждения имеют 12 экземпляров. В Сидоровском комплексе подобных дирхамов половина от общего количества. Какой-то процент этих дефектов, возможно, появился при чеканке из-за изменений в составе металла, что, конечно, требует обстоятельной проверки, остальная же часть – результат надрубки или надрезки, о чем свидетельствуют характерно деформированные края монетных пластин в местах повреждений. Рассмотрение предназначения этого вида целенаправленных деформаций остается за рамками данной работы.

Насколько масштабны, скоротечны и очевидны были перемены в чеканке дирхамов исма'или, или же свою роль сыграл и чисто психологический момент, когда изменения во внешнем облике монет естественным образом наводили на мысль об ухудшении их качества, и существовала ли связь между отказом от приема новых дирхамов и появлением большого количества подражаний, реально установить только при проведении специального исследования. Но как бы-то ни было, помещенный здесь экскурс в историю обращения куфических монет в Восточной Европе и Поочье заставляет полагать, что в изучаемом регионе, несмотря на интенсивный приток раннесаманидских дирхамов, серьезных запасов этих доброкачественных монет, которые еще 10-20 лет после сокращения их поступления сберегались бы от использования в качестве сырья и при торговле, создано не было. В противном случае явление, которому посвящена данная ра-

бота, наблюдалось бы и в комплексах периода хронологической лакуны, и мы бы не имели в таких кладах подражания в качестве доминирующей монеты. Показательно, кстати, что даже из 31 сохранившегося в музее дирхама Муромского комплекса 18 отчеканены при Насре б. Ахмаде, в основном, в 310-320-е гг.х. Монет Исма'ила б. Ахмада и Ахмада б. Исма'ила в этой выборке нет совсем; четыре дирхама являются подражаниями опять-таки монетам Насра; пять относятся к эмиссиям Аббасидов VIII в. и четыре не определены (дирхамы экспонируются, и их атрибуция производилась через стекло витрин, что, естественно, не позволило получить всей необходимой информации о выпускных сведениях, поскольку одна из сторон каждого экземпляра была недоступна для осмотра) [37. С.77-78, М10269].

В Средней Азии рассматриваемые изменения в денежном производстве, обычно связываемые исследователями с проявлением серебряного кризиса на Востоке, привели к чеканке мультидирхамов или тяжелых дирхамов, порой весьма низкопробных [см., например: 19. С. 130-131; 26. С. 219-220; 63. P. 66-67; 64. P. 5-7]. Расширилась и сфера внутригородского и внутригосударственного применения монет исма'или, стала развиваться практика их весового приема [19. С. 114; 26. С. 220; 64. P. 5-6].

В этих условиях подборка и сохранение кем-либо из среднеазиатских купцов качественных дирхамов рубежа IX-X вв. выглядят достаточно логичными и обоснованными, поскольку вполне были способны упростить и принести более весомую прибыль в торговых операциях с поволжскими и восточноевропейскими контрагентами. Естественно, так как фонд этой «ранней» монетной массы в основном своем объеме был уже исчерпан, то явление, именуемое А.В. Фоминым «консервативностью», рельефно проявляется и встречается не так уж часто. Поэтому, видимо, не случайно и его обнаружение практически в самом начале распространения одного из потоков исламского монетного серебра в Восточной Европе. Могли такой же отбор кроме Средней Азии проводиться где-нибудь на территории Волжской Булгарии или Хазарского каганата, в настоящее время установить не представляется возможным из-за отсутствия данных.

Вместе с тем, не стоит думать, что в Поочье или где-то еще на территории Восточной Европы раннесаманидские дирхамы до конца X в. не могли сохраняться совсем. Такое однозначное предположение можно опровергнуть с помощью двух монет из состава всё того же Борковского клада 1958 г. Данные дирхамы отчеканены при Исма'иле б. Ахмаде и Ахмаде б. Исма'иле в Шаше в 28х г.х. и Андарабе в 299 г.х. (911/912 г.) соответственно (Илл.2, 4, 7). Они имеют сложную совокупность повреждений монетных пластин (РИАМЗ. КП-6185/22, 33).

Первоначально оба экземпляра получили по характерному набору из двух отверстий, расположенных рядом друг с другом. Затем на о.с. первой монеты было нанесено предметное граффито [8. С. 184-185]. После этого к дирхаму между отверстиями было прикреплено ушко. Последовательность повреждений в данном случае подтверждается тем, что на образовавшиеся у отверстий закраины металла попала часть нанесенного граффито. Крепеж ушка деформировал край монетной пластины и оба отверстия, а окисел от него частично заполнил процарапанные линии изображения.

Второй экземпляр тоже получил ушко и еще два отверстия разного диаметра; одно из них или оба могли предназначаться для заклепки ушка, поскольку расположены практически по центру продольной оси деформированного края монеты. Естественно, что при этих действиях первоначальный набор из расположенных рядом отверстий тоже деформировался.

В дальнейшем ушки по каким-то причинам не устроили владельца Борковского клада или кого-то из предшествующих собственников монет, и их сняли, придав дирхамам более привычный вид. Случайный характер их утраты не подтверждается; на монетах нет никаких следов, свидетельствующих в пользу такого предположения.

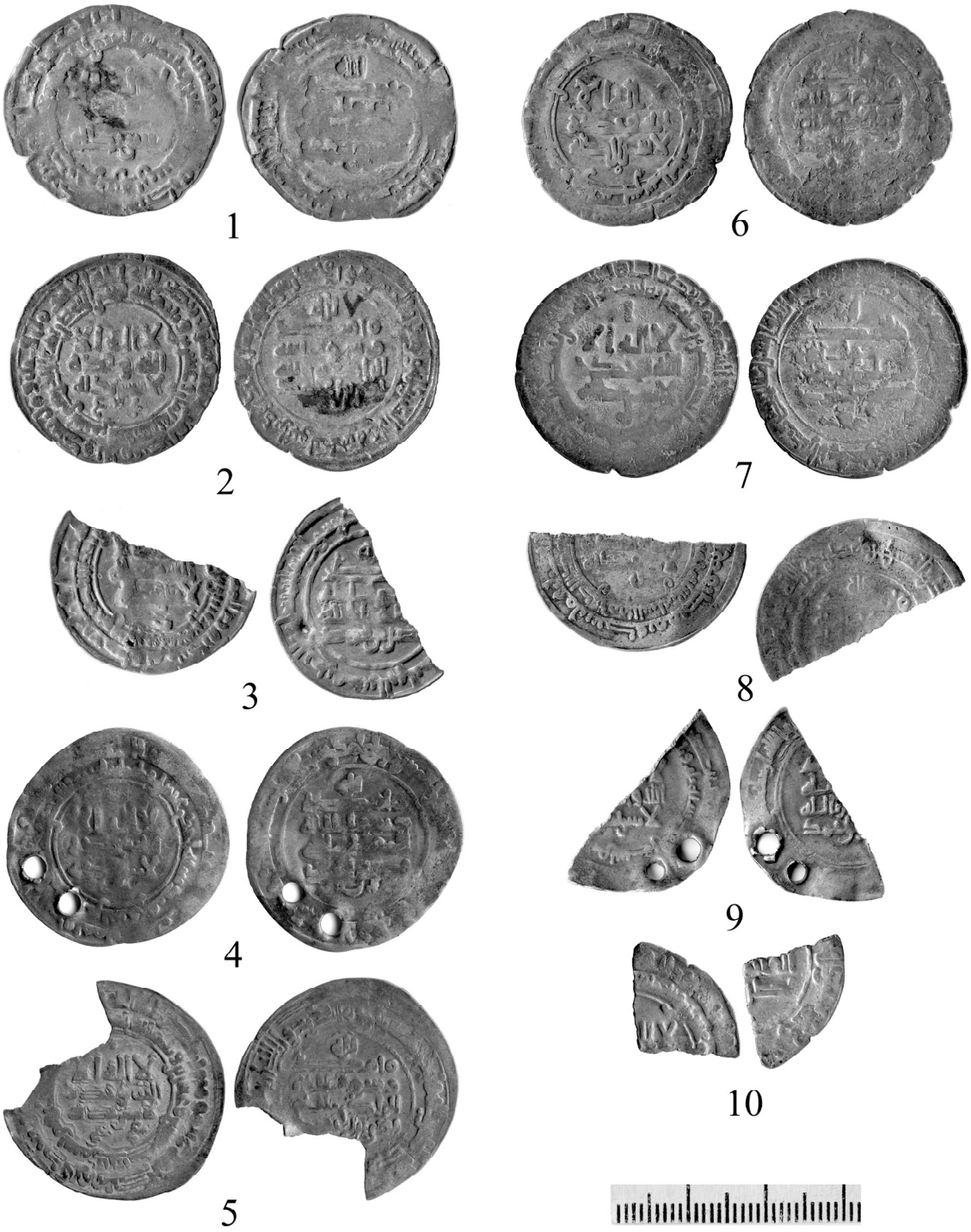
Вся эта совокупность повреждений имеет ряд территориальных и хронологических привязок, который свидетельствует, что монеты вскоре после своего изготовления могли довольно длительный срок перемещаться по различным землям Восточной Европы. Два расположенных близко отверстия, представляющих так называемый набор «два отверстия рядом», есть основания связывать с финно-угорским населением Нижнего Поочья и Поволжья. Наибольшее количество дирхамов с таким набором наблюдается в комплексах конца IX – начала X в., а в целом такие повреждения встречаются на монетах II-IV вв.х., входящих в состав кладов второй половины IX – начала XI в. [6. С. 33-35; 11. С. 59].

Ушки на куфических монетах в бассейне Оки практически неизвестны, они характерны для расположенных западнее и севернее древнерусских земель. Более того, в Поочье зафиксированы три случая целенаправленного избавления от ушек – два уже упоминавшихся в Борковском кладе 1958 г. и один в Колодезском комплексе XI в. [5. С. 92, №493]. С военно-дружинной средой и, возможно, более северными и западными регионами следует связывать и упомянутое здесь предметное граффито, поскольку имеющиеся в настоящее время сведения об этнической ситуации в Среднем Поочье и семантика изображения не позволяют считать его местным [12. С. 260-261; 21. С. 51-53, 75-76].

В целом рассмотренная совокупность повреждений наглядно свидетельствует о перемещении данных монет по внутренним торговым путям Восточной Европы и указывает на нетранзитный характер этого движения. Судя по всему, такую же историю имеет часть саманидских дирхамов до 331 г.х. в других комплексах Поочья – Борковском 1951 г., Белоомутском и Сидоровском, о чем уже упоминалось в начале работы, только по их деформациям это пока невозможно проследить.

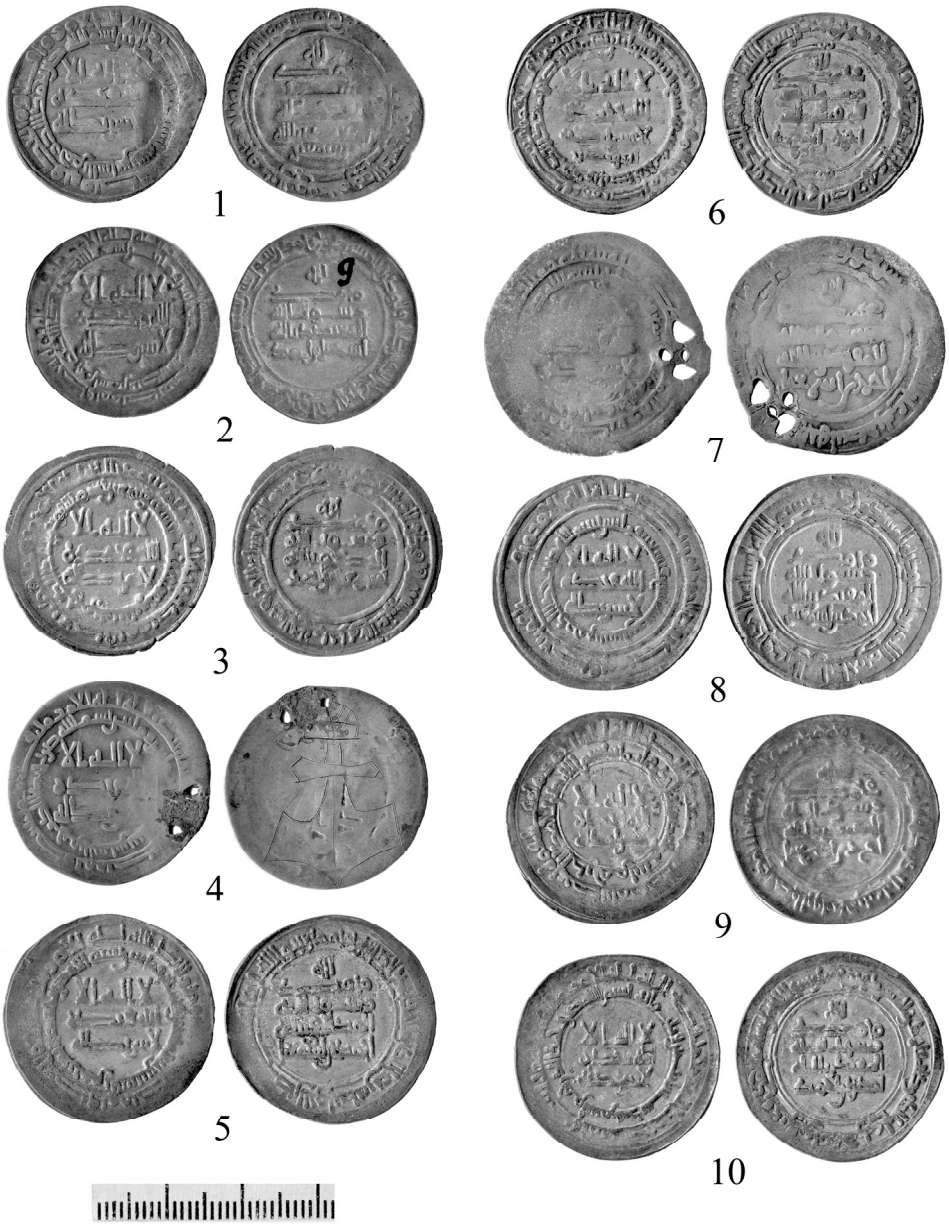
Все изложенное выше дает основания полагать, что раннесаманидские части кладов последней четверти X в., Борковского 1958 г. и Савковского, состоящие из монет отличной сохранности, сформировались где-то на территории государства-эмитента до их попадания в Поочье. Появление таких выборок можно связать с особенностями развития чеканки и обращения дирхамов исма'или в Средней Азии и Восточной Европе.

Вместе с тем очевидно, что некоторое количество ранних серебряных монет Саманидов все же сохранилось в Восточной Европе до конца X столетия, однако выделение их весьма проблематично. К числу таковых, видимо, следует относить дирхамы с отверстиями, во всяком случае, с характерным набором «два отверстия рядом». Активное использование местным населением этих монет, естественно, повлияло на степень их сохранности. Нельзя исключать и того, что в большинстве, если не во всех, рассмотренных здесь кладах Поочья раннесаманидские части формировались двумя способами: целенаправленно подбирались в местах чеканки и/или поблизости от них и сохранились в восточноевропейских землях. Понятно, что в разных комплексах соотношение монет этих двух выборок и их доля в сравнении с более поздними дирхамами в силу проявленной энергии и «удачливости» в получении качественных экземпляров всех владельцев, через руки которых они прошли, оказалось различным. Ясно, что более всего бросаются в глаза и рельефно выглядят те клады, где количество дирхамов первой выборки весьма существенно.



Илл. 1. Саманидские дирхамы Борковских кладов 1948 г. (1-2) и 1951 г. (3-10):

1 – Наср б. Ахмад, Фарван, 310(?) г.х. (РИАМЗ. КП-3398/3); 2 – Наср б. Ахмад, Самарканд, 328 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/8); 3 – Наср б. Ахмад, Балх, 322 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/2); 4 – Наср б. Ахмад, Самарканд, 311 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/5); 5 – Наср б. Ахмад, Самарканд, 327 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/7); 6 – Наср б. Ахмад, аш-Шаш, 323 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/9); 7 – Наср б. Ахмад, аш-Шаш, 321 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/139); 8 – Исма'ил б. Ахмад, аш-Шаш, 285 или 295 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/179); 9 – Наср б. Ахмад, Самарканд, 303 г.х. (РИАМЗ. КП-3419/202); 10 – Наср б. Ахмад, место чеканки не установлено, 32х г.х., с именем халифа ал-Кахира (РИАМЗ. КП-3419/210).



Илл.2. Саманидские дирхамы Борковского клада 1958 г.:

1 - Исма'ил б. Ахмад, аш-Шаш, 282 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/13); 2 - Исма'ил б. Ахмад, Самарканд, 286 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/9); 3 - Исма'ил б. Ахмад, Нисабур, 293 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/30); 4 - Исма'ил б. Ахмад, аш-Шаш, 28х г.х. (РИАМЗ. КП-6185/22); 5 - Ахмад б. Исма'ил, аш-Шаш, 295 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/46); 6 - Ахмад б. Исма'ил, Андараба, 299 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/32); 7 - Ахмад б. Исма'ил, Андараба, 299 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/33); 8 - Ахмад б. Исма'ил, Нисабур, 299 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/61); 9 - Ахмад б. Исма'ил, Самарканд, 301 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/41); 10 - Наср б. Ахмад, Самарканд, 302 г.х. (РИАМЗ. КП-6185/63).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев С. И., Лебедев В. П., Пачкалов А. В. Новые находки арабских дирхемов в Тамбовской области // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7. Хазарское время. – Донецк, 2009.

2. Беговатов Е. А. Билярский клад куфических монет конца X – начала XI в. // Одиннадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003.

3. Беговатов Е. А. Дирхемы Симджуридов из Билярского клада рубежа X-XI в. // Двенадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2004.

4. Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). – М., 2005.

5. Беляков А. С., Янина С. А. Колодезский клад куфических и западноевропейских серебряных монет 60-х годов XI в. // НС ГИМ. – Ч. 5. – Вып. 2. – М., 1977.

6. Вячин А. А., Гомзин А. А. Куфические монеты из погребений Крюковско-Кужновского могильника (раскопки П. П. Иванова 1933-1936 гг.) // Труды РИО. – Вып. V. – Рязань, 2008.

7. Гомзин А. А. Борковские клады куфических монет // Девятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001.

8. Гомзин А. А. Граффити на арабских дирхемах из кладов, найденных в Рязанской области // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 2. – Рязань, 2001.

9. Гомзин А.А. Коллекция восточных монет Рязанской губернской ученой архивной комиссии // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 3. – Рязань, 2002.

10. Гомзин А.А. Материалы к истории обнаружения и реконструкции состава клада куфических монет, найденного близ озера Казарское в 1928 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. – Т. 4. – Рязань, 2003.

11. Гомзин А. А. К характеристике рынка восточного монетного серебра в Окско-Донском междуречье на рубеже IX-X вв. // Двенадцатая ВНК. Тез. докл. и сообщ. – М., 2004.

12. Гомзин А. А. Об особенностях топографии находок куфических монет VIII-IX вв. в восточной части Среднего Поочья // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). – Рязань, 2006.

13. Гомзин А. А. Клад куфических монет 1948 г. из с. Борки // Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур (к 770-летию трагедии Старой Рязани). Тез. докл. полевого историко-археолог. семинара. – М., 2007.

14. Гомзин А. А. Куфические монеты в Рязанской губернии (заметки о находках XIX в.) // Пятнадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2009.

15. Гомзин А. А., Шагурина Г. Б. Дубровичский клад: к истории обнаружения и реконструкции состава // Десятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002.

16. Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // ТРАС XII. – Т. 1. – М., 1905.

17. Григорьев В. В. Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии в 1839 г. – СПб., 1841.

18. Григорьев В. В. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источник для древнейшей отечественной истории // ЗООИД. – Т. I. – Одесса, 1844.

19. Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // НЭ. – Т. VI. – М., 1966.

20. Добровольский И. Г. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещеный Баран) в Татарстане. Новые данные // Девятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001.

21. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. – Л., 1991.

22. Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г. «От Грек злато … из Чех же, из Угорь сребро» (Пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX-XI вв.) // Русь в IX-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М., 2005.

23. Зубков В. И. Клад арабских монет // Сталинское знамя. – 1948. – 9 мая.

24. Зубков В. И. Найден клад арабских монет // Сталинское знамя. – 1951. – 21 октября.

25. Зубков В. И. Лиса нашла клад // Приокская правда. – 1960. – 12 июня.

26. Калинин В. А., Петров П. Н. Клад позднесаманидских дирхемов из Туркменистана // ДПДР. – Вып. III. – М., 2000.

27. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX-XIII вв. – М.; Л., 1954.

28. Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209 гг.). – Ч. I. Источниковедческое исследование. – М., 2006.

29. Кропоткин В. В. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. – М., 1970.

30. Кропоткин В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. – Т. IX. – М., 1971.

31. Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. – М., 1978.

32. Леймус И. Монеты Волжской Болгарии в эстонских находках // Тринадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2005.

33. Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. – Вып. 183. – М., 1986.

34. Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб., 1910.

35. Молчанов А. А., Щёкин В. П. Два клада куфических монет из фондов Серпуховского музея // Пятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1997.

36. Монгайт А. Л. Рязанская земля. – М., 1961.

37. МИХМ. – Инвентарная книга №4.

38. Мухаметшин Д. Г. Типология подражаний куфическим дирхемам // Восьмая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2000.

39. НАРМ. – №2066.

40. Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX-X вв. // ДГВЕ. Материалы и исследования. – 1991 год. – М., 1994.

41. Отчет о работе Ряз. обл. краевед. музея за 1958 год // ГАРО. Ф.Р-3611.Оп.7. Д.153.

42. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. – Вып.VII. – Баку, 1957.

43. Петров П. Н. Клад дирхемов X века Безымянный-2 // ДПДР. – Вып. III. – М., 2000.

44. Розен В. Р. Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана // ЗВОИРАО. – Т. XV. – Вып. II-III. – СПб., 1904.

45. Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // НЭ. – Т. V. – М., 1965.

46. Селезнёв А. Б., Осипов И. Н. Нумизматические находки VIII-XVII вв. на территории Серпуховского района Московской области (хронология и топография) // Десятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002.

47. Тизенгаузен В. Г. О саманидских монетах // ЗАО. – Т. VI. – СПб., 1855.

48. Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920-1925 гг. // СГАИМК. – Т. I. – Л., 1926.

49. Фёдоров А. Ф. Монетные клады Рязанской губернии. – Спасск, 1928.

50. Фомин А. В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX-X вв. // ВИД. – Т. XIV. – Л., 1983.

51. Фомин А. В. Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X - начале XI в. // НЭ. – Т. XIV. – М., 1984.

52. Фомин А. В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X

в. // СА. – 1988. – №4.

53. Фомин А. В. Новгородские клады куфических монет X в. // Нумизматика, бонистика, фалеристика. Исследования и материалы. – М., 1992.

54. Фомин А. В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70-80-х годах X в. // ДГВЕ. Материалы и исследования. 1992-1993 годы. – М., 1995.

55. Фомин А. В., 1996. Куфические монеты Гнездовского клада // ДГВЕ. 1994 г. Новое в нумизматике. – М., 1996.

56. Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. – Рязань, 1892.

57. Черепнин А. И. Коростовский клад. – Рязань, 1892.

58. Черепнин А. И. О гривенной денежной системе по древним кладам. – М., 1900.

59. Шагурина Г. Б. Еще раз о несуществовавших кладах // Девятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001.

60. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М., 1956.

61. Янюшкина (Глазунова) Е. В. Рязанские клады со слитками // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. – Ч. XIV. – М., 2001.

62. Kovalev R. K. Клад дирхамов 913/14 гг. из деревни Пальцево Тверской губернии / / Клады: состав, хронология, интерпретация. М-лы тематич. науч. конф. – СПб., 2002.

63. Broome M. A Handbook of Islamic Coins. – London, 1985.

64. Mitchiner M. The Multiple Dirhems of Medieval Afghanistan. – London, 1973.

Сокращения

в. – век
вв. – века
вв.х. – века хиджры
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
г. – год, город
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
гг. – годы
ГИМ – Государственный Исторический музей
г.х. – год хиджры
гг.х. – годы хиджры
д. – деревня
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы
ДПДР – Древности Поволжья и других регионов
ЗАО – Записки Императорского Археологического общества
ЗВОИРАО – Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Российской Академии Наук
МИХМ – Муромский историко-художественный музей
НАРМ – Научный архив Рязанского музея
НС ГИМ – Нумизматический сборник Государственного Исторического музея
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
оз. – озеро
п. – поселок
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РИО – Рязанское историческое общество
с. – село
СА – Советская археология
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТРАС XII – Труды XII Археологического съезда

РЯЗАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(47).03
ББК 63.214-1+63.3(2)42
Отечественная история, генеалогия правящих династий

СИСТЕМА МЕЖКНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКИХ КНЯЖЕСТВАХ ПЕРЕД КУЛИКОВСКОЙ БИТВОЙ (1340 – 1380 гг.) [Часть 15]

И. Ж. Рындин

Рассмотрение политической ситуации на Руси в правление наследников Ивана Калиты – его сыновей, Семена Гордого, Ивана Красного, и внука, Дмитрия Донского. Анализ причин закрепления великокняжеского престола за членами Московского княжеского Дома в период упадка Золотой Орды. Поэтапное рассмотрение процесса консолидации русских князей перед Куликовской битвой.

Ключевые слова
Ханский ярлык, великое княжение, княжеская корпорация, великокняжеский домен, Московский княжеский Дом, смоленско-брянская конфедерация, коллективный суверенитет

К моменту вокняжения на великом столе владимирском Семена Ивановича Гордого самым старшим в роде русских князей был суздальско-нижегородский князь Константин Васильевич (ум. в 1355 г.).

За ним следовал тверской князь Константин Михайлович Тверской (ум. в 1345 г.). Затем по старшинству шел его брат Василий Михайлович Кашинский (ум. в 1368 г.). Их племянники – дети казненного в 1339 г. в Орде великого князя Александра Михайловича – разделили волость отца между собой: Всеволод получил Холм, Михаил – Микулин, Владимир и Андрей – Зубцов [1. С. 195]. Старший сын Александра – Лев (род. в 1321 г.), умер в детстве. Следующий по старшинству, Федор, был казнен вместе с отцом в Орде. А. Е. Пресняков полагает, что из-за малолетства остальных сыновей Александра Михайловича Тверское княжество было нераздельным вплоть до 1360 г. [2. С. 138]. А. В. Экземплярский считает, что в 1339 г. уделы (Холм и Микулин) получили только старшие сыновья Александра (Всеволод и Михаил), Владимир и Андрей остались без уделов [3. С. 53]. Если же все же предположить, что им были выделены какие-либо уделы, то ими могли быть Зубцов и Городеск (Старица). Однако, под 1358 г. у В. Н. Татищева Михаил Александрович назван князем городенским. В таком случае можно предположить, что распределение уделов между Александровичами не было единовременным и в дальнейшем их владения перераспределялись.

За Константином Тверским и Василием Кашинским по старшинству следовал Иван Ярославич Юрьев-Польский, год смерти которого неизвестен. Ему наследовал сын Ярослав [4. С. 130].

В следующем колене находились московские князья: великий князь Семен Иванович Гордый, его братья: Иван Красный Звенигородский и Андрей Серпуховской. Таким образом, если бы власть в русских княжествах передавалась по родовому праву, а татарские ханы ее лишь бы утверждали, то Ивану Калите должны были бы наследовать: Константин Суздальский (ум. в 1355 г.), Константин Тверской (ум. в 1345 г.) или Василий Кашинский (ум. в 1368 г.), приходившиеся дядьями его сыновьям.

После московских князей по старшинству следовал галич-мерский князь Иван Федорович (ум. в 1354 г.) с двоюродным братом Дмитрием Борисовичем Дмитровским (ум. после 1363 г.). За которыми шли упомянутые выше сыновья Александра Михайловича Тверского. Самую младшую ветвь представляли сыновья казненного в 1330 г. стародубского князя Федора Ивановича – Дмитрий (ум. в 1355 г.), Иван и Андрей. Считается, что стародубским князем был старший Дмитрий, об уделах остальных братьев ничего не известно [9. С. 38-39].

Очевидно, что вышеперечисленные князья были хорошо осведомлены о расположении хана Узбека к Ивану Калите и даже не думали оспаривать право на великое княжение у своих племянников.

Ростовский князь Константин Васильевич (ум. в 1365 г.) находился уже в следующем колене и приходился племянником Семену Гордому и его братьям. Со времен своего тестя, Ивана Калиты, он управлял, помимо Борисоглебской, еще и Сретенской частью Ростова, где номинальным князем был его племянник Андрей Федорович [4. С. 146]. В. А. Кучкин считает, что Андрей не наследовал (пусть даже номинально) своему отцу в 1331 г., а получил Бохтюжский удел, который впоследствии передал своему старшему сыну Ивану [1. С. 282]. Белозерским князем в это время был Федор Романович (убитый в 1380 г.), имевший брата Василия, князя Сугорского (ум. до 1380 г.). Углицкое княжество со времен Ивана Калиты принадлежало великим князьям владимирским.

В Ярославле правил представитель Смоленского княжеского Дома Василий Давыдович Грозный (ум. в 1345 г.). Его брат Михаил Давыдович (ум. в 1362 г.) княжил на Мологе. Возможно, именно он упоминается великокняжеским наместником в Торжке в 1340 г. [5. С. 94]. Очевидно, что Семен Гордый вывел брата Андрея из Новгорода, посаженного его отцом, и стал править городом сам через наместников. Вскоре, однако, в Новгороде вновь утвердился Наримунт Гедиминович.

К Северо-Восточной Руси тесно примыкало Муромское княжество. В рассматриваемое время здесь княжил Василий Ярославич, происхождение которого до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионным.

В условиях распада смоленско-брянской конфедерации (когда Смоленск стал ориентироваться на Литву, а Брянск – на Орду), начался процесс сближения Брянска с северо-восточными княжествами. Смоленским князем в рассматриваемый период продолжал оставаться Иван Александрович (ум. в 1358 г.), брянский стол занимал его двоюродный брат Дмитрий Романович (ум. ок. 1345 г.), на дочери которого в 1345 г. женится Иван Иванович Красный. Сын последнего, Дмитрий Донской, очевидно, был назван в честь деда.

Однако, с Брянским княжеством не все так ясно: в 1341 г. в летописях есть сообщение о том, что брянцы, собравшись на вече, убили своего князя Глеба Святославича. Получается, что в период между 1334 и 1341 гг. в Брянске утвердился двоюродный брат Дмитрия Романовича – Глеб Святославич. Возможно, что данное событие связано с борьбой проордынской и пролитовской партиями в городе. Глеб, очевидно, был ориентирован на Литву. После его убийства в Брянске вновь вокняжил сторонник союза с татарами и Москвой Дмитрий Романович. В Вязьме и Дорогобуже княжил брат Глеба Святос-

лавича – Федор. Среди других смоленских князей необходимо упомянуть Ивана Федоровича Ржевского (упом. в 1363 г.), его братьев: князя псковского Александра-Всеволода (1341 г.), князя изборского Евстафия (1356 - 1360 гг.) и князя псковского Бориса (1370 г.). В это же время действовали трое сыновей князя Константина Михайловича Фоминского: Федор Красный (упом. В 1339 - 1345 гг., родоначальник Травиных), Федор Слепой (родоначальник Бокеевых и Карповых) и Федор Меньшой (родоначальник Толбугиных) [6. Таб. 8].

В Рязани в 1340 г. княжил Иван Иванович Коротопол, свергнутый с престола в 1342 г. Ярославом Александровичем Пронским.

Черниговскими князьями в середине XIV в. упоминаются Михаил Дмитриевич и Михаил Александрович [6. Таб. 4]. Их современником был глуховский и новосильский князь Семен Михайлович (упом. в 1353 г.).

В 1339 г. своим племянником Василием Пантелеевичем был убит карачевский князь Андрей Мстиславич. Видимо, Андрей Козельский занял карачевский стол после смерти старшего брата Пантелеймона. Неизвестно, выделил ли он какой-либо удел своему племяннику Василию. В любом случае, последний, убив дядю, сел в Карачеве на отцовский стол. Козельск достался Титу Мстиславичу – как следует из родословцев – дяде Василия Пантелеевича. Звенигород унаследовал сын Андрея – Федор. Другой его сын, Иван Болх, стал родоначальником князей Болховских [7. С. 141].

Среди других черниговских князей в это время действовали: Андрей Всеволодович Мезецкий, Федор Иванович Волконский (ум. в 1380 г.) и Константин Иванович Оболенский (ум. в 1368 г.). Киевский стол занимал путивльский князь Федор Иванович.

В 1340 г. умер князь галицко-волынский Болеслав-Юрий Тройденович. По его завещанию его наследником становился польский король Казимир. Против него, как ярого католика, восстали галицкие бояре и пригласили на престол острожского князя Даниила Васильковича (по другим данным - Дмитриевича), который правил Галичем до 1346 г. Во Владимире-Волынском утвердился сын Гедимина – Любарт, который с 1346 г. владел также и Галичем. Его поддержал князь Юрий Данилович Холмско-Белзский – внук Мстислава Даниловича [18. С. 349]. Из других потомков Даниила Галицкого в это время упоминаются: Иван Михайлович Друцкий, Андрей Лукомский и Стародуб-Брянский. Из туровских князей упоминаются Иван Городенский с братом Юрием Степанским. Остается не ясным только принадлежность Клецка и Слуцка – их владетели не упоминаются в источниках [8. С. 94].

В 1341 г. умер великий князь литовский Гедимин. У него были 7 сыновей от 3-х жен: от Ванды, дочери Виндмунда – Монвид (1276 г. – ок. 1342 г.) и Наримунт-Глеб (1277 – 1348 гг.); от Ольги, княжны смоленской: Ольгерд (1295 – 1377 гг.) и Кейстут (1310 – 1382 гг.); от Евы: Любарт-Дмитрий (1299 – 1366 гг.), Явнут-Иван (1301 – 1383 гг.) и Корият-Михаил (1306 г. – после 1349 г.).

Монвид ко времени смерти отца был князем керновским и слонимским, Наримунт – пинским, Ольгерд – витебским, Кейстут – троцким, Любарт – волынским, Явнут – заславским, Корият – новогрудским.

Гедимин избрал своим преемником не старших сыновей, а одного из младших – Явнута. Ему досталась Вильна с городами: Вилькомир, Ошмяны, Браслав [8. С. 92]. Самый старший Гедиминович – Монвид умер вскоре после отца. Впоследствии Ольгерд и Кейстут отняли у Явнута великое княжение и тот вынужден был искать убежища в Москве, а его старший брат Наримунт – в Орде. Ольгерд стал великим князем литовским. Ему подчинялась восточная часть Литвы с городами Вильна, Вилькомир, Ошмяны, Крево, Кернов,

ему же принадлежал Слоним, доставшийся ему он брата Монвида, и, возможно, Минск, где местные князья больше не упоминаются. Он владел также Витебским княжеством, как приданым жены Марии. Кейстут стал князем жемайтским со столицей в Троках. Ему принадлежали города: Ковно, Городно, Волковыйск, Берестье.

Полоцкий князь – Воин, брат Гедимина, умер вскоре после него. Ольгерд посадил в Полоцке сначала своего старшего брата Наримунта (погибшего в битве на р. Страве в 1348 г.), а затем – старшего сына Андрея. В Пинске стал править Михаил Наримунтович. Другой сын Наримунта, Александр, в 1338 г. был новгородским князем. После 1350 г. Юрий Наримунтович утвердился в Луцке, правда, под двойным вассалитетом – великого князя литовского и польского короля. Позже в Луцке утвердился Любарт Гедиминович.

Среди других подвластных Ольгерду князей в это время упоминаются Семен Свислочский, Василий и Семен Михайловичи Друцкие [8. С. 93].

Таким образом, в Великом княжестве Литовском сложилась своеобразная политическая система, основанная авторитете великого князя. Эти же тенденции отразились и на системе наследования власти, при которой верх брали не старшие по возрасту князья, а обладающие наибольшей «харизмой» власти. Расширение границ государства происходило за счет брачных союзов, добровольного призвания или насильственного «посажения» на престол подручных князей (чаще сыновей или других родственников). Забегая вперед, можно сказать, что к концу правления Ольгерда и Кейстута в состав их державы вошла большая часть русских княжеств, включая Киев, Чернигов, Брянск и Смоленск. Галиция осталась во владении польского короля. Некоторые галицкие города и по сей день остаются в составе Польши (Холм, Перемышль, Ярослав, Санок).

В 1346 г. разгорелась смута в Тверском княжестве между Константином Михайловичем и его племянником Всеволодом Александровичем. В результате Константин «поеде» искать правду в Орду, а Всеволод – в Москву. В том же году Константин Михайлович умер, находясь в Орде. Ему наследовал младший брат Василий Кашинский. Но для того, чтобы получить ярлык в Орде, он собрал богатые дары для хана не только в своем Кашинском княжестве, но и в Холмском уделе своего племянника, находящегося в Орде. Всеволод, вернувшись с ханским послом, встретил своего дядю на Бездеже и ограбил его. После этого началась новая смута в Тверском княжестве между дядей и племянником. Оба претендента отправились в Орду на ханский суд. На этот раз хан дал ярлык Всеволоду, а Василий отправился в свой Кашин. В 1352 г. он все же получил ярлык от хана на Тверское княжение.

После смерти Наримунта в Новгороде вновь одержала верх московская партия и князем был провозглашен Семен Гордый.

В 1350-х гг. Свислочское княжество было подчинено непосредственно великому князю литовскому. После этого начинается экспансия литовских князей на земли, находящиеся в подчинении Золотой Орды. Это было связано, не в последнюю очередь, и с ослаблением власти в Орде. Да и сменивший Семена Гордого на московском престоле его брат Иван Красный не принадлежал к числу сильных властителей.

Уже с 1355 г. Ольгерд называет себя великим князем всея Руси. Он даже попытался посадить на освободившуюся после смерти Феогноста митрополичью кафедру своего ставленника Романа, но константинопольский патриарх утвердил кандидатуру московского выдвиженца Алексия.

С 1355 г. в смоленском городе Белая появился литовский наместник. После смерти в 1358 г. смоленского князя Ивана Александровича, Ольгерд присоединил к литовским владениям все Посожье с Мстиславлем. За 2 года до этого, после смерти младшего сына Ивана Александровича – Васи-

лия Брянского, Ольгерд посадил на княжение в Брянске своего сына Дмитрия-Кориата. В Смоленске вокняжил старший сын Ивана Александровича – Святослав. Воспользовавшись ослаблением Золотой Орды после смерти хана Бердибека в 1259 г., Ольгерд сажает других сыновей – Владимира и Константина – в Киеве и Чернигове. Власть в Подолии захватили племянники Ольгерда – Кориятовичи.

Таким образом, в состав Великого княжества Литовского вошло около 3/4 территории Киевской Руси. Порядки, установленные в княжестве, были близки к тем, что существовали до этого. Государственным языком в Литве стал русский, официальной религией – православие. Если первоначально русские земля, войдя в сферу влияния Литвы, продолжали платить дань Орде, то при Ольгерде они от нее освобождались. Не было у литовских властителей лишь одного: полной легитимности владения русскими княжествами (если, конечно, не брать во внимание тот факт, что, по данным ряда летописей и родословцев, литовские князья также происходили от Рюрика, как и все русские князья).

Московская Русь противопоставить всему этому могла только одно: во главе ее стояли «природные государи», как потом будут говорить в Московском государстве. Немалую роль в отстаивании независимости Москвы сыграли московские бояре и митрополит Алексий, фактически управлявшие государством после смерти Ивана Красного при его малолетнем сыне Дмитрии (1359 г.). Но великого княжения им отстоять не удалось: оно перешло по воле хана к суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, после отказа от великокняжеского ярлыка его старшего брата Андрея, который считал, что великое княжение должно оставаться за московскими князьями.

На момент вокняжения в Москве Дмитрия Ивановича, получившего впоследствии прозвище Донской, старейшим князем на Руси был Василий Михайлович Тверской (ум. в 1368 г.), которому Дмитрий приходился внучатым племянником. Занятый борьбой со своим племянником Всеволодом Холмским, он и не помышлял о великокняжеском престоле.

В следующем колене находились: Андрей Константинович Нижегородский (ум. в 1365 г.) с братьями – новым великим князем Дмитрием Константиновичем Суздальским (ум. в 1383 г.), Борисом Городецким (ум. в 1394 г.) и Дмитрием Меньшим Ногтем-Одноoком (ум. после 1375 г.), владевшим, как установил В.А. Кучкин, областью с центром в Медвежьем Угле [1. С. 224-225; 9. С. 37]. Дмитрию Константиновичу вместе с титулом великого князя достался и новгородский стол.

После суздальских князей по старшинству следовал Дмитрий Борисович Галицко-Дмитровский. За ним: Всеволод Александрович Холмский с братьями: Михаилом Микулинским, Владимиром и Андреем. Как предполагает В. А. Кучкин, они со своей матерью в это время осуществляли коллективный суверенитет над бывшей вотчиной Александра Михайловича [9. С. 33]. А. Е. Пресняков предполагает, что около 1360 г. произошел раздел вотчины Александра Михайловича между его сыновьями [2. С. 389]. Следующими по старшинству шли Еремей Константинович Клинский (ум. в 1372 г.) с братом Семеном (ум. в 1365 г.), который, как установил В. А. Кучкин, владел волостью с центром в Городке [1. С. 194-195]. Далее следовал старший сын Василия Михайловича Тверского – Василий Кашинский со своим младшим братом Михаилом.

Считается, что около 1340 г. Юрьев-Польское княжество было присоединено к великокняжескому домену, хотя существует мнение, что и после этой даты юрьев-польским князем был Ярослав Иванович [4. С. 130]. В любом случае, к 1359 г. Юрьев-Польское княжество уже не существовало как самостоятельная единица.

Что касается Стародубского княжества, то принято считать, что оно «управлялось

одним князем и до последней четверти XIV в. не делилось на уделы. После смерти Дмитрия Федоровича в 1355 г. ему наследовал его младший брат Иван (ум. в 1363 г.), которому, в свою очередь, наследовал другой брат Андрей. В. А. Кучкин считает, что «в 1355-1356 гг. в Стародубе вспыхнула борьба за княжеский стол между родственниками умершего летом 1355 г. князя Дмитрия Федоровича Стародубского, но борьба не привела к образованию «особных» владений соперников» [9. С. 39].

В следующем колене потомства Всеволода Большое Гнездо находились: Константин Васильевич Ростовский (ум. в 1365 г.), Федор Романович Белозерский с братом Василием Сугорским. Лишь после вышеперечисленных князей по старшинству следовал Дмитрий Иванович Московский, с родным братом Иваном Звенигородским (ум. в 1364 г.) и двоюродным Владимиром Андреевичем Серпуховским.

В Ярославском княжестве правил потомок смоленского князя Федора Ростиславича Черного – Василий Васильевич (ум. в 1380 г.). Моложским княжеством владел его дядя Михаил Давыдович (ум. в 1363 г.).

Тесные связи с Владимирским великим княжеством имело Муромское княжество, где с 1355 г. утвердился князь Федор Глебович.

С 1358 г. в Смоленске правил князь Святослав Иванович. Видимо, он не был как его отец сторонником сближения с Литвой, а предпочитал независимое развитие княжества и от Литвы, и от Москвы. Скорее всего, именно с этой его позицией связано отторжение от Смоленского княжества значительной территории с городами Мстиславль и Могилев. В 1386 г. Святослав попытался вернуть эти земли, но погиб в битве с литовцами. Во время этого похода, по свидетельству некоторых источников, он жестоко обходился с жителями этих территорий. Этот факт говорит о том, что, сами жители этого региона предпочли подчиниться Литве, нежели оставаться подданными смоленского князя [5. С. 162-163]. Среди мелких смоленских князей в рассматриваемое время упоминаются: Иван Федорович Ржевский (1363 г.), Евстафий Изборский (1356-1360 гг.), Александр-Всеволод Псковский и Борис Псковский. По версии Ю. В. Коновалова все они являются братьями [6. Таб. 8].

В Рязанском великом княжестве с 1350 г. правил Олег Иванович. Пронским князем был Владимир Дмитриевич.

Остальные княжества в рассматриваемое время в той или иной степени были подчинены Литве. Поэтому рассмотрим структуру Великого княжества Литовского более подробно. Великим князем литовским в 1359 г. был Ольгерд Гедиминович (ум. в 1377 г.). Его фактическим соправителем был его брат Кейстут (ум. в 1382 г.), который владел Жемайтией со столицей в Троках. Младшие Гедиминовичи, Любарт и Явнутий, правили, соответственно, на Волыни и в Заславле. Юрий Наримунтович княжил в Белзе, Андрей Ольгердович – в Полоцке, Дмитрий Ольгердович – в Брянске, с 1362 г. Владимир Ольгердович владел Киевом. Чуть позже получат свои уделы младшие сыновья Ольгерда от первого брака: Константин – Чарторыйск, Федор – Ратну. В Пинске княжил Михаил Наримунтович (1349 г.), его брат Юрий позже будет княжить в Белзе [10. С. 45]. Витебское княжество находилось под непосредственным управлением Ольгерда. Подолией управлял Юрий Кориятович со своими братьями. Федор Кориятович княжил в Новогрудке.

Остальные земли Великого княжества Литовского принадлежали Рюриковичам. До 1360 г. киевским и путивльским князем был Федор Иванович. Туровским князем был Федор Данилович. С 1366 г., после подчинения Галиции королю Казимиру, холмским князем становиться Даниил Острожский (ум. в 1376 г.) [там же]. Друцким князем в это время был Михаил Романович [11. С. 85].

По данным Любечского синодика в середине XIV в. в Чернигове княжил Михаил Александрович. Глуховским и новосильским князем был его двоюродный брат Семен Михайлович. В Козельске правил Тит Мстиславич. Мезецким князем в это время был Андрей Всеволодович (ум. в 1361 г.), тарусским – Федор Иванович, спажским – его брат Мстислав (оба погибли на Куликовом поле в 1380 г.), оболенским – Константин Иванович (ум. в 1368 г.), елецким – Федор Иванович (ум. в 1380 г.).

Московские бояре не смирились с передачей ярлыка на великое княжение Дмитрию Константиновичу. Воспользовавшись смутой в Орде, они добились у хана Мюрида, соперника хана Абдула, передачи великого княжения Дмитрию Ивановичу в 1362 г. Примечательно, что когда годом позже хан Абдул прислал свой ярлык московскому князю, тот его также принял, чем вызвал ярость Мюрида, который прислал с сыном белозерского князея Федора Ивановича – Иваном – новый ярлык на великое княжение суздальскому князю, который и сел во Владимире. Дмитрий Московский, уже не боясь татар, выгнал своего будущего тестя из стольного города и вскоре примирился с ним [12. С. 258].

В том же году Дмитрий Иванович «взял свою волю» над князем Константином Васильевичем Ростовским. Других сторонников суздальского князя – Ивана Федоровича Стародубского и Дмитрия Борисовича Галицкого выгнал из их княжеств. Позднее он завещает Галич-Мерский своему сыну Юрию [12. 259]. А в Стародубе стал править младший брат и соперник Ивана Федоровича – Андрей.

В это время начал проявлять активность один из младших сыновей тверского князя Александра Михайловича – Михаил Микулинский. В 1363 г. на него «ходил ратью» его дядя, тверской князь Василий Михайлович. В этом же году скончался сын Василия Михайловича Тверского – Василий Кашинский, которому наследовал брат Михаил Васильевич [5. С. 114].

1364-65 гг. ознаменовались очередным моровым поветрием на Руси. За короткое время умерли князья: Всеволод Александрович Холмский, его братья Владимир и Андрей, Иван Иванович Звенигородский, Семен Константинович Городенский, ростовский князь Константин Васильевич, с сыновьями Иваном и Глебом.

В 1365 году преставился бездетным Андрей Константинович Нижегородский. Его брат Дмитрий отправил своего сына Василия Кирдяпу в Орду, очевидно, за ярлыком на Нижний Новгород. Однако город захватил младший брат Дмитрия – Борис Городецкий. Ему же достался ярлык на Нижегородское княжество от ханши Асан. Вскоре Василий Кирдяпа привез отцу ярлык на великое княжение от хана Азиза. Но суздальский князь на этот раз не захотел мериться силами с молодым московским князем и уступил великое княжение Дмитрию Ивановичу [5. 115]. Взамен он попросил у него поддержки против брата Бориса. С московской «силой» Дмитрий Константинович утвердился в Нижнем, оставив Борису Городец.

В 1366 г. в Тверском княжестве разгорелся спор из-за наследия умершего Семена Константиновича Городенского. Он завещал свои владения не брату Еремею и не старшему тверскому князю Василию Михайловичу, а микулинскому князю Михаилу Александровичу, которому, очевидно, принадлежали и уделы его умерших бездетных братьев, в т.ч. и Холм. Завещание владений в обход ближайших родственников и старших по родовому счету князей было новым явлением для того времени. В качестве третейского судьи был приглашен московский князь, который через своих представителей оставил вымороченный удел за Михаилом.

В начале 1367 г. Дмитрий Московский женился на дочери Дмитрия Суздальско-Нижегородского, чем превратил своего былого соперника в верного союзника.

Между тем тверской престол захватил у дяди Василия Михайловича его племянник

Михаил Александрович. Московская рать, высланная в поддержку Василия не смогла взять Тверь. В 1368 г. Михаил с литовской помощью пошел на Кашин против своего дяди, который вынужден был признать за ним тверское княжение. Еремей Константинович сложил крестное целование к тверскому князю и поехал к московскому князю Дмитрию Ивановичу. В том же году Михаил Тверской был обманом захвачен во время переговоров в Москве. Его вынудили отдать часть удела Семена Константиновича с городом Городень его брату Еремею. В том же году умер старейший князь тверской и всей Руси Василий Михайлович. Тверским княжеством на полном праве завладел Михаил Александрович. Родовое старшинство перешло к Дмитрию Константиновичу Суздальско-Нижегородскому, который уже давно уступил его своему зятю Дмитрию Московскому.

Дмитрий Иванович выгнал Михаила Тверского из его княжества. Тот бежал в Литву к своему зятю Ольгерду. В 1369 году Ольгерд неожиданно для Дмитрия Ивановича двинул свое войско к Москве. С ним был князь Михаил Тверской и смоленские полки князя Святослава. По дороге к Москве литовцы разбили отряд племянника стародубского князя Андрея Федоровича – Семена Дмитриевича Крапивы, который был убит в этом сражении. При обороне Оболенска пал местный князь Константин Иванович, а 21 ноября Ольгерд разбил передовой отряд московского князя и осадил великого князя в Москве. Простояв 3 дня под городом, Ольгерд вынужден был повернуть войско назад, поскольку существовала угроза нападению крестоносцев с Запада.

В 1371 г. Дмитрий Иванович вновь вынудил Михаила Тверского бежать в Литву. Не получив там помощи, он отправился в Орду, где добился ярлыка на великое княжение. Но утвердиться на Руси ему не удалось и он бежал в Литву. Ольгерд вновь вторгся в русские земли, подвластные Дмитрию Московскому. С ним были князья Михаил Тверской и Святослав Смоленский. Три дня безуспешно простояв под Волоком, который оборонял князь Василий Иванович Березуйский, смертельно раненный литовцами, Ольгерд вновь осадил Москву. Простояв под городом 8 дней, он вынужден был вернуться в Литву, т. к. на помощь осажденному в Москве князю Дмитрию подходили рати Владимира Андреевича Серпуховского, Владимира Дмитриевича Пронского и Олега Ивановича Рязанского.

Весной следующего года Михаил Тверской снова выхлопотал себе ярлык на великое княжение. Но ситуация на Руси уже в корне изменилась. Теперь, чтобы стать великим князем, недостаточно было получить ханский ярлык. Русские земли понемногу начали обретать независимость от воли татарского хана. Москвичи попросту не пустила Михаила во Владимир, а татарскому послу московский князь сказал: «К ярлыку не еду, в землю Владимирскую не пущу, а тебе послу путь чист». Михаилу с большим трудом удалось пробраться в Тверь, откуда он послал сына своего Ивана в Орду за помощью. Дмитрий Иванович сам поехал в Орду вместе с князем Андреем Ростовским, где подтвердил свой ярлык на великое княжение. Михаилу же поставили в вину то, что он, получив ярлык, не взял с собой «силу татарскую», чтобы утвердиться на великом княжении. Однако Михаил не смирился и, взяв Кострому, Мологу, Углич и Бежецкий Верх, посадил там своих наместников.

В 1372 г. Дмитрий Иванович вернулся из Орды, привезя с собой княжича Ивана Михайловича, которого он выкупил за долги в Орде. Между тем новгородцы взяли Ярославль, очевидно, выступая в поддержку Михаила Александровича. Олег Рязанский требовал Лопасню за свою помощь против Ольгерда и вскоре захватил город. Дмитрий Иванович выступил против него и в сражении у Скорнищева разгромил рязанское войско. Олег бежал, а в Рязани ненадолго вокняжил пронский

князь Владимир Дмитриевич.

В том же году Михаил Васильевич Кашинский сложил крестное целование Михаилу Александровичу и целовал крест Дмитрию Московскому. Т. о. уже второй раз среди тверских князей встречаются прецеденты переподчинения вассальных отношений от непосредственных сюзеренов к вышестоящим. Первым переподчинился Москве Еремей Константинович в 1368 г. Однако уже в 1372 г. его сын Дмитрий действует как подручник тверского князя [5. С. 124].

В том же году Михаил Тверской взял откуп с Дмитрова, тайно «подвел» к Переяславлю войско князей Кейстута Гедиминовича Трокского с сыном Витовтом, Андрея Ольгердовича Полоцкого, Дмитрия Семеновича Друцкого. Литовцы взяли откуп с Переяславля и Кашина и отошли к Торжку, который взяли вместе с Михаилом Тверским.

В 1373 г. Ольгерд и Михаил были разбиты Дмитрием Московским под Любутском. После чего в Новгороде сел на княжение князь Владимир Андреевич, бывший до этого короткое время князем псковским.

В это же время умер Владимир Дмитриевич Пронский, но кто ему наследовал не ясно до сих пор. Считается, что это был его сын Иван Владимирович [4. С. 123]. Но в битве на Воже 1378 г. упоминается князь Даниил Пронский, которого обычно не включают в родословия князей пронских [13. С. 114. Схема 9]. Иван Владимирович Пронский впервые упоминается лишь в 1402 году в договорной грамоте между великим князем Московским Василием Дмитриевичем и великим князем Рязанским Федором Ольговичем [14. С. 306-307. Прим. 224]. Было бы логично предположить, что Даниил является сыном князя Владимира и именно он унаследовал отцовский престол в 1372/73 году.

Д. И. Иловайский считает, что после смерти Владимира Дмитриевича Пронское княжество раздробилось на несколько уделов. Среди сыновей князя Владимира он, помимо Ивана, упоминает и князя Федора, отмечая, что «неизвестно, в каком родстве с последними находился Пронский князь Даниил, который был одним из главных героев Вожинской битвы» [15. С. 126]. В договоре Дмитрия Московского с Ольгердом 1373 г. упоминаются три рязанских князя: Олег, Роман и Владимир [12. С. 265, прим. С. 338].

А. Е. Пресняков отмечает: «Князь Владимир Ярославич умер зимой 1372/73 года, а сына его Ивана встречаем деятельным князем в раздоре с великим князем рязанским только по смерти князя Олега» [2. С. 165], т. е. после 1402 года. Таким образом, вполне можно допустить, что в период между 1373 и 1402 годах в Пронске действительно правил князь с именем Даниил. Он мог быть как старшим сыном упомянутого князя Владимира Дмитриевича, так и его младшим братом.

С генеалогией князя Владимира Пронского также не все ясно. С. М. Соловьев считает, что Владимир Дмитриевич был не сыном, а внуком князя Ярослава Александровича, т. е. сыном князя Дмитрия Ярославича [12. С. 700], который упоминается в Родословцах («…а княж Ярославов сын Александровича Пронскаго Князь Дмитрей. А княж Дмитреев сын Князь Володимер и от него пошли Пронские Князи…») [16. С. 304].

В том же году умер Еремей Константинович, почему-то называемый в литературе князем дорогобужским [17. С. 322; 6. Таб. 15; 4. С. 125], в то время, как В. А. Кучкин установил, что он был князем клинским [1. С. 193 - 194]. Ему наследовал сын Дмитрий Еремеевич. В Кашине скончался Михаил Васильевич. Сын его, Василий Михайлович вновь подчинился старшему тверскому князю Михаилу Александровичу. Сам же Михаил заключил мир с Дмитрием Московским, который отпустил сына его Ивана.

В 1375 г. князь кашинский вновь прибежал в Москву, спасаясь от Михаила Тверского. Сам тверской князь сложил

свое крестное целование великому князю Дмитрию Ивановичу. В ответ московский князь собрал против тверского князя мощную коалицию русских князей, среди которых были: старейший князь на Руси Дмитрий Константинович Суздальско-Нижегородский с сыном Семеном, братьями: Борисом Городецким и Дмитрием Ногтем, Владимир Андреевич Серпуховской, Андрей Федорович Ростовский-Сретенский, Василий Константинович Ростовский-Борисоглебский с братом Александром, Иван Васильевич Селеховский (из смоленских князей), Василий Васильевич Ярославский с братом Романом, Федор Романович Белозерский, Василий Михайлович Кашинский, Федор Михайлович Моложский, Андрей Федорович Стародубский, Роман Михайлович Брянский, Роман Семенович Новосильский, Семен Константинович Оболенский с братом Иваном Тарусским. Прислали свои полки и новгородцы. При осаде Твери погиб князь Семен Иванович Добрынский [5. С. 128]. Михаил Тверской, увидев, что все князья Северо-Восточной Руси стоят за Дмитрия Ивановича, запросил мира.

Союзники Михаила, Мамай и Ольгерд, в том же году разорили Нижегородское и Смоленское княжества в отместку за то, что их князья ходили походом на Тверь.

В 1377 г. умер великий князь литовский Ольгерд Гедиминович. После него осталось 13 сыновей от двух жен: Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский, Константин Черниговский, Владимир Киевский, Федор Ратненский – от княжны Марии Васильевны Витебской; Дмитрий-Корибут Новгород-Северский, Иван-Скиргайло Тракайский, Владислав-Ягайло, Болеслав-Свидригайло, Казимир-Коригайло Мстиславский, Александр-Вигунт-Минигайло Керновский, Семен-Лугвень – от княжны Ульяны Александровны Тверской. Ольгерд отдал великое княжение Ягайле, по одним данным, старшему сыну Ульяны [6. Таб. 24], по перечню В. Н. Татищева – 3-му [5. С. 130].

Этим остались недовольны старшие сыновья Ольгерда, особенно Андрей и Дмитрий. Однако борьбу за отцовский престол они проиграли. Андрей с сыновьями Михаилом, Семеном и Иваном вынужден был бежать из Полоцка в Псков, где горожане приняли его к себе на княжение. Впоследствии он служил московскому князю Дмитрию Ивановичу [8. С. 117]. В Полоцк новый литовский князь послал своего брата Скиргайло. Полочане не приняли его, как язычника, и с позором выгнали из города.

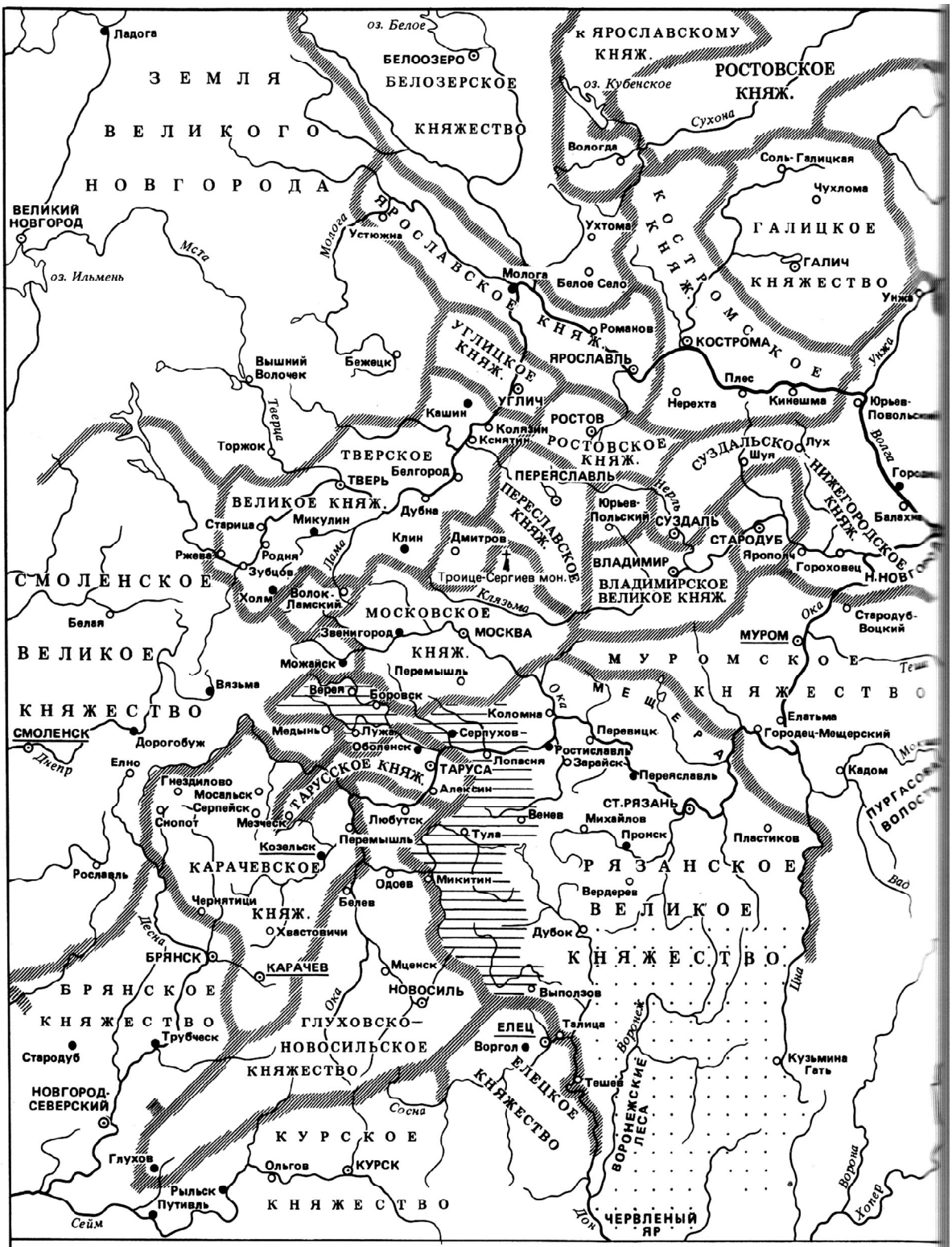
Федор Ольгердович перешел со своим Ратненским уделом в вассальную зависимость к польскому королю Людовику Анжуйскому. Дмитрий Ольгердович, который незадолго до смерти отца потерял Брянск и княжил в Трубчевске, во время похода на Трубчевск в 1378 г. Владимира Андреевича Серпуховского перешел вместе со своим уделом на сторону московского князя.

Кейстут Гедиминович первоначально поддержал племянника в качестве великого князя. Но как только тот стал вести мирные переговоры с крестоносцами, захватил Вильну и сам стал великим князем. Впоследствии он будет обманом захвачен Ягайлой и задушен в тюрьме.

В 1377 г. в сражении с Арапшой на реке Пьяне погиб некий князь Семен Михайлович. Видимо, речь идет о младшем брате моложского князя Федора Михайловича (ум. в 1408 г). Вместе с Семеном погиб и средний сын Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского – Иван.

В битве на Воже (1378 г.) принимали участие: Андрей Ольгердович, Даниил Пронский и сам Дмитрий Иванович Московский. В сражении был убит Дмитрий Александрович Монастырев, происходящий из смоленских князей, но уже не имеющий удела и служивший московским князьям.

На Куликово поле московскому князю с его боярами удалось вывести почти всех северо-восточных князей. Никто из них уже не оспаривал великое княжение у Московского княжеского Дома.



СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XIV вв.

- Границы княжеств
- УГЛИЧ — Центры княжеств
- Вязьма — Центры уделов
- Ольгов — Прочие населенные пункты
- МУРОМ — Центры княжеств, зависимых от Рязани в конце XIV- начале XV в.
- Территория, захваченная рязанскими князьями во второй половине XIII в.
- Слабо заселенная территория Рязанского княжества

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М.: Наука, 1984.

2. *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. – М.: Богородский Печатник, 1998.

3. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период с 1238 по 1505 г. – Т. 2. – СПб., 1891.

4. *Сычев Н. В.* Книга династий. – М.: Восток-Запад, 2005.

5. *Татищев В. Н.* История Российская. – Т. V-VI. – М.: Ладомир, 1996.

6. *Коновалов Ю. В., Шафров Г. М.* Генеалогические таблицы по истории европейских государств. – Вып. 1. – Екатеринбург, 1993.

7. *Дворянские роды Российской империи.* – Ч. 1. – СПб., 1993.

8. *Насевіч В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. – Мінск: Полымя, 1993.

9. *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. – М.: Наука, 1980.

10. *Яковенко Н. Н.* Персональный состав княжеской прослойки // Историческая генеалогия. – № 1. – Екатеринбург, 1994.

11. *Насевіч В. Л.* Род князеў друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV-XVI стст.).

12. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. – Кн. 2. – М.: Мысль, 1988.

13. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. – М.: Наука, 1988.

14. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. – Т. V. – М.: Наука, 1993.

15. *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. – Рязань: Пресса, 1990.

16. *Родословная книга* // Русские летописи. – Т. 7. / Сост. А. И. Цепков. – Рязань, 2000.

17. *Рыжов К.* Все монархи мира. Россия. – М.: Вече, 1999.

18. *Андреев А. Р.* Подхватившие щит. – М.: Белый волк-Крафт, 1999.

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П. Г. ДЕМИДОВА

УДК 94 (47).083
ББК 63.3(2)532+63.3(2)53-52
Отечественная история

СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ МОГ ПРЕКРАТИТЬ СУЩЕСТВОВАНИЕ В 1906 ГОДУ

Кандидат исторических наук С. В. Холяев

В статье показано, что, несмотря на противоречия между лидерами октябризма Д. Н. Шиповым и А. И. Гучковым, Союз 17 октября оставался прогрессивной организацией и вплоть до 1907 года стремился к соглашению с кадетской партией.

Ключевые слова
Союз 17 октября, партия мирного обновления, конституционно-демократическая партия, Д. Н. Шипов, А. И. Гучков, С. А. Муромцев, кн. Е. Н. Трубецкой

Из политических партий России, действовавших в начале XX века, наиболее заметным образованием стал Союз 17 октября. Претенциозным было само название организации, оно ко многому обязывало. Организация с таким названием брала на себя высокое обязательство защищать весь комплекс прав и свобод, провозглашенных Николаем II в момент максимального обострения политической ситуации в России осенью 1905 года. «Мы не можем сходиться с теми партиями, которые проводят в своих программах недовольство дарованным Государем Императором манифестом 17 октября и требуют … его отмены и возвращения к старым порядкам» [10. С. 167]. Однако партия могла довольно быстро прекратить свое существование, не прожив и года. Ее короткая история должна была завершиться в 1906 году, после слияния с партией мирного обновления. Почему же это объединение не состоялось, и повлиял ли на характер партии происшедший в ней раскол?

На позиции Союза в первый год его деятельности сильно отразилась психология его основателя, Д. Н. Шипова – принципиального сторонника соблюдения каждой буквы закона. Шипов был крайне неудобен для власти, требуя от нее невозможного – проведения реформ в полном объеме в условиях почти что гражданской войны. «… объединенное правительство (Совет министров) обязано вводить положения манифеста 17 октября независимо от своего успеха в деле устранения прямых проявлений беспорядка» [2. Л. 1-2].

Шипов признавал за властями право на применение военного положения только для прямого подавления восстаний, но категорически отрицал применяемую политическим руководством страны меру об усиленной и чрезвычайной охране. Регулярным применением чрезвычайных мер правительство нару-

шает права мирных людей. «Оно вызывает этим общее недовольство и тем питает силы врагов государства», увеличивает сочувствие к их успеху при каждой новой попытке «свергнуть государственный строй, установлен-ный в России с 17 октября» [2. Л. 2-2 об.].

Таким образом, оппозиционность Союза к правительственной власти при руководстве им Шипова была очевидна. Шипов пытался сделать этот курс стратегическим, но это было непросто, так как октябризм представлял сложное и многоплановое явление, состоял из различных, порою очень разных, политических сил. Это был союз землевладельческого дворянства и крупной буржуазии. Парадокс заключался в том, что левое радикальное крыло Союза возглавлял дворянин Д. Н. Шипов, а правое, более консервативное, потомственный почетный гражданин (то есть не дворянин) А. И. Гучков.

Гучков хотел совместить интересы крупной буржуазии и землевладельческих дворянских кругов. Известный промышленник П. П. Рябушинский, также член Союза, отвергал путь Гучкова. «В настоящее время положение таково, что на политику будет оказывать влияние или аграрный или торгово-промышленный класс… Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным» [16. С. 571].

В 1905 году Гучков, вернувшись с русско-японской войны, на которой находился в качестве главного уполномоченного Российского общества Красного Креста, получил приглашение на второй земский съезд. Уже на этом съезде, в мае 1905 года, он увидел потенциальную угрозу для политической стабильности со стороны активно проявлявшего себя там течения, приведшего позднее к образованию кадетской партии. «Их политическая линия … вела к ослаблению центральной власти. Это меня отшатнуло» [8. Л. 10].

У Союза 17 октября оказалось два равноценных лидера: Шипов, предлагавший партии идеалистический курс непримиримой критики правительства, и Гучков, посчитавший главной угрозой чрезмерный радикализм либерального большинства. В результате фактической парализации обоими лидерами действий друг друга октябристы неудачно провели выборную кампанию в I Государственную думу: депутатами стали всего 13 октябристов [15. С. 480].

Вследствие чего депутаты П. А. Гейден и М. А. Стахович, будучи крайне недовольны медлительностью партии и неопределенностью ее курса, решились организовать новую партию – партию мирного обновления [14. С. 65]. Партия была образована сразу же после роспуска I Думы. Еще одним ее учредителем стал Н. Н. Львов, вышедший из кадетской партии. Гейден и Стахович выходить из Союза не спешили, оставаясь одновременно членами двух организаций. В первом воззвании к избирателям руководящая тройка новой партии гордо провозглашала: «со стороны стоящего у власти правительства мы встретили не помощь, а противодействие, вовлекшее нас в борьбу с ним, при которой совместная работа являлась невозможной» [10. С. 196].

Образовавшаяся партия была гораздо ближе к взглядам Шипова, чем Гучкова. Идеолог черносотенства, создатель Русской народной партии С. Ф. Шарапов устами своего литературного героя, диктатора Иванова 16-го, дал очень точную характеристику данной партии. «Дайте им чистенькую конституцию, чистенькие министерские портфели, и они в перчаточках будут чистенько править Россией». Шарапов полагал, что по внутренней порядочности и чистоте рук это настоящие джентльмены, но при этом образец русского либерального пустоцвета [19. С. 271].

Мирнообновленцы были уверены в ином – применение правительством силовых методов против революции с неизбежностью приведет к всеобщему унич-

тожению противостоящих сил и полной анархии. Применение силы ведет в провал, «который грозит поглотить сначала русский либерализм, а затем всю русскую интеллигенцию и культуру». Лишь заняв критичную позицию по отношению к правительству, либералы проведут демаркационную линию с крайними партиями [10. С. 177].

Анализ тактики Союза 17 октября в период, когда его возглавлял Шипов, позволяет сделать вывод, что на том этапе позиции двух крупнейших либеральных партий, октябристов и кадетов, были достаточно близки. И потому определение октябристов, как «кадетов второго сорта», данное черносотенцами, применительно к первой половине 1906 года, представляется вполне правомерным [5. Л. 100 об.]. Конечно, разница между партиями сохранялась, но она была меньше, чем в последующий период. Особенно наглядно их сходства и различия прослеживаются в ключевом для 1906 года вопросе формирования в России либерального правительства.

Д. Н. Шипов являлся приверженцем создания коалиционного правительства, в которое, наряду с кадетами, входили бы и другие либеральные партии, включая, разумеется, и его собственный Союз 17 октября. То есть Шипов был готов войти в одно правительство с кадетами и даже рекомендовал при личных встречах с Николаем II и министром внутренних дел П. А. Столыпиным поручить возглавить правительство непременно представителю партии народной свободы [20. С. 218]. Правда, Шипов предпочитал, чтобы правительство возглавил не кадетский лидер П. Н. Милюков, а С. А. Муромцев – председатель еще продолжавшей работу в те дни I Государственной думы. Шипов убеждал Муромцева, что в этом случае создание столь прогрессивного правительства будет одобрено государем и теми влиятельными сферами, которые отрицательно относятся к самой Думе. Такой состав правительства освободит кадетов от союза с крайними партиями (с социалистами), и объединит все общественные прогрессивные круги [20. С. 219].

По утверждению Муромцева, заместитель министра внутренних дел С. Е. Крыжановский также информировал его, что Николай II согласится на формирование коалиционного либерального правительства во главе с Муромцевым при условии, что министром внутренних дел останется Столыпин [7. Л. 2]. Сорвало эту комбинацию главным образом упрямство Милюкова, высказавшегося решительно против создания коалиционного кабинета и особенно участия в нем Столыпина [20. С. 218].

Но и после неудачи в создании коалиционного либерального правительства Шипов продолжал бороться в придворных кругах, теперь уже за возможность образования однородного кадетского правительства. В личной встрече с царем, состоявшейся 28 июня 1906 года, Шипов убеждал главу государства, что оппозиционный дух, ярко проявляющийся в кадетской среде, не должен внушать серьезных опасений. Резкий характер партии обусловлен ее положением как безответственной оппозиции. «Но если представители этой партии будут привлечены к осуществлению правительственной власти и примут на себя тяжелую ответственность, с ней сопряженную, то имеющаяся окраска партии, несомненно, изменится и представители ее, вошедшие в состав кабинета, сочтут своим долгом значительно ограничить требования партийной программы …» [20. С. 220]. Призванные во власть лидеры кадетов, вероятно, сами распустят Государственную думу, чтобы освободиться от влияния ее многочисленного левого, социалистического крыла и создать палату из сплоченных либеральных элементов [20. С. 221].

Таким образом, Шипов занимал близкую к кадетам позицию, его целью было максимальное сближение с кадетской

партией. Данный курс не изменился и после роспуска I Думы в июле 1906 года. Эти настроения разделяли и те октябристы, упомянутые выше граф Гейден и Стахович, которые в первые же дни после роспуска Думы образовали новую партию – мирнообновленческую.

Тот факт, что Гейден и Стахович, входившие в круг лидеров Союза, не спешили выходить из него, при этом, тяготея преимущественно к новой партии, вызывал у правых октябристов серьезное опасение возможности раскола. Поэтому инициатором объединения обеих партий выступил не Шипов, как казалось должно было быть, а сторонники А. И. Гучкова. 20 июля в кадетском органе, газете «Речь» сообщалось о циркулярной телеграмме Центрального комитета Союза 17 октября, направленной в провинциальные отделы за подписью А. И. Гучкова и барона П. Л. Корфа, в которой сообщалось о соответствии воззвания партии мирного обновления требованиям программы Союза. Местным комитетам предлагалось содействовать распространению данного воззвания [10. С. 197].

Это был первый шаг к объединению обеих организаций. Через месяц состоялся и второй шаг. 24 августа в той же газете «Речь» появилось сообщение о скором проведении в Петербурге «общеимперского съезда членов партии мирного обновления и Союза 17 октября». Причем на съезд выносился вопрос о прекращении деятельности Союза 17 октября и о переходе членов Союза в партию мирного обновления [10. С. 198].

Однако этот съезд не состоялся. Помешало его провести заявление Гучкова, опубликованное в том же номере «Речи». В нем проводилась мысль о правильности и неизбежности роспуска I Думы и о необходимости поддержки правительства П. А. Столыпина. Левый фланг октябристов был возмущен категоричностью заявления, остальную часть партии смутила его неожиданность [10. С. 198, 200].

Возникший конфликт разбирался на трех заседаниях ЦК 14, 15 и 18 сентября 1906 года. Членам ЦК было предложено рассмотреть два заявления: собственно заявление Гучкова, ставшее причиной конфликта, и ответное заявление Шипова о выходе из Союза [3. Л. 83].

Заявление Шипова строилось как обвинительный акт против Союза. Шипов писал о том, что был одним из его учредителей (правильнее было бы писать создателем). Союз всегда ставил главной задачей содействие мирному преобразованию государственного строя на конституционных началах, возвещенных манифестом 17 октября. Поэтому когда стало ясно, что правительство С. Ю. Витте придерживается традиций бюрократического абсолютизма, октябризм высказал громкое осуждение правительству и открыто заявил, что образ его действий делает невозможным поддержку Витте со стороны Союза. «Оставаясь верным этим принципам, – настаивал Шипов, – я не считаю возможным, чтобы Союз мог быть в настоящее время солидарен с министерством П. А. Столыпина» [10. С. 201].

Правительство Столыпина есть правительство роспуска Думы: «Министерство, создавшееся на почве конфликта пережившего себя бюрократического режима с народным представительством» [10. С. 201]. Политика настоящего правительства, по уверению Шипова, является реакционной и ведет к усилению репрессий, уже широко применяются военно-полевые суды. Что способствует «развитию процесса деморализации и одичания в обществе» [10. С. 202]. Шипов завершил заявление следующими словами: «в виду коренного разногласия, не нахожу возможным оставаться членом Союза 17 октября и выхожу из его состава» [10. С. 202].

Центральный комитет в итоговом заявлении отверг обвинения своего создателя: «если существует какое-либо разногласие между направлением Союза и политическими взглядами Д. Н. Шипова, то

перемена произошла не со стороны Союза» [3. Л. 83].

Тон декларации ЦК резко осуждал поведение бывшего лидера, но вместе с тем делал некоторый реверанс по отношению ко все той же партии мирного обновления, в которую собирался переходить Шипов. После того как конституционно-демократическая партия успела в Думе проявить сочувствие революционным убийствам и грабежам, в стране остались лишь две партии, стоящие на строго конституционной почве. Это Союз 17 октября и нарождающаяся, близкая ему партия мирного обновления [3. Л. 83-84].

Большинство ЦК не согласилось с упреком Шипова, будто главная задача Союза содействия мирному преобразованию государственного строя сменилась задачей оказания поддержки политике Столыпина. Союз 17 октября не может примкнуть к неистовой травле правительства, по-видимому, решившегося подавить революционное движение путем суровых мер [3. Л. 84].

Искренние конституционалисты-монархисты должны понять, что пришло время созидательной работы. Их целью должно стать успокоение страстей, как лучшее средство мирного и прочного преобразования России [3. Л. 84 об.]. Огульные нападки на правительство могут поколебать в народном сознании государственное начало и, ослабив власть, и, сыграв на руку анархии, «быть может надолго задержат конституционное развитие России» [10. С. 203].

По итогам заседаний ЦК осудил Шипова и Дмитрий Николаевич, выйдя из Союза, перешел в партию мирного обновления. Вместе с ним, в эту партию, кроме ее учредителей Гейдена и Стаховича, ушли и другие лица. В частности, кн. Е. Н. Трубецкой и П. П. Рябушинский. Но подавляющее большинство партии одобрило линию Гучкова и осталось в Союзе [10. С. 203].

Октябристы взяли твердый курс на сотрудничество, совместную работу с правительством. Олицетворяя новый подход, 29 октября 1906 года А. И. Гучков стал председателем Союза и занимал данный пост в течение всего дальнейшего существования партии [12. С. 99].

Вскоре, 5 ноября, Гучков впервые выступил в новой для себя роли руководителя партии с большой речью на собрании членов Союза. И отметил в ней, что налево от Союза находятся оппозиционные партии с их надеждой сделать из революции орудие для реализации личных планов, а направо – монархисты, отрицающие всякие изменения, не признающие манифест 17 октября и считающие, что в России по-прежнему сохраняется абсолютная монархия [10. С. 204].

Отрицание конституции отдаляет правых, черносотенцев, от октябристов. Тем не менее, подчеркнул Гучков, в ближайшее время октябристы в Думе пойдут вместе с правыми. Данные силы объединяет общая любовь к родине и понимание интересов национализма, опирающегося на сильную армию [10. С. 204]. Следовательно, уход Шипова способствовал некоторому сползанию октябристов вправо, но не изменил либеральной природы партии. Наоборот, с этого времени у правительства появилась надежда на сотрудничество с либеральной партией, а либералы, вступив в контакт с представителями более правых сил, получили шанс на приобщение к власти [18. С. 71-72].

Казалось, что теперь, после раскола в октябристской партии, о соглашениях между октябристами и кадетами можно забыть. Но партия мирного обновления, так и оставшаяся незначительной политической силой вследствие несостоявшегося слияния с Союзом 17 октября, предприняла еще одну попытку войти в историю, добившись заключения соглашения между кадетами и октябристами. После роспуска II Государственной думы член мирнообновленческой партии кн. Е. Н. Трубецкой обратился к двум крупнейшим ли-

беральным партиям с предложением заключить предвыборный союз [9].

Впрочем, эта идея обсуждалась в октябристских кругах и ранее, еще за месяц до роспуска II Думы. В условиях конфликта кадетской фракции с левой, социалистической частью Думы, и злорадства правых сил (черносотенцев) по поводу бессилия Думы, октябристы полагали возможным поставить перед партийным съездом вопрос о переформатировании состава Думы, то есть о сближении с кадетами. «Создание парламентского центра, на который могло бы опираться конституционное правительство, – такова поставленная самою жизнью задача текущего политического момента» [4. Л. 33].

По мнению октябристских приверженцев альянса либеральных сил основой нового блока должна быть кадетская фракция. И если к ней присоединятся октябристы и мирнообновленцы Дума способна сформировать крепкий центр, «перед которым будут одинаково бессильны как правые провокаторы, так и левые доктринеры» [4. Л. 33].

Правые кадеты были готовы поддержать октябристов. Русское общество, полагали они, всегда считало своим врагом только правительство. Но своим нежеланием сотрудничать с правительством оно само дало перевес правым. Либералы оказались в 1907 году на периферии политического процесса по собственной вине, не доказав, что могут быть помехой для революционеров. «Когда на другой день после 17 октября в России не оказалось достаточно сильных и влиятельных в населении лиц, чтобы крепкой рукой сдержать революцию и немедленно приступить к реформам, для проницательных людей стало ясно, что дело свободы временно проиграно, и пройдет много лет упорной борьбы, пока начала … манифеста воплотятся в жизни» – писал по этому поводу правый кадет А. С. Изгоев [1. С. 123].

Между тем большинство кадетской партии пришло к осознанию причин своего поражения только после роспуска II Думы и одновременного издания 3 июня 1907 года нового избирательного закона, не позволявшего кадетам рассчитывать на сохранение прежних позиций в будущей Думе. Лишь тогда в партии началась реальная дискуссия о соглашении с октябристами, а поводом для нее как раз и явилась инициатива мирнообновленца Трубецкого.

В главной кадетской газете «Речи» 10 июня была опубликована программная статья, ставшая ответом на предложение Трубецкого. В статье торжественно заявлялось: «вопрос о сближении кадетов с октябристами на будущих выборах возникает естественно, в виду нового избирательного закона» [17].

Немалое место в этой статье уделялось самокритике прежней кадетской тактики. «… бывшие «друзья слева» кадетов обнаружили во второй Думе безнадежную неспособность здравого политического понимания и своей доктринерской тактикой сыграли в руку «заговорщикам» справа» [17]. Если и ранее кадеты отграничивали парламентскую тактику от тактики революционных партий, то опыт II Думы полностью подтвердил бесперспективность союза с революционерами. «При этих условиях, идея союзного выступления на выборах «конституционного блока», во имя борьбы за сохранение принципа конституции и народного представительства, напрашивается сама собою» [17].

Кадетский идеолог подчеркивал прогрессивную роль октябристов во II Думе, утверждая, что каждый раз когда в ходе думских прений возникала дилемма – конституция или самодержавие – лучшие представители октябризма решали ее в пользу конституционализма [17]. И хотя «Речь» полагала, что говорить о каких-либо соглашениях между партиями пока рано, это была попытка сближения с октябристами.

Через месяц, 18 июля октябристы в своем органе «Голос Москвы» дали согла-

сие на сближение [11. С. 69-70, 72]. «… желающие добра России, должны горячо откликнуться на призыв Е. Н. Трубецкого и помнить, что нам нужно беречь молодую конституцию России, как бы несовершенна она не была, надеясь на возможность совершенствования ее в будущем, а не допускать в Думу ни революционных сил крайней правой, ни революционных элементов крайней левой» [9].

Октябристы предлагали кадетам предвыборное соглашение, сводившееся к тому, чтобы в тех выборных куриях, где могли победить черносотенцы, октябристы вели с ними избирательную борьбу и не вступали ни в какие союзы. И наоборот, кадеты, чтобы не подвергать Думу риску быть распущенной, не должны ободрять на выборах левее их стоящие партии. Центральной в статье была следующая мысль: «пора бы бросить губящую Россию рознь двух этих партий (кадетов и октябристов – С. Х.) и войти перед предстоящими выборами хотя бы в техническое соглашение между собою» [9].

Поразительно, но октябристы были готовы в предлагаемом соглашении, и пойти гораздо дальше, образовав на базе трех упомянутых партий (кадетов, октябристов и мирнообновленцев) единую партию и, чтобы никому из подлежащих упразднению партий не было обидно, рекомендовали назвать ее Всероссийской русской национал-либеральной партией [4. Л. 33].

И все же теперь вопрос сближения либеральных партий зависел вовсе не от кадетов. Несмотря на то, что конституционалисты стремились стать в 1907 году центристской партией, им в этом сильно препятствовала их прежняя репутация леволиберальной и даже революционной партии [13. С. 56]. Черносотенцы соглашались сотрудничать с правительством только при условии, что их партнеры по коалиции, то есть по поддержке правительства (октябристы) не будут действовать совместно с кадетами. И П. А. Столыпин, понимавший, что осуществление реформ возможно лишь при непротивлении правых, оказал давление на октябристов и сорвал возможность соглашения с кадетами [11. С. 77, 80].

Сильно расстраиваться октябристам было бессмысленно. Уже 11 июня, на следующий день после статьи в «Речи», допускавшей вероятность союзнических отношений с октябристами, Центральный комитет кадетской партии решил не вступать в предвыборные соглашения ни с какими партиями и идти на выборы в одиночестве. «Не мирясь с положением дел … резко отграничивая себя от тех, кто, подобно Союзу 17 октября, признает его (принятие нового избирательного закона – С. Х.) государственной необходимостью, партия не может лишить избирателей, разделяющих ее взгляды, наиболее действительного способа выразить отношение населения к совершившимся событиям» [6. Л. 10 об.].

Кадетские руководители предпочли, чтобы партия в очередной выборной кампании не искала себе союзников ни слева, ни справа, и шла на выборы самостоятельно. Только такая победа принесла бы кадетским вождям моральное удовлетворение. Но это было доктринерством, обрекавшим конституционно-демократическую партию на поражение.

В заключении следует признать, что даже, несмотря на раскол 1906 года, выразившийся в уходе из партии ее основателя, Д. Н. Шипова, Союз 17 октября оставался гибкой организацией и проявил больше желания объединиться с кадетами, чем эти радикалы от либерализма. И если соглашение двух крупнейших российских либеральных партий в итоге не состоялось, то главный барьер для несостоявшегося альянса следует все-таки видеть не в П. А. Столыпине, и, тем более, не в А. И. Гучкове, а в доктринерстве самих кадетов, и в особенности их лидера П. Н. Милюкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вехи. Сборник статей о русской революции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. – М., 1990.
2. ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 140.
3. ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д.11.
4. ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 15.
5. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 30.
6. ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39.
7. ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 32.
8. ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 117.
9. Голос Москвы. – 1907. – 18 июля.
10. Дан Ф., Череванин Н. Союз 17 октября // Общественное движение в России в начале XX века. – Т. III. Кн. 5. – СПб., 1914.
11. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. – Л., 1978.
12. История политических партий России. – М., 1994.
13. Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. – Пермь, 1995.
14. Кошкидько В. Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905-1907 гг.). – М., 2000.
15. Павлов С. Б. Опыт первой революции: Россия. 1900-1907. – М., 2008.
16. Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005.
17. Речь. – 1907. – 10 июня.
18. Сенин А. С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. – 1993. – № 7.
19. Шарапов С. Ф. После победы славянофилов. – М., 2005.
20. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. – М., 1983.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
г. МОСКВА

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)52

«ПЭРЫ ПРОТИВ НАРОДА»: ПРОБЛЕМА РЕФОРМЫ ПАЛАТЫ ЛОРДОВ В ПЕРИОД БЮДЖЕТНОГО КРИЗИСА 1909 ГОДА

Кандидат исторических наук И. Г. Ковалев

В статье исследуется взаимосвязь между проблемой необходимости реформирования Палаты лордов и бюджетным кризисом 1909 г. в Великобритании. Приводятся и оцениваются основные доводы и аргументы противоборствующих политических сил, анализируется их стратегия и тактика. Особое внимание уделяется характеристике так называемой «доктрины мандата», при помощи которой консервативная оппозиция пыталась обосновать свое право на блокирование правительственных бюджетных инициатив.

Ключевые слова
Реформа Палаты лордов, Консервативная партия, Либеральная партия, абсолютное вето, отлагательное вето, «народный бюджет», всеобщие парламентские выборы

Новые социально-экономические и политические реалии начала XX в., диктовавшие необходимость реформирования властных институтов центрального управления, в том числе и наиболее архаичного из их числа – Палаты лордов, к концу первого десятилетия нового века заставили либералов, находившихся с 1906 г. у власти, серьезно заняться разработкой конкретных программ модернизации верхней палаты Парламента. Кабинету Г. Асквита в 1908 г. удалось преодолеть внутрифракционные разногласия по этой проблеме и предложить стране очень умеренный план действий, по ограничению, прежде всего, полномочий верхней палаты британского Парламента. Он, прежде всего, лишал лордов возможности блокирововать финансовые инициативы Правительства, одобренные нижней палатой. Кроме этого, планировалась замена права абсолютного вето пэров на отлагательное в вопросах общего законодательства.

Оппозиция в лице консерваторов и юнионистов, привыкшая использовать торийское большинство в верхней палате в качестве эффективного инструмента противодействия неправильным, с ее точки зрения, инициативам своих политических противников, вполне естественно была крайне неудовлетворенна такими новациями. Своими контрпредложениями, выдвигавшимися в 1907 и 1908 гг., она настойчиво пыталась подменить ограничение прерогатив Палаты лордов изменением принципов формирования ее состава, соглашаясь даже на отмену преимущественно наследственного принципа членства. Либеральному Правительству было чрезвычайно сложно реализовать свой вариант преобразований, поскольку на его

пути практически неизбежно возникала непреодолимая преграда – вето консервативных пэров. Необходим был неординарный политический ход, маневр, который со всей очевидностью продемонстрировал бы избирателям Великобритании, что именно архаичная верхняя палата является преградой на пути успешного дальнейшего развития страны.

В этих условиях члены радикальной фракции либералов, уже завоевавшие репутацию наиболее последовательных и настойчивых сторонников реформы Палаты лордов, попытались представить ее как комплексную социально-экономическую, политическую и конституционно-правовую проблему. Их лидер – Д. Ллойд Джордж, занимавший в Правительстве Г. Асквита пост министра финансов, считал, что достичь этого можно увязав проблему модернизации верхней палаты с начавшейся подготовкой бюджета, поскольку главный финансовый закон страны, так или иначе, затрагивал практически все сферы хозяйственной, общественной и политической жизни.

Бюджет на 1909 г. формировался в сложных социально-экономических и политических условиях. Британская промышленность в 1908 г. вступила в стадию спада, наблюдались признаки активизации забастовочного движения. Правительству очевидно было необходимо увеличивать расходы на вооружения в преддверии Первой мировой войны, а также государственные ассигнования на управленческий аппарат и социальные нужды (пенсии по старости, средства на организацию бирж труда и т. д.). Но где найти источники дополнительных доходов? Ответ на этот вопрос был дан 29 апреля 1909 г., когда Д. Ллойд Джордж после почти четырехчасовой речи внес проект главного финансового билля страны в Палату общин. Для покрытия огромного по меркам того времени дефицита бюджета в размере 15,8 млн. фунтов стерлингов канцлер Казначейства предложил три основных источника средств. Во-первых, экономию в размере 3,5 млн. фунтов стерлингов должно было обеспечить сокращение выплат по государственному долгу. Во-вторых, большую часть дефицита – 6,7 млн. фунтов предполагалось покрыть за счет повышения косвенных налогов – на табак и спиртные напитки, введения нового налога на бензин, роста стоимости автомобильных лицензий и лицензий на торговлю алкоголем, а также увеличения ставки гербового сбора [1. Col.546-547]. Иными словами, бремя увеличивающихся государственных расходов просто перекладывалось на население страны.

Однако, с точки зрения противостояния с Палатой лордов, наибольший интерес представлял третий, причем самый скромный по сумме, источник поступления средств в бюджет. Заявив, что трудящиеся Великобритании несут большие финансовые тяготы, нежели высшие слои общества, Д. Ллойд Джордж предложил в целях более равномерного налогообложения и справедливого участия всех социальных групп страны в платежах, меры по увеличению сборов с имущих классов. Ставка налога на наследство возрастала с 5 до 6,5%, а на сверхкрупные наследства до 10-15%. Дополнительным налогом в размере 2,5% облагались доходы свыше 3 тыс. фунтов стерлингов. Наконец, предлагались новые поземельные налоги:

1. на собственников, обогатившихся за счет продажи земли государству и муниципалитетам;
2. на лендлордов, при переходе к ним по истечении срока аренды участка земли со всеми постройками;
3. на владельцев пустующих земель в городах;
4. на доходы, получаемые землевладельцами за право разрабатывать природные богатства на их территории [2].

Совершенно очевидно, что все эти инициативы напрямую затрагивали интересы аристократов, заседавших в Палате лордов, поэтому предугадать их нега-

тивную реакцию было несложно. Д. Ллойд Джордж, бесспорно, сознательно провоцировал пэров, надеясь получить дополнительные аргументы для обоснования необходимости сокращения прерогатив верхней палаты, а попутно в очередной раз представить Либеральную партию в глазах избирателей как защитницу интересов простого народа. Опасений того, что Палата лордов использует свое право абсолютного вето в отношении проекта бюджета тогда еще не было. По неписаной традиции верхняя она на протяжение более чем 250 последних лет не прибегала к отклонению финансовых законопроектов, одобренных депутатами Палаты общин.

Однако дальше события стали развиваться по непредсказуемому сценарию. Вокруг бюджета разгорелась острейшая политическая борьба, которая велась как в стенах Парламента, так и за его пределами, причем очень быстро она переросла в столкновение по вопросу о правах и полномочиях Палаты лордов. Еще до внесения бюджета, либеральные лидеры приложили немало усилий для того, чтобы связать проблему принятия финансового плана с необходимостью реформирования верхней палаты Парламента. Именно на это обращал внимание своих слушателей новый министр торговли – У. Черчилль, выступая в январе 1909 г. перед членами либерального клуба в Бирмингеме. «Право Палаты лордов препятствовать законодательству и этим дискредитировать Палату общин, – отмечал оратор, – странным образом ей даровано, странным образом лимитировано и еще более странным образом исполняется. Мелочи она может сурово критиковать, серьезных вещей она может не касаться. Существуют билли, которые она пропускает, хотя считает их ошибочными, и есть законопроекты, которые она проваливает, заранее зная их правоту» [3. P. 1143]. Публике старательно стремились доказать, что пэры слишком привержены консервативным идеалам и не хотят учитывать интересы масс. Лозунгом либералов в этот период стала фраза «Представительное Правительство против господства аристократии».

В самом начале парламентской сессии 1909 г. свои позиции по проблеме взаимоотношений между двумя палатами достаточно четко обозначили все ведущие парламентские группы. Либералы считали, что прерогативы пэров должны быть законодательно ограничены. В Палате общин 22 февраля 1909 г. во время обсуждения тронной речи короля, член либеральной фракции А. Понсонби даже выступил с инициативой о внесении соответствующего законопроекта в ходе текущей сессии, подчеркнув при этом, что «Палата лордов по своему составу представляет плутократическую клику, далекую от народа и пропитанную духом консерватизма» [4. Col. 448]. Впрочем, премьер-министр не согласился с такой поспешностью коллеги по партии. В своей речи он отметил, что в случае немедленного внесения подобного билля, «… каждый, кто знаком с парламентской политической жизнью, должен отдавать себе полный отчет, что с этого момента нынешняя Палата общин и существующий теперь Парламент, стали бы действовать под угрозой вынесения смертного приговора» [5. Col. 458-459]. С другой стороны, Г. Асквит твердо заверил депутатов, что Правительство сделает все возможное, чтобы вопрос о реформировании Палаты лордов был как можно скорее представлен на суд избирателей.

Лейбористская фракция по проблеме взаимоотношений между палатами Парламента традиционно занимала радикальную позицию. Выступавший от ее имени Р. Макдональд в ходе состоявшихся дебатов высказался предельно четко: «…Палата лордов ни перед кем, кроме как перед самой собой, не ответственна, никого, кроме как одну узкую группу людей, не представляет и является анахронизмом в нашей конституции, а потому должна

быть уничтожена как можно скорее» [6. Col.474-475]. Приверженность лейбористов идее однопалатного Парламента была широко известна и декларировалась во всех программных документах партии. Выступление их лидера должно было лишь лишний раз продемонстрировать либералам, что они вполне могут рассчитывать на поддержку рабочих депутатов в деле ограничения прерогатив пэров, особенно в том случае, если они будут максимальными.

Консерваторы и юнионисты вполне ожидаемо критически оценили намерения правящей партии по реформированию Палаты лордов и решительно отвергли планы ограничения ее полномочий, видя в ней едва ли не единственную силу, способную обуздать деструктивную, с их точки зрения, деятельность Кабинета, под контролем которого фактически находилась Палата общин. Выступавший от имени тори У. Эшли так аргументировал позицию своей фракции: «По-моему, Парламент в гораздо большей степени существует для того, чтобы препятствовать изменению закона без народного согласия» [7. Col. 506-507]. Таким образом, оппозиция не только негативно отреагировали на планы Правительства в отношении верхней палаты, но и в очередной раз постарались перенести центр политических дискуссий на другие вопросы. Впрочем, всем и без этого было очевидно, что в ближайшие месяцы основной темой обсуждения в Парламенте и вне него станет бюджет. Дебаты в начале парламентской сессии были лишь своеобразной пробой сил, направленной на то, чтобы хотя бы приблизительно установить соотношение сил противников и сторонников возможной реформы, определить потенциальных союзников в предстоящей схватке.

Действительно, сразу после представления главного финансового законопроекта канцлером Казначейства, тори решительно выступили против бюджета Д. Ллойд Джорджа. Во время дебатов в Палате общин их главным докладчиком стал бывший министр финансов О. Чемберлен, в выступлениях которого были обозначены основные претензии его партии к либеральному проекту. Консерваторы и юнионисты не имели ничего против роста расходов на вооружения и даже признавали необходимость ассигнований на социальные нужды, тем более, что в целом они составляли относительно небольшую сумму – 8,5 млн. фунтов стерлингов или примерно 5% соответствующей части государственного бюджета [8. P. 17]. Однако для оппозиции были категорически неприемлемы некоторые источники доходов, предложенные либеральным Кабинетом. При этом, первоначально лидеры тори старательно избегали разговоров о том, что рост прямых налогов на капитал и землю ущемляет интересы тех социальных слоев, которые традиционно ассоциировались с их партией. На самом деле эти налоги не были сильно обременительными для крупных собственников. Повышенным обложением было затронуто всего 15% наследуемой собственности и только в тех случаях, когда ее размер превышал 1 млн. фунтов стерлингов. Все виды земельных налогов вместе могли принести казне около 0,5 млн. фунтов стерлингов, что также вряд ли могло нанести существенный ущерб крупным землевладельцам [9. Col. 546]. В связи с этим О. Чемберлен намеренно акцентировал внимание депутатов на том, что размеры земельных налогов будет трудно подсчитать, что не существует никаких кадастров и описей для оценки землевладений, следовательно, пользы от них будет не много и поэтому лучше, как и прежде, ориентироваться на косвенные налоги [10. Col. 546-547]. Альтернативное предложение консерваторов было вполне очевидным – не налог на «знатных и богатых» должен дать средства на модернизацию армии и финансирование социальных программ, а протекционистские таможенные пошлины, которые будут платить иностранцы.

Примечательно, что первоначально антибюджетные выступления оппозиции были относительно спокойными и выдержанными в духе традиционной парламентской дискуссии. По всей видимости, консервативное руководство не собиралось идти на непримиримый конфликт с либералами из-за бюджета. Такая тактика была вполне оправдана. Правящая партия опиралась на подавляющее большинство в Палате общин, и максимум на что можно было рассчитывать в такой ситуации оппозиции – это на внесение некоторых поправок в главный финансовый документ страны. Однако, массовые петиции крупных финансистов, промышленников и землевладельцев, а также практически ежедневные антибюджетные статьи в консервативной прессе, в которых налоги на прибыли и собственность оценивались крайне негативно с точки зрения перспектив для дальнейшего хозяйственного развития страны, внесли коррективы в стратегию консервативного руководства.

Дополнительным поводом для пересмотра прежнего подхода стала восторженная оценка бюджета радикальными либералами и лейбористами. Либеральные средства массовой информации без устали восхваляли «великий и демократический бюджет». Один из лидеров набиравших популярность лейбористов – Ф. Сноуден и вовсе утверждал, что Д. Ллойд Джордж заимствовал его идеи, изложенные в брошюре «Социалистический бюджет», а близкий к Лейбористской партии еженедельник «Нью эйдж» восторженно писал 13 мая 1909 г.: «Бюджет – это победа социалистических идей… социализм снова оказался на арене политической дискуссии, а либерализм реабилитирован» [11]. Несмотря на то, что такая оценка была явным преувеличением, она была замечена непримиримо настроенными консерваторами и использована в своей пропаганде. Большая часть правой прессы называла бюджет Д. Ллойд Джорджа не иначе как «революционным» и «грабительским», а его автора – «социалистическим волком в либеральной шкуре», «разбойником с большой дороги» и «адвокатом дьявола» [12].

Проблема не только вышла за стены Вестминстерского дворца, но и постепенно превращалась в один из центральных вопросов общественно-политической жизни страны. Весной 1909 г. по инициативе министра финансов была сформирована «Бюджетная лига», которая развернула в стране шумную пропагандистскую кампанию под лозунгом «Бог создал землю для народа». Консервативные лендлорды и финансисты в противовес немедленно образовали «Лигу протеста против бюджета», работавшую под председательством бывшего министра по делам местного самоуправления У. Лонга. На их стороне выступала мощная консервативная пресса во главе с авторитетной «Таймс». Лео Макс в «Нэшэнл ревью» и Дж. Гарвин в «Обсервере» требовали немедленного отклонения бюджета в Палате лордов и скорейшего проведения новых всеобщих выборов [13. P. 290-291]. В лагере противников Д. Ллойд Джорджа оказался и бывший либеральный премьер-министр граф Розбери, который фактически порвал со своей партией из-за того, что: «… бюджет вводит социалистические принципы, а социализм – это конец всего, отрицание чести, семьи, собственности, монархии, империи» [14].

Канцлер Казначейства тем временем все чаще и все настойчивее критиковал земельную аристократию. В своей знаменитой речи, произнесенной перед аудиторией в 4 тыс. человек 30 июля 1909 г. в Лаймхаузе, он привел несколько примеров того, как аристократы-землевладельцы наживаются за счет предпринимателей и рабочих и четко определил противоборствующие силы. На одной стороне – либеральное Правительство, поддержанное народом и изыскивающее средства на оборону и социальные программы, а на другой «эти герцоги, которые не желают

платить и пенни» [15. P. 195]. В октябре 1909 г., выступая в Ньюкасле, Д. Ллойд Джордж оценил прерогативы пэров предельно жестко и откровенно: «…могут ли пятьсот заурядных персон, избранных наугад среди тунеядцев, навязывать свою прихоть миллионам лиц, занятым в отраслях, создающих богатство страны» [16. P. 174]. Сразу после этого в письме к брату он окончательно раскрыл свои замыслы: «Они все – обе стороны – осознали, что должны теперь драться… Я обдуманно спровоцировал их на схватку» [17. P. 232]. Спустя 30 лет после описываемых событий, Д. Ллойд Джордж беседе с сыном У. Черчилля еще раз подтвердил, что в 1909 г. действовал в соответствии со строгим расчетом. «Введение поземельных налогов, – отмечал он, – было обдуманным вызовом Палате лордов, которая со времен правления Карла II потеряла право изменять финансовые билли» [18. P. 312]. Необходимо признать, что замысел министра финансов сработал полностью.

Действительно, к осени 1909 г. значительная часть консервативных лидеров, либо под давлением петиций и обращений финансистов и лендлордов, либо спровоцированные резкими выпадами Д. Ллойд Джорджа и других радикальных сторонников «революционного бюджета», либо под воздействием шумной агитационной кампании, стала склоняться к тому, что блокирование бюджета – это удобный повод для того, чтобы сместить либеральное Правительство, добиться досрочных всеобщих выборов и вернуться к власти. В пользу жесткого неприятия налоговых новаций правящего Кабинета один за другим высказывались О. Чемберлен, лорд Милнер, Дж. Чемберлен, лорд Нортклиф, Дж. Гарвин и другие. Это незамедлительно сказалось на процессе обсуждения законопроекта. В Палате общин, даже не- смотря на абсолютное численное преобладание либеральной фракции, потребовалось провести по этому вопросу 72 заседания (включая несколько ночных) и 554 голосования по отдельным поправкам [19. P. 184]. Ничего похожего до этого в многовековой истории британского Парламента зафиксировано не было.

К завершающим стадиям обсуждения бюджета в Палате общин практически ни у кого из либеральных лидеров не было сомнений в том, что финансовый план Д. Ллойд Джорджа будет отвергнут Палатой лордов. Первым на именно такой исход дела указал У. Черчилль, в своем выступлении 4 сентября 1909 г. в Лейстере. По его мнению, предотвратить дальнейшее углубление конфликта между палатами Парламента можно было лишь отменив право абсолютного вето пэров [20. P. 1323]. В октябре к аналогичному выводу пришел и Д. Ллойд Джордж. Обсуждая перспективы предстоящих дебатов в верхней палате со своим братом, он так характеризовал настроения консервативных пэров: «В целом уже ясно, что они расценивают отклонение бюджета как возможное, если не как вероятное событие» [21. P. 232]. В связи с решительными намерениями тори, в правительственных кругах стали рассматривать возможные варианты уступок. Во время прохождения бюджета в третьем чтении в Палате общин, на заседании Кабинета даже было принято неожиданное решение о составлении альтернативного, менее спорного проекта финансового закона, чтобы на его основе договориться с лордами и избежать финансового краха в стране [22. P. 97]. На наш взгляд, все эти шаги были не проявлением малодушия перед непреклонной позицией консерваторов, а вполне продуманной линией поведения, нацеленной на завлечение пэров и лидеров тори в уже расставленную ловушку.

После того как 4 ноября 1909 г. нижняя палата значительным большинством голосов одобрила бюджет и он был отправлен на рассмотрение пэров, Правительство вновь заняло непримиримую позицию и заявило, что в случае отклонения

законопроекта последует немедленный роспуск Парламента [23. Col.133]. В этих условиях некоторые умеренные и осторожные консервативные политики, такие как лорд Литтон и Ф. Э. Смит предприняли попытку убедить лидера партии А. Бэлфура в опасности курса на жесткое противостояние и отклонение бюджета пэрами. Но «непримиримые» тори, подстегиваемые тем фактом, что результаты последних дополнительных выборов в некоторых парламентских округах свидетельствовали о снижении электоральной привлекательности либералов, сумели все же привлечь А. Бэлфура на свою сторону.

Когда бюджет 10 ноября 1909 г. поступил в верхнюю палату, его судьба была предрешена. Несмотря на предупреждения лорда канцлера о том, что намерения оппозиции являются прямым вторжением в прерогативу Короны и привилегии Палаты общин, большинство пэров было настроено решительно. Дебаты по финансовой схеме Правительства свелись к критике предложений Д. Ллойд Джорджа целиком и полностью с позиций консервативной партии. Автор бюджета обвинялся в том, что он потворствует социалистам и пытается протащить ряд провалленных ранее инициатив, а введение поземельных налогов, как считали некоторые «непримиримые», неминуемо приведет к национализации земли и т. д. [24. Col.744-777]. В конечном итоге в ходе голосования во втором чтении 30 ноября 1909 г. пэры отклонили бюджет Д. Ллойд Джорджа 350 голосами против 75 [25. Col. 1342]. Аргументируя свое решение, Палата лордов приняла резолюцию лидера консервативной фракции маркиза Лэнсдауна, в которой говорилось: «Палата не может дать согласие на этот билль, до тех пор, пока он не будет представлен на рассмотрение страны» [26].

Консервативные политики и публицисты обосновывали такое беспрецедентное решение Палаты лордов так называемой «доктриной мандата», возникновение которой относится к периоду борьбы вокруг второго Законопроекта о самоуправлении для Ирландии. В 1893 г. Палата общин одобрила этот билль, инициированный либеральным Правительством У. Гладстона, а консервативное большинство в верхней палате Парламента наложило на него вето. После этого вопрос о предоставлении автономного статуса Ирландии стал центральным пунктом политических программ партий на всеобщих выборах 1895 г., которые либералы проиграли. Торийские идеологи, приводя в пример этот прецедент, доказывали, что Палата лордов и в случае с отклонением бюджета выступает в качестве защитника демократии и хранителя конституции. Если законопроект вызвал столь жаркие дебаты в Парламенте и столь неоднозначно был встречен в обществе, то пусть свое слово скажет народ. Победа на выборах консерваторов будет означать, что страна проголосовала против бюджета, а сохранение у руля государственного руководства либералов – восприниматься как его санкционирование. Не случайно, «Таймс», оценивая отклонение бюджета пэрами, отмечала: «Вступив на этот путь, Палата лордов выполняет свой первейший конституционный долг, обязанность более широкую, глубокую и жизненно важную для процветания нации, чем какое-либо внешнее соответствие с условностью или обычаем» [27].

Правительство Г. Асквита естественно стремилось дать решению пэров совершенно другую оценку. Премьер-министр, выступая в Палате общин, предложил резолюцию, в которой говорилось: «Поступок Палаты лордов, отказавшейся утвердить финансовое постановление, принятое этой палатой на текущий год, является нарушением конституции и узурпацией прав Палаты общин» [28. Col. 546]. Лидер либералов, без сомнения, стремился перенести центр тяжести в межпартийном противостоянии с бюджетной проблемы на вопрос о взаимоотношениях и

полномочиях палат. Такую же позицию занимал и Д. Ллойд Джордж, который в этот же день заявил, что «не остался бы членом либерального Кабинета ни на один час, если бы не был уверен, что после выборов вся полнота власти перейдет Палате общин» [29. P. 699]. Подавляющим большинством голосов эта резолюция была одобрена депутатами 2 декабря 1909 г., после чего премьер-министр незамедлительно распустил Парламент и назначил на январь 1910 г. всеобщие парламентские выборы.

В ходе скоротечной предвыборной кампании аргументы главных противоборствующих сторон остались практически неизменными. Консерваторы и юнионисты пытались все внимание сконцентрировать на бюджете и выдвинуть в качестве альтернативы планам Д. Ллойд Джорджа идею о необходимости перехода к протекционизму. Лозунг «Голосуй за тарифную реформу и нанеси поражение бюджету» был наиболее популярным на их митингах и собраниях [30. P.9]. Торийские ораторы, среди которых необычайной активностью отличались обычно индифферентные в период всеобщих выборов пэры, без устали призывали избирателей отвергнуть бюджет правительства и отвести связанную с ним угрозу однопалатного Парламента. «Таймс» откровенно пугала англичан, отмечая, что всякий кто отдаст голос в поддержку администрации Г. Асквита, фактически выскажется за «отмену конституции и подрыв основ Соединенного королевства» [31].

Либералы, признавая серьезность проблемы налоговых споров и подчеркивая свою твердую приверженность свободе торговли, центр внимания все же стремились перенести на вопрос о необходимости реформирования верхней палаты Парламента. В их предвыборном манифесте говорилось: «Претензии Палаты лордов на контроль над финансами является новой и явной узурпацией, …верхняя палата разорвала конституцию и создала финансовую анархию…, поэтому ограничение права вето представляется первым и наиболее важным шагом, который необходимо сделать» [32. P. 31]. Таким образом, либералы не только еще раз подчеркивали, что вопрос о противостоянии пэров и избранных представителей народа они считают главным, но и четко заявляли о намерении законодательно изменить полномочия Палаты лордов. Их предвыборная кампания проходила под лозунгом «Пэры против народа».

Вместе с тем, не следует преувеличивать степень решительности намерений либеральных лидеров в этот период времени. За громкими и броскими пропагандистскими слоганами, на самом деле скрывалась вполне умеренная программа преобразований. Об этом свидетельствует тот факт, что в специальном меморандуме, который Г. Асквит составил для членов Кабинета в конце декабря 1909 г., он подчеркивал, что речь ни в коем случае не идет о полной ликвидации Палаты лордов как государственного института. «В демократической стране, – отмечал премьер-министр, – подобная палата нужна и выполняет полезные и достойные функции» [33. P. 79].

С другой стороны в арсенале либералов был и запасной вариант действий, на тот случай если пэры все же не согласятся на умеренный вариант реформирования своих прерогатив. Такой вывод можно сделать, проанализировав речь Г. Асквита, которую он произнес 10 декабря 1909 г. в лондонском Альберт Холле. «Мы не займем правительственный офис, – уверял премьер-министр, – и не станем его удерживать до тех пор, пока не сможем обеспечить гарантии, которые, как подсказывает наш опыт, являются необходимыми для пользы законодательного процесса и чести партии прогресса» [34. P. 240]. За этой туманной фразой скрывалось не что иное, как намерение добиваться от монарха назначения такого количества либеральных пэров, которое будет необ-

ходимо для преодоления сопротивления консервативного большинства в Палате лордов. Такой маневр уже применялся в британской истории. В 1711 г. королева Анна по совету торийского Правительства пожаловала 11 пэрских титулов, для того чтобы провести через верхнюю палату Парламента ратификацию Утрехтского договора. Несколько позже – в 1832 г. одного обещания короля Вильгельма IV премьер-министру графу Грею произвести массовые пожалования титулов вигам оказалось достаточно для того чтобы сломить сопротивление Палаты лордов во время борьбы за первую избирательную реформу.

В декабре 1909 г. Г. Асквит попытался добиться от короля Эдуарда VII гарантий пополнения верхней палаты Парламента необходимым количеством либеральных пэров, но получил решительный отказ. Монарх отметил, что предстоящие выборы могут рассматриваться как референдум по бюджету, в то время как вопрос о массовом пожаловании титулов на суд избирателей не выносился. Более того, он считал, что у него нет никаких оснований давать обещания в отношении только предполагаемого акта, который еще не представлен Парламенту [35. P. 115]. При этом, как сообщал личный секретарь Эдуарда VII – барон Ноллис, «король считает, что политика Правительства приведет к разрушению Палаты лордов» [36. P. 261]. Единственное, чего смог добиться премьер-министр, это то, что о провале его попытки получить гарантии суверена до поры до времени знали только три человека – он сам, монарх и барон Ноллис.

Результаты всеобщих парламентских выборы, проходивших с 14 января по 9 февраля 1910 г., в целом по разным причинам оказались неутешительными для обеих ведущих политических партий страны. Консерваторы и юнионисты существенно увеличили свое представительство в Палате общин. Они дополнительно выиграли в 116 округах, их фракция в Палате общин выросла до 272 человек, но этого оказалось недостаточно для возвращения к власти. Либералы, наоборот, по сравнению с прошлыми выборами проиграли в 125 округах, но все же получили 274 мандата и, соответственно, право сформировать Правительство. Правда теперь устойчивость и дееспособность нового Кабинета Г. Асквита зависела от поддержки 40 лейбористских депутатов и 82 ирландских националистов, но и те и другие на тот период времени были достаточно надежными союзниками [37. P. 18]. Формально либералы выиграли битву и считали, что народ высказался и в поддержку бюджета, и за реформирование Палаты лордов.

С другой стороны, сокращение превосходства над консерваторами с 334 мандатов до 124, да и то с учетом голосов депутатов малых союзных фракций, безусловно, сказалось на решимости некоторых лидеров партии большинства. Они стали сомневаться в том, что необходимо продолжать проводить масштабные социальные и политические реформы. Большинство правых либералов во главе с Г. Асквитом склонялись к тому, что следует сделать паузу и не обострять противоборство с тори. Радикально настроенные члены фракции, в массе своей, напротив, стремились развить успех и призывали к активности. Премьер-министр явно колебался. В тронной речи, которая была оглашена монархом 21 февраля 1910 г. намерения Правительства в отношении реформирования Палаты лордов были изложены достаточно обтекаемо и туманно: «Вскоре, как только это станет возможно, вам будут представлены предложения, точно определяющие отношения между палатами Парламента, обеспечивающие безусловные и неделимые права Палаты общин в финансовых вопросах и ее преобладание в законодательстве» [38. P. 5].

Не прибавило энтузиазма сторонникам ограничения полномочий пэров и сделанное в этот же день, но уже в Палате об-

щин заявление премьер-министра о том, что у него нет королевских гарантий пожалования титулов для сторонников Правительства. «Я говорю палате совершенно откровенно, – признавался Г. Асквит, – что мне не удалось получить таких гарантий, и я не просил таких гарантий. По моему убеждению, обязанность государственных деятелей и ответственных политиков в этой стране состоит в том, чтобы держать имя суверена и прерогативы Короны вне сферы деятельности политических партий настолько, насколько это возможно» [39. Col. 55-56]. Несмотря на это, Д. Ллойд Джордж и его радикальные единомышленники настаивали на продолжении «борьбы с лордами». Дальнейшие шаги в области социального реформизма с их точки зрения были возможны только в случае ограничения полномочий пэров. Лейбористы придерживались такой же позиции. Что касается ирландских националистов, то у них был дополнительный собственный повод добиваться реформы, ведь именно Палата лордов была непреодолимой преградой на пути к самоуправлению для Ирландии. Все чаще свою поддержку бюджета ирландцы напрямую увязывали с обещанием либералов провести реформу верхней палаты Парламента.

В целом период бюджетного кризиса имел чрезвычайно важное значение для планируемой либералами реформы Палаты лордов. Во-первых, окончательно определились приоритетные для основных противоборствующих сторон цели в этом вопросе. Правящая партия стремилась ограничить права пэров, лишить их возможности блокировать правительственные законотворческие инициативы, прежде всего, финансовые. Консерваторы и юнионисты любыми способами пытались сохранить сильную верхнюю палату и не допустить урезания ее прерогатив. Они готовы были согласиться на изменение принципов ее комплектования, но решительно не желали терять такой важный механизм контроля над законодательными инициативами своих политических оппонентов как подконтрольное большинство в Палате лордов.

Во-вторых, либералам удалость вывести эту проблему за рамки простого совершенствования системы центрального управления. Фактически спровоцировав отклонение пэрами бюджета 1909 г., они как бы давали избирателям понять, что именно аристократическая, невыборная, оторванная от интересов народа верхняя палата стоит на пути прогресса и успешного социально-экономического развития страны. Более того, они считали, что одержав относительную победу на всеобщих парламентских выборах в январе 1910 г., Кабинет Г. Асквита не только получил поддержку народа в бюджетном споре, но и мандат на ограничение властных полномочий пэров. Следующим логичным шагом Правительства должно было стать внесение в Парламент законопроекта о реформе Палаты лордов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons Debates. – Vol. 4. – Col. 546-547.

2. Ibidem.

3. Churchill W. S. W. S. Churchill: His Complete Speeches. 1897-1963. – L., 1974. – Vol. 2. – P. 1143.

4. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons Debates. – Vol.1. – Col. 448.

5. Ibid. – Col. 458-59.

6. Ibid. – Col. 474-475.
7. Ibid. – Col. 506-507.
8. The Daily News Year Book, 1910. – Manchester, 1910. – P. 17.
9. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons Debates. – Vol. 4. – Col. 546.
10. Ibid. – Col. 546-547.
11. New Age. – 13 May 1909.
12. The Forthnightly Review. – 1 May 1909.
13. Frazer P. Joseph Chamberlain. Radicalism and Empire. 1868-1914. – L., 1966. – P. 290-291.
14. The Times. – 11 September 1909.
15. Lloyd George D. Better Times. – L., 1910. – P. 159.
16. Ibid. – P. 174.
17. George W. My Brother and I. – L., 1958. – P. 232.
18. Churchill R. Winston S. Churchill. – Boston, 1967. – P. 312.
19. Thompson M. David Lloyd George. The Official Biography. – L., 1948. – P. 184.
20. Churchill W. S. Op. cit. – P. 1323.
21. George W. Op. cit. – P. 232.
22. Cross C. The Liberals In Power. 1905-1914. – L.,1963. – P. 97.
23. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Lords Debates. – Vol. 4. – Col. 133.
24. Ibid. – Col. 744-777.
25. Ibid. – Col. 1342.
26. Ibidem.
27. The Times. – 01 December 1911.
28. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons. – Vol. 13. – Col. 546.
29. Du-Parcq H. Life of David Lloyd George. – L., 1912. – Vol. 2. – P. 699.
30. Macnamara T. J. The Political Situation. – L., 1909. – P. 9.
31. The Times. – 01 January 1910.
32. Liberal Party General Election Manifestos 1900-1997 / Ed. by I. Dale. – L., 2000. – P. 31.
33. Asquith H. H. Fifty Years of Parliament. – L., 1926. – Vol. 1. – P. 79.
34. Цит. по: Murray B. K. The People's Budget, 1909-1910: Lloyd George and Liberal Politics. – Oxford, 1980. – P. 240.
35. Bogdanor V. The Monarchy and the Constitution. – Oxford, 1997. – P. 114-115.
36. Spender J. A. and Asquith C. Life of Herbert Asquith, Lord Oxford and Asquith. – L., 1932. – Vol. 1. – P. 261.
37. British Electoral Facts 1832-2006 / Comp. and ed. by C. Rallings and M. Thrasher. – L., 2007. – P. 18.
38. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Lords. – Vol. 5. – Col. 5.
39. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons Debates. – Vol. 14. – Col. 55-56.

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ И ТУРИЗМУ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 94(47).08
ББК 63.3(2)522-334

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

СТАНОВЛЕНИЕ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНИЙ В ПЕРИОД С 1870 ПО 1917 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА РЯЗАНИ)

М. В. Князева

Данная публикация освещает процесс становления архитектурно-строительной службы в период 1870-1917 гг., осуществлявшей процесс регулирования в градостроительной области и сыгравшей немаловажную роль в развитии города г. Рязани. Автор пытается дать анализ основных этапов формирования структурного учреждения, являющегося составной частью административно-организационных преобразований городского управления.

Ключевые слова
Городовое положение, городское управление, городской архитектор, деятельность, специалист

Тема городской архитектурно-строительной службы не получила достаточного освещения в отечественной историографии.

Одними из самых важных источников в изучении обозначенной темы являются документы законодательного характера. Среди них особое место представляют «Строительный устав», который был включен в Свод законов Российской империи (т. XII, ч. 1) и «Урочное положение», вошедшее в Собрание узаконений и распоряжений Правительства. В статьях этих документов оговаривался ряд вопросов, касающихся интересующей нас темы. В них отражено отношение государства к архитектурно-градостроительной тематике государственных структур и её исполнителей.

Едва ли не единственным в рассмотрении деятельности органов исполнительной власти является труд Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России»[1]. Учебник по истории государственных структур содержит краткие сведения наиболее значимых периодов функционирования основных министерств дореволюционной России, в том числе и ведомства внутренних дел, долгое время ведающего архитектурно-строительными вопросами. Важными, являются работы Е. К. Казаневой и Л. М. Муртазиной. Предметом исследования трудов Е. К. Казаневой стали процессы становления должности главного архитектора, рассмотрены основные этапы архитектурной деятельности в различные исторические периоды[2]. На основе уже сформулированных понятий «деятельность» и «архитектурная деятельность» излагается свое воззрение деятель-

ности главного архитектора города[3]. В работе Л. М. Муртазиной[4] разбирается профессиональная, творческая и общественная деятельность зодчих на примере Казанской губернии.

Опираясь на корпус выявленных на сегодняшний день источниковых материалов, среди которых биографические данные о зодчих, хранящиеся в архивах, музеях и частных собраниях, автором настоящей статьи сделана попытка воссоздать историю органов архитектуры города Рязани, казавшуюся ещё совсем недавно «белым пятном», а также восстановить имена людей, стоящих у «руля» архитектурной службы.

Первая половина XIX в. стала периодом формирования социально-экономических основ для самостоятельной работы городских общественных управлений в области благоустройства и строительства. Это способствовало стремлению высших органов власти в организации рациональной структуры городского управления. Нельзя не отметить и тот факт, что крупной вехой в реформах местного самоуправления стало проведение городской реформы, которая ознаменовалось выходом «Городового положения» 1870 г.[5].

Этот документ стал общероссийским законодательным актом, признавшим независимость городского самоуправления от правительственного попечения, давший городам больше возможностей для ведения самостоятельной деятельности. В области архитектуры и вопросах государственного регулирования над градостроительными процессами эти послабления выразились в появлении индивидуальных проектов местных архитекторов, что по существу означало отказ от обязательного применения «образцовых» проектов и, следовательно, отказ от градостроительных принципов, заложенных в конце XVIII – начале XIX вв.

Городским органам всесословного самоуправления (городские думы и управы) вверялись административные и хозяйственные задачи[6]. В функции городских управ входило наблюдение за строительством. Им давалось право издавать местные постановления, касаемые строительной части, вносить свои изменения в генпланы. Всё это, несомненно, позволило более оперативно решать вопросы между заказчиком и подрядчиком.

Реформы 1860-х гг. оказали существенное влияние на возрастающую роль градостроительства и как следствие, развитию всех сторон городской жизни. Если в 1847 г. в Рязани насчитывалось 18641 жителей[7], то к 1860 г. население возросло до 24876[8], а в 1883 г. в Рязани проживало 30118 человек[9]. Такой рост приводит к увеличению концентрации населения, в результате чего в Рязани с 1870-х гг. начинается активное возведение жилых и общественных построек: сооружаются торговые и административные здания, лечебные заведения и школы, доходные жилые дома, гостиницы.

Одновременно с этим, для регулирования и контроля за застройкой городов в соответствии с действующими указами, возникает потребность в кадрах, вследствие чего в российских городах вводится должность городовых архитекторов, которая характеризовала и само понятие «архитектор» – главный строитель и то, над чем он работал – город. Как справедливо заметила Е. К. Казанева, она (должность), должна была стать «основной составляющей архитектурно-градостроительной службы муниципалитетов»[10].

Рязанская губерния, как и вся страна, испытывала их заметное воздействие на всю общественную деятельность края. Согласно Положения, Рязанская городская Дума приняла решение о введении штатной единицы для исполнения обязанностей городского архитектора[11].

В губернском городе определялась только одна ставка. Первым городским архитектором в Рязани стал К. И. Покровский. Именно ему в 1871 г. пришлось организовывать работу и сформировать пер-

вый штат городской архитектуры губернского города. На сегодняшний день его биографических данных не обнаружено. Из найденных в государственном архиве Рязанской области чертежей[12] стало известно, что он был автором проекта духовного училища в г. Раненбурге[13]. Кроме него, в рассматриваемый период городскую архитектуру возглавляло ещё восемь архитекторов: А. К. Левенштерн, Ф. Э. Войницкий, И. В. Стопычев, А. М. Селиванов, И. С. Цеханский, М. А. Бергер, П. В. Симонов, Н. Я. Егоров.

Тридцатидевятилетний надворный советник Адальберт Карлович Левенштерн (1841-1902 гг.) вступил на должность Рязанского городового архитектора в октябре 1875 г.[14]. Ввиду того, что в июне 1880 г. им не были представлены технические сметы на ремонт зданий, мостов и др. сооружений, городская Дума постановила «за неисполнение г. Левенштерном поручений Управления, выдачу жалованья прекратить и сообщить куда следует, об увольнении со службы»[15].

На освободившуюся должность, в июне 1881 г.[16] городским архитектором назначается Фаддей Эдуардович Войницкий (1851- ?). К этому времени ему исполнилось 29 лет[17]. Все складывалось успешно: карьера, в столь раннем возрасте, повышение в чинах. Но, прослужив в Рязанской губернии до июня 1884 г., из-за тяжелой болезни, надворный советник Ф.Э. Войницкий не смог больше исполнять свои обязанности. В ноябре того же года было произведено освидетельствование умственных способностей, в результате которого «Особое Присутствие признало его одержимым сумасшествием»[18]. 31 октября 1884 г.[19] городским архитектором становится отставной титулярный советник И. В. Стопычев (~1811-11 г.- ?)[20]. Спустя четыре года А. М. Селиванов (1858-1903 г.р.), служивший инженером в Рязанском городском управлении подал прошение на должность городового архитектора. Прошение было удовлетворено, о чем подтверждает выписка из журнала Рязанской городской Думы от 24 октября 1888 г., в которой говорится: «..Постановлено: определить гражданского инженера Селиванова на должность городского архитектора…»[21] с 28 октября того же года. С 3 августа 1895 г. по (июль 1901 г. - март 1902 г.) на посту рязанского городского архитектора находился И. С. Цеханский (1864 г. - 1934 г.[22]). В период с 24 июня 1902 г. по 1904 г. архитектурой руководит М. А. Бергер.

На замещение должности городского архитектора приглашались лица, имеющие специальное архитектурное (выпускники Академии художеств и училища живописи, ваяния и зодчества) или инженерное образование (окончившие строительное училище или Институт гражданских инженеров, которые впрочем, так же получали основу архитектурного дела). Училище живописи, ваяния и зодчества закончил И. С. Цеханский. Строительное училище – А. К. Левенштерн и Ф. Э. Войницкий. За неимением таковых, назначали выпускников из учебных заведений других ведомств. Так, например, дважды в истории деятельности городовых архитекторов Рязани дореволюционного периода этот пост занимали специалисты железнодорожного ведомства: П. В. Симонов, поступивший на службу городского архитектора 5 декабря 1907 г. и помощник рязанского городского архитектора в Рязанской городской управе Н. Я. Егоров (1877 г. - ?)[23], исполнявший данную должность всего два месяца.

Согласно утвержденного Положения благоустройство территории города и его планировочной структуры (упорядочивание жилой и общественной застройки в соответствии с нормами пожарной безопасности и внешнее благоустройство, т. е. устройство и содержание улиц, площадей, тротуаров, мостов; разбивка городских общественных бульваров; устройство рынков и базаров), а также частные постройки находились в ведении города. Строительство последних осуществлялось через местные

органы власти и непосредственно под наблюдением городского архитектора.

В их обязанности входило: составление технических смет на ремонт зданий и мостов, составление планов и выработка детальных чертежей проектируемых зданий и сооружений. Но, важным для настоящего исследования выводом из работ Е. К. Казаневой, является вывод о том, что основу в обязанностях городского архитектора составляли все-таки административно-контролирующие функции[24]. Сюда относились подготовка разрешительной документации и согласование на возведение новых частных построек, ремонт и реконструкция существующих зданий и сооружений, а также наблюдение за строительством и производством ремонта, находящегося в его ведении зданий.

Под контролем городских архитекторов были возведены: здание Рязанского Епархиального женского училища (теперь Рязанский государственный университет, арх. И. В. Стопычев)[25], пристройка к основному зданию Епархиального женского училища, летний клуб Дворянского Собрания (ул. Урицкого, 72), богадельня сестёр Титовых (ул. Свободы,32), дом родовспоможения (Полонского,7, арх. И. С. Цеханский)[26], школа на ул. Мясницкой (теперь ул. Горького), пристройка к школе III по ул. Астраханской (арх. П. В. Симонов)[27].

На основании примечания 2, статьи 114 Городового положения причислялись архитекторы к общественным органам – городским Управам. Причем назначение, равно как и определение размеров их содержания из городских средств, было возложено на городскую Думу. Об этом свидетельствует документ, сохранившийся в фондах Рязанской городской управы[28].

Однако, несмотря на довольно обширный круг вопросов, Управа воспринимала обязанности городского архитектора только лишь с точки зрения рассмотрения и утверждения планов и фасадов партикулярных строений. Возможно, именно это обстоятельство, объясняет относительно небольшую сумму месячного денежного вознаграждения, определенного городской Думой городовому архитектору. Так например, И. В. Стопычев в 1829 г. получал 150 руб. в год, в 1887 г. – 420 руб. в год[29]. В 1888 г. – Селиванову было определено – 600 рублей в год[30]. Годовая зарплата И.С. Цеханского в 1901 г. составляла 1000 рублей[31].

Недостаточное жалованье находившихся на службе архитекторов городского самоуправления, заставляло их в свободное от работы время заниматься проектированием и совмещать службу (с получением жалованья) в разных учреждениях.

Такое совмещение дозволялось Строительным Уставом[32] и поначалу это устраивало Управу. И. С. Цеханский с 10 августа 1901г. по 1 марта 1902 г. совмещал обязанности городского архитектора с должностью младшего инженера строительного отделения Рязанского Губернского Правления[33]. Впоследствии, в виду всё возрастающих объемов строительства в начале XX века, Рязанской Думой был поднят вопрос об определении другого кандидата на пост городского архитектора, указывая на то, что по недостатку времени городской архитектор не может служить в двух местах одновременно. К тому же, цитируя строчки из выписки журнала Рязанской городской Думы от 15 февраля 1902 г.: «Если городской архитектор составляет планы и в тоже время наблюдает за постройкой, то конечно в этих случаях возможны неправильные постройки и захват городской земли»[34].

Такое положение заставило городскую Управу поставить вопрос об увеличении размеров содержания главного архитектора. Подняв данную проблему на одном из февральских заседаний Рязанская Дума приняла решение о повышении жалованья до 1500 руб. в год[35]. Для сравнения: городской голова получал 250 руб. в месяц (3000 руб. в год); городской врач – 25 руб. в месяц (300 руб. в год)[36]. И уже следующий городской архитектор П. В. Си-

монов «Содержание получал по должности городского архитектора тысячу пятьсот рублей (1500 руб. в год)»[37].

Выбор кандидатуры также возлагался на городскую Думу. Найти подходящего специалиста, соответствовавшего определенным критериям, представляло иногда большую сложность. К примеру, в октябре 1884 г. на должность городского архитектора был утвержден И. В. Стопычев, которому к моменту назначения исполнилось 74 года. Это говорило о том, что более подходящей кандидатуры не было. Получив ещё в 1840 г. от Академии художества звание свободного художника И. В. Стопычев определяется на службу в Рязанскую строительную комиссию. С 1850 г. работает архитекторским помощником в Рязанской строительной и дорожной комиссии. «По преобразовании Гражданской строительной и Дорожной части, на основании Высочайше утвержденного 29 октября 1864 г. мнения Государственного Совета, в числе прочих оставлен на общем основании за штатом от 1 июля 1865 г.»[38]. С 1880-1881 гг. он – городовой архитектор[39].

В качестве претендентов на вакантную должность, рассматривались не только местные специалисты, число которых было сильно ограничено, но и соискатели из других губерний. Так, в 1902 г. Рязанская Дума стояла в затруднительном положении. Приглашенные из Петербурга, помощник по производству строительных работ И. И. Прокопенко[40] и инженер Тиминский по разным причинам отказались от предлагавшейся им должности. Кандидатуры двух других отклонили депутаты, ввиду того, что один из них Н. Н. Данилович уже состоял на другой службе и хотел совмещать должности. Последнему, военному инженеру П. Д. Николасу[41] было отказано «по определению». Из 5-ти претендентов был выбран техник архитектуры М. А. Бергер[42], который руководил городской архитектурой до 1907 г.

Рязань, как и многие отечественные города в Российской империи, с 1780 г. развивалась по генеральному плану, утвержденному Екатериной II. Все постройки в городе сооружались в соответствии с этим планом. Корректировки в плане регламентировались строительным Уставом. После принятия Городового положения для принятия изменений в плане обязательным стало наличие Постановления городских дум.

Поэтому в связи с распространением города Рязани и возникновением спорных вопросов с частными лицами о земле, в 1895 г. городская Дума одним из своих постановлений возложила составление нового плана на городского архитектора[43]. В то время эту должность исполнял А. М. Селиванов. После долгих переписок решено было ограничиться составлением копии с плана 1780 г., с показанием на нём вновь застроенных мест, так как «никаких отступлений или изменений от Высочайше утвержденного плана, при уст-ройстве города Рязани не замечалось <…..>. Изменения в плане выразилось только в том, что незастроенные прежде места в настоящее время застроены, без нарушения очертаний кварталов»[44].

Следует отметить, что получив образование инженера в Санкт-Петербургском институте гражданских инженеров и получив диплом гражданского инженера Селиванов, хорошо разбирался и в градостроительстве. Он с успехом усвоил композиционные правила планировочной структуры классицизма, основанные на принципах регулярности и относился к утвержденному проекту генерального плана, как к документу, подлежащему неукоснительному исполнению[45].

В решении возросших потребностей городского хозяйства городской архитектор был не единственным специалистом в рассмотрении и согласовании городских планов. Требовались такие специалисты как санитарные врачи, дорожники, инженеры-водопроводчики. Осуществление этих вопросов требовало координации составления планов. В связи с этим, в 1916 г. техничес-

ким комитетом МВД была выпущена инструкция для руководства при составлении планов городского поселения, представляемых на утверждение в МВД, которая повторяла инструкцию, утвержденную в феврале 1870 г. и разосланную циркулярным предписанием № 66 от 10.03.1870 г.

Кроме общих положений, Инструкция отражала рекомендации:

– при устройстве создаваемых вновь городских поселений;

– при существующих городских поселениях, но не имеющих вовсе утвержденных планов;

– при частичном изменении утвержденного плана города;

– при распространении существующего городского поселения.

Во всех перечисленных случаях планы подлежали утверждению и представлению в городскую общественную управу. В соответствии с §12 гл. III указанной Инструкции[46], на проектных планах должно было оставаться достаточное количество свободного пространства для устройства площадей, в том числе для торговли, парков, газонов, для игр и пр., что являлось свидетельством особой заботы о благоустройстве городского пространства.

Изучение деятельности архитекторов в органах самоуправления позволило прийти к заключению, что архитектурно-строительная служба управлений Российской империи представляла одну из важнейших составляющих в системе государственно-исполнительных органов, которая не могла быть абсолютно независима от государства. В задачи функционирования данной структуры входили не только благоустройство города. От неё зависело создание городского силуэта и его элементов в концепции пространственного решения, специфика (своеобразие и непохожесть) которого в большей степени, являлась следствием действий местных управленческих структур.

Подводя итог, следует отметить, что в структуре городских общественных управлений г. Рязани была создана архитектурно-строительная служба, осуществлявшая процесс регулирования в градостроительной области и сыгравшая немаловажную роль в развитии города, а утверждение должности главного архитектора города повысило статус и значение архитектурно-градостроительной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.

[2] Казанева Е. К. Становление архитектурной службы и должности главного архитектора в России // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ). – 2009. – № 1. – С. 32-44.

[3] Казанева Е. К. Деятельность главного архитектора города: понятие, теоретическая модель и принципы оценки. Архитектон: известия вузов [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Урал ГАХА, 2008. – N 4 (24).

[4] Муртазина Л. М. Профессиональная и общественная деятельность архитекторов Казанской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. ... канд. истор. наук. – Казань, 2000.

[5] До этого действовало «Городовое положение», утвержденное Екатериной II в 1785 г. По Жалованной грамоте на права и выгоды городам Российской империи Екатерина II, расширяла и весьма подробно регламентировала устройство и функции органов городского самоуправления.

[6] Ерошкин Н. П. Указ. сочинение. – С. 234.

[7] Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф-5. Оп. 2. Д. 410. Л. 42-

об., 43.

[8] Памятная книжка для Рязанской губернии на 1860 г. Сост. Ф. Смирновым. Тип. губ. правления, 1860. – Статистические табл. № 1. – С.4.

[9] Календарь и справочный указатель г. Рязани на 1883 г. Сост. А. В. Селивановым и А. А. Фотиевым. – Рязань. Типография наследников З. П. Позняковой, 1882. – С. 145-146.

[10] Казанева Е. К. Становление архитектурной службы …– С. 36.

[11] До этого все вопросы городского благоустройства были в ведении губернского архитектора.

[12] ГАРО. Ф. 4. Оп. 545. Д. 3. Л. 20, 21.

[13] Бывшая Рязанская губерния. Теперь г. Чаплыгин Липецкой области.

[14] ГАРО. Ф. 4. Оп. 47. Т. 14. Д. 622.

[15] ГАРО. Ф. 19. Оп.1. Д. 348. Л.1.

[16] Там же. Л. 2 об.

[17] ГАРО. Ф. 4. Оп. 47. Т. 4. Д. 3440. Л. 25об.-26.

[18] ГАРО. Ф. 4. Оп. 47. Т. 5. Д. 3715. Л. 3, 12.

[19] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3174. Л. 1об.

[20] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3174. Л. 4.

[21] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3155.

[22] Рязанская энциклопедия / Гл. ред. В. Н. Федоткин. – Рязань: Стиль, 1995. – С. 655.

[23] ГАРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3030. Л. 2.

[24] Казанева Е. К. Становление архитектурной службы … – С. 34.

[25] Давыдова А. С. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Труды 92. Рязанская область. – НИИ культуры, 1980. – С. 70.

[26] Там же. – С. 63- 64.

[27] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Оп. Д. 1537. Л. 17.

[28] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2740. Л. 1.

[29] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3174. Л. 4.

[30] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3155. Л. 1.

[31] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2764. Л. 1.

[32] Строительный устав. Св. Зак. Т. XII. Ч. 1. Гл. 4. П. 34 // Изд. 1900 г. (неофициальное). Под редакцией И. Д. Мордухай-Болтовского. – СПб: Русское книжное изд. «Деятель», 1912.

[33] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2764. Л. 7; Д. 1181. Л. 3.

[34] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1181. Л. 3.

[35] Там же. Л.14.

[36] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1151. Л. 4.

[37] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3159. Л.15.

[38] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3174. Л. 5.

[39] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2740. Л. 3.

[40] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1181. Л. 4.

[41] Там же. Л. 14.

[42] Там же. Л. 38.

[43] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 461. Л. 25.

[44] Там же. Л. 68.

[45] В фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника сохранились составленные А. М. Селивановым генпланы строений жилых домов в г. Рязани. РИАМЗ. НА-926.

[46] ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2395. Л. 9.

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622,11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ И КОЛОНИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Кандидат исторических наук Н. А. Мухинова

В данной статье рассказывается о реакции заключенных исправительно-трудовых лагерей Советского Союза на факт начала Великой Отечественной войны. На основе анализа воспоминаний бывших узников ГУЛАГа автор выделяет несколько категорий заключенных, по-разному отозвавшихся на нападение Германии на СССР. Автор отмечает, что политические заключенные в большинстве своем были настроены патриотически и приложили все силы для победы над фашизмом.

Ключевые слова
ГУЛАГ, Великая Отечественная война, заключенные, исправительно-трудовые лагеря, воспоминания

«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами», – так закончил свое выступление нарком иностранных дел В. Молотов, обращаясь к советскому народу после нападения 22 июня 1941 года Германии на Советский Союз. Враг напал серьезный и опасный, на борьбу с которым поднялось практически все население СССР. В обществе к тому времени уже сформировался образ врага, однако врага внутреннего – главного противника советской власти. К началу войны в исправительно-трудовых лагерях и колониях, по официальным данным, содержалось около 2 300 000 человек[1], среди которых имелись и «враги народа», и «члены семей изменников Родины», и немецкие, японские «шпионы».

В отечественной исторической науке с середины 1990-х годов начинают появляться работы, посвященные характеристике массового сознания советского населения в годы Великой Отечественной войны[2]. Целью подобных исследований зачастую становится анализ ментальных источников достижения победы. В результате исследователи приходят к выводам о важнейшей роли менталитета, общественного сознания советских жителей в победе над фашизмом. Однако, как утверждает, к примеру, В. Ф. Зима: «К твердому решению защищать Родину многие люди пришли не сразу. …Значительная часть граждан была морально не готова защищать существующий режим»[3]. К этой группе логично было бы отнести в первую очередь тех, кто стали узниками исправительно-трудовых учреждений и с началом войны могли бы стать главными противниками советской власти внутри государства. Какова же была

реакция гулаговского социума, являвшегося специфическим обществом со своими нормами, правилами, и более того, обществом, лишенным свободы, униженным и обиженным властью, на известие о начале войны?

Важнейшим источником, позволяющим получить ответ на заданный вопрос, являются мемуары, написанные заключенными исправительно-трудовых учреждений СССР. Количество как опубликованных к настоящему времени, так и доступных исследователю неопубликованных мемуаров узников советских лагерей позволяет анализировать индивидуальные размышления авторов, эмоции, оценки происходившего, которые в сумме позволяют с большой долей достоверности воссоздать общие представления, слухи, стереотипы мышления, типичные реакции заключенных на начало войны. В результате анализа мемуаров складывается общая картина восприятия заключенными начала Великой Отечественной войны, становится понятным психологический фон событий, атмосфера, царившая в лагерях в июне 1941 года.

В мемуарных источниках подобного плана среди основных содержательных линий можно выделить два ключевых момента восприятия гулаговцами начала войны. Во-первых, это реакция заключенных на сам факт нападения Германии на Советский Союз. Во-вторых, описание изменений повседневной обстановки в исправительно-трудовых учреждениях, последовавшей после начала войны.

Великая Отечественная война – неизменная тема исследованных нами мемуаров, о ее начале пишут практически все мемуаристы, встретившие ее «за колючей проволокой». Нападение Германии на Советский Союз изменило жизнь практически каждого советского жителя, в том числе и тех, кто находился в местах заключения. Это событие изменило их жизнь, как и жизнь любого человека той эпохи.

Конечно, не для всех «лагерных» мемуаров той эпохи характерно подробное описание или анализ событий, потрясавших жизнь страны. Встречаются и краткие, лишенные каких-либо деталей описания: «В 1941 началась война, и мы работали по 10 часов без выходных. Работали мы, как и весь советский народ, напряженно и добросовестно. Однажды к нам на работу приехал комендант Битаров, и объявил: «Война закончилась, пошли на митинг»[4]. Основными причинами подобной немногословности могли являться не только личные особенности восприятия военной эпохи, но и стилистико-тематическая «заданность» материала, а также ограниченность рамок публикации воспоминаний.

Вместе с тем в большинстве лагерных нарративов начало войны и первые военные месяцы описаны достаточно эмоционально и подробно. О нападении Германии на СССР гулаговские жители узнали практически сразу. Источники информации, как показывает анализ, были различны. В частности, к ним относятся слухи: «вернулся стрелок, ездивший за хлебом на кирпичный завод, распространился слух, что началась война»[5], сообщения персонала: «о том, что началась война, мы узнали только 26 июня 1941 года. В тот день нашу камеру повели в баню и там от обслуживающего персонала мы и услышали страшную весть»[6]. Официального объявления о начавшейся войне, как утверждают многие мемуаристы, во многих исправительно-трудовых учреждениях не прозвучало ни разу. Очевидно, такая ситуация была детерминирована особым внутриполитическим положением заключенных, намеренно лишаемых участия в жизни социума, даже в столь масштабном общенациональном деле, как война.

Известие о начале войны возымело сильное воздействие на заключенных ГУЛАГа. Лагерные воспоминания, посвященные событиям июня 1941 года, дают достаточно объемную картину эмоцио-

нальных откликов на потрясения в жизни страны.

Восприятие начавшейся войны в среде осужденных было неоднородным и зависело, в частности, от личностных качеств заключенных, от режима содержания, от дислокации лагеря. Исследование текстов мемуаров позволило нам выделить в гамме откликов на события некоторые типичные реакции.

Первый тип отношения к событиям начала войны – *уклонистский,* метко выраженный в расхожей среди части заключенных поговорке: «лучше кашки не доложь, но на фронт нас не тревожь!» В большинстве своем утверждающие так, как показывают данные исследования, были нарушителями уголовного кодекса, осужденными за убийства, разбой, хулиганство и т. д. Лагерь, несмотря на суровые условия содержания, оказывался для них убежищем от участия в боевых действиях.

Особая реакция, или, вернее, практическое *отсутствие* какой-либо реакции наблюдалось среди истощенных голодом, потерявших смысл жизни узников лагерей и колоний. Подобные представители гулаговского социума на страницах воспоминаний фигурируют как «доходяги», «фитили» и т. п. Их существованию в лагере вполне можно приписать ту же характеристику, что дает подобным заключенным в немецких концлагерях известный психолог Б. Беттельхейм: «Это были заключенные, настолько утратившие желания, самоуважение и побуждения в каких-то ни было формах, настолько истощенные физически и морально, что полностью подчинялись обстановке и прекращали любые попытки изменить свои жизнь и окружение»[7].

Третий тип реакции – *опасение за жизнь*. Авторы воспоминаний, осужденные в большинстве своем по статьям о контрреволюционных преступлениях, описывают испытанный ими в начале войны страх, что появление внешнего врага сильно отразится на их судьбе, возможно, приведет к уничтожению «внутренних врагов» режима. Многие мемуаристы вспоминают свои ощущения того момента: «с тревогой ждали перемен», «мы понимали, что ничего хорошего в жизнь зэка война не принесет», «что же будет со страной и что ждет нас», и делали выводы: «главбух и Володя Богданов решили, что нас, врагов народа, расстреляют»[8].

И эти опасения политзаключенных были не безосновательными. На страницах мемуаров встречаются описания единичных случаев расстрела, инициированных лагерным начальством.

Вместе с тем подобные настроения множились в форме слухов, не имея основы в политическом курсе страны. Не имея во многих случаях никакой официальной информации о происходящих в стране событиях, о намерениях советского руководства, заключенные были вынуждены удовлетворяться слухами и домыслами, гиперболизировавшими угрожающее положение. Слухи основывались «как на подлинных фактах расстрелов заключенных, – пишет об опасениях «социума в неволи» В. А. Козлов, – так и на долетавших до зэков разговорах охранников о секретных совещаниях оперативного состава, на которых якобы зачитывался какой-то секретный приказ НКВД о превентивных расстрелах. Среди документов, хранящихся в Государственном архиве РФ, не удалось обнаружить ни самого приказа, ни ссылок на него. Тем не менее слухи об угрозе составили один из ключевых компонентов новой социально-психологической реальности ГУЛАГа, коллективной мобилизации и самоорганизации заключенных»[9].

Четвертый тип реакции – *повстанческая деятельность*. Пережив подобные страхи, лагерный контингент, осужденный за контрреволюционные преступления, а также за мелкие бытовые, хозяйственные преступления, начал решать

вопрос об отношении к войне, определении своего места. Коллективная мобилизация привела в ряде лагерей к созданию повстанческих групп. Начальник ГУЛАГа В. Г. Наседкин в официальном докладе Л. П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны» сообщает, что с началом войны активно проявила себя вражеская антисоветская деятельность узников в виде создания повстанческих групп, подготовки побегов из лагерей и колоний, распространения фашистской агитации. В российской и зарубежной исторической литературе имеются крайне противоречивые оценки повстанческой деятельности заключенных. Тем не менее, говорить о повсеместном проявлении пораженческих настроений, отражающихся в создании антисоветских групп и выступлений, в исправительно-трудовых лагерях и колониях не приходится: данный тип реакции на событий начала войны не является преимущественным.

Наконец, последний из выделенных нами и наиболее массовый тип реакции – *патриотический, добровольческий.* Большая часть политических заключенных не была готова к сотрудничеству с немецким фашизмом: «не выветрилась любовь к родине-матушке России». Поражение Советского Союза в войне привело бы к падению не только власти, изолировавшей зачастую невинных людей в ГУЛАГ, но и самого государства. В среде заключенных распространялись идеи о том, что старание и рвение, проявленные в годы войны, возможно, приведут к их реабилитации и освобождению.

Эта надежда на лучший поворот событий, освобождение невинно осужденных, была типическим настроением заключенных, активизировавшимся в связи с какими-либо знаменательными событиями. Любое знаменательное событие в жизни государства рождало не только массу страхов, но и массу надежд. «Я не могу назвать всех причин, – пишет один из мемуаристов, – но каждый раз с приближением Нового года сердца узников загорались новыми надеждами, о чем только не думали несчастные, на какие перемены в своей горькой судьбе не рассчитывали? …Вдруг в Новый 1939 г. …товарищ Сталин обратится к советскому народу с новогодним поздравлением, на всю страну объявит, что в свободном социалистическом государстве в тюрьмах не должны сидеть осужденные без вины и преступлений»[10]. И в июне 1941 года заключенные «строили иллюзии, что война научит Сталина, он вспомнит про своих братьев и сестер, загнанных безвинно на каторжные работы». Для репрессированных заключенных начало Великой Отечественной войны стало событием, вызвавшим появление новых надежд на освобождение, реабилитацию.

Многие гулаговцы ринулись писать заявления с просьбой отправить на фронт, рассуждая, подобно Е. Гинзбург: «Мы готовы все забыть и простить перед лицом всенародного несчастья. Будем считать, что ничего несправедливого с нами не сделали. Только дайте нам теперь не сидеть здесь на потеху садистам, на ублажение параноикам. Пустите на фронт! Ведь война! Ведь фашисты!»[11] Патриотический настрой налицо практически во всех воспоминаниях.

По официальным данным, за первые три года войны на фронт из лагерей было отправлено 975 человек. Среди них были только заключенные, осужденные за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, а также те, кто освобождался в эти годы. За боевые подвиги бывшие заключенные ГУЛАГА были награждены медалями и орденами, пять из них стали Героями Советского Союза.

Истинный патриотический порыв, описанный в воспоминаниях заключенных, подтверждается и другими источниками. В письме проработавшего в первые годы войны в трех северных лагерях Г. Покровского рассказывается о нескольких

случаях проявленного патриотизма заключенных именно в первые дни войны. Так, во время эвакуации одного из подразделений Сороклага НКВД, находившегося на территории Карело-Финской ССР, заключенных настигла танковая колонна немцев. «Колонна танков приближалась, положение становилось критическим, – описывает происходившее Г. Покровский, – тогда один из заключенных выскочил на лежневку, подскочил к стоящей грузовой автомашине, сел за руль и, развернувшись с полного хода, двинулся в сторону идущему головному танку. Налетев на танк, герой погиб вместе с машиной, но танк тоже стал и загорелся»[12].

Однако по поводу энтузиазма рвавшихся на фронт заключенных руководство страной имело свое мнение: оно лишило такой возможности осужденных за контрреволюционные преступления. Не получив возможности сражаться за Родину, заключенные, в зависимости от дислокации лагеря и задач, возложенных на него государством, трудились в тылу: производили танки, самолеты, боеприпасы, строили аэродромы, стратегически важные объекты и т. д. Не имея возможности рассказывать о боевых действиях армии в первые месяцы войны, мемуаристы акцентируют внимание на изменении лагерной повседневности. Воспоминания рисуют яркую картину, характеризующую исправительно-трудовые лагеря и колонии военного времени.

Начало войны практически все мемуаристы ассоциируют с ужесточением режима содержания. Практически во всех исправительных учреждениях было демонтировано радио, запрещена переписка, усилен конвой, ограничена возможность передвижения заключенных по лагерю, увеличены нормы выработки, ухудшилось питание.

В воспоминаниях прослеживается мысль, свидетельствующая об отсутствии какого-нибудь намека на сплоченность политических заключенных и лагерного начальства, охраны, конвоя в первые месяцы войны и в последующем. ГУЛАГ фактически превратился в производственный наркомат. На первый план вышли хозяйственные задачи. Заключенные-мемуаристы в большинстве своем сожалеют, что их старание, рвение, патриотизм не возымели никакого действия на отношение к ним руководства. Охранников и конвоиров мемуаристы называют не иначе как «мучители», «людоеды».

Особенно тяжелым стало положение в учреждениях ГУЛАГа, расположенных в западных частях страны, и в тех исправительно-трудовым лагерях и колониях, куда прибывали эвакуированные учреждения. Стремительное продвижение Гитлера на восток вынудило провести быструю эвакуацию. Обострилась проблема переполненности лагерей в восточных частях страны. Нормы рационов питания практически не соблюдались, резко возросла смертность. Как отмечали мемуаристы, в таких условиях гулаговский социум должен был вести борьбу за выживание. «К концу 41 года за получением паек хлеба ходили уже не по двое, а по пять-шесть человек, при этом брали с собой оружие - трубу железную, лопату с обломанной ручкой, а некоторые бригадиры имели коротенькие ломики и даже топоры… В звериной борьбе за выживание истощенные, доведенные до отчаяния люди буквально охотились за теми, кто обладал хоть каплей съестного»[13].

Однако есть и немногочисленные свидетельства, авторы которых упоминают об улучшении режима и смягчении условий содержания в середине 1941 года. Причиной определенного послабления в некоторых случаях стала частичная смена контингента лагерной охраны: часть персонала ушла на фронт, на замену ей пришли демобилизованные офицеры-фронтовики: «В режиме послабление пошло: вместо прежних 4 охранников прислали по 1 ополченцу на 25 зеков – кто слеповат, кто глуховат, кто хромоват. Стало по-

свободнее...»[14].

Таким образом, гулаговский социум имел специфическое восприятие начала Великой Отечественной войны. Нападение Германии в среде заключенных породило различные настроения: апатию и страх за свою жизнь, надежду на освобождение и добровольческие порывы. Основная масса заключенных проявила высокие патриотические чувства. Отправленные на фронт заключенные героически сражались за Родину, получая за службу медали и ордена. Лишенные такой возможности гулаговцы, несмотря на ухудшавшиеся условия содержания, решали производственные, хозяйственные задачи тыла, приближая День победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / Под. ред. акад. А. Н. Яковлева. – М., 2002. – С. 274

[2] См.: Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 гг. – М., 2000; Козлов Н. Д. С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2002; Поляков Ю. А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. – 1994. – №11; Сенявская Е. С. 1941-1945. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. – М., 1995 и др.

[3] Зима В. Ф. Указ. соч. – С. 16.

[4] Евсеев П. Я. [Воспоминания] // Будем помнить…: (Воспоминания жертв политических репрессий). – Самара, 2000. – С. 34.

[5] Абель А. Ф. На трассе лежневой дороги // Жизнь – смерть – жизнь: (Из незабываемого страшного прошлого). – Рига, 1993. – С. 136.

[6] Алин Д. Е. Мало слов, а горя реченька…: Невыдуманные рассказы. – Томск, 1997. – С. 126.

[7] Беттельхейм Б. Просвещенный человек // Человек. – 1992. – № 2. – С. 71.

[8] Абель А. Ф. Указ. соч. – С. 136.

[9] Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-начало 1950-х) // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5. – С. 103.

[10] Салахов И. Черная Колыма: (Хроника одной трагической судьбы). – Казань, 1991. – С. 125.

[11] Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности: в 2 т. – Рига, 1989. – С. 305.

[12] ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / Под. ред. акад. А. Н. Яковлева. – М., 2002. – С. 523.

[13] Алин Д. Е. Указ. соч. – С. 135.

[14] Ершов В. А. В лагерях сидели все: от портного до инженера // Страницы трагических судеб: Сб. воспоминаний жертв полит. репрессий в СССР в 1920-1950-е гг. / сост. Е. М. Грибанова, А. С. Зулкашева, А. Н. Ипмагамбетова [и др.]. – Алматы, 2002. – С. 109.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 94(470) + 94(5)
ББК 63.3(55)
Всеобщая история

ФОРУМ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (АТЭС) В ХАНОЕ В 2006 ГОДУ

Кандидат исторических наук Б. В. Сафронов

Статья посвящена Форуму АТЭС прошедшему в 2006 году в Ханое. На этом форуме рассматривались актуальные вопросы мирового экономического развитию. Все решения этого форума направлены на выполнение главной задачей организации: реализация Богорских целей в создании зоны свободной торговли и инвестиций к 2020 году.

Ключевые слова
Устойчивое развитие, многосторонняя торговая система, потенциал, зона свободной торговли, региональная экономическая интеграция, индивидуальные планы действий

Форум АТЭС в Ханое проходил с 15 по 19 ноября 2006 года. Как всегда он состоял из нескольких мероприятий, подводящих итоги прошедшего года. В первую очередь 15-16 ноября 2006 года состоялось восемнадцатая встреча министров иностранных дел и торговли стран входящих в АТЭС. В ней приняли участие министры, представляющие все экономики стран АТЭС. Совещание прошло под председательством заместителя Премьер-министра Правительства, Министра иностранных дел Социалистической Республики Вьетнам Фам Зя Кхиема и Министра торговли Социалистической Республики Вьетнам Чыонг Динь Туена.

Было принято Совместное заявление [1], в котором министры оценили работу за прошедший год в рамках, решаемой общей темы: «К динамичному сообществу в интересах устойчивого развития и процветания».

Министры:

– вновь подтвердили свою поддержку многосторонней торговой системы и приверженность достижению Богорских целей;

– обязались наращивать совместные усилия по преодолению разрыва в уровнях экономического и социального развития в регионе АТЭС и обеспечения устойчивого прогресса;

– обсудили основные результаты работы АТЭС в 2006 году под председательством Вьетнама и договорились об инициативах, подлежащих реализации в рамках Форума в 2007 году, который пройдет под председательством Австралии.

Министры договорились о нижеследующем:

I. Укрепление многосторонней торговой системы.

II. Об утверждении Ханойского плана

действий по реализации Пусанской «дорожной карты».

III. О региональных торговых соглашениях и соглашениях о свободной торговле (РТС/ССТ).

IV. О либерализация и облегчение условий торговли и инвестирования (ТИЛФ)

V. О борьба с коррупцией и транспарентности.

Министры:

– отметили, что коррупция угрожает безопасности и стабильности в регионе АТЭС, подрывает экономическую деятельность, создает преграды на пути развития торгово-инвестиционной деятельности и наносит ущерб усилиям АТЭС по достижению процветания и устойчивого роста в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– приветствовали усилия АТЭС по проведению во взаимодействии с соответствующими международными и региональными организациями инвентаризации двусторонних и региональных соглашений в области борьбы с коррупцией и призвали экономики принять полновесное участие в этом процессе;

– подчеркнули свою приверженность преследованию актов коррупции, особенно в случаях, когда в них вовлечены государственные чиновники высокого уровня, и лица, их коррумпирующие;

– подчеркнули значение координации усилий государственного и частного секторов в борьбе с коррупцией и обеспечении транспарентности.

VI. Безопасность личности.

1. Борьба с терроризмом и безопасность торговли

2. Безопасность здоровья

2.1. Повышение готовности к реагированию на вспышки «птичьего» и пандемического гриппа:

2.2 Борьба с ВИЧ/СПИДом в регионе АТЭС:

2.3. Повышение качества здравоохранения посредством применения информационных технологий:

3. Готовность к чрезвычайным ситуациям

4. Энергетическая безопасность

VII. Экономическое и техническое сотрудничество (ЭКОТЕК)

VIII. Экономические вопросы

1. Структурная реформа

2. Расхождение в уровнях социально-экономического развития

3. Обмен информацией по вопросам обеспечения устойчивого роста

IX. Взаимодействие с деловым сообществом

1. Диалог с Деловым консультативным советом (ДКС) АТЭС

2. Диалоги по вопросам промышленности:

2.1. Диалог по автомобильной промышленности

2.2. Диалог по химической промышленности

2.3. Диалог по цветным металлам

2.4. Форум по инновациям в области наук о жизни (ФИНЖ)

3. Диалог высокого уровня по вопросам сельскохозяйственных биотехнологий (ДВУСБ)

X. Культурные обмены и сотрудничество в области туризма

1. Культурные обмены и другие вопросы

2. Сотрудничество в области туризма

XI. Молодежное сотрудничество

XII. Гендерная интеграция :

XIII. Реформа АТЭС

Министры:

– одобрили подготовленный старшими должностными лицами в 2006 году доклад о мерах по реформированию АТЭС по трем направлениям, предусматривающим повышение эффективности деятельности, улучшение взаимодействия между рабочими органами и повышение динамизма работы АТЭС.

– подтвердили приверженность продолжению реформирования АТЭС с тем, чтобы Форум и впредь сохранял свою востребованность, эффективность и способность удовлетворять потребности эконо-

мик-участниц и бизнес-сообщества.

На совещании были оценены итоги работы в течении года профильных министерств.

Это были основные вопросы, которые рассматривали министры. Свой доклад они представили лидерам экономик, которые проводили свое заседание 18-19 ноября. Лидерами были приняты Ханойская декларация, Ханойский план действий по реализации Пусанской «дорожной карты», специальные директивы по борьбе с пиратством.

В Ханойской декларации 19 ноября 2006 гола [2] лидеры экономик АТЭС приняли следующие решения:

– согласились направить усилия на реализацию стоящей перед АТЭС цели построения здесь системы свободной и открытой торговли и инвестиционной деятельности;

– продолжить работу по предотвращению угроз устойчивому развитию, созданию безопасной и благоприятной среды для предпринимательской деятельности и упрочению безопасности личности.

– обязались продолжать работу по формированию динамичного и гармоничного Азиатско-Тихоокеанского сообщества через построение стабильных обществ в интересах благополучия наших народов.

1. Обеспечение более свободных условий торговли и инвестиционной деятельности:

– подтвердили, что поддержка Дохийской повестки дня развития (ПДР) остается в числе главных приоритетов АТЭС;

«Мы должны делать все возможное для преодоления нынешней тупиковой ситуации и добиться далеко идущих и сбалансированных итогов Дохийского раунда при сохранении во главе угла вопросов развития» [3]

– признали важность роли, которую высококачественные, совместимые, транспарентные и всеобъемлющие региональные торговые соглашения и соглашения о свободной торговле (РТС/ССТ) играют в содействии либерализации торговли;

– признали, что беспрецедентное экономическое развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе способствует сближению наших экономик;

– подчеркнули свою приверженность большей экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и обязались наращивать наши усилия, направленные на достижение этой цели;

– мы одобрили расширенную программу работы по либерализации и облегчению условий инвестиционной деятельности, осуществляемую совместно с ДКС и соответствующими международными организациями;

– призвали экономики продолжать работу в целях принятия в регионе – по согласованию с частным сектором – дальнейших мер по противодействию вызовам в сфере защиты и соблюдения ПИС;

– мы приветствовали рассчитанный на несколько лет план работы по развитию частного сектора, направленный на дебюрократизацию и повышение качества государственного регулирования деловой активности, что в первую очередь давало бы преимущества малому и среднему бизнесу.

– признали необходимость интенсификации работы по проведению структурной реформы и отметили прогресс в выполнении Повестки дня лидеров по осуществлению структурной реформы до 2010 года (ПДЛСР-2010);

– отметили важность формирования более открытых и устойчивых финансовых систем, а также совершенствования корпоративного управления и правовой инфраструктуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– приветствовали прогресс в реформировании Международного валютного фонда (МВФ)

– одобрили «Принципы для выбора технологий» в качестве очередной первопроходческой инициативы, призванной

стимулировать развитие инноваций и создание новых возможностей в экономике, содействовать экономическому росту в регионе.

– призвали экономики-участницы проконтролировать обеспечение того, чтобы в центральных государственных учреждениях применялись исключительно легальные средства программного обеспечения;

– признали необходимость неустанных и более энергичных усилий по наращиванию потенциалов в сфере содействия экономикам с разными уровнями развития по укреплению режимов защиты и соблюдения ПИС.

2. Упрочение безопасности личности

Мы:

– осудили террористические акты, которые представляют серьезную угрозу всему миру;

– подтвердили, что любые контртеррористические меры должны осуществляться с соблюдением наших международных обязательств.

– положительно оценили шаги в выполнении обязательств, одобренных нами в 2003 году в Бангкоке, по ликвидации трансграничных террористических групп, устранению угрозы распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, а также противодействию другим прямым угрозам безопасности нашего региона.

– одобрили контртеррористические инициативы, разработанные АТЭС в 2006 году и одобренные министрами;

– одобрили План действий АТЭС по предупреждению и противодействию «птичьему» и пандемическому гриппу;

– выразили готовность сотрудничать в рамках АТЭС в сферах здравоохранения и готовности к чрезвычайным ситуациям и призвали продолжать многоотраслевое сотрудничество на региональном и международном уровнях, направленное на выработку стратегических направлений и создание инфраструктуры для борьбы с пандемическими заболеваниями.

– согласились совершенствовать сотрудничество в рамках АТЭС по проблемам ВИЧ/СПИД и выразили решимость расширять усилия в противодействии распространению ВИЧ/СПИД;

– отметили важность и созидательный характер роли АТЭС и наших совместных усилий в решении проблем готовности к чрезвычайным ситуациям и реагирования на них;

– подтвердили, что энергетическая безопасность имеет особую важность для обеспечения устойчивого экономического развития.

3. Укрепление обществ и построение более динамичного сообщества

Мы:

– признали важность экономического и технического сотрудничества для обеспечения справедливого роста и совместного процветания в регионе, а также глобальной конкуренции как основы для содействия либерализации и облегчению условий торговли и инвестирования;

– приветствовали результаты и усилия по более четкому определению приоритетов и более эффективной реализации программ экономического и технического сотрудничества рабочими органами АТЭС;

– одобрили Инициативу АТЭС по созданию Контактной сети в сфере портовых услуг в целях содействия сотрудничеству и информационному обмену между портами и другими связанными секторами в экономиках-участницах АТЭС;

– подчеркнули значение малого и среднего предпринимательства и призвали экономики АТЭС делать все возможное для разработки и реализации конкретных мер, направленных на повышение уровня конкурентоспособности и деловой активности этих предприятий;

– признали коррупцию одним из наиболее серьезных препятствий на пути экономического и социального развития и согласились бороться с коррупцией;

– утвердили меры по пресечению кор-

рупции, укреплению основ управления и повышению надежности рынков;

– подтвердили важность информационных и коммуникационных технологий для развития АТЭС;

– признали значимость концепции правил трансграничной защиты частной информации для обеспечения надежных и поддающихся учету каналов передачи информации через границы без создания ненужных барьеров.

– придали большое значение приоритету АТЭС по продвижению связей в нашем сообществе в интересах углубления взаимопонимания и доверия между экономиками-участницами;

– подчеркнули необходимость придания работе АТЭС большей эффективности и направленности на достижение практических результатов;

– подтвердили, что реформа является важным приоритетом и что АТЭС должен продолжать эволюцию в целях адаптации к новым вызовам и возможностям, появляющимся в стремительно меняющейся обстановке;

– одобрили Совместное заявление, принятое участниками Восемнадцатого совещания министров иностранных дел и министров торговли АТЭС.

На саммите был принят «Ханойский план действий по реализации Пусанской «дорожной карты» продвижения к Богорским целям» [4].

Этот План действий состоит из пяти частей: части I и II – цели и принципы, часть III – перечень практических действий, часть IV – методика выполнения Плана, часть V – положение о внесении в этот документ изменений. Перечень основных мероприятий по реализации Пусанской «дорожной карты» приводится в качестве Приложения к Плану действий.

Как отмечается в Плане, со времени создания форума АТЭС в 1989 году его работа направлена на содействие динамичному развитию экономик-участниц и укрепление среди них чувства общности.

В прошлом году лидеры АТЭС одобрили Пусанскую «дорожную карту», определяющую важные области, в которых Форуму требуется активизировать свою деятельность в целях реагирования на изменения в мировой ситуации. Цель Ханойского плана действий – выработка конкретных мер по продвижению Пусанской «дорожной карты».

Целями Плана является определение конкретных действий по направлениям, предусмотренным в Пусанской «дорожной карте», для обеспечения значимых результатов в продвижении к Богорским целям, определение временных рамок для мероприятий и программ, определение мероприятий по наращиванию потенциалов в соответствии с повесткой дня экономического и технического сотрудничества для содействия выполнению конкретных действий.

В числе основных принципов Плана – стратегический подход к реализации обозначенных в нем мероприятий, долгосрочность, ориентированность на действие, реалистичность и, по возможности, установление временных рамок. Определяет задачи, конкретные меры и там, где это возможно, временные рамки для выполнения целей, поставленных Пусанской «дорожной картой».

Документ, в частности, трактует процедуры в сфере таможни, облегчения условий для повышения мобильности бизнеса, развития электронной торговли с помощью глобальной сети, развития частного сектора экономики, цифровых технологий, инвестиций.

Значительное внимание в документе уделяется также обеспечению безопасности торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Лидеры АТЭС подчеркивают важность того, чтобы население всех стран региона имело возможность пользоваться благами либерализации торговли и экономического роста и договорились искать пути преодоления социально-экономических

диспаритетов в АТР.

В рамках работы Форума закрытом режиме обсуждалась ядерная программа КНДР. Попытка США добиться от участников хотя бы устного осуждения Северной Кореи в Ханое провалилась. А премьер-министр Малайзии Абдулла Ахмад Бадави заявил, что принятие на себя каких-то функций в сфере безопасности, последовавшее после 11 сентября 2001 года, уводит АТЭС в сторону от его основных целей и задач [5].

Президент России Владимир Путин провел двусторонние встречи с Председателем КНР Ху Цзиньтао, премьер-министром Японии Синдзо Абэ, президентом республики Корея Но Му Хеном, президентом США Джорджем Бушем и президентом Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Минь Чиетом.

Важным событием стало подписание протокола с США о вступлении России во Всемирную торговую организацию. По этому поводу президент России В. В. Путин заявил: «что подписание протокола создает благоприятный фон для всех направлений нашей деятельности, включая очень сложные проблемы международных отношений» [6].

Ханойский Форум в своих решениях продолжил основную линию для реализации задач, которые были поставлены перед АТЭС в 1995 году, как было определено в Совместном заявлении: «настало время Форуму серьезно взглянуть на более эффективные пути торговой и инвестиционной либерализации в Азиатско- Тихоокеанском регионе» [7, 40].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Совместное заявление министров. Ханой. – http://www.mid.ru/nsdipecon.nsf/68c8b3d0cf6fc468c32576bf002c7405/ed7f0f85e9d67e1fc325722f002ff17e?OpenDocument

2. Ханойская Декларация лидеров АТЭС – http://www/ pravoteka. ru./pst/124/61595.html

3. Лидеры экономик АТЭС призывают завершить Дохийский раунд переговоров // РИА Новости. – 2006. – 19 ноября.

4. Ханойский план действий по реализации Пусанской «дорожной карты». – http://archive.kremlin.ru/interdocs/2006/11/19/1248_type72067_114112.shtml

5. Эксперт Казахстана. – 2006. – 27 ноября. – №44 (100).

6. Колесников А. Договорная игра. Россия и США в муках подписали протокол по ВТО // Коммерсантъ. – 2006. – 20ноября.

7. Шипилов С. Политико-интеграционные процессы в АТР // Обозреватель. – 2007. – №10.

МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА, РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ, г. САРАНСК

УДК 398
ББК 82.3(2р-6Мо)
История, этнография, фольклор

МОРДОВСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЭТНОСА

Кандидат исторических наук Т. А. Козлова

Показывается важность привлечения фольклора как источника для изучения материальных компонентов традиционной культуры мордовского народа, рассматривается одно из основных традиционных занятий мордвы, отражающее в произведениях мордовского фольклора, начиная с колыбельных песен, детских сказок и кончая эпическими песнями и преданиями, описываются основные сельскохозяйственные орудия труда, с помощью которых проводилась пахота, сев, жатва.

Ключевые слова
Мордовский фольклор, песня, сказка, пословицы, загадки, материальные компоненты традиционной культуры мордовского народа, земледелие, сельскохозяйственные орудия труда

Материальной культуре принадлежит первостепенная роль в функционировании этносов, что делает ее изучение весьма актуальным. В первую очередь это касается тех материальных компонентов, которые имеют традиционный, массовый характер, проявляясь в повседневном быту. Таковыми являются традиционные виды хозяйственных занятий, поселений и жилища, одежды и пищи.

Привлечение фольклорных материалов для изучения жизнедеятельности этноса, бесспорно, является важным, так как в них отразились многовековая история, хозяйство и культура, общественный и семейный быт народа, его взаимосвязи с другими этносами, религиозные верования и народные знания. В силу этого они являются одним из наиболее часто привлекаемых видов источников в этнографической науке. О важности этого вида источников говорит тот факт, что в 1970-е гг. в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) было проведено несколько научных конференций, целью которых была выработка единой методики использования фольклора как историко-этнографического источника. Их результатом явилось опубликование серии сборников статей, объединенных тематикой «Фольклор и этнография» [13, с. 275]. Проблемы использования данных фольклора для решения тех или иных историко-этнографических вопросов, а также формы и способы использования фольклорных данных рассматривались учеными и в дальнейшем.

Особенно значительно привлечение

фольклора как источника для изучения истории и культуры народов, не имевших в прошлом письменности.

Актуальным является использование фольклорных источников при изучении жизнедеятельности мордовского народа, так как до 1920-х годов функционирование мордовской письменности было ограничено небольшими масштабами: словарями, переводами христианских текстов, публикациями произведений устно-поэтического творчества, а также незначительным количеством учебной литературы. Поэтому мордовский фольклор является тем фундаментом, на основе которого можно восстановить особенности быта и культуры народа, в том числе и ее материальной сферы.

Изучение фольклорных источников позволяет реконструировать архаичные формы вещественного быта мордвы, а также проследить тенденции развития отдельных материальных компонентов и их взаимодействие в процессе исторического развития. В фольклоре часто изображаются традиционные занятия мордвы, подробно описываются орудия труда земледельцев, ремесленников, приспособления для ловли зверей и рыбы, способы и навыки, применяемые при обработки земли, выпасе скота и т. п.

В устно-поэтическом творчестве мордвы одной из основных тем являлось прославление труда – основы жизнедеятельности этноса и его отношение к труду, как одному из нравственных идеалов мордовского народа. Во многих произведениях фольклора мордвы нашла отражение жизнь мордвина-землепашца, труженика.

Традиционным занятием мордвы с древнейших времен являлось земледелие. Оно было главным средством для жизни крестьянской семьи. С. Архангельский отмечал, что «земледелие составляет главнейший предмет занятий и промысла его народа» [1, с. 52]. Это мнение поддерживает Н. Рычков, который, описывая хозяйственную деятельность народов России второй половины XVIII века писал, что «мордва, рассеяны по всем частям государства, суть такой народ, которому по справедливости должно приписать имя превосходных земледельцев: ибо вся жизнь их проходит в неутомленных трудах, и источник богатства и изобилия есть ни что иное, как только земля, руками их обработанная» [5, с. 110-111]. Высказывания ученых подтверждаются и фольклорными произведениями, во многих из них нашла отражение жизнь мордвина-землепашца, труженика.

В ряду нравственных ценностей мордовского народа люди, занимающиеся земледелием, занимали главное место. Уже в колыбельных песнях, которые давали ребенку представление об окружающем мире, мать высказывала пожелание о том, чтобы ее ребенок хорошо работал на земле. Например, обращаясь к сыну, мать пела:

Тютю – баю, ребеночек мой,
Долго спит, быстро вырастет,
Большое поле пахать,
Широкую борозду прокладывать,
Щедрые хлеба сеять…[12, с. 51]

Легендарный родовой вождь Тюштя (или Тюштян) во многих сказаниях и песнях изображается как трудолюбивый пахарь [3, с. 52]. Так, когда старейшины, решившие избрать его предводителем, наносят ему визит, они обнаруживают будущего инязора, занимающегося пахотой:

Находили старика – пахаря,
Находили старика боронующего
На двенадцати лошадях,
На двенадцати животных
Тридцатью пашет он сохами
Сорока боронит он боронами [2, с. 6].

В устно-поэтическом творчестве мордвы имеется целый цикл произведений, в которых четко прослеживаются различные этапы земледелия. Так, в сказке «Женщина и медведь» говорится: «В старину эрзяне жили в больших лесах. И хлеб сеяли они на лесных полянах» [9, с. 308]. Вероятно, эта сказка, как и другие произведения с подобным сюжетом были созда-

ны в те времена, когда у мордвы было распространено, так называемое подсечное земледелие, когда для посевов расчищались участки леса. Древность происхождения таких фольклорных произведений подтверждается тем, что главный герой – медведь, выступает здесь как тотем – покровитель и предок мордвы.

О подсечном земледелии упоминается и в сказках «Сураля», «Иван» [4, с. 83-95; 96-107]. Героем в них обычно является крестьянский сын, который ради спасения жизни должен был выполнить трудные. Первое из них обычно состояло в том, чтобы за одну ночь вырубить лес, выкорчевать пеньки, вспахать землю и посеять хлеб, то есть это была работа, которую традиционно выполняли мордовские крестьяне на ранних этапах земледелия.

В произведениях устно-поэтического творчества более позднего периода описываются уже большие массивы обработанных полей. Например, в сказке «Благодарный медведь», женщина жала рожь в поле, которое располагалось не в самом лесу, а около леса.

Многовековой народный опыт земледелия отражен и в пословицах мордовского народа, которые также являются результатом многовековых наблюдений за погодой: «Глубже вспашешь – больше хлеба соберешь», «Снег на поле задержишь – большой урожай соберешь», «В мае пар вспашешь – нужды не узнаешь» [9, с. 93-94].

В песнях, сказках мордвы встречаются и описания основных сельскохозяйственных орудий труда, с помощью которых проводилась пахота, сев, жатва. Основным пахотным орудием для обработки земли у мордвы была деревянная соха. Об этом орудии труда поется в мокшанской песне «Схожу в лес, сосну срублю»:

Соху сделаю, пахать выеду,
Соху сделаю, пахать выеду.
Пахать выеду, новую землю вспашу,
Пахать выеду, новую землю вспашу.
Новую землю вспашу, лен посею,
Новую землю вспашу, лен посею [8, с. 241].

Одним из древнейших пахотных орудий у мордвы был также деревянный плуг – сабан. О важной роли этого сельскохозяйственного орудия говорит тот факт, что с ним связано немало преданий. Сабан-богатырю, пашущему на десяти или двенадцати волах, принадлежит видное место в устном народном творчестве.

Ой, там, там, за семью полями,
Ой, там, там, за семью лесами,
Пашет – боронует один эрзянский парень [11, с. 106].

Хлеб мордва убирала исключительно ручным способом с помощью серпов «тарваз» с зазубренным краем. Об этом сельскохозяйственном орудии упоминается во многих произведениях мордовского фольклора, например, в песне «Нинькин Пае»:

У Нинькина Пае двое детей,
У Нинькина Пае двое ребят.
У опушки леса загон пашет,
На переселке хлеб сеет…
Режет, режет Паевых женщина серпом,
Жнет, жнет Паевых женщина острым [7, с. 39].

Для уборки основных возделываемых культур мордва применяла и косу с граблями [6, с. 103]. В фольклоре в отношении косы у мордвы имеется много загадок, например: «Блестит, сверкает, целое поле расчищает»; «Среди трав железная рыба плавает» [10, с. 179].

Для размола зерна мордва применяла ручные, водяные и ветряные мельницы. Наиболее древними были ручные мельницы. Во многих песнях, сказках упоминается о водяных мельницах. Например, в сказке «Серебряный зубок» говорится: «Пошел старик на промысел в лес. Шел, шел – захотелось ему напиться. Наклонился к воде, а Ведява схватила его за бороду и не отпускает. Старик просит ее: – Есть у меня семь амбаров, полных зерна, отдам тебе любой из них, отпусти! – На семи реках стоят мои мельницы, любую отдам, только отпусти» [4, с. 262-268].

Таким образом, устно-поэтическое

творчество мордвы служит важным этнографическим источником, из которого можно почерпнуть ценные сведения о различных аспектах традиционных занятий народа.

В силу того, что основным занятием мордвы с древнейших времен было земледелие именно ему посвящены многие произведения мордовского фольклора, начиная с колыбельных песен, детских сказок и кончая эпическими песнями и преданиями. В них нашли отражение представления об этапах труда земледельца, об орудиях, с помощью которых производилась пахота, сев, жатва.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архангельский, С. Строения и занятия мордвы / С. Архангельский // Саратовские губернские ведомости. – 1844. – № 50. – С. 52.

2. Евсевьев, М. Е. Эрзянь морот / М. Е. Евсевьев. – Москва: Центральное изд-во народов СССР, 1928. – 185 с.

3. Легенды и предания мордвы / сост. Л. В. Седова. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1982. – 120 с.

4. Мордовские народные сказки / сост. К. Т. Самородов. – Изд. 2-е. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1971. – 416 с.

5. Рычков, Н. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769-1770 / Н. Рычков. – СПб., 1770. – 189 с.

6. Тумайкин, В. П. О земледелии мордовского крестьянства Самарской губернии в XIX веке / В. П. Тумайкин // Материалы по этнографии и археологии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. – Вып. 48. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1975. – С. 99-105.

7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. – Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни / под ред. Л. С. Кавтаськина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. – 400 с.

8. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. – Т. 2. Лирические песни / под ред. Э. В. Померанцевой. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1965. – 372 с.

9. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. – Т. 3. Ч. 2. Эрзянские сказки / под ред. А. И. Маскаева. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1967. – 382 с.

10. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. – Т. 4. Кн. 2. Мордовские загадки / под ред. К. Т. Самородова. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. – 324 с.

11. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. – Т. 1. Кн. 2. Исторические песни / под ред. А. М. Шаронова. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. – 352 с.

12. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. – Т.8. Детский фольклор / под ред. В. П. Аникина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1978. – 300 с.

13. Фольклор и этнография: сборник статей / АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / отв. ред. В. Н. Путилов. – Л. : Наука, 1974. – 275 с.

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛИАЛ В г. МИАССЕ, ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ФАКУЛЬТЕТ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА
КАФЕДРА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

УДК 123.1
ББК 71.016+87.21
Философия, онтология и теория познания

НЕЛИНЕЙНЫЙ УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ КУЛЬТУРЫ

Кандидат философских наук И. А. Недугова

Рассмотрение культуры, как динамической системы, позволяет определить нелинейные модели ее развития. Изменения, происходящие в системе культуры, можно классифицировать на непрерывные и прерывные. Развитие систем может быть непрерывным или прерывным. Непрерывность в развитии системы выражается качественной определенностью системы. Изменяются только количественные характеристики всех или некоторых качеств этой совокупности. На основе нелинейного уровневого подхода культура определяется как неравновесная система, находящаяся в состоянии перехода от стадии сжатия к стадии рассеивания предметных уровней.

Ключевые слова
Культура, системность, нелинейность, динамика, предметность, иллюзорное сознание, рефлексия

Для анализа культурной динамики выработаны две основные теоретические модели – эволюционная (линейная) и циклическая. И с точки зрения позиции эволюционизма (Г. Спенсер, Э. Тейлор, Дж. Фрезер, Л. Морган) [25, 26, 30] и с позиции циклического подхода (О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, П. А. Сорокин, Л. Н. Гумилев) развитие культуры рассматривается скорее как поступательное движение от первоначального к зрелому и заканчивающееся угасанием [19, 32, 27, 10, 13, 24, 9].

Теоретиками постмодерна описываются состояния изменения поля культуры, но, как правило, только по внешним проявлениям «герменевтика подозреваемого» (П. Рикер) [23]; «критика блаженства и педагогику невежества» (Р. Барт) [2]; шизоанализ Ж. Делеза и Ф. Гваттари [34]; гуманизм нереального (М. Фуко) [35]; грамматологию различий (Ж. Деррида) [37]; политика делегитимизации (Ж.-Ф. Лиотар) [31]; «паракритицизм и парабиографию» (И. Хассан) [36]; уродство и мутация (Л. Фидлер) [29]. В рамках социологической теории сформировалась парадигма, усматривающая генетические основы постмодерна (премодерн – модерн – постмодерн) [28]. Данная парадигма представляет попытку выявления закономерности формирования культуры, но не обращается к сущностным закономерностям куль-

турных процессов, и даже напротив усложняет изучение культуры. Введенное А. Дугиным понятие археомодерн и вовсе искажает закономерности функционирования системы культуры, так как архаика и рассеивание – это противоположные стадии диссипативных изменений системы [11].

Целью данной статьи является рассмотрение специфики формирования диссипативных процессов культуры.

Задачами исследования являются

– дать анализ диссипативным процессам культуры;

– концептуально представить нелинейный уровневый подход;

– рассмотреть сжатие и рассеивание культурной системы как условие формирования иллюзорного сознания;

– представить модель философской рефлексии над иллюзорным сознанием.

Объектом исследования является культура.

Предмет исследования изменения в системе культуры в процессе опредмечивания-распредмечивания.

Культура есть предметно определённая сознанием иерархия уровней от вещи к знаку, от знака к символу и, наконец, непредельному знаку. Нелинейный уровневый подход строится на учитывании предметных форм бытия. Объектом исследования в данном случае выступает не сама система, а ее изменение (динамика) по некой уровневой шкале. Также целесообразно отметить и различие между предлагаемым неравновесным уровневым подходом и синергетикой. Оба направления являются родственными, но по ряду основополагающих моментов у них согласия нет. Так, например, синергетика исходит из того, что системы стремятся к равновесному состоянию, а неравновесный уровневый подход считает последнее вынужденным, – а стремиться к вынужденному состоянию нельзя (можно стремиться лишь к оптимальному состоянию). Синергетика видит мир непредсказуемым, постоянно взрывающимся, она идеализирует неопределённость, спонтанность, отстаивает творческую роль хаоса. Нелинейный уровневый подход, в свою очередь, воспринимает такой взгляд как естественнонаучный экзистенциализм; с его точки зрения, мир более упорядочен, чем кажется, хотя данный порядок столь сложен (и одновременно прост), что открывается лишь с определенного уровня наблюдений. Культура, как неравновесная система, находится в состоянии перехода от стадии сжатия к стадии рассеивания предметных уровней. Подобные изменения носят диссипативный характер.

Процесс опредмечивания-распредмечивания – это процесс выстраивания и считывания предметных уровней бытия человека. Процесс опредмечивания, в свою очередь, – это формирование структуры пред-*мет*-ности. В ходе опредмечивания возникает акт объективации (Платон) [21], выстраивание «безотносительного не» (Гегель) [8]. Пред-*мет*-ность изначально задана, она есть «конечная форма» (М. К. Мамардашвили) [18].

Нелинейный подход в теории систем предполагает, что процесс растяжения и сжатия – противоположные процессы.

Процессы сжатия и растяжения культуры есть закономерные процессы существования сложной системы. Процесс растяжения системы культуры – это процесс, при котором уровни предметности (вещи, знаки, символы и непредельные знаки) сближаются настолько, что порождает искаженное восприятие сознанием данных уровней.

Процесс растяжения – это процесс, при котором каждый предметный уровень содержит в себе переходные формы. Вещь не просто вещь, а имеющая определенные признаки, территориальные, этнические, смысловые, символические. Обо-*значение* чего-либо формируется в разнообразных, гипертрофированных формах. В состоянии сжатия культура демонстрирует не столько редукционизм, сколько имен-

но сближение всех уровней предметного бытия.

Циклы сжатия и растяжения сменяют друг друга. При сжатии системы культуры проявляется феном архаизации, а при распылении системы постмодерн.

Архаика «живет» по более жестким правилам: лабиринтам символизирования, канонам обо-*значения*. Изначально термин «архаика» (др.– греч archaikos – старинный, древний), обозначал традиционную культуру, наиболее ранние формы человеческой коллективности, а также соответствующие им формы культуры и религиозных представлений.

Архаика характеризуется ростом символизма. Средневековые символы отличаются от античных символов-вещей наполненностью смыслом, многократно тиражируемым, ускользающим от мышления и понимания. В познании грамматика подперта магией, хотя последняя и осуждается, как попытка овладеть шифром к тексту мира с помощью темных сил.

Обратный процесс перехода системы культуры от стадии архаизации к стадии постмодерна воплощается как повторение. Одно из ключевых понятий постмодерна, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, прежде всего, границы между возможным и невозможным. М. Бланшо определяет данный переход как трансгрессию, которая «…пронзает мир, завершая себя в потустороннем, где человек вверяет себя какому-нибудь Абсолюту (Богу, бытию, благу, вечности), во всяком случае, изменяя себе», то есть привычным реалиям обыденного существования [3. С. 98].

Периоды «моды на архаику» мы обнаруживаем в различные эпохи. Первая волна аттицизма началась уже в I веке нашей эры в латинской культуре [5. С. 90]. Парадокс заключается в том, что архаика каждый раз предстает как супермодное направление («Magic: the Gathering», «World of Warcraft», «Lineage II» в литературе (наиболее знаковым произведением здесь является трилогия Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»), кино, многочисленных сообществах (начиная от ролевиков-толкинистов и членов Клуба авторов фэнтези и заканчивая научно-исследовательскими организациями наподобие «Мифопоэтического общества» в Англии и «Гильдии Меченосцев и Колдунов Америки»). После стадии архаизации система начинает движение к противоположной стадии. Развитие светской культуры в эпоху Возрождения привело к вытеснению религиозной тематики из литературы. Но на закате Возрождения, в конце XVI века и затем в XVII веке, религиозные темы опять проникают в поэзию в форме поиска «потерянного рая» [1. С. 19].

Кризис культуры Возрождения был ознаменован появлением маньеризма. Как точка крайней диссипатии культуры период этот был недолгим (XVI – XVII вв.). Возврат церковной цензуры, господство теономности обусловил быстрый переход к другой стадии рассеивания (барокко).

Растяжение поля культуры – это крайняя форма диссипатии системы. Динамика динамических систем, находящихся в состоянии, удаленном от равновесия, формирует диссипативные процессы. К этим процессам обычно относятся процессы рассеяния, т. е. превращения энергии в менее организованную форму, которые обычно трактуются как необратимые.

Стадия растяжения порождает разнообразные виды диссипатий. Двойственность, характерная для стадии рассеивания (именуемый как постмодерн) отмечается многими исследователями: «двойное кодирование» (А. Дугин); «присутствующее отсутствие» (М. Фуко) [11, 31]. В XX веке появление таких направлений как авангард, футуризм, лучизм, кубизм и прочие «измы» полностью меняет осознание творческой роли художника. Но если первая половина XX века – это история отрицания и поиска нового, то к концу столетия художник начинает игру с уже най-

денными формами и традициями, и так рождается целая эпоха постмодернизма. Диссипатии данного вида – это открытый смысл, данный в непривычной форме. Так, например, в работе И. Кабакова «Человек, улетевший в космос» (1986). Как процесс распыления целостного сознания в данных диссипатиях форма вещи подменяет символ. Поскольку предметный уровень вещи является базовым в предметной иерархии, то представленность в культуре представляет пласт вещей – рефренов. И. П. Лукшин отмечает: «Претензии абстрактного творчества создать новое духовное царство оказались на самом деле переработкой, в соответствии с символическими представлениями его основателей, орнаментальных графических и живописных форм стиля модерн» [16. С. 56].

Иная сторона данного процесса – это растяжение предметного уровня символа. Распыление смысла символа, и последующее сжатие смысла в форме цитирования, «рефрена» является культурной диссипатией и причиной порождения иллюзий сознания. Ж. Бодрийяр усматривает такой процесс в современном кинопроизводстве. «История, – пишет Бодрийяр, – осуществляет свое триумфальное вхождение в кино в качестве посмертной (понятие «исторический» подвергается той же участи: «исторические» момент, памятник, съезд, фигура уже самим этим определяются как допотопные) [4. С. 260]. Ее повторное введение не имеет ценности осознания. Но лишь ностальгии по утраченному рефрену. Это не значит, будто история никогда не появлялась в кино как великая эпоха, как актуальный процесс, как восстание, а не как воскрешение. В «реальном», как и в кино, история была, но ее уже больше нет. История, которой мы располагаем сегодня (как раз потому, что она захвачена нами), имеет не больше отношения к «исторической реальности», чем современная живопись к классическому изображению реальности». Иллюзия возникает по причине подмены смысла вещью. Новый способ изображения представляет собой взывание к похожести, но в то же время и явное подтверждение исчезновения объектов в самом их представлении: гиперреальное. Предметы здесь, в некотором роде, блещут гиперподобием (как история в современном кино), что делает их ни на что не похожими, разве что на пустой образ подобия. На пустую форму представления. Данная тенденция раскрыта Ю. М. Лотманом, как обратная сторона текста «рождение новых смыслов» [15. С. 37].

Движение системы к крайней форме в искусстве воплощается в желании «дойти до края». Проблема современной культуры есть не появление только лишь феномена «массовой культуры» (Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс), и ее производных (кич, например), и не в ярко выраженной развлекательной, досуговой направленности (это скорее следствия), а скорее закономерности существования и функционирования системы культуры [20, 30].

Стадия сжатия поля культуры окончательно уничтожает разрыв между массовой и элитарной культурой: «Коммерциализация искусства, произошедшая за последнее десятилетие, натиск низкой, бульварной культуры, поддерживаемой мощным потребительским спросом, понудил культуру элитарную отойти на последние рубежи обороны. Но возможность компромисса между высоким и низким искусствами элитарной культурой по-прежнему отрицается...» [6 С. 99]. Нарушение восходящей к идеальному иерархичности (Б. П. Вышеславцев) [7], исключает возможность отрицания «Нетости» (Ж. Бодрийяр) как фактора выбора «Я» [4]. Сознание, лишенное способности перебора предметных уровней посредством отрицания, отрицает самого себя. Отрицание себя рождает иронию, где нет для нее повода, где она, наконец, не уместна.

Примером крайней формы рассеивания может служить сюрреализм. Совмещение

несовместимого, экспрессивное увеличение отдельных частей человека, деформация его естественных форм составляет основу изображения реальности в этом искусстве, называющем себя сюрреализмом, то есть сверхреализмом, «сверх» потому, что выявляет внутреннее, часто неподдающееся рациональному осмыслению скрытое содержание предметов, явлений и самого человека. Сюрреализм есть бессознательная попытка «выскочить» из сознания, поиск рефлексии посредством игры с формой и содержанием. Поиск рефлексии в условиях растяжения системы выливается в «зрение сквозь материю» (Ф. Марк) [17].

Рассеивание предметных уровней, при котором каждый уровень уже не есть сам по себе, отражается в дробности, неполноценности художественной рефлексии. О. Шпенглер говорит об экспрессионизме как о «стильной дребедени современности» [32. С. 89]. Экспрессионизм закончился разгромной выставкой «Дегенеративное искусство» в 1937 г., организованной в фашисткой Германии. С позиции нелинейного уровневого подхода данный факт представляется как смена стадии растяжения стадией временной структурации, тяготеющей к сжатию. От стадии рассеивания предметных уровней диссипатирующей системы к стадии сжатия через формирование архаизированной упорядоченной системы культуры Третьего Рейха. Границами упорядочивания становится руны, заменяющие собой предметные уровни бытия, сжимая систему культуры, низводя иерархию пред-*мет*ности к иерархии милитаризированного общества.

Но сама система предметноопределенной культуры подвижна. Если некоторые формы духовного производства только отражают изменения в сознании и как следствие в культуре, то другие активно вмешиваются в процесс опредмечивания. Иерархия предметных уровней то сжимается, то распыляется, следуя за движением системы культуры. Следствием этого становится формирование иллюзорного сознания. Иллюзии возникают тогда, когда один предметный уровень отождествляется с другим предметным уровнем. Основой же функционирования иллюзий становится увязывание, своего рода искаженная рефлексия воспринятой ранее позиции, с возникающей новой практикой. Тем самым одно некритическое восприятие влечет возникновение другого (а если точнее, сознанием выбирается именно то, что «логично» вписывается с принятым сознанием ранее). Преодоление иллюзорности требует усилия мысли, это достаточно сложный и постоянный процесс.

Заключение

Культурные процессы – это изменение во времени состояния культурных систем и объектов, а также типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами. Хотя культурные процессы эмпирически проявляются в совокупности культурных событий, эти понятия не тождественны. Под культурными процессами имеются в виду типические, универсальные по масштабам распространения в разных культурах и устойчивые в своей повторяемости функциональные процедуры, поддающиеся классификации на основании общих признаков.

Диссипативные процессы в культуре сопровождаются отрицательной рефлексией, когда в процессе опредмечивания-распредмечивания предметное воспринимается как враждебное сознанию.

Предметность и предметная деятельность, так или иначе, неизбежно транслируется во всех видах деятельности человека, но только замкнутость в этом предметном круге (предметно – знаковом – символическом) становится основой иллюзорности сознания.

Диссипативность системы проявляется как переход к «невозможному» с точки

зрения наличного состояния. Разрушение структуры системы откликается нюансами абсурда личностного бытия. Если предположить, что бытие человека предметно определено культурой, то приобщенность только к одному из предметных уровней – это есть одна из характеристик (как было определено ранее) иллюзорного сознания, при этом в жизненной практике каждого отдельного человека и общества в целом процесс перепутывания различных предметных сторон бытия носит спонтанный (но при этом внутренне и внешне определенный) характер. Вследствие неполной индукции понятия и категории принимаются без критического осмысления, но при этом именно предельные знаки принимают форму жизненных основополагающих ориентиров и ценностей. Как следствие, проверка истинности происходит целенаправленно, непосредственно в ходе жизненной практики, а противоречие между новым, вводимым ею в повседневность содержанием, и его интерпретацией в сознании, разрешается исключительно в мыслительной сфере – через преобразование понятий посредством допущений, призванных согласовать новый стереотип с апробированными.

Согласно принципам нелинейного уровнего подхода культурные процессы сжатия и распыления предметных уровней сменяют друг друга.

Диссипативные процессы являются своеобразным катарсисом культуры, очищая и актуализируя культуру.

Но при этом крайние формы диссипатии культуры порождают иллюзорность сознания.

Как правило, рассмотрение в научной традиции проблемы сознания и рефлексии над сознанием, основывается на обосновании рефлексии, но ни одно из оснований рефлексии не раскрывает полноту вопроса. Только в культуре и, как следствие этого, в самом сознании прослеживается структурность (слоистость предметного бытия). Следовательно, рефлексия сознания невозможна без целостного рассмотрения этой структурности, иначе это грозит односторонностью рефлексии. Рефлексия сознания в данном случае должна, прежде всего, опереться на твердое разграничение в сознании предметных уровней учитывания тенденций культурных процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аникст А. Мильтон: Потерянный рай. – М., 2000. – 298 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – 646 с.
3. Бланшо М. Неописуемое сообщество / Перевод с фр. Ю. Стефанова. – М.: Московский философский фонд, 1998. – 490 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Перевод Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 778 с.
5. Браво Б., Випшицкая-Браво Е. Судьбы античной литературы. – М., 1997. – 360 с.
6. Вайль П. Постсоветское искусство в поисках новой идеологии // Искусство кино. – 1996. – №2. – С. 159-160.
7. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. – М., 1994. – 560 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – СПб, 1997. – 391 с.
9. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеоиздат. – 490 с.
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – СПб.: Изд-во Глаголъ, 1995. – 549 с.
11. Дугин А. Археомодерн. В поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как пара-

дигмы // http://www.arcto.ru/modules.php.

12. Комм Д. Закройщик высоких материй: Александр Сокуров как невротический симптом // http://www.russ.ru8080/culture/99-06-23/komm.htm.

13. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. – М.,2001. – 649 с.

14. Лосев А. Ф. Эстетика возрождения. – М., 1978. – 688 с.

15. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: «Гнозис», 1992. – 687 с.

16. Лукшин И. П. Психоанализ в рекламе Декор, искусство СССР. – М., 1970. – 346 с.

17. Марк Ф. Мастера искусства об искусстве. – М., 1969. – 630 с.

18. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в учение виджнянавады). Труды по знаковым системам / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – Тарту, 1971. – Т. V. – 480с.

19. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л. Г. Морган. – Л.: Издательство института народов Севера и ЦИК СССР, 1934. – 462 с.

20. Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 408 с.

21. Платон. Диалоги. Сочинения в 4-х т. – Т. 1. – М., 1986. – 607 с.

22. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-52.

23. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – 420 с.

24. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М: Астрель, 2006. – 1176 с.

25. Спенсер Г. Философия и религия. Природа и реальность религии. – М., 1988. – 896 с.

26. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М., 1989. – 460 с.

27. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. – М., 2002. – 688 с.

28. Уваров М. С. «Новая архаика» в пути // Пространственность развития. – Саратов, 2001. – С. 21 27.

29. Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. – М., 1993. – 540 с.

30. Фрезер Дж. Золотая ветвь / Пер. с англ. С. А. Токарева. – Лондон, 1922. – 358 с.

31. Фуко М. Слова и вещи. – М., 1977. – 670 с.

32. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том второй. Всемирно-исторические перспективы. – М., 2004. – 543 с.

33. Ясперс К. Власть массы / Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – 540 с.

34. Deleuze G., Guattari F. Mille Plateaux. – P., 1980.

35. Derrida J. La Dissemination. – P., 1972. – 850 p.

36. Hassan I. The Dismem brement of Orpheus. Toward a Postmodern Literature. – N. Y., 1971.

37. Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. – P., 1979.

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

УДК 930.2
ББК 86.37-2+87.2

ФИЛОСОФИЯ

СПЕЦИФИКА ОСМЫСЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

А. В. Филиппов

В данной статье излагаются сущностные особенности библейского видения истории и их влияние на процесс формирования и осмысления данной категории ранней патристикой.

Ключевые слова
Историософия, Библия, апологетика, теофания, философия истории

Историческая память – решающий фактор национального, этническ кого, народного самосознания. История – это и огромное поле для мировоззренческих битв и идеологических противостояний, и благодатная почва для высадки объединяющих корней. Разные культуры имели различные типы исторического сознания, которое задавало и задает определенную ценностную систему координат, по которой ориентируются как субъекты, так и объекты исторического процесса [1].

Как писал М. А. Барг, «тип историзма столь же объективно задан историку, как тип культуры – современнику данной эпохи» [2]. Человек познает историю не в «чистом виде», а, во-первых, через Текст, во-вторых, через призму господствующего исторического сознания, и, в-третьих, через свою субъективность. Сама «история» в ее классическом понимании не является единственным способом фиксации событий, произошедших во времени, с ней конкурирует, например, миф, хроника или предание [3].

Греки, как мы знаем, понимали мир пространственно, тогда как библейская мистическая традиция, по замечанию С. С. Аверинцева, понимала мир исторично: «Если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», т. е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это «олам», т. е. поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история» [4].

История – основная тема ТаНаХа, который демонстрирует не только широкую историческую перспективу, являющуюся фоном для сакральных событий, но и определенную «модель» осмысления исторического процесса [5]. Эта «модель» содержится преимущественно «в многообразном по форме отражении, оценке и эмоциональном переживании развивающейся во времени социальной действительности» [6].

Еврейский религиозный историзм впервые открывает просторы мировой истории и вводит две важнейшие новации – идею «единого человечества, являющегося объектом Божественного промысла» и помещение в субъекты истории «народа, а не человечества» [7] или человека. Причем «априорная директива» дан-

ного типа историзма на всеобщность мировых процессов не противоречит идеи уникальности Богоизбранного народа, принадлежность к которому для древнееврейского сознания крайне важна, равно как и соотнесение себя с определенной территорией (Синай, Израиль).

Евреи ввели категорию историзма в свой священный Текст, где она получила смысл. Заключив завет с Богом, они являются носителями особой миссии – ожидания и подготовки прихода Спасителя человечества, которая, после Христа и расселения их по миру, превращается мистическим каббализмом в гарантию Его прихода. ТаНаХ демонстрирует две важнейшие доминантные установки древнееврейского религиозного мышления, которые перерастут рамки Ветхого Завета и вообще Библии и станут неотъемлемым элементом национального сознания – это «установка на инновацию» и «установка на реализацию» [8], присутствующие в их общей онтологической картине мира, основанной на категории «действия», в отличие от античной, где в основании лежит «предмет» [9].

Новый Завет развивает и дополняет древнееврейскую историческую парадигму, несколько «редактируя» ее: от обезличено-обрядовой, опосредованной ритуалом и доминировавшими религиозными институтами этноцентрической модели к личностно-переживаемой и всемирной [10]. Но необходимо учитывать, что, по справедливому замечанию С. С. Аверинцева, «новозаветное видение мира с наибольшей полнотой раскрывается не в тех текстах, которые излагают ход мирового процесса (как «Апокалипсис») или христианское вероучение само по себе (как послания), но в Евангелиях, рисующих личный образ Христа» [11].

Ранняя патристика, основываясь на Священном Писании, разумно вобрала в себя наследие древнееврейской культуры и античного мира (в первую очередь неоплатонические и синкретические логико-теоретические конструкты) и творчески развила данные в Заветах откровения. Борьба различных концепций и методов, проходившая в интеллектуальной среде на стыке греко-римского и иудео-христианского миров, равно как и их диалектическое единство, отчасти объясняются инвариативными подходами к разным пластам исторического бытия – в религиозно-нравственной сфере апологетам виделся упадок, в технической и цивилизационной – прогресс [12].

Христианство, в восприятии христианских богословов «при своей эссенциальной божественности, является историческим фактором» [13] и самой жизнью, без чего оно превратилось бы в морализм или отвлеченную религиозно-нравственную доктрину. Согласно Священному Писанию, история человечества началась с момента грехопадения и изгнания Адама и Евы из рая – это метафизический момент, отправная точка отсчета, определившая все остальные события, задав им определенный смысл и указав цель. Поэтому история имеет начало и будет иметь конец. Не случайно Бердяев писал, что история начинается и заканчивается на небе, а не на земле, и обращена к загробному миру [14]. Человечество идет от изгнания к Страшному Суду, и в этот промежуток вмещается все то, что именуется мировой историей. Это, разумеется, тесно связано с темпоральной категорией – как время начинается и заканчивается, так начинается и заканчивается история. Она имеет цель, она телеологична. Это не просто непонятное блуждание в пространстве наказанного человека и человечества – это процесс искупления человечеством своих грехов. Вследствие этого история является ожиданием Спасителя (Ветхий Завет) и предуготовлением к вечной жизни всего человечества (Новый Завет). По утверждению Иустина: «Бог, ради семени христиан, которое Он признает причиною сохранения мира, и медлит произвести смешение и разрушение вселенной» [15].

У истории есть свои этапы, и на каждом

из этапов у человечества есть некая абсолютная цель (всеобщее спасение), дальняя перспектива, и ряд относительных целей, так сказать, ближних перспектив или насущных конкретных задач. Важно отметить, что после того, как «Адам познал Еву, жену свою» (Быт. 4:1), началась история человеческой цивилизации, которая условно разделяется на два типа – Каинову и Авелеву, по именам адамовых первенцев. Каинова цивилизация – цивилизация гибельная. Отпав от Бога и впав в зависимость от сил природы, она все дальше и дальше отдалялась от Творца, попадая в зависимость к демонам. Именно с ней связано появление городов, искусств, проституции, техники и проч. Авелева цивилизация – спасающаяся. Ее еще можно назвать цивилизацией сифитов, так как, по замечанию св. Феофила, «на место Авеля Бог дал Еве зачать и родить сына, которому имя Сиф; от него распространяется остальной род человеческий до сего времени» [16]. Эта цивилизация если и отступала от Бога, то каялась и стремилась вернуться обратно. Отчасти это разделение сродни двум типам «градов» в концепции св. Августина. Фактически речь идет о двух типах людей, в которых укоренилась та или иная природа: жажда Бога до презрения к себе, или жажда жить по своим правилам до презрения Бога [17].

Важно отметить, что все «достижения» человечества – технические орудия, музыка, градостроительство связывается апологетами именно с потомками Каина, с падшей ветвью человечества, с крайне греховной цивилизацией. Причем все эти новшества появились сразу (без переходных периодов), и были изобретены. Это резко отличается от многих мифических концепций, в которых ремесла являются «даром богов» и однозначно воспринимаются положительно.

До Авраама, согласно Священному Писанию и апологетам, сведения о Боге, рае и допотопной истории дошли, можно сказать, почти «из первых рук» (точнее, из третьих), более того, известны точные сроки жизни каждого патриарха и количество поколений. Жизнь последующих патриархов и глав родов также известны. Отсюда вся история Ветхого и Нового Заветов может быть сочтена в точности до дня. Как пишет св. Феофил Антиохийский: «Всех же в совокупности лет от сотворения мира 5695, с несколькими месяцами и днями» [18]. Апологеты были осведомлены не только в Библейской, но и в римской истории. Так, Климент Александрийский, подробнейшим образом изложил хронологическую последовательность правления римских императоров. Таким образом, блестяще зная Библейскую историю и светскую историю многих других (близких к иудеям и Священному писанию) народов, свв. Отцы с точностью не только высчитывали все хронологические тонкости, но и определяли место каждого события в мирской и Священной истории. Наличие некоторых незначительных расхождений в датах (связанных с накладкой различных календарей и систем, а точнее «привычек» счета) не должна смущать читателей. Одним словом, вся историческая перспектива раннехристианских мыслителей легко обозрима, все великие события – близки и знакомы.

Св. Иустин Мученик отмечает, что и у эллинов было разумение Бога, и все хорошее, что есть в их философии – это «услышанные» или дошедшие до них и интерпретированные слова пророков. Более того, и в самом греческом народе были праведники и своеобразные «пророки», каковым св. Иустин считает, например, Сократа. Св. Феофил Антиохийский при изложении христианского учения тоже часто прибегает к трудам греческих философов и поэтов, подтверждая универсальность правоты и действие Истины во всех людях.

Бог, являющийся Альфой и Омегой, «Который есть, был и грядет, Вседержитель» (Откр. 1:8), держащий в Своих руках начало и конец истории, видящий судьбу каждого человека, не вмешивается в его

свободную волю. Бог предупреждает каждого знающего (а иногда и не знающего) Его человека о последствии его поступков, и удерживает от греха совестью. Он посылает пророков, Он Сам лично наказывает за зло и награждает за добро, Он творит историю – но! Он не желает вмешиваться в свободную волю человека. Человек – не «Божий компьютер». Поэтому получается, что история одновременно и объективирована трансцендентным Промыслом Божьим, и субъективирована человеческой свободой. Нельзя сказать, что все на 100% зависит от Бога, или, наоборот, на 100% зависит от человека. Свв. Отцы говорят – все зависит на 100% и от Бога, и от человека.

Боговоплощение – центральный момент истории, непосредственно связанный с «самим Словом, Которое приняло видимый образ, сделалось человеком и нареклось Иисусом Христом» [19]. После него история «разворачивается», становится подлинно всемирной. Разумеется, речь идет не просто о сумме временных событий, а именно об истории в которой нет незначительных происшествий, в которой каждый случай промыслителен и находится на своем сакральном месте.

Совершено понятно, что свв. Отцы ставили евангельские события во главу угла, и с них начинали новую эпоху. История человечества плавно переходит в Церковную историю. А «собирающийся писать историю Церкви обязан начать с того часа, когда Христос – от Него удостоились мы получить и свое имя – положил основание Своему Домостроительству, более Божественному, чем это кажется многим», – как отмечал Евсевий [20].

Таким образом, в основе мировых исторических процессов лежат как объективно-трансцендентные, надмирные, так и субъективные факторы, опосредованные человеческой свободой. Особую роль играет принцип «избранности» (от Ветхого к Новому Завету сменившийся с этнокультурной на личностно-ориентированную модель – от Богоизбранного народа к общине праведников), и ему придается формообразующее, конституционное значение.

Важной составляющей раннехристианских исторических представлений является эсхатология. По словам Г. Г. Пикова, «именно эсхатология создает возможность и необходимость разработки историософии» [21]. Цель земной истории – Царство Божие. Весь мир существовал и существует ради Богоизбранного народа – Израиля, сначала только иудеев, потом – праведников-христиан, преемников и наследников Израиля, которые являются солью земли. О кончине мира говорили еще древние пророки – Исайя, Иеремия и другие.

Сам Христос творил мир, Он же является Вседержителем, Он заботится о судьбах и мира, и человека. Христос стоит в центре всего. История, регрессирующая в материально-техническом плане, прогрессирует в морально-нравственном, духовном. Теперь апокатастасис – конечная цель человека, его полное восстановление через любовь, и восстановление это начинается уже здесь, на земле, в церковных Таинствах. Человечество ждет новое небо и новая земля, новый мир – вечный мир со Христом. Этими мотивами насквозь пропитаны творения апологетов.

Несмотря на то, что раннехристианское апокалиптическое сознание «жаждет будущего», причем настолько, что уничтожает историю, оно обладает и ретроспективными чертами. Так, Иустин Философ, солидаризируясь с другими раннехристианскими мыслителями, говорившими в том же духе, доказывает в своей «Апологии», что все древние мифологические сюжеты и философские конструкции античности есть пересказ, а точнее, чуть ли не плагиат библейских идей, которые появились гораздо раньше.

Однако потому апологетам и приходилось доказывать древность своей религии, что они, как и их греко-римские оппоненты, исходили из тех же ментальных посылок, определяющих историческую но-

визну как порчу. «Именно такая трактовка истории позволяла защитникам новой религии объяснить явление Спасителя мира как восстановителя утраченного, увидеть в Христе «второго Адама» и связать с Его приходом возвращение золотого века, реализуя в этом, кстати сказать, макроциклическую концепцию истории» [22]. И в этом нет ничего удивительного, ведь они были современниками, и во многом происходили из одной среды. Постепенно, под влиянием антиохийской школы и Евсевия Кесарийского, акцент в понимании новизны как чего-то неустоявшегося, неопытного, молодого и потому «зеленого» переносится с «нового» на «предвечное» [23].

История христианства – это мир после Голгофы. Апостолы ждали Второго пришествия с минуты на минуту, и именно поэтому их отличает крайний эсхатологизм и соответствующий настрой. Оттого они так рьяно и доказывали «молодость» своей веры. Желание поскорее перейти от времени в вечность в ранневизантийской культуре выльется в жанр канона, в котором исторические события Библии предстанут как свод аллегорических поучений, не имеющих временного значения. Так исход евреев из Египта станет переходом от греховной жизни, несущей смерть, к Вечной Пасхе, их блуждание по пустыни – временем испытаний для измученной души, Земля Обетованная – прообразом рая и т. д.

Отрицательное отношение к новаторству объединяет античную философию и иудаизм, поэтому апологетам приходилось доказывать древность Евангелия и архаичность своей веры. Постепенно это ощущение переходит из напряженного в более «привычную» стадию, которая нашла выражение в обычае жить одним днем, а Евсевий Кесарийский заявит, что в христианстве нет ничего нового, артикулируя категорию вечности. Его концепция «священной христианской державы» зажмет историю в тиски готовых событий, где все уже предрешено и предсказано. В ранневизантийской культуре эсхатологическая картина с ее внеисторичными морально-нравственными смыслами постепенно вытеснит концепцию Евсевия.

Время, при всей сложности и многозначности этого понятия, появившись, по сути, «раньше» истории (Быт 3:21-24), стало исторической категорией, развертывающейся вместе с пространством в процессе мироустроения. С некоторыми оговорками единовекторное и прямолинейное, оно в определенный метафизический момент стало историческим фактом и событийной средой. Был момент, когда его «не было» и будет ситуация, после которой его «не будет», то есть оно превратиться в вечность. Исторический процесс однонаправлен, теологичен, телеологичен, устремлен в небеса и вписан в общую картину мироздания. История антропологична, она для людей и не мыслима без отношений Бога, человека и человечества. В ней действуют как над –, так и внеличностные факторы. Человек вписан в мировой процесс и живет в определенной системе ориентиров.

Индивидуальность и свобода воли человека, на которые апологеты указывают особо, воплощаются в конкретный выбор между добром и злом и соответствующим построением своей жизни. В процессе развития мировой истории происходит великая сегрегация человечества на две общины (Царства, града) – праведников, наследующих вечную жизнь, и грешников, обреченных на вечную смерть.

От сотворения мира до момента их жизни время можно сосчитать с точностью до дня. Для апологетов нет истории, «оторванной» от человека, от них самих, нет бессмысленных исторических пространств, незаполненных человеческим присутствием. Взаимодействие провиденциально-объективных и интуитивно-субъективных факторов составляет онтологический фундамент как мировой истории, так и человеческой жизни.

Теофания освящает историю, а в миро-

вых процессах значима лишь иерофания, то есть промыслительное действие священного, которое задает ценностную систему координат. Нет ненужных абстрактных категорий, нет оторванных от жизни и спасения задач. Все не входящие в Завет люди не исключаются из бытия, а лишь ждут своей очереди, чтобы в него включиться, или, наоборот, выключиться. Постепенно ранневизантийская традиция начнет переходить к «преодолению» историзма, сводя его или к провиденциально-предначертанным схемам, зримо воплощающимся в мировой христианской державе, либо к надисторичным смысловым аллегориям, трактующим протекающие во времени события как модусы одного и того же морально-нравственного значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Могильницкий Б. Г. Историческая наука и историческое сознание на рубеже веков // Историческая наука на рубеже веков. – Томск, 1999.

2. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М., 1987. – С. 15.

3. См.: Образы времени и исторические представления: Россия-Восток-Запад. – М., 2010.

4. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977. – С. 94.

5. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. – СПб., 2001.

6. Ельчанинов В. А. О содержании и сущности исторического сознания // Диалектика форм и уровней общественного сознания. – Барнаул, 1988. – С. 5.

7. Хазанов О. В. Еврейский религиозный историзм и развитие национального самосознания // Образы времени и исторические представления: Россия-Восток-Запад. – М., 2010. – С. 451.

8. Там же. – С. 447-457.

9. Насоновский М. «Язык без времени» для «народа времени» // Заметки по еврейской истории. – 2004. – № 38 // http://berkovich-zametki.com/Nomer38/MN61.htm

10. Пиков Г. Г. Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестье мировых религий. М-лы межрегион. научно-практической конф. – Новосибирск, 2002.

11. Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: В 9 томах. – М., 1983. – Т. 1. – 1983. – С. 506.

12. Коваль Т. Б. Проблемы культурного и цивилизационного развития в патристике (ранние Отцы Церкви). // Материалы Богословской конференции «Учение Церкви о человеке» (ноябрь 2001). – М.: Издательский отдел Московской Патриархии, 2002; См. также: Тюленев В. М. К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве // Вестник Ивановского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 81-87.

13. Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. – М., 2002. – С. 52.

14. См.: Бердяев Н. А. Смысл истории. – М., 2002.

15. Иустин Мученик. Апологии. II, 7.

16. Феофил Антиохийский. Три книги к Автолику о вере. II, 30.

17. Августин Блаженный. О граде Божьем. XV, 2.

18. Феофил Антиохийский. Три книги к Автолику о вере. III, 28.

19. Там же. – I, 5.

20. Евсевий Памфил. Церковная история. I, 2,8.

21. Пиков Г. Г. Эсхатология и христианская историософия // Эсхатологический сборник. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 92.

22. Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. – СПб., 2000. – С. 96-101.

23. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977. – С. 107.

**МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ, г. САРАНСК**

УДК 159.9:378
ББК 74.58
Педагогика профессионального образования, педагогическая психология

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУБЪЕКТА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ*

**Доктор педагогических наук Ю. В. Варданян
Кандидат психологических наук Т. В. Савинова**

В статье обоснована и охарактеризована технология развития компетентности субъекта педагогического общения. Особое внимание уделено разработанной системе учебно-профессиональных заданий, которые внедрены в учебный процесс и в период педагогических практик, обеспечивая развитие компетентности студента как субъекта педагогического общения.

Ключевые слова
Компетентность, субъект, общение, технология, компетентность субъекта педагогического общения, технология развития компетентности субъекта педагогического общения

Современному педагогу необходимо эффективно осуществлять взаимообмен информацией, устанавливать и развивать контакты с учащимися и другими участниками образовательного процесса, строить и развивать деловые и межличностные отношения с детьми и взрослыми, результативно руководить их деятельностью, прогнозировать возможность возникновения конфликтов и успешно взаимодействовать в кризисных ситуациях обострения противоречий, использовать внешне воспринимаемые характеристики для понимания внутренних проявлений души. В этих условиях особую актуальность приобретает задача теоретической и практической подготовки будущего педагога к эффективному осуществлению профессиональной деятельности и общения на основе использования адекватных гуманитарных технологий, которые становятся важным средством соприкосновения со сложным внутренним миром учащихся и мощным инструментом компетентного влияния на них.

Анализ теоретических и экспериментальных исследований, а также опыта педагогической деятельности, показывают, что в общей системе профессиональных качеств учителя, включая и его предметную подготовленность, свойства и умения общения наиболее заметны и значимы. В современной психолого-педаго-

*** Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме: «Методология, теория и практика проектирования гуманитарных технологий в образовании» (№ 02.740.11.0427).**

гической науке разработаны плодотворные идеи, раскрывающие сущность общения, на которых базируется изучение проблем подготовки учителя к его эффективному применению в образовательном процессе (Г. М. Андреева [1], А. А. Бодалев [2], В. А. Кан-Калик [3], А. А. Леонтьев [6], Л. А. Петровская [13] и др.). Однако, несмотря на наличие большого количества серьезных исследований по указанной тематике, среди разнообразных практических проблем, выделяемых учителями, одно из первых мест занимает недостаточный уровень сформированности умений коммуникативного, интерактивного, перцептивного оснащения профессиональной деятельности способами педагогического общения. Это позволяет рассматривать подготовку учителя к полноценному разрешению этой проблемы в качестве профессионально важной задачи системы педагогического образования. Необходимость ее качественного решения выдвигает на первый план задачу проектирования и внедрения обоснованной психолого-педагогической технологии развития компетентности субъекта педагогического общения.

Раскрывая профессиональное своеобразие компетентности субъекта педагогического общения, необходимо отметить, что в современной научной литературе нет единства в отношении содержания понятия компетентности. Наиболее широко используется определение компетентности как доскональное знания своего дела, существа выполняемой работы, сложных связей, явлений и процессов, возможных способов и средств достижения намеченных целей. В содержание компетентности включают уровень базового и специального образования, стаж работы, умение аккумулировать широкий жизненный и профессиональный опыт, знание возможных последствий конкрет-ного воздействия. Компетентность в общении выступает как необходимая составляющая профессиональной компетентности, как необходимое условие роста ее эффективности.

Анализ психолого-педагогических источников показал наличие большого количества работ, в которых раскрыты профессионально-личностные качества и компетентность педагога (А. К. Маркова [7], Л. М. Митина [8]), обоснованы сущность и содержание технологий, реализуемых на разных ступенях образования (М. М. Левина [5], Г. К. Селевко [15]), заложена теоретическая и практическая основа их качественного применения в современной системе образования. В ряде исследований проработаны идеи и предложения, обеспечивающие качественную подготовку к эффективному общению: модели коммуникативной компетентности (М. И. Корчагина [4], С. А. Оськина [12]), методические разработки и сценарии тренингов (Г. Б. Монина и др. [9], О. Н. Недосека [10], Л. А. Петровская [13], Л. Н. Шепелева [16]), система обучения культуре общения и технологии развития компетентности субъекта педагогического общения (О. М. Осиянова [11], Н. Н. Рузанкина [14]). Тем не менее, до настоящего времени не создана психолого-педагогическая основа проектирования и реализации технологии, обеспечивающей развитие компетентности студента как субъекта педагогического общения на этапе вузовского профессионального образования, что повышает актуальность целенаправленного обращения к данному вопросу.

Под компетентностью субъекта педагогического общения нами по-нимается единство теоретической и практической готовности и возможности педагога оснащать процесс самореализации профессиональной деятельности системой коммуникативных, интерактивных и перцептивных действий. В ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» разработана и внедрена в учебный процесс психолого-педагогическая технология развития компетентности студента как

субъекта педагогического общения. Это система целей, содержания, методов и результатов, обеспечивающих использование потенциала психологических дисциплин и психологического аспекта педагогических практик для овладения теоретической и практической готовностью и возможностью оснащать профессиональную деятельность коммуникативными, интерактивными и перцептивными действиями, направленными на создание условий достижения образованности обучающихся.

Целью технологии является развитие готовности и возможности студента оснащать предстоящую профессиональную деятельность и выстраиваемые отношения коммуникативными, интерактивными и перцептивными действиями, обеспечивающими реализацию акта общения. Содержание технологии включает систему учебно-профессиональных заданий (теоретических и практических), способствующих освоению способов и средств проектирования педагогического общения, его реализации и анализа достигаемых результатов. Студент выбирает индивидуальную конфигурацию указанных заданий и выполняет их, актуализируя и совершенствуя компетентность в общении, а преподаватель выполняет функцию содействия развитию компетентности субъекта педагогического общения с помощью ориентирования, стимулирования, сопровождения указанного процесса. Применяемая технология предполагает использование разнообразных активных методов, форм и средств диагностики и развития компетентности субъекта педагогического общения: групповые дискуссии, ролевые и деловые игры, психологи-ческий анализ педагогических ситуаций, проектная деятельность, социально-психологические тренинги и др. Оценка и коррекция результата внедрения психолого-педагогической технологии производится по отношению к развитости, целостности и действенности умений оснащать средствами общения предстоящую профессиональную деятельность и выстраиваемые отношения. На каждом из этапов внедрения технологии предусмотрено соотнесение его целей с конечным идеальным результатом. К психолого-педагогическим условиям достижения максимальной эффективности применения технологии относятся: многообразие, адресность и возможность выбираемых заданий способствовать развитию ожидаемых характеристик развиваемого свойства; субъект-субъектное взаимодействие в педагогическом процессе; усиление самостоятельности студента; ориентация на личностную и профессиональную индивидуальность каждого студента, обеспечивающая индивидуальный и дифференцированный подход в его подготовке; расширение возможностей личностного и профессионального саморазвития; содействие самореализации актуальных и потенциальных возможностей студента.

Технология развития компетентности субъекта педагогического общения используется в двух чередующихся периодах:

– в период освоения психолого-педагогической основы развития компетентности педагогического общения, когда студент взаимодействует с другими субъ-ектами вузовского профессионально-образовательного процесса (преподавателями, сокурсниками, самим собой и др.);

– в период применения компетентности в педагогическом общении, когда студент как будущий специалист взаимодействует с потребителями профессиональной помощи и услуг (учащимися, их родителями, педагогической общественностью и др.).

Учитывая наличие многообразных развивающих возможностей в каждом из выделенных периодов, указанная технология апробирована в процессе изучения психологических дисциплин и выполнения заданий по психологическому аспекту педагогических практик. Для ее реализации предусмотрено сочетание изучения

теории с формированием у студента осмысленного понимания способов педагогического общения, а также овладением практических умений по их применению в процессе оснащения ими педагогической деятельности. Подобное сочетание обеспечивает, с одной стороны, актуализацию и развитие коммуникативных, интерактивных и перцептивных действий студента при выполнении функций общения в процессе педагогической деятельности. С другой стороны, реализованный акт общения способствует закреплению и/или дополнению компетентности субъекта общения, которая была свойственна студенту до вступления в указанный процесс, повышая качество уровня ее сформированности.

В учебном материале выделены три блока: информационный, практический и саморазвивающий. Основной целью информационного блока является получение новых знаний о механизмах и закономерностях общения, их актуализация, содействие процессу осмысления будущим учителем их ценности, гармонизация отношений, углубление содержательности и искренности общения, обмен суждениями, позициями, открытие многомерности изучаемых явлений. Информационный блок тесно связан с практическим, так как они взаимно дополняют друг друга: полученные на занятии знания подкрепляются выработкой соответствующих практических умений и действий по их применению. При овладении студентом педагогическим общением и развитии на этой основе соответствующего аспекта компетентности не менее важной является проблема саморазвития. Поэтому в ходе занятий стимулируется самонаблюдение, самоанализ, самооценивание, непрерывное уточнение самооценки и стремление к повышению ее адекватности с учетом успешности самореализации компетентности студента как субъекта педагогического общения.

Большое значение для качественной реализации рассматриваемой технологии имеет педагогическая практика, которая является связующим звеном между теоретическим обучением и предстоящей профессиональной деятельностью. С первых дней практики студенты ведут психологический дневник, в котором фиксируются наиболее интересные ситуации делового и личного общения (в том числе – конфликтные), которые затем анализируются, указываются собственные варианты возможных моделей общения в данной ситуации, оценивается их реальная и гипотетическая эффективность. Полученные данные позволяют точнее выявить и раскрыть особенности общения, его достоинства и недостатки, влияние на познавательную активность учащихся и на эмоциональный фон урока (внеурочной деятельности, досуговой формы работы и др.), определить личностные факторы, препятствующие эффективному взаимодействию. Параллельно с этим студенты, выполняя функции помощников классных руководителей или организаторов культурно-просветительской деятельности, проводят уроки общения с учащимися, организуют рекреационное взаимодействие с ними. С одной стороны, это способствует установлению доброжелательных отношений с детьми, развертыванию системы многофункционального взаимодействия, с другой – развитию навыков общения самих учащихся.

В целом педагогическая практика выступает в качестве источника адаптации студента к реальной педагогической деятельности и полигона максимальной реализации своей компетентности в качестве субъекта педагогического общения. Будущий педагог проектирует и реализует профессиональное общение с различными категориями людей (учащимися, родителями, коллегами и педагогами-наставниками), осуществляет мысленную ретро-спективную реконструкцию реальных педагогических ситуаций в процессе анализа хода и результатов общения с детьми (собственного, студентов-практи-

кантов, педагогов), проводит диагностику и самодиагностику компетентности субъектов педагогического общения. Все это позволяет осознать природу своих профессиональных затруднений, развивает рефлексивно-аналитические умения, становится импульсом для составления индивидуаль-ной программы саморазвития компетентности в педагогическом общении.

Таким образом, проектирование условий реализация технологии развития компетентности субъекта педагогического общения, их создание в процессе теоретической и практической подготовки студента к предстоящему оснащению педагогической деятельности системой коммуникативных, интерактивных и перцептивных действий, адекватных ситуации реализуемого общения, способствуют эффективному развитию субъектной и компетентностной основы общения студента в процессах личностного и профессионально-педагогического роста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 365 с.

2. Бодалев, А. А. Познание человека человеком (возрастной, этнический и профессио-нальный аспекты) / под ред. А. А. Бодалева, Н. В. Васиной. – СПб.: Речь, 2005. – 324 с.

3. Кан Калик, В. А. Учителю о педагогическом общении / В. А. Кан-Калик. – М.: Просвещение, 1987. – 190 с.

4. Корчагина, М. И. Коммуникативность – профессиональное качество педагога / М. И. Корчагина // Научные исследования в образовании. – 2008. – № 7. – С. 36-40.

5. Левина, М. М. Технологии профессионального педагогического образования / М. М. Левина. – М.: Академия, 2001. – 272 с.

6. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2005. – 368 с.

7. Маркова, А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. – М.: Просвещение, 1993. – 192 с.

8. Митина, Л. М. Учитель как личность и профессионал / Л. М. Митина. – М.: Дело, 1994. – 216 с.

9. Монина, Г. Б. Коммуникативный тренинг (педагоги, психологи, родители) / Г. Б. Монина, Е. К. Лютова-Робертс. – СПб.: Речь, 2006. – 224 с.

10. Недосека, О. Н. Тренинг как вид коммуникативной технологии в вузе / О. Н. Недосека // Инновации в образовании. – 2010. – № 12. – С. 35-41.

11. Осиянова, О. М. Субъектно-ориентационная система обучения культуре речевого общения / О. М. Осиянова // Человек и образование. – 2009. – № 2. – С. 148-154.

12. Оськина, С. А. Психологические основы совершенствования коммуникативной компетентности студента педагогического вуза / С. А. Оськина // Интеграция образования: науч.-метод. журн. – 2009. – №4(57). – С. 79-82.

13. Петровская, Л. А. Компетентность в общении: Социально-психологический тренинг / Л. А. Петровская. – М.: МГУ, 1989. – 216 с.

14. Рузанкина, Н. Н. Психолого-педагогическая технология развития в вузе компетентности субъекта педагогического общения / Н. Н. Рузанкина // Российский научный журнал. – 2010. – №5(18). – С. 210-217.

15. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии / Г. К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

16. Шепелева, Л. Н. Программы социально-психологических тренингов / Л. Н. Шепелева. – СПб.: Питер, 2007. – 160 с.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМЕНИ С. И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
г. МОСКВА

УДК 316.648:316.35
ББК 88.5
Социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ» РОССИИ ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЕ ЗНАНИЯ»

Доктор психологических наук Е. А. Володарская

В данной работе на примере использования метода контент-анализа информации в журнале «Новые Знания» раскрывается содержание трех направлений научной популяризации: а именно: предметно-содержательного, социально-группового и личностно-психологического. Раскрывается роль Общества «Знание» России в деятельности по научной популяризации и просвещению граждан. Результаты исследования позволяют констатировать отсутствие равной представленности направлений популяризации науки, а также доминирование социально-группового направления по сравнению с предметным и персональным видами, транслируемыми в научно-популярном издании «Новые Знания».

Ключевые слова
Научная популяризация, направления популяризации науки, общество «Знание» России, журнал «Новые Знания», контент-анализ

Популяризация науки представляет собой процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей. Популяризация науки, «перевод» специализированных знаний на язык малоподготовленного слушателя, читателя - одна из самых важных задач, стоящих перед популяризаторами науки. Задачей популяризатора науки является превращение скучных научных данных в интересную и понятную большинству информацию [1].

Предметом наших интересов является научная популяризация современной российской науки. Цель данного исследования заключалась в изучении направлений популяризации науки. Под направлением популяризации понимается совокупность наиболее существенных особенностей науки, обусловленных ее многосторонним характером и выявляемая на основе содержания публикуемого материала. Наука – это комплексный феномен. Во-первых, под наукой можно понимать совокупность знаний, открытий, накопленных человечеством. Во-вторых, наука – это система деятельности по производству нового знания. Причем, это коллективная творческая деятельность. В этом смысле науку можно рассматривать как социальную группу, профессиональное сообщество исследователей. И, в-третьих, хотя профессия ученого стала массовой и нельзя «делать науку» в одиночку, но инсайт, оза-

рение все-таки происходит в мозгу конкретного человека. Наука всегда персонифицируется в конкретных личностях. Поэтому наука может оцениваться с точки зрения представления об ученых, являющихся субъектами науки, принимая во внимание их личностно-психологические особенности, научного вклада в науку.

Науковедческие характеристики научной популяризации связываются с аспектами функционирования науки, за основу выделения которых взят принцип трехаспектности анализа науки, разработанный М. Г. Ярошевским [2]. Согласно этой науковедческой концепции, любой феномен науки необходимо рассматривать в единстве трех ее составляющих, а именно: внутренней логики развития науки (предметно-логический аспект), психологических характеристик научного сообщества и социального контекста функционирования науки (социально-научный аспект) и индивидуально-личностных особенностей ученых (личностно-психологический аспект). С нашей точки зрения, научная популяризация, будучи способом трансляции науки обществу, должна отражать выделенные три аспекта науки. Поэтому в качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что научная популяризация включает в себя три направления: предметный, групповой и личностный. Предметно-содержательное направление научной популяризации выражает трансляцию собственно научного знания как информацию о результатах, достижениях ученых, продуктах их коллективной творческой деятельности. Социально-групповое направление связано с трансляцией информации о современном состоянии профессионального научного сообщества, о событиях, происходящих в нем, об отношениях, складывающихся между наукой, обществом, государством. Личностно-психологическое направление отражает популяризацию конкретных ученых, рассказ об индивидуально-личностных, психологических характеристиках самих исследователей, реализующихся в особенностях их мышления, коммуникативных умениях, организаторских способностях, личностных качествах.

В нашей стране популяризацией науки занимается, в первую очередь, общество «Знание» России, которое является правопреемником Всесоюзного общества на территории Российской Федерации. Сегодня это негосударственная, общественная, образовательно-просветительская организация. Общество «Знание» было создано в июле 1947 г. по инициативе группы выдающихся ученых с целью распространения политических и научных знаний в обществе. Свое привычное название – Всесоюзное общество «Знание» – оно получило в 1963 году, будучи переименованным из Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

С самого зарождения идеи, формирования оргкомитета и проведения Учредительного съезда основу работы общества составили видные советские ученые. Первым руководителем Общества стал Сергей Иванович Вавилов, что определяет актуальность изучения истории и современного состояния Общества. Основными целями Общества «Знание» и тогда и теперь были распространение знаний; непрерывное образование граждан; содействие достижению Россией уровня передовых государств в экономической, научно-технической, социальной и гуманитарной областях. В систему Общества входят планетарии, дома знаний, дома научно-технической пропаганды. Общество выпускает ежеквартальный журнал «Новые Знания», посвященный вопросам образования взрослых в России и за рубежом.

Остановимся вкратце на структуре и направлениях деятельности Общества «Знание» России сегодня.

Президентом Общества «Знание» России является доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Россий-

ской академии образования, заместитель председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию О. Н. Смолин. Почетные президенты избираются Съездом из числа бывших президентов Общества, имеющих выдающиеся заслуги перед Обществом. Среди них академик РАН, член Президиума РАН С. Н. Багаев и академик РАН, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, советник РАН, главный научный сотрудник Института вычислительной математики РАН Г. И. Марчук. Вице-президенты: доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, академик Инженерной академии Г. Г. Григорян; доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола, генеральный директор Центрального Российского Дома знаний И. В. Зайцевский; кандидат экономических наук, доцент, заслуженный работник культуры Российской Федерации, ректор Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, председатель правления Курской областной организации Общества «Знание» России Г. П. Окорокова и профессор, ректор Гуманитарно-экономического и информационно-технологического института, член Общественной палаты Российской Федерации, Председатель правления Международного гуманитарного фонда «Знание» имени академика К. В. Фролова Ф. Ф. Светик.

Постоянно действующим руководящим органом Общества является Правление. Размещается оно в центре Москвы в здании Политехнического музея. Штатный руководитель Правления (председатель) – В. А. Суслова. Съезд является высшим руководящим органом Общества «Знание» России. Съезд созывается не реже, чем 1 раз в 5 лет и решает любые вопросы в пределах Устава, относящиеся к деятельности Общества.

Правление – постоянно действующий руководящий орган Общества в период между съездами. В состав Правления входят председатель, его заместители, ученый секретарь, представители организаций и учреждений, научной общественности. Количество членов Правления определяется съездом. Председателя Правления, его заместителей и ученого секретаря избирает Правление из своего состава. Для решения оперативных вопросов, требующих коллективного рассмотрения, в период между заседаниями Правления, из состава членов Правления избирается президиум Правления.

Организации Общества «Знание» действуют в 70 субъектах Российской Федерации – республиках, краях и областях. Например, в Адыгее, Амурской и Архангельской областях, Алтайском крае, Башкортостане, Белгороде, Владимире, Волгограде, Сахалине, Тюмени, Удмуртии, Ульяновске, Челябинске и т. д. Во многих регионах созданы центры и институты непрерывного (дополнительного) образования. Образовательные учреждения Общества «Знание» проводят курсы и семинары по повышению квалификации и переподготовке кадров. Примерно в тридцати российских регионах организации Общества участвуют в реализации совместных с администрацией договоров на проведение информационно-просветительской работы, связанной с социально-экономическими проектами, знаменательными историческими датами, патриотическим воспитанием, гражданским образованием.

В ряде городов организациями «Знание» учреждены и успешно работают негосударственные высшие учебные заведения. Например, Центральный институт непрерывного образования Общества «Знание». Институт реализует программы повышения квалификации руководителей компаний, а также руководителей и ведущих специалистов финансовых, юридических и кадровых служб организаций, учреждений и предприятий.

При содействии зарубежных партнеров

создана сеть компьютерных классов более чем в 20 российских регионах. Разработана и осуществляется программа «Компьютерное образование взрослых», в которой участвует более 125 организаций со статусом «Аккредитованный учебный центр «Знание» в большинстве регионов России. Организации и учреждения Общества предлагают курсы по изучению иностранных языков, по интересам и увлечениям различных групп населения - ведению домашнего и садового хозяйства, основам медицинских знаний, уроки красоты, этики, риторики и т. д., проводят лекции, консультации, информационные встречи по широкому кругу проблем современного российского общества.

Создана Федеральная лекторская группа с целью содействия распространению научных знаний в рамках просветительской и образовательной деятельности организаций системы Общества «Знание» России. В задачи федеральной лекторской группы входит формирование лекторского актива; привлечение ведущих российских ученых, преподавателей, бизнес-тренеров, коучей и консультантов к просветительской и образовательной деятельности, осуществляемой организациями системы Общества «Знание» России; обмен опытом лекционной работы между организациями системы Общества «Знание» России; внедрение в деятельность Общества инноваций, передовых просветительных и образовательных методик и технологий.

В 2003-2004 г.г. Общество «Знание» принимало активное участие в разработке Целевой программы повышения правовой культуры населения (правового всеобуча) в Центральном федеральном округе. Еще одним направлением деятельности является масштабный издательский проект «Новая библиотека русской классики –- обязательный экземпляр», осуществляемый Обществом «Знание» России, Международным союзом книголюбов, Академией российской словесности, Центральным библиотечным коллектором и издательским домом «Парад» при поддержке Фонда Первого Президента России Б. Н. Ельцина. Распространение книг ведется на благотворительной основе, через ведущие библиотечные коллекторы страны.

Общество «Знание» России активно сотрудничает с родственными зарубежными организациями. Более 10 лет тесно взаимодействует с Немецкой ассоциацией народных университетов. С 1996 года является членом Европейской ассоциации по образованию взрослых. В мае 2003 г. Общество «Знание» России приняло участие в VIII Конференции министров образования государств-участников СНГ, рассмотревшей вопрос об образовании взрослых и просветительской деятельности. Подписано Соглашение о сотрудничестве между Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и Обществом «Знание» России. Предметом соглашения является организация долговременного и взаимовыгодного сотрудничества в сфере популяризации российской культуры, презентации за рубежом лучших образцов российского искусства, достижений российской науки и образования, укрепление связей России с зарубежными странами в области культуры и искусства, поддержка программ изучения русской культуры за рубежом, формирование единого гуманитарного пространства государств-участников Содружества Независимых Государств, а также поддержка и возрождение традиций общественного просветительства в странах Содружества Независимых Государств.

В последние годы в ряде организаций Общества «Знание» особое место стала занимать работа с гражданами третьего возраста. Эта деятельность повышает социальный престиж организаций и вызывает большой интерес у ветеранов. Образование на протяжении всей жизни, в том

числе и в пожилом возрасте, раскрывает возможности для развития, самосовершенствования и активного включения в деятельность пожилых людей наравне с другими поколениями. С 1996 года Общероссийская общественная организация Общество «Знание» России является членом Европейской ассоциации по образованию взрослых. Это международная некоммерческая ассоциация, которая объединяет и представляет европейские организации, непосредственно занимающиеся обучением взрослых. Ее деятельность сосредоточена на НКО, которые ставят своей задачей образование взрослого населения.

Эмпирической базой исследования выступил журнал «Новые Знания», являющийся средством популяризации науки и просветительской деятельности Общества «Знание» России.

Данный журнал, учрежденный в 1996 г, имеет подзаголовок «Образовательный журнал для взрослых», что определяет его целевую аудиторию. Журнал появился в качестве издания по проблемам андрагогики, он объединил большую группу отечественных и зарубежных ученых, специализирующихся на проблемах образования взрослых. Благодаря их усилиям, главным содержанием журнала стало утверждения принципа «Образование на протяжении всей жизни». С 1996 журнал издавался благодаря грантовой поддержке германской ассоциации народных университетов, которая в 2008 г. прекратила финансирование образовательных проектов на территории России, переключившись на другие страны СНГ. С этого времени журнал начал издаваться при поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина», что позволило не только сохранить журнал, но и существенно расширить диапазон освещаемых проблем, преобразовав его из издания по проблемам образования в образовательно-просветительский журнал для взрослых. Сохранив в качестве авторов и читателей ученых-андрагогов, было привлечено большое число граждан, интересующихся новостями науки и мировыми открытиями, историей и современным развитием цивилизации. Помимо бумажного издания, выходящего четыре раза в год, существует сайт «Новые Знания» с ежедневным обновлением. На этом портале сохранена наиболее востребованная часть ранее вышедших бумажных номеров. В новом формате продолжается дискуссию о современных знаниях: что нам необходимо, а чем можно пренебречь. Отдавая предпочтение проблемам образования взрослых, редакция журнала не обходит стороной и тему образования в целом. Среди публикуемых материалов существенное внимание уделяется научным достижениям, изобретениям и открытиям, изменившим или меняющим жизнь. Продолжаются познавательные путешествия по местам, породившим загадки истории. Среди исторических персонажей публикуются материалы о неординарных, неоднозначных личностях.

Основным эмпирическим методом проверки выдвинутой гипотезы выступил метод контент-анализа статей, опубликованных в журнале «Новые Знания» [3]. В качестве количественной единицы контекста рассматривалась каждая отдельная публикация в журнале. Частота упоминания категорий в единицах контекста фиксировалась как тематическая. Объем печатного материала подсчитывался на основании числа упоминаний категорий в одном номере журнала. Качественные единицы контент-аналитического исследования сформулированы с опорой на методологию трехаспектного подхода к анализу науки. В связи с этим качественными категориями контент-анализа выступили три основных направления просветительской деятельности Общества «Знания» России: предметное, групповое и личностно-психологическое. В выборку вошли все номера журнала «Новые Знания» за период с 2000 по 2010 гг. Всего исследовано 40 номеров журнала (общим

числом 585 статей). Направления научной популяризации изучались на основе публикаций, посвященных разным аспектам жизни науки. В основную выборку не включены такие публикации, как вступительное слово главного редактора, предваряющее каждый номер журнала; информация о съездах Общества «Знания», смешные выдержки из школьных сочинений (помещенные в рубрику «Плоды просвещения»), материалы о решениях правительства, Госдумы, Министерства образования и науки, Администрации президента; о книжных новинках; новости науки и образования; поздравления юбилярам, полезные советы. В итоге, объем исследуемой выборки, составил 454 публикации.

Интересно рассмотреть распределение количества статей по рубрикам журнала (см. табл. 1).

С целью определения статистической

Таблица 1

Количество статей, процентное соотношение и ранг рубрики в журнале «Новые Знания»

Рубрика	*Частота*	*%*	*Ранг*	*Рубрика*	*Частота*	*%*	*Ранг*	*Рубрика*	*Частота*	*%*	*Ранг*
Инновации в образовании	54	11,89	1,5	Гражданское образование	13	2,85	11	Дополнительное профессиональное образование	4	0,87	20,5
Образование без границ	54	11,89	1,5	Тенденции	11	2,41	12,5	Экономическое образование	4	0,87	20,5
Андрагогика	53	11,66	3,5	Формула успеха	11	2,421	12,5	Открытия	3	0,66	23,5
Опыт регионов	53	11,66	3,5	Среда обитания	9	1,98	14	Постдипломное образование	3	0,66	23,5
Теория и методология	41	9,03	5	Историческое наследие	7	1,54	15	Наука и общество	2	0,44	26,5
Социальное партнерство	25	5,51	6	Компьютерный клуб	6	1,32	16,5	Наука и религия	2	0,44	26,5
Менеджмент знания	22	5,51	7	Новые технологии	6	1,32	16,5	Образование женщин	2	0,43	26,5
Образование и рынок	20	4,41	8	Правовой всеобуч	5	1,11	18	Дистанционное образование	2	0,43	26,5
Психологический практикум	17	3,74	9	Проблемы образования	4	0,88	20,5	Лженаука	1	0,21	29
Образование в «третьем возрасте»	16	3,52	10	Трибуна	4	0,88	20,5	ИТОГО:	454	100	29

значимости различий в распределении частоты встречаемости публикаций по отдельным рубрикам был использован критерий χ^2 Пирсона. Выявлено, что распределение количества статей по рубрикам не носит случайного характера (χ^2 =564,692 при $p \leq 0{,}01$). Данный результат свидетельствует о том, «наполненность» рубрик отражает существующие предпочтения редакции журнала относительно направлений научной популяризации.

Минимальный показатель частоты

публикации по рубрикам – 1, максимальный показатель частоты публикаций в рубрике за весь исследуемый период – 54. Выделение границ доверительных интервалов количества статей в рубрике основывалось на подсчете математического ожидания (M=15,65) и стандартного отклонения (σ = 23,76). Разделение выборки на три зоны в соответствии с объемом каждой рубрики осуществлялось по критерию отклонения значений от средней величины на 1/2 стандартного отклонения. Так как количество статей в рубрике есть целое число, границы низкой частоты представленности рубрики по количеству входящих в нее статей составляют от 1 до 3 публикаций, средняя частота располагается в пределах от 4, но менее 27 статей; результат от 28 до 54 статей указывают на высокую частоту упоминания рубрики. Для дальнейшего анализа были отобраны рубрики, располагающиеся в границах средней и высокой частот. Рубрики с количеством статей от 1 до 3 были исключены из дальнейшего исследования. Приведем пример «низкочастотных» рубрик, а также статей, помещенных в эти рубрики: «Открытия» [4], «Постдипломное образование» [5], «Наука и общество» [6], «Наука и религия» [7], «Образование женщин» [8], «Дистанционное образование» [9], «Лженаука» [10]. Таким образом, объем выборочной совокупности на данном этапе исследования составил 439 публикации.

Далее проанализируем распределение публикаций, входящих в каждую рубрику по выделенным нами направлениям научной популяризации, а именно: предметно-содержательное, социально-групповое, личностно-психологическое. Результаты частоты выраженности каждого направления отражены в таблице 2.

Результаты, представленные в таблице 2, отражают интерес авторов журнала «Новые Знания» на социально-групповом направлении популяризации науки. На первый план выдвигается трактовка событий, происходящих в научном сообществе, иными словами, социальный план развития науки. Описанию научных результатов и личности ученого, предметно-содержательному и личностно-психологическому направлениям уделяется меньше внимания. Эта тенденция подтверждена статистически и не имеет случайного характера (χ^2=135,43 при $p \leq 0,01$). Таким образом, можно говорить о приоритетах средств массовой информации, в частности, журнала «Новые Знания» в отборе и преподнесении информации при обсуждении проблематики современной отечественной науки.

Далее остановимся более подробно на

Таблица 2

Распределение количества статей по направлениям научной популяризации

Направления популяризации	Количество упоминаний	% от общего объема выборки
Предметно-содержательное	162	37
Социально-групповое	237	54
Личностно-психологическое	40	9
ИТОГО:	439	100

анализе содержания разных направлений популяризации науки. Социально-групповое направление отражено в 54% публикаций за анализируемый период. Данное направление, во-первых, обсуждаются вопросы нынешнего состояния и перспектив развития образования на протяжении всей жизни. Проблемы образования взрослых отражены в 82 статьях (35%). Это такие, например, проблемы, как образование взрослых в условиях модернизации [11], гендерные аспекты обучения

[12], ценностные аспекты образования взрослых [13], реформирование школьного образования [14], вопросы дополнительного профессионального образования [15], обучение инвалидов [16] и т.д.

Во-вторых, описываются формы, виды образования в современной России. Организационные формы образования в течение всей жизни представлены в 71 публикации (30%). Речь идет об описании видов и направлений обучения взрослых. В частности, обсуждаются вопросы частного школьного или вузовского образования [17]; профориентации взрослых людей, бизнес-образовании, дистанционном обучении через Интернет, взаимодействии различных образовательных учреждений, описанию опыта регионов России по организации образования взрослых граждан и т. д. [18].

В-третьих, статьи рассказывают о научных конференциях – 44 публикации (18%) [19]. В-четвертых, освещается состояние образования взрослых за рубежом. Этому направлению посвящено 40 статей (17%) [20].

Предметно-содержательное направление научной популяризации в журнале «Новые Знания» представлено в 162 статьях за период с 2000 по 2010 гг. Содержание публикуемых материалов, отнесенных нами к данному направлению популяризации науки, позволило выделить два блока описания предметного содержания образования взрослых, а именно: образовательные технологии и сферы обучения на протяжении всей жизни. В первый блок вошло 112 статей или 69% публикаций, которые отражают новые результаты андрогогики, изучающей проблемное поле образования взрослых. Речь идет об обсуждении теоретико-методологических вопросов обучения, подходах, практических рекомендациях, средствах, технологиях организации и оценки образовательного процесса. Например, личностно-ориентированная образовательная парадигма [21,] праксиологический подход, технология форсайта как средства построения долгострочных прогнозов относительно динамики развития социальной сферы образовательных услуг для взрослых [22], методы ролевых игр, социально-психологического тренинга, кейс-стади, пректирования, психобиографии [23].

Ко второму блоку предметно-содержательного направления популяризации науки были отнесены публикации, раскрывающие сферы образования взрослых (50 статей или 31%). Это такие сферы, как правовое образование, менеджмент, лингвистика, компьютерные навыки, психология, история, литературоведение и т. д. [24].

Анализ личностно-психологического направления популяризации науки строился на основе 40 публикаций (9% от общего количества статей, составивших выборочную совокупность контент-анализа). Этот массив публикаций можно разделить на два блока. К первому блоку были отнесены публикации, посвященные конкретным личностям, оставивших значительный след в истории научно-просветительского движения (10 статей или 25%) [25]. Во второй блок были включены публикации относительно индивидуально-психологических характеристик, необходимых специалисту в области андрологии, таких как, в частности, толерантность, проницательность, коммуникативность, лидерский потенциал и др. (30 статей или 75%) [26].

Итак, в результате проведенного контент-аналитического изучения содержания публикаций журнала «Новые Знания» гипотеза о том, что научная популяризация включает в себя три направления, была подтверждена. Предметно-содержательное направление связано с передачей информации о методологических вопросах, технологиях обучения взрослых, а также о сферах социальной практики, знания о которых могут быть полезны обучающимся. Социально-групповое направление описывает организационные формы обучения на протяжении всей жизни, зна-

комит с зарубежным опытом. Личностно-психологическое направление нацелено на передачу информации о личности андролога-профессионала.

Результаты исследования позволяют констатировать отсутствие равной представленности направлений популяризации науки и доминанту социально-группового направления. Вероятно, это объясняется позицией редакции журнала «Новые Знания». Полученный результат подтверждает факт того что научная популяризация способствует созданию схемы, скриптов научных феноменов, на основе которых формируется оценка научного события, структурируется мнение о науке.

СМИ позволяют не только понять мир, в частности, научный мир, но также конструировать модели его интерпретации, оценки событий, явлений, научных открытий и изобретений. Результаты исследовательской деятельности ученых, полученные на основе определенной внутренней предметной логики развития науки, будучи распространены в обществе, приобретают социальный контекст, располагаются в континууме психологической близости к субъекту на основе меры его информированности и заинтересованности. В связи с этим, для того чтобы быть понятым и принятым обществом в процессе научной популяризации научный результат конструируется заново, приобретая характеристики социального события.

Выстроенная научным журналистом социальная реальность научного феномена позволяет индивиду или группе придать определенное значение, смысл транслируемой информации, объяснить на обыденном уровне суть научного результата, сформулировать собственной мнение, отношение, как к отдельному научному продукту, так и к исследовательской сфере в целом. Фокус интереса должен быть сосредоточен на вопросах, связанных с принципами отбора, восприятия, передачи аудитории информации о науке.

Журналист, социально-прецептивный ряд которого имеет субъективный характер, может отбирать определенным образом информацию, подтверждая выдвигаемые им гипотезы. Это влияет на используемые источники информации, вопросы, задаваемые ученым, отбор наиболее значимых с точки зрения журналиста аспектов научного факта, события, личности ученого. Затем выбранная информация о науке интегрируется в целостный, внутренне непротиворечивый конструкт, который транслируется обществу.

Таким образом, популяризация науки, распространение в обществе научной информации служит и самой науке, и интересующейся публике, расширяя горизонты непознанного, формируя мировоззрение, конструируя научное знание у граждан, новые модели поведения и коммуникативного пространства личности, группы и общества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лишевский В. Ученые – популяризаторы науки. – М.: Знание, 1987.

2. Ярошевский М. Г. Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические проблемы науки / под ред. С. Р. Микулинского. – М.: Наука, 1973. – С. 174-184.

3. Богомолова Н. Н.., Стефаненко Т. Г. Контент-анализ. – М.: Изд-во МГУ, 1992.

4. Зюрина О. Изобретения, изменившие мир // Новые Знания. – 2009. – №4.

5. Матюшкина М. Структурирование показателей качества постдипломного образования // Новые Знания. – 2006. – №2.

6. Баныкина С. Человековедческие технологии // Новые Знания. – 2010. – №1.

7. Сарма А. Туринская плащаница // Новые Знания. – 2010. – №1.

8. Скорнякова С. Гендерные аспекты образования // Новые Знания. – 2003. – №3.

9. Петюшкин А. Виртуальные образовательные службы: цели, задачи, методы, технологии // Новые Знания. – 2000. – №3.

10. Вэй Я. Возможности человека или обычный трюк? // Новые Знания. – 2010. – №1.

11. Гедрайтис Р. Образование взрослых в условиях ускоренной модернизации // Новые Знания. – 2008. – №2.

12. Калинина Е. Женская карьера: трудный путь наверх // Новые Знания. – 2007. – №3.

13. Соколовская Е., Сухобская Г., Шадрина Т. О новых ценностях в образовании взрослых // Новые Знания. – 2003. – №4.

14. Рубинштейн А. Концепция альтернативной реформы высшей школы // Новые Знания. – 2007. – №1.

15. Федотов Н. Дополнительное профессиональное образование: проблемы и перспективы // Новые Знания. – 2003. – №1.

16. Лебедева С. Основные тенденции развития образования взрослых инвалидов в современных условиях // Новые Знания. – 2002. – №4.

17. Быкова В. Непрерывное образование: тенденции и перспективы развития в условиях университета // Новые Знания. – 2005. – № 2.

18. Литвинова Н., Соколовская Е., Мухлаева Т. Высшая народная школа для пожилых людей в Санкт-Петербурге // Новые Знания. – 2005. – № 2.

19. Вершловский С. 6-я международная научно-практическая конференция «Постдипломное образование: проблемы качества» // Новые Знания. – 2006. – № 2.

20. Агапова О. Международное сотрудничество в сфере образования взрослых // Новые Знания. – 2005. – №4.

21. Кукуев А. Методологические принципы образования взрослых (в контексте личностно-ориентированной образовательной парадигмы культурологического типа) // Новые Знания. – 2008. – №1.

22. Третьяк В. Форсайт как технология активного предвидения // Новые Знания. – 2007. – №2.

23. Ильин И. Проективное образование – форма образования взрослых // Новые Знания. – 2006. – № 1.

24. Бирюкова Н., Савиных Е. Интернет-ресурсы в области образования взрослых // Новые Знания. – 2003. – №3.

25. Зюрина О. Скандальный просветитель // Новые Знания. – 2009. – №3.

26. Кулюткин Ю., Тарасов С. Образовательная среда и развитие личности // Новые Знания. – 2001. – №1.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923
ББК 88.37+88.52

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗОВАННОСТИ СТУДЕНТОВ

Доктор психологических наук Н. А. Фомина
В. С. Авдеев

В статье представлены результаты исследования организованности как важнейшего волевого свойства личности студентов, от уровня развития которого во многом зависит успешность их жизнедеятельности.

Ключевые слова
Студенты, спортсмены, организованность, системное свойство личности, динамический, эмоциональный, регуляторный, рефлексивно-оценочный, целевой, мотивационный, когнитивный, продуктивный компоненты

В современных социально-психологических условиях исследование личности, ее индивидуально-психологических характеристик, определяющих успешность, эффективность выполнения различных видов деятельности, является очень актуальным. Динамично развивающееся российское общество испытывает настоятельную потребность в людях «нового типа»: активных, организованных, целеустремленных, ответственных и организованных.

Одним из важнейших волевых свойств личности является организованность, которая способствует повышению эффективности и продуктивности труда, облегчает человеку выполнение работы, способствует сохранению его работоспособности и здоровья [1. С. 3].

Следует заметить, что проблема выявления природы организованности, ее особенностей, описания путей ее формирования и развития является в настоящее время объектом изучения различных наук: педагогики, менеджмента и управления человеческими ресурсами, и конечно же, психологии.

В психологии термин «организованность» используется для описания различных свойств, качеств, процессов и состояний личности: внимания (К. В. Мишанова), активности (А. А. Смирнов), саморегуляции (А. И. Высоцкий, Т. А. Егорова, В. К. Калин). Организованность рассматривается в контексте изучения характера (Е. П. Ильин, В. А. Гольнева, Н. Д. Левитов, Н. Ф. Прокина, В. И. Селиванов и др.), раскрывается через способности и свойства личности (В. А. Гольнева, Н. Д. Левитов, Н. Ф. Прокина, В. И. Селиванов, С. Г. Якобсон), деятельность (Н. Ф. Гоноболин, Н. И. Рейнвальд, П. А. Рудик, В. Г. Степанов).

Изучаются возрастные и половые осо-

бенности организованности (А. И. Высоцкий, А. В. Кудинов), ее зависимость от профессионального статуса субъекта (Р. В. Ершова), его национальной принадлежности (А. И. Крупнов, Джамила Джафар Али Фадель). Природа организованности выявляется в деятельностной (В. К. Калин, Н. И. Рейнвальд, П. А. Рудик) и личностной (В. А. Гольнева, Н. Д. Левитов, Н. Ф. Прокина, В. И. Селиванов, Н. И. Рейнвальд, С. Г. Якобсон и др.) сферах [2].

Поскольку особую значимость организованность, наряду с другими волевыми свойствами личности, имеет для спортсменов и, к сожалению, многие теоретические и практические вопросы диагностики, формирования и развития свойств личности спортсменов остаются недостаточно исследованными, несмотря на значительное повышение требований в современном спорте к личностным особенностям будущих чемпионов в связи с предельными физическими и эмоционально-личностными нагрузками, которые они постоянно испытывают, нами под руководством Н. А. Фоминой на базе Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина проводится исследование особенностей организованности студентов факультета физической культуры и спорта.

Изучается организованность в рамках системно-функционального подхода А. И. Крупнова, позволяющего рассмотреть это психическое свойство «в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система» [3. С. 88]. Согласно данному подходу, организованность, как и любое другое свойство личности, понимается как целостная система мотивационно-смысловых (целевых, мотивационных, когнитивных, продуктивных) и инструментально-стилевых (динамических, эмоциональных, регуляторных, рефлексивно-оценочных) характеристик, находящихся в определенных взаимоотношениях между собой, свидетельствующих о его сложной, многомерно-функциональной организации (А. И. Крупнов, 1986, 1988, 1990). А. И. Крупнов справедливо утверждает, что исходной клеточкой свойства и его анализа является стремление, имеющее свою силу, интенсивность, способы и приемы реализации, т. е. динамические характеристики. Содержание и качественные особенности свойства в значительной мере обусловливаются намерениями и мотивами, которые выполняют смысловую, побудительную и направляющую функции поведения человека, поэтому свойство должно быть оценено и со стороны направленности мотивации. Стремление по-разному осознается и осмысливается человеком, что составляет когнитивную сторону свойства, оно определенным образом переживается и регулируется субъектом (эмоциональный и регуляторный компоненты свойства). Кроме того, реализация стремления имеет промежуточный и конечный результаты [Цит. по 4. С. 20].

В данной статье представлены некоторые результаты сравнительного анализа особенностей организованности 65 студентов, обучающихся на факультете физической культуры и спорта Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (условно спортсменов) и 77 студентов факультета промышленного и гражданского строительства Рязанского филиала Московского государственного открытого университета (условно не спортсменов).

Особенности организованности студентов выявлялись с помощью бланкового теста «Организованность» А. И. Крупнова, дающего возможность количественно и качественно оценить содержательно-смысловые (целевые, мотивационные, когнитивные, продуктивные) и инструментально-стилевые (динамические, эмоциональные, регулятивные и рефлексивно-оценочные) характеристики данного свойства как системного образования, причем среди них выделялись гар-

монические переменные, способствующие формированию и развитию данного свойства личности, и агармонические, напротив, затрудняющие этот процесс.

Целевой компонент организованности диагностировался на основании выраженности личностно-значимых (желания найти хорошую и интересную работу, обрести самостоятельность и независимость, достичь материального благополучия и т. п.) или общественно-значимых (стремления стать квалифицированным специалистом, спортсменом, тренером и т. п.) установок и целей при осуществлении организованного поведения, а мотивационный – по социоцентричности (доминированию побуждений, связанных с чувством долга и необходимостью для коллектива выполнения порученных дел, освоением новых видов деятельности и т.п.) или эгоцентричности (преобладанию побуждений, связанных с желанием проявить свои возможности и способности, развить у себя упорство и волю, быть более требовательным к себе и т. п.). Когнитивный компонент данного свойства характеризовался осмысленностью (ее глубоким научным пониманием, выделением существенных признаков) или простой осведомленностью (поверхностным представлением) о нем. Продуктивные составляющие оценивались по сфере приложения организованности в предметной (в учебе, работе, спорте, освоении специальности, решении задач, поставленных группой и т. п.) или субъектной (в завершении большинства своих дел, улучшении личного благополучия, самореализации и т. п.) сферах, а динамические – по эргичности, о которой свидетельствовали доведение начатого дела до конца, постоянное стремление к достижению цели, упорство в преодолении трудностей и т. п., или аэргичности – неустойчивости в проявлениях организованности, частому отказу от ранее запланированного, переносу дел «на потом», частому отвлечению на посторонние дела и т. п. Эмоциональные характеристики выражались в стеничности (радости при начинании своего дела, предвосхищении его положительного исхода, спокойствии в случае неудачи и т. п.) или астеничности (неуверенности в начале дела, предчувствии неудачи, тревожности, разочаровании, упадке сил в случае неудачи и т. п.), а регуляторные – по интернальности – желанию, намерениям и умениям человека всего добиваться самостоятельно, своим трудом, не надеясь на обстоятельства и других людей, или экстернальности – отказу брать на себя ответственность за свои действия, неверию в свои силы, убежденности в том, что вся жизнь предопределена судьбой и никакая организованность не может ее изменить. Рефлексивно-оценочный компонент предполагал осознание (рефлексию) наличия операциональных (не сформированности волевых привычек и навыков, неумения планировать и распределять время и т. д.) или эмоционально-личностных (связанных с низкой самооценкой, тревожностью, неуверенностью в себе и т. п.) трудностей в осуществлении организованного поведения.

Общественно значимые цели, социоцентрическая мотивация, осмысленность, продуктивность в предметной сфере, энергичность, стенические эмоции, интернальная, внутренняя регуляция организованности были отнесены к гармоническим, а личностно значимые цели, эгоцентрическая мотивационная направленность, простая осведомленность об этом свойстве, продуктивность в личностной сфере, аэнергичность, астеничнеские эмоции и внешняя, экстернальная регуляция – к агармоническим составляющим.

Анализ результатов исследования показал, что в содержательно-смысловом аспекте организованности студентов - спортсменов наиболее выражены гармоническая переменная когнитивного компонента – осмысленность и агармонические составляющие целевого и мотивационного компонента – личностно значи-

мые цели и эгоцентрическая мотивация. Переменные продуктивного компонента выражены почти одинаково.

А инструментально-стилевой аспект этого важнейшего свойства их личности представлен, наоборот, большинством гармонических переменных: эргичностью, стеничностью и интернальностью. Между показателями операциональных и эмоционально-личностных трудностей значимых различий не обнаружено (см. табл. 1).

Таблица 1

Особенности организованности студентов-спортсменов

	Компоненты и переменные															
	Целевой		Мотивационный		Когнитивный		Продуктивный		Динамический		Эмоциональный		Регуляторный		Рефлексивно-оценочн	
	Общественные цели	Личные цели	Сциоцентричность	Эгоцентричность	Осмысленность	Осведомленность	Продуктивность	Адаптивность	Эргичность	Аэргичность	Стеничность	Астеничность	Интернальность	Экстернальность	Операц. трудности	Эмоц. личностные трудности
Среднее значение	33,26	*37,82*	32,25	*39,75*	*33,23*	20,64	32,48	*32,83*	*29,5*	18,98	*30,16*	24,58	*29,22*	19,48	18,79	17,19
t-критерий	-3,098		-1,595		7,132		-0,224		7,148		3,205		6,292		0,778	
Значимость различий /p/	**0,002**		-		**0,000**		-		**0,000**		**0,002**		**0,000**		-	

Примечание: прочерк означает отсутствие значимых различий

У студентов – не спортсменов, как и у студентов факультета физкультуры и спорта, в содержательно-смысловом аспекте организованности наиболее выражены осмысленность, личностно значимые цели и эгоцентрическая мотивация, однако в отличие от них – в продуктивном ее компоненте доминирует адаптивность, т. е. продуктивность в личностной сфере.

Инструментально-стилевой блок их организованности, как и у студентов-спортсменов, определяется гармоническими переменными динамического, эмоционального и регуляторного компонентов (эргичностью, стеничностью и интернальностью), а кроме того – большей выраженностью операциональных трудно-

Таблица 2

Особенности организованности студентов-не спортсменов

	Компоненты и переменные															
	Целевой		Мотивационный		Когнитивный		Продуктивный		Динамический		Эмоциональный		Регуляторный		Рефлекс. оценочн.	
	Общественные цели	Личные цели	Сциоцентричность	Этоцентричность	Осмысленность	Осведомленность	Продуктивность	Адаптивность	Эргичность	Аэргичность	Стеничность	Астеничность	Интернальность	Экстернальность	Операц. трудности	Эмоц. личностные трудности
Среднее значение	33,58	37,15	31,92	36,83	36,25	22,95	32,68	35,03	30,15	24,01	34,96	26,82	32,02	21,62	18,11	15,86
t-критерий	-3,271		-4,167		8,057		-2,174		4,138		5,600		7,972		1,125	
Значимость различий /p/	**0,001**		**0,000**		**0,000**		-		**0,000**		**0,000**		**0,000**		-	

стей при ее реализации (см. табл. 2).

Это свидетельствует о том, что и студенты-спортсмены, и студенты технического факультета, осознавая значимость этого качества для развития, совершенствования своей личности, становления профессиональных компетенций, необходимость проявления упорства в достижении намеченного и постоянства устремлений, чаще всего проявляют организованность в достижении поставленных целей, доводят начатое дело до конца, стремятся к достижению цели, к преодолению трудностей. Этому способствуют внутренняя, интернальная регуляция организованного поведения, т. е. желание и умение самостоятельно добиваться успехов, отсутствие стремления надеяться на других и приписывать ответственность за неудачи внешним обстоятельствам, а также переживание стенических эмоций радости при начинании своего дела и предвосхищении его положительного исхода, спокойствие, отсутствие нервозности и волнений в случае неудачи и т. д. Хотя чаще всего они руководствуются личностно значимыми целями и эгоцентрическими мотивами, связанными с самореализацией, самоутверждением и т. д. Преобладание побуждений, связанных с собственными эгоцентрическими мотивами, ориентация преимущественно на собственные желания быстрого продвижения к цели, улучшения личного благополучия, успеха в самореализации и т. п., несомненно, препятствуют формированию и развитию их организованности.

При этом у студентов-спортсменов реализация организованности, иногда сопровождаемая операциональными, а иногда эмоционально-личностными трудностями, эффективна как в личностно-, так и в общественно-значимой предметной сферах, в то время как у студентов- не спортсменов организованное поведение более продуктивно в личностной сфере и эмоционально-личностных трудностей при его реализации меньше, чем

Таблица 3

Особенности организованности студентов двух групп

Группы	Компоненты и переменные															
	Целевой		Мотивационный		Когнитивный		Продуктивный		Динамический		Эмоциональный		Регуляторный		Рефлексивно-оценочный	
	Общественные цели	Личные цели	Сциоцентричность	Эгоцентричность	Осмысленность	Осведомленность	Продуктивность	Адаптивность	Эргичность	Аэргичность	Стеничность	Астеничность	Интернальность	Экстернальность	Операц. трудности	Эмоц. личностные трудности
Студенты - спортсмены	33,3	37,8	32,3	34,75	33,23	20,6	32,5	32,8	29,5	18,98	30,2	24,6	29,2	19,5	18,8	17,2
Студенты - не спортсмены	33,6	37,2	31,9	36,8	36,3	22,9	32,7	35	30,1	24	34,9	26,8	32	21,6	18,1	15,8
t-критерий	0,26	-0,49	-0,22	1,59	2,3	1,12	0,15	1,63	0,48	3,0	3,6	1,2	2,38	1,30	-0,38	-0,56
Уровень Значимости различий /p/	-	-	-	-	0,02	-	-	-	-	0,003	0,00	-	0,01	-	-	-

Примечание: прочерк означает отсутствие значимых различий

операциональных.

Сравнительный анализ выраженности переменных различных компонентов организованности у студентов двух групп показал наличие значимых различий в степени осмысленности, аэргичности, стеничности и интернальности (см. табл. 3). При проявлении организованного поведения студенты-спортсмены по сравнению со студентами технического факультета реже отказываются от ранее запланированного, доводят дела до конца, не откладывая их «на потом», и испытывают значительно меньше и операциональных трудностей, связанных с отсутствием навыков и опыта реализации организованного поведения, и эмоционально-личностных проблем, обусловленных чувствами тревожности и страха, несмотря на то, что отличаются меньшей осмысленностью этого свойства, его основных признаков. Возможно, здесь сказывается наличие у них четкой цели (например, выполнить спортивный разряд), добиться которой можно лишь только четко, планомерно и организованно следуя по намеченным ориентирам.

Все вышесказанное подтверждает наше предположение о том, что организованность студентов факультета физической культуры и спорта, большинство из которых активно занимались и (или) занимаются спортивной деятельностью, более высока, чем у студентов других факультетов, поскольку, с одной стороны, без нее невозможно достижение высоких спортивных результатов, а с другой, – она формируется в самой этой деятельности.

Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что для развития организованности как свойства личности всем студентам необходимо повышать социоцентрическую направленность мотивации при снижении эгоцентрических целей и потребностей, чаще реализовывать организованное поведение в общественно значимой предметной сфере, а студентам-не спортсменам – формировать навыки такого поведения, повышать чувство уверенности в своих силах, избавляясь от страхов и волнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ершова Р. В. Психология организованности: теория и практика исследования. Монография. – Коломна: КГПИ, 2008. – 179 с.

2. Ершова Р. В. Комплексное изучение организованности как системного свойства личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2009.

3. Забродин Ю. М., Лебедев А. Н.. Психофизиология и психофизика. – М.: Наука, 1977.

4. Крупнов А. И. Диагностика свойств личности и индивидуальности. – М., 1993. – 77 с.

5. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.

6. Фомина Н. А. Индивидуально-типические особенности свойств личности и их проявления в речи: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2002.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 159.923
ББК 88.37+88.52

ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ, ОРГАНИЗОВАННОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-БУДУЩИХ УПРАВЛЕНЦЕВ

Доктор психологических наук Н. А. Фомина
А. Г. Алейкин

В статье представлены результаты системного исследования общительности, организованности и ответственности студентов-будущих управленцев: выраженность их содержательно-смысловых и инструментально-стилевых характеристик.

Ключевые слова
Студенты-будущие управленцы, личность, общительность, организованность, ответственность, инструментально-стилевые и содержательно-смысловые характеристики

Проблема развития и самореализации личности всегда была актуальной для психологической науки и практики. Однако в настоящее время она приобретает особую значимость в связи с осознанием того, что успешная реализация планов каждого отдельного человека в различных сферах его жизнедеятельности и эффективное развитие общества в целом во многом определяется особенностями личности: только творческие, инициативные, с активной жизненной позицией, ответственные и организованные, хорошо подготовленные в профессиональном плане, умеющие приспосабливаться к изменяющимся социально-экономическим условиям личности будут востребованы и успешны.

Огромное значение для развития в условиях рыночной экономики имеет деятельность и свойства личности руководителей, управленцев различных уровней, которые призваны определить, активизировать, а при необходимости и развивать в себе и своих подчиненных личностные качества, способствующие более плодотворной работе и реализации потенциала каждого и коллектива в целом. Для того, чтобы создать сильный, сплоченный коллектив, в котором каждый его член занимает своё место, в котором сведены к минимуму возможности возникновения конфликтных ситуаций, который способен слаженно и эффективно работать в течение длительного времени, руководитель, зная сильные и слабые стороны своих подчиненных и себя самого, должен знать, как вести себя с подчиненными, уметь корректировать своё поведение в зависимости от характера людей и возникшей ситуации.

Профессия управленца, как известно, относится к группе профессий «Человек – Человек». Представителям этой профессиональной группы должны быть свойственны устойчиво хорошее самочувствие в ходе

работы с людьми; умения руководить, решать нестандартные ситуации; учить, воспитывать, осуществлять полезные действия по обслуживанию различных потребностей людей, широкий кругозор, «душеведческая» направленность ума, способность сопереживать, наблюдательность к проявлениям чувств, ума и характера человека, к его поведению, умение или способность мысленно представлять, моделировать именно его внутренний мир, а не приписывать ему свой собственный или иной, знакомый по опыту; проектировочный подход к человеку, основанный на уверенности, что человек всегда может стать лучше, а кроме того – потребность в общении, речевая (коммуникативная) культура, предполагающая умения слушать и выслушивать. Они должны быть способны быстро понимать намерения, помыслы, настроение других людей, быстро разбираться во взаимоотношениях людей, мысленно ставя себя на их место, хорошо знать и помнить личные качества многих и разных людей и т. д.

Важными характеристиками личности менеджеров являются их биографические характеристики (возраст, пол, образование, общественное положение/социальный статус), общие (интеллект) и специальные (знания, навыки) способности и личностные качества. Более зрелый возраст, а значит и более богатый опыт взаимодействия с людьми, благотворно влияет на эффективный менеджмент, однако существует масса примеров, когда внушительных успехов добиваются управленцы 20-30-летнего возраста. Значит, скорее всего, биологический возраст не имеет критичного воздействия на умение руководить, а более важным является социально-психологический возраст, связанный с социальной активностью и зрелостью человека и зависящий от постоянной работы над собой и самоусовершенствования. На вопрос о том, мужчина или женщина является более успешным руководителем, однозначного ответа нет: одни утверждают, что женщины менее активны, более раздражительны и чаще выходят из равновесия в сложных профессиональных ситуациях, другие – что женщинам проще создать благоприятный климат в коллективе, так как они являются более чуткими к эмоциональному состоянию окружающих.

Для занятия должности управленца и для того, чтобы на этой должности удержаться, несомненно, важны не только образование, которое, впрочем, не заключается только в наличии диплома, а определяется уровнем подготовки специалиста и умением максимально эффективно применить полученные знания, общие способности (причем наиболее эффективными оказываются управленцы не с чрезмерно выраженным интеллектом, а имеющие среднее (промежуточное) значение), специфические, к которым относятся специальные знания и умения, компетентность и информированность [5], но и личностные качества, среди которых активность, инициативность, предприимчивость, целеустремленность, мотивация достижения успеха, стремление к победе, уверенность в себе, лидерские и организаторские способности, независимость, эмоциональная уравновешенность, стрессоустойчивость, креативность (решение инновационных задач с помощью творческого, зачастую нестандартного подхода), надежность, а также общительность, высокая степень организованности и ответственности.

Одну из фундаментальных, высших (по А. Маслоу) потребностей человека – его потребность в самоактуализации реализуют тесно связанные между собой активность, инициативность, предприимчивость, целеустремленность и организованность как свойства личности руководителей. Объективный, реалистичный взгляд на свои силы с признанием своих недостатков, без преувеличения или уменьшения возможностей и уверенность в них дает руководителю уверен-

ность в себе. Независимость позволяет иметь собственное мнение, самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, хотя и не исключает инакомыслия, т. к. единомышленники – не те, кто думают одинаково, а те, кто думают в одном направлении, об одном и том же. Эмоциональная устойчивость позволяет руководителю контролировать любые эмоции (позитивные неконтролируемые эмоции также могут отрицательно повлиять на климат в коллективе), решать поставленные задачи, строя отношения с людьми без привязки к эмоциональному состоянию, не руководствуясь симпатией или антипатией. Средствами эмоционально-психологической разгрузки с целью снятия раздражения, уныния, усталости и т. д. для него должны служить хобби, занятия спортом, отдых с друзьями и родными и т. д.

Стрессоустойчивость дает руководителю возможность принимать решения в ситуациях стресса – физического, эмоционально – психологического или физиологического напряжения, когда большинство людей уже не способны на объективную оценку ситуации, активизируя его усилия на выполнение поставленных целей. Важной чертой руководителя является креативность – проявление творческого подхода к делу в процессе постоянного поиска наилучшего решения поставленных задач, а также отслеживание и всяческая поддержка элементов новизны в работе подчиненных.

Кроме того, для достижения ожидаемых результатов управленец должен уметь общаться, строить взаимоотношения, налаживать эффективное взаимодействие с людьми, поэтому одним из важнейших его профессиональных качеств является общительность (коммуникабельность). Проявляя общительность как свойство личности в процессе общения, каждый человек удовлетворяет свои потребности и реализует устремления, расширяет кругозор, формирует и развивает личность, налаживает личные и профессиональные связи, чувствуя свою причастность и полезность обществу [Леонтьев (1975); Выготский (1991); Ананьев (2001) и др.]. Управленец строит свою работу и работу организации в процессе общения, затрачивая большую часть своих сил не на решение финансовых, технических и организационных вопросов, а на решение психологических задач, которые постоянно возникают в процессе делового общения с подчиненными, коллегами и начальством [4].

О способности руководителя взять всю ответственность в решении проблемы на себя, не идя при этом на необдуманный риск, свидетельствуют такие свойства личности, как надежность и ответственность, неразрывно связанные между собой и являющиеся основой для создания положительной репутации коллектива в целом и его руководства.

Только обладающий вышеперечисленными качествами управленец может рассчитывать на успешное достижение поставленных целей.

Значит, руководителям необходимо развивать эти личностные свойства в процессе самовоспитания и самосовершенствования. А в процессе профессиональной подготовки студентов-будущих управленцев не только вооружать их специальными знаниями и формировать навыки профессиональной деятельности, но и психологически готовить к будущей профессии, формируя личностную компетентность, т. е. воспитывая и развивая качества личности, необходимые для успешного осуществления профессиональной деятельности.

В данной статье представлены некоторые результаты осуществляемого нами диссертационного исследования особенностей общительности, ответственности и организованности студентов, обучающихся по специальности «Управление персоналом».

Данные свойства личности изучаются в рамках концепции многомерно-функци-

онального строения черт личности и индивидуальности А. И. Крупнова (1991-2010) как системные образования, включающие в себя содержательно-смысловые (мотивационно-целевые, когнитивные и продуктивные) и инструментально-стилевые (динамические, эмоциональные и регулятивные) характеристики в их единстве и взаимосвязях [4]. По мнению А. И. Крупнова, исходным звеном в функционировании свойства является намерение или стремление субъекта реализовать данное качество личности в конкретном поведении. Это стремление с содержательной стороны различается по направленности мотивации общительного поведения (социоцентрической или эгоцентрической), по степени осознанности этого свойства (осмысленность или простая осведомленность), по сфере приложения результата межличностного взаимодействия (предметная сфера или субъектная). Инструментально-динамическая сторона свойства характеризует это стремление по силе, интенсивности, постоянству (эргичность) или, наоборот, по слабости, непостоянству (аэргичность), по модальности эмоциональных переживаний (стеничность или астеничность) и по типу саморегуляции (интернальность, активность или экстернальность, пассивность). Рефлексивно-оценочный компонент оценивает исходные намерения и реальный результат реализации общительности, рефлексирует операциональные и личностные трудности, возникающие в ходе этого процесса (3).

Анализ результатов исследования показал, что в **инструментально-стилевом аспекте общительности, организованности и ответственности** студентов наиболее выражены гармонические переменные всех входящих в него компонентов (см.табл.1).

Таблица 1

Особенности общительности, организованности и ответственности студентов

Компоненты	Целевой		Мотивационный		Когнитивный		Продуктивный		Динамический		Эмоциональный		Регуляторный		Рефлексивно-оценочный	
Переменные	Общественно-значимые цели	Личностно-значимые цели	Социоцентричность	Эгоцентричность	Осмысленность	Осведомленность	Предметность	Субъектность	Эргичность	Аэргичность	Стеничность	Астеничность	Интернальность	Экстернальность	Операциональные трудности	Эмоционально-личностные трудности
Общительность Средние значения	34	36	32	31	**35**	17	35	37	**29**	15	**35**	18	**32**	17	12	13
t-критерий	-2,158		0,700		17,884		-2,317		11,747		13,386		13,688		-0,214	
Значимость различий /p/	0,032		0,485		0,000		0,021		0,000		0,000		0,000		0,830	
Организованность Средние значения	35	37	34	**37**	**36**	14	34	35	**32**	19	**34**	23	**32**	19	17	17
t-критерий	-2,009		-2,907		17,642		-0,599		10,560		8,617		12,277		0,173	
Значимость различий /p/	0,046		0,004		0,000		0,550		0,000		0,000		0,000		0,863	
Ответственность Средние значения	35	38	**35**	31	**37**	14	36	37	**30**	17	**34**	27	**37**	23	**22**	17
t-критерий	-2,491		3,747		20,704		-1,406		10,762		5,578		13,752		3,120	
Значимость различий /p/	0,013		0,000		0,000		0,161		0,000		0,000		0,000		0,002	

Примечание: достоверные различия выделены жирным шрифтом и цветным фоном

В *динамическом* компоненте этих свойств более выражена *эргичность*, чем аэргичность (эргичность общительности – 29, организованности – 32, ответственности – 30 баллов, а аэргичность соответствующих свойств – 15, 19 и 17 баллов). Это указывает на сильное стремление этих студентов к общению, инициативность в завязывании знакомств, широкий круг общения, что, возможно, связано с общей тенденцией развития личности на современном этапе: востребованностью современным обществом людей активных, инициативных, общительных. Им свойственна устойчивая и постоянная выраженность самоорганизации в процессе обучения, скорее всего, связанная с пониманием важности этого свойства не только в дальнейшей профессиональной деятельности, но и в повседневной жизни, ведь если человек хорошо организован, в его делах всегда порядок, он более успешен, его ценят, ему доверяют (часто надеясь, что он поможет привести в порядок и организовать жизнь окружающих его людей). Кроме того они готовы и способны нести ответственность за свои действия, поступки, удачи и неудачи.

В *регуляторном* компоненте *общительности* интернальная регуляция явно доминирует над экстернальной (32 и 17 баллов соответственно): в основном студенты надеются и рассчитывают в общении на свои силы и способности, понимают, что от их инициативы зависит, как сложится их взаимодействие с другими людьми. Значительно в меньшей степени их общение зависит от внешних обстоятельств, в которых они действуют импульсивно, считая бесполезным прилагать усилия для завязывания и поддержания контактов с людьми. Вероятно, эта особенность объясняется тем, что в юношеском возрасте волевая сфера уже сложилась. Более высокие показатели интернальности (32 балла) *организованности* по сравнению с показателями экстернальности (19 баллов) свидетельствуют об уверенности студентов в необходимости внутренней саморегуляции, создании списка приоритетных дел на день/неделю/месяц и т.д. Они уверены в себе, понимают, что все зависит только от них, именно они – архитекторы своей будущей жизни. А внутренняя регуляция *ответственного поведения* говорит о том, что студенты стремятся завершить в срок поставленные задачи, даже при негативном отношении со стороны окружающих и сложных внешних обстоятельствах, считают, что лучше быть обязательным в малом, чем много обещать и не выполнять (интернальность ответственности – 37, экстернальность – 23 балла).

Стеничность общительности, имеющая показатели почти в 2 раза большие, чем астеничность данного свойства (35 баллов и 18 баллов), свидетельствует о том, что в большинстве случаев процесс общения насыщен переживанием положительных эмоций радости, восхищения, восторга и реже – тревоги, волнения и страха. Столь яркое проявление положительных эмоций, сопровождающее этот процесс, скорее всего, можно объяснить характерными для студентов «радужными» надеждами, связанными с будущим.

Кроме того, студенты-будущие управленцы, объективно оценивая важность *организованности* в будущей профессиональной деятельности, они чаще испытывают *положительные эмоции*, когда удается интересно организовать какое-либо дело, при одобрении и поддержке организованного поведения, удовольствие от аккуратно и последовательно выполненных заданий, чувство удовлетворения от четкой организованности жизни, в случаях, когда собственная организованность позволяет сделать дела в срок, радостное возбуждение, когда предстоит самим организовать нечто неординарное, энтузиазм и радость, когда они берутся за планирование и организацию совместной деятельности (стеничность – 34, астеничность – 23 балла).

Стенические эмоции у студентов доминируют и при проявлении ими *ответственного поведения* (стеничность – 34, астеничность – 27 баллов). Они испытывают чувство гордости, когда люди доверяют им ответственные дела, находятся в радостном предвкушении от предстоящего выполнения серьезных и ответственных дел, переживают радостное волнение при возможности испытать себя в ответственной ситуации, чувства удовлетворения и удовольствия от успешной реализации поставленных задач, от осознания того, что не подвели положившихся на их ответственность людей, что окружающие считают их обязательными людьми.

В **содержательно-смысловом аспекте** всех 3-х исследованных свойств личности студентов значимые различия обнаружены лишь между переменными *когнитивного* компонента: осмысленность их *общительности, организованности и ответственности* в 2 раза превышает осведомленность (35 и 17 баллов у общительности, 36 и 14 баллов у организованности и 37 и 14 баллов у ответственности). Это говорит о том, что большинство студентов-будущих управленцев видят их существенные стороны и осознает, какую важную роль играют данные качества в их жизни, в том числе в профессиональной самореализации. Возможно, поэтому они сознательно развивают у себя эти профессионально важные качества, о чем говорит достаточно высокая эргичность, т.е. сила и устойчивость стремления реализовывать общительное, организованное и ответственное поведение.

В *целевом и продуктивном* компонентах общительности, организованности и ответственности студентов одинаково выражены гармонические и агармонические переменные, т. е. общественно- и личностно значимые цели и, соответственно, продуктивность в предметной и личностной сферах. Это позволяет сделать вывод о том, что они проявляют данные свойства, руководствуясь как общественными, групповыми (организовать взаимодействие, наладить дружеские отношения с окружающими, проявить заботу о других людях, содействовать решению проблем, стоящих перед группой), так и собственными, личными целями и интересами (удовлетворение собственных желаний и потребностей, самореализация, достижение материального благополучия и т.п.), используя ее результаты, соответственно, в общественно– и лично значимой сферах. По всей видимости, здесь проявляются современные эгоистические тенденции развития личности в обществе.

Вместе с тем в *мотивационном* компоненте *общительности* студентов социоцентрическая и эгоцентрическая направленность мотивации выражены практически одинаково (32 и 31 балл), при проявлении *организованности* они чаще руководствуются эгоцентрическими мотивами (например, потребностью полнее реализовать собственные возможности, достичь более высоких результатов в учебе, стремлением как можно больше взять для себя от жизни, улучшить свое материальное благополучие), а при реализации ответственного поведения, наоборот, – социоцентрическими (стремлением оказать помощь другим людям, оградить близкого человека от неприятностей взять вину на себя ради спасения чести группы).

При этом наименьшее количество различного рода *трудностей*, связанных как с недостатком навыков, так и с эмоционально-личностными проблемами, студенты испытывают при реализации *общительности*, а наибольшее – *ответственности*. Причем при проявлении ответственного поведения они чаще встречаются с операциональными трудностями, вызванными недостаточным уровнем сформированности навыков его реализации.

Таким образом, анализ результатов исследования позволяют сделать вывод о том, что в целом у студентов-будущих руководителей достаточно сформированы такие профессионально важные личнос-

тные свойства, как общительность, организованность и ответственность. Развитию этих свойств способствуют глубокое понимание, осознание их важности для успешной деятельности, в том числе профессиональной и хорошая внутренняя саморегуляция. Однако в процессе обучения в вузе необходима дальнейшая целенаправленная работа по повышению значимости для них общественно-полезных целей при снижении личностно-значимых, а также уменьшение различных трудностей в процессе реализации ответственного поведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зимняя И. А. Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

2. Кричевский Р. Л. Если Вы руководитель…Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. – М.: Дело, 1999.

3. Крупнов А. И. Системная диагностика и коррекция общительности: Монография. – М.: РУДН, 2007.

4. Лавриненко В. Н. Психология и этика делового общения. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

5. Ресурс интернета: www.psycho.ru

6. Таранов П. С. Золотая книга руководителя. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923
ББК 88.37+88.52

ОСОБЕННОСТИ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ И ТРЕВОЖНОСТИ НЕОБЩИТЕЛЬНЫХ ПОДРОСТКОВ

Т. А. Арутюнян,
Доктор психологических наук Н. А. Фомина

Статья посвящена актуальным проблемам общительности и тревожности в подростковом возрасте. В ней представлены некоторые результаты эмпирического исследования психологических особенностей и структуры общительности как системного свойства личности, а также тревожности необщительных подростков

Ключевые слова
Подростки, личность, общительность, системное свойство личности, психологическая структура, тревожность

Проблема общения, несмотря на многочисленные исследования, не теряет своей актуальности. Как известно, общение является способом взаимодействия людей во всех видах деятельности, необходимым условием становления личности, реализации его природных задатков, стремлений, способностей, интеллекта (А. И. Крупнов, Б. Ф. Ломов, А. И. Ильина, М. И. Лисина и др.), познания ее уникальности, противоречивых и возрастающих возможностей [1. С. 42].

Особенно важно общение в подростковом возрасте, поскольку в этот период оно становится основным видом деятельности (Л. С. Выготский), благодаря которому происходит познание и оценка подростками себя, которые зависят от системы ценностей, сложившейся главным образом благодаря влиянию семьи и сверстников, и приводят к формированию когнитивного (познавательного) компонента «Я-концепции». Для подростков важно не только знать, какие они есть на самом деле, но и насколько значимы их индивидуальные особенности для окружающих.

При этом неустойчивость, подвижность всей душевной жизни в подростковом возрасте приводят к изменчивости представлений о себе, негармоничному сочетанию разных образов «Я», отдельные черты которых обычно диссонируют между собой, что влияет на самооценку и эмоциональную сферу подростков.

В связи с этим весьма актуальным, на наш взгляд, является изучение особенностей общительности как важнейшего свойства личности, проявляющегося в процессе общения, и тревожности необщительных подростков, проявляющихся в процессе общения их со сверстниками и

взрослыми и во многом определяющих и этот процесс, и формирование их личности в целом. Это особенно актуально на данном непростом этапе развития общества, когда идет резкая смена социальных отношений, характера личностных взаимодействий, моральных норм, ценностей и т. д.

В данной статье представлены особенности и психологическая структура общительности как системы устойчивых мотивационно-смысловых (целевых, мотивационных, когнитивных, продуктивных) и инструментально-стилевых (динамических, эмоциональных, регулятивных) характеристик, обеспечивающих состояние готовности и стремление субъекта к межличностному взаимодействию [2. С. 15], и тревожности подростков 13-14 лет, обучающихся в средней общеобразовательной школе – комплексе №51 и лицее №4 г. Рязани.

На основании низкой выраженности эргичности общительности, свидетельствующей о невыраженном стремлении к реализации общительного поведения, нечастом и затрудненном проявлении этого свойства, 50 подростков (42% выборки) были отнесены к группе *необщительных*.

Содержательно-смысловой аспект общительности данной группы подростков характеризуется следующими особенностями.

Как видно из таблицы 1, *мотивационные и когнитивные* характеристики их общительности достаточно противоречивы, поскольку значимых различий между гармоническими переменными, способствующими развитию данного свойства, и агармоническими, напротив, затрудняющими этот процесс, не обнаружено. Вступая в общение, они руководствуются как социоцентрическими мотивами, связанными с желанием оказать внимание и проявить заботу к окружающим людям, так и эгоцетрическими, определяемыми стремлением заниматься только личными проблемами и познанием себя. Здесь, на наш взгляд, проявляется характерная для подросткового возраста значимость и общения со сверстниками, и формирования «Я-концепции личности». При этом одной части подростков свойственно глубокое понимание важности общительности как средства взаимодействия с людьми, познания и понимания себя и других, другой – поверхностное представление об этом важнейшем свойстве, неумение разграничивать его с другими.

В *продуктивном* же компоненте общительности доминирует результативность в субъектно-личностной сфере, что еще раз подтверждает характерную для подросткового возраста направленность на самопознание, самовоспитание и самовыражение, а кроме того отражает особенности современного этапа развития российского общества.

В *инструментально-стилевом блоке* данного свойства более выражены гармонические переменные эмоционального (стеничность) и регуляторного (интернальность) компонентов. Значит, беря на себя ответственность за взаимоотношения с окружающими, понимая, что люди оказываются одинокими, потому что сами не проявляют достаточного интереса и дружелюбия к окружающим, а уважение со стороны других людей – это результат направленных усилий самого человека, они чаще всего испытывают в коммуникативном процессе эмоции радости, восхищения при знакомстве с новыми, интересными людьми, удовлетворения от успешного взаимодействия, возможности раскрытия новых граней своей личности (показатели стеничности более, чем вдвое, превышают показатели астеничности)

При этом среди подростков данной группы есть все-таки те, кто проявляет определенную активность и чувствует себя комфортно в общении, и те, кто, чаще всего не желает контактировать с людьми (эргичность и аэргичность общительности выражены почти одинаково). Часть

подростков испытывают трудности при контактах с людьми, связанные с недостаточным владением навыков общения, а часть – с самовыражением, чувствами

Таблица 1

Особенности общительности необщительных подростков

Компоненты	Переменные	Средние значения	t–критерий	Уровень значимости различий
Мотивационный	Социоцентричность	32,9	0,693	0,492
	Эгоцентричность	31,5		
Когнитивный	Осмысленность	45,3	2,082	0,053
	Осведомленность	41,76		
Продуктивный	Предметность	33,42	-3,739	**0,000**
	Субъектность	**39,78**		
Регуляторный	Интернальность	**36,28**	6,548	**0,000**
	Экстернальность	21,46		
Динамический	Эргичность	32,22	2,885	0,653
	Аэргичность	30,56		
Эмоциональный	Стеничность	**44,18**	9,909	**0,000**
	Астеничность	19,44		
Рефлексивно-Оценочный	Операциональные трудности	16,06	-0,862	0,393
	Эмоционально-личностные трудности	17,36		

Примечание: значимые различия выделены жирным шрифтом

тревожности, неуверенности, смущения при внимании окружающих.

В *корреляционной структуре* общительности необщительных подростков выявлены 24 статистически значимые связи: 12 – в содержательно-смысловом аспекте, 7 – в инструментально-стилевом и 5 межаспектных связей.

Внутри *содержательно-смыслового* блока теснее всех с другими переменными связаны субъектность (с предметностью и обеими переменными мотивационного и когнитивного компонентов) и эгоцентричность (помимо субъектности, с предметностью, социоцентричностью и обеими переменными когнитивного компонента) . Это объясняется особенностями возраста подростков, в частности формированием их самосознания, которое делает коммуникативную деятельность направленной на себя, свой внутренний мир, самовоспитание и самовыражение.

В *инструментально-стилевом* блоке общительности более всего корреляций образовали переменные рефлексивно-оценочного компонента: операциональные трудности положительно коррелируют с эмоционально-личностными, экстернальностью, астеничностью и отрицательно – с эргичностью, эмоционально-личност-

ные – с теми же операциональными трудностями, астеничностью и эргичностью отрицательно). Следовательно, повышение уровня общительности данной группы подростков связано со снижением трудностей различного рода, определяемых, в свою очередь, астеническими эмоциями и недостаточно активной саморегуляцией.

3 *межаспектные связи* из 5-ти образованы стеничностью общительности (с обеими переменными продуктивного компонента и осмысленностью данного свойства). Чем больше продуктивность общительности в различных сферах жизнедеятельности и осмысленность ее проявления, тем больше положительных эмоций подростки переживают.

В *факторной структуре* общительности необщительных подростков выделились 3 фактора (см. табл. 2).

Таблица 2

Факторная структура общительности необщительных подростков

Факторы / Переменные	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Социоцентричность	0,476	0,220	0,157
Эгоцентричность	0,942		
Осмысленность	0,328	0,210	0,534
Осведомленность	0,640		0,246
Предметность	0,599		0,375
Субъектность	0,740		0,548
Интернальность	0,112	-0,140	0,556
Экстернальность		0,653	
Эргичность	0,540	-0,412	0,183
Аэргичность		0,336	0,175
Стеничность	0,293	0,140	0,607
Астеничность	0,240	0,865	
Операциональные трудности	-0,251	0,745	
Эмоционально-личностные трудности		0,897	-0,214

Примечание: выделены статистически значимые факторные веса.

В первый *эгоцентрично-субъектный фактор* вошли агармонические переменные мотивационного (с наибольшим весом) и когнитивного компонентов, обе переменные продуктивного компонента, а также эргичности общительности. Их нечастое и не очень осмысленное стремление к общению связано с удовлетворением эгоцентрических желаний лучше узнать себя, избежать одиночества, удовлетворить собственные потребности и интересы, и результаты проявления общительности они ощущают в процессе более глубокого понимания мотивов своего поведения и решения личностных проблем.

Во второй *фактор эмоционально-личностных проблем* вошли обе переменные рефлексивно-оценочного компонента (с наибольшим весом эмоционально-личностные трудности), астеничность и экстернальная регуляция, свидетельствующие о существовании у данной группы подрос-

тков проблем в общении, связанных с переживаниями астенических эмоций, в частности со страхом быть отвергнутыми, отсутствием навыков общительного поведения и недостаточной активной саморегуляцией, нежеланием прилагать усилия для налаживания взаимоотношений и брать на себя ответственность за них.

Третий *содержательно-стилевой фактор* составили стеничность (с наибольшим весом), осмысленность, субъектность и интернальность общительности, говорящие о том, что подростки могут переживать и положительные эмоции в процессе общения при осознании роли общительности в их жизни, проявлении внутренней саморегуляции и интереса к самовоспитанию, самовыражению и т. д.

Мы предположили, что невысокая общительность данной группы подростков может быть связана с их тревожностью.

В таблице 3 представлены результаты исследования *тревожности* необщительных подростков, в частности особенности их общего эмоционального состояния в условиях взаимодействия с окружающими (сверстниками, родителями, учителями), а также в ситуациях самовыражения и оценки качества знаний, специфика эмоционально-личностного реагирования на успех, психофизиологического и нейровегетативного реагирования в стрессогенных ситуациях, с помощью методики Ромициной Е. Е. [3. С. 34].

Анализ полученных результатов показал, что у 74% необщительных подростков нормативный или низкий уровень общей тревожности, связанной с особенностями их самооценки, уверенности в себе, у 72% – нормативный уровень вегетативной реактивности, вызванной ожиданием негативных реакций со стороны окружающих людей. Вместе с тем у 66% подростков данной группы отсутствует, а у 34% отмечается тревожность в связи с оценкой окружающих людей, у 64% не обнаружена, а у 36% отмечена тревожность в отношениях с учителями и в процессе самовыражения. Более, чем у половины (54%) необщительных подростков выявлен повышенный или высокий уровень в отношениях с родителями, в том числе в связи с оценкой их родителями, у 50% – выраженное снижение психической активности, астении в ответ на тревожные факторы среды, влияющие на их приспособляемость к стрессогенным ситуациям. Почти половине из них свойственна тревожность в связи с успешностью в обучении и проверкой знаний, обусловленная их потребностью в успехе, достижении высоких результатов (у 46 и 48% соответственно). Более трети подростков (38%) переживают тревогу в отношениях со сверстниками. Возможно, это связано с трудностями взаимодействия подростков с родителями и учителями из-за смены значимых лиц, появления потребности в освобождении от контроля и опеки старших и т. д.

Корреляционная структура тревожности необщительных подростков представлена 34-мя связями из 45 возможных, среди которых наибольшее, максимально возможное количество (9) у общей тревожности и повышения вегетативной реактивности. Также тесно связаны с другими показателями тревожности тревога в связи оценкой окружающих и возникающая в ситуациях самовыражения (8). Любые переживания, особенно по случаю оценки их индивидуальных качеств значимым окружением и возможностей самопрезентации, могут провоцировать у подростков нейровегетативную или психосоматическую реакцию.

Факторную структуру тревожности необщительных подростков составили 3 фактора (см. табл. 4).

Первый фактор социо-реактивной тревожности включил в себя тревожность в связи с успешностью в обучении (с наибольшим весом) и оценкой окружающих, возникающую в ситуации проверки знаний, а также снижение психической активности и повышение вегетатив-

Таблица 3

Особенности тревожности необщительных подростков

Шкалы	Общая тревожность	Тревога в отношениях со сверстниками	Тревога, связанная с оценкой окружающих	Тревога в отношениях с учителями	Тревога в отношениях с родителями	Тревога, связанная с успешностью в обучении	Тревога в ситуациях самовыражения	Тревога в ситуациях проверки знаний	Снижение психической активности, обусловленное тревогой	Повышенная вегетативная реактивность, обусловленная тревогой
Средние значения	3,96	4,48	4,80	4,64	6,18	4,86	3,28	5,56	5,02	3,26
Отсутствие тревоги или нормативный ее уровень (%)	74	62	66	64	46	54	64	52	50	72
Повышенный или высокий уровень тревожности (%)	26	38	34	36	54	46	36	48	50	28

Таблица 4

Факторная структура тревожности необщительных подростков

Факторы / Шкалы	Фактор1	Фактор2	Фактор3
Общая тревожность	0,450	0,443	0,480
Тревожность во взаимоотношениях со сверстниками	0,178	0,206	0,962
Тревожность в связи с оценкой окружающих	0,671	0,336	0,320
Тревожность во взаимоотношениях с учителями	0,376	0,454	
Тревожность во взаимоотношениях с родителями	0,287	0,276	0,254
Тревожность, связанная с успешностью в обучении	0,719		0,344
Тревожность, возникающая в ситуациях самовыражения	0,163	0,951	0,260
Тревожность, возникающая в ситуациях проверки знаний	0,620	0,294	0,260
Снижение психической активности, связанное с тревогой	0,550	0,361	0,114
Повышение вегетативной реактивности, связанное с тревогой	0,574	0,296	

Примечание: выделены статистически значимые факторные веса.

ной реактивности, связанных с тревогой. Это подтверждает повышенную значимость для подростков успеха, внимания окружающих, их похвалы и поощрения, которые позволяют им проявить себя, самоутвердиться в группе сверстников и значимых взрослых, в том числе в процессе обучения. Причем множество ситуаций стрессогенного характера, к которым подростки приспосабливаются с трудом, вызывают у них тревожность и физиологические изменения в организме.

Второй фактор тревожного самовыражения составила одна шкала, давшая ему название и подчеркивающая проблему самопрезентации подростков, которая существенно влияет на их эмоциональное состояние.

В третий фактор тревожности во взаимоотношениях со сверстниками также вошла одна одноименная шкала, говорящая о том, что эти отношения, занимающие важное место в жизни подростков, зачастую сопровождаются тревожными переживаниями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что невысокое стремление к общению у достаточного количества подростков данной группы связано с высокой субъектностью общительности при невыраженных гармонических составляющих мотивационного и когнитивного компонентов (социоцентрической направленности мотивации и осмысленности) содержательно-стилевого блока данного свойства, а также с существованием различного рода трудностей и проблем при реализации общительного поведения, даже несмотря на доминирование стенических эмоций и интернальной, активной саморегуляции.

Возможно, здесь сказываются и особенности эмоциональной сферы этих подростков, в частности повышенный уровень тревожности у многих подростков в отношениях с родителями, со сверстниками, в процессе самовыражения и учебной деятельности.

Однако не следует забывать, что стремления реализовать себя, самоутвердиться, завоевать уважение окружающих (как референтной группы сверстников, строго оценивающей их достоинства и недостатки, так и взрослых) определяют развитие личности в подростковом возрасте. В связи с этим необходима систематическая целенаправленная индивидуальная работа по развитию (и коррекции при необходимости) коммуникативной и эмоциональной сферы подростков. Выявленные нами и представленные в данной статье психологические особенности общительности как свойства личности и тревожности необщительных подростков могут послужить основанием для организации индивидуального подхода в работе с ними в целях гармонизации их эмоционально-личностного состояния .

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Астапова В. М. Тревога и тревожность. – Спб: Питер, 2001. – 256 с.
2. Горянина В. А. Психология общения. – М.: Владос, 2003. – 248 с.
3. Ромицына Е. Е. Методика многомерной оценки детской тревожности: учебно-методическое пособие. – СПб.: Речь, 2006. – 112 с.

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ
РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН, г. АЛМАТЫ

УДК 159.942
ББК88.372+88.411.9
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

АДАПТАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ДАНДИ СТРЕСС ОПРОСНИКА

Кандидат биологических наук А. М. Кустубаева
Профессор университета Цинциннати, PhD Дж. Мэттьюс
Профессор, доктор психологических наук С. М. Джакупов
PhD докторант А. Т. Камзанова
PhD А. А.Толегенова
PhD докторант М. К. Жолдасова

Статья посвящена адаптации русскоязычной версии Данди стресс опросника, направленного для измерения трехкомпонентного состояния, включающего эмоцию, мотивацию и когницию, в динамике выполнения задачи. Показатели надежности, измеренные с помощью альфа Кронбаха, свидетельствуют о внутренней согласованности русскоязычной версии опросника. Целью данной статьи является знакомство коллег из России с Данди стресс опросником и результатами адаптации его русскоязычной версии.

Ключевые слова
Стресс, вовлеченность, эмоция, мотивация, когниция

Необходимость исследования стресса как многомерного показателя, включающего в себя эмоциональный, мотивационный и когнитивный компоненты, способствовала разработке G. Matthews с соавторами (1999 г.) опросника для измерения состояния стресса, названного Dundee Stress State Questionnaire (Данди опросник состояния стресса) в честь Университета Данди (Великобритания), где проводились исследования [6]. Основываясь на идеи трилогии психических функций («trilogy of mind», Hilgard, 1980) [5], авторы предложили трехкомпонентный подход к изучению субъективного состояния и динамических изменений стрессового состояния в результате выполнения задач. Данный подход позволяет оценить взаимодействие между аффективным, мотивационным и когнитивным состояниями в условиях требований выполняемой задачи. Поскольку в динамике выполнения задачи индуцируются стресс и утомление, беспокойство по поводу возможного результата, изменение мотивации, то конечная эффективность будет зависеть от саморегуляторных процессов мышления, выбора стратегии и эмоциональной регуляции, влияющие как на субъективные ответы, так и на объективное поведение. Теоретико-методологической базой разработанного опросника явились теория активации Thayer R. (1978), теории эмоций и стресса Lazarus R.S. (1984, 1999), ресурсные теории в психологии (Davies, Parasu- raman, 1982; Humphreys, Revelle, 1984), теория саморегу-

ляции (Carver & Scheier, 1990), описанные в предыдущих публикациях [1, 2].

Многолетние исследования Matthews в рамках мультивариативного подхода, посвящённые выявлению отношений между энергетическим возбуждением, процессами саморегуляции и индивидуальными различиями в распределении ресурсов, привели к созданию теории вовлеченности в выполнение задачи. Под вовлеченностью автор понимает субъективное состояние, которое способствует приложению индивидом усилий к выполнению задачи посредством адаптации к ее условиям [5]. Эмпирические исследования Matthews с соавторами подтвердили факт того, что вовлеченность свидетельствует о доступности ресурсов внимания, а также является показателем когнитивно-адаптивных процессов, таких как поиск стратегий мобилизации и наиболее эффективного направления ресурсов в задачу [6-9].

Актуальность изучения проблемы вовлеченности в решение задач в большей степени обусловлена также ее востребованностью в практической психологии. Например, в современных условиях интенсификации трудовой деятельности высокое требование к квалификационным характеристикам создало множество аттестационных процедур на рабочем месте, что уже сейчас вызывает огромную напряженность и тревожные состояния. Исследование параметров вовлеченности в выполнение задачи позволит определить степень интерференции эмоциональных и когнитивных процессов. Например, данный опросник можно использовать при изучении системной оценки профессиональной направленности, «выражающей цели и мотивы поведения, потребности, интересы и идеалы» [3]. Этот опросник уже сейчас активно используется для проведения кадровой диагностики и профессиональной пригодности операторов, авиадиспетчеров, водителей автотранспорта и т. д. [9, 10].

В связи с этим мы выбрали Данди стресс опросник для проведения наших комплексных исследований саморегуляторных процессов на принципах единства эмоций и мышления. Для возможного применения данного опросника в наших экспериментальных исследованиях, нами была проведена работа по переводу и адаптации ДСО на русский язык. Целью данной статьи является знакомство читателя с Данди стресс опросником и результатами адаптации его русскоязычной версии.

Данди стресс опросник (ДСО) состоит из двух форм – измерение состояния до и после выполнения задачи, имеющих общий фундамент для оценки настроения, мотивации, когнитивного стиля и содержания мыслей. Вторая форма ДСО включает дополнительно оценку нагрузки и затраченных ресурсов на выполненное задание, выбор использованных стратегий.

Общие шкалы двух форм ДСО:

1. «Настроение» – шкала из 29 пунктов, представляющая из себя перечень прилагательных, которые описывают чувства, настроения и состояния людей (например, «Радостный», «Спокойный», «Напряженный»). В основе этой шкалы заложены показатели таких факторов ДСО как энергичность (energetic arousal), напряженность (tense arousal), гедонический тон (hedonic tone), фрустрация (anger frustration). Английская версия перечня (Mood Adjective Checklist,UMACL; Matthews et al., 1990) была валидизирована как в экспериментальных исследованиях (Matthews, Davies, & Lees, 1990), так и в области изучения реальных стрессоров (Matthews, Dorn, & Glendon, 1991) [6, 8].

2. «Мотивация» – шкала из 15 пунктов, объединяет утверждения, касающиеся мотивационного отношения испытуемого к заданию, которое он собирается выполнять (например, «Я хочу выполнить задание лучше, чем другие», «Я расстроюсь, если я не справлюсь с этим заданием») в первой части, или же которое он уже выполнил (например, «Я хотел выполнить задание лучше, чем многие дру-

гие люди»). Мотивация была разделена на два показателя: мотивация успеха и внутренняя мотивация.

3. «Когнитивный стиль» – шкала из 30 утверждений, включает в себя такие показатели шкал ДСО, как сфокусированность на себя (Self-Focus), самооценка (Self-Esteem), концентрация (Concentration), доверие и контроль (Confidence-Control). Пример утверждений: «Я боюсь выглядеть глупым», «Я беспокоюсь о впечатлении, которое я могу произвести на других», «Мои мысли спутаны и трудно контролируемы».

4. «Содержание мыслей» («Thinking Content») – шкала из 16 пунктов, объединяет утверждения, касающиеся возможных мыслей, приходящих испытуемым в течение выполнения задачи (например, «Я думаю о том, как другие выполнили это задание», «Меня беспокоит то, что другие люди думают обо мне»). Данные утверждения в соответствии с их содержанием определяют два показателя: релевантная задаче когнитивная интерференция (task-relevant cognitive interference) и нерелевантная задаче когнитивная интерференция (task-irrelevant cognitive interference).

Характеристики дополнительных шкал, включенных во вторую форму ДСО:

1. «Нагрузка» (workload) включает 6 утверждений, касающиеся оценки испытуемого своих физических и умственных усилий, приложенных при выполнении задачи, а также давления времени. Например: «Как много умственных усилий было затрачено Вами», «Как сильно ощущали Вы давление времени для поддержания соответствующей скорости выполнения элементов задания?» и др. Данная шкала основывалась на известном опроснике оценки нагрузки NASA-Task Load Index (NASA-TLX; Hart & Staveland, 1988) [4].

2. «Мнение о задаче» (opinions of the task) содержит 12 прилагательных (например, «Приятное», «Волнующее»), высказывающее впечатление обследуемого от выполненного задания.

3. «Решение проблем» (dealing with problems) – шкала состоит из 21 утверждения, которые характеризуют то, как испытуемый справлялся с трудностями или проблемами, с которыми он сталкивался в течение выполнения задания (например, «Разработал стратегию для успешного выполнения», «Решил сохранить свои усилия для других дел»).

На основании факторного анализа из вышеперечисленных 10 показателей Мэттьюс с соавторами определили три базовых фактора, названных как «вовлеченность в решение задачи», «дистресс» и «тревога» [1]. Фактор «вовлеченность в решение задачи» определялся энергетическими показателями, мотивацией и концентрацией, наряду с гедоническим тоном и подавлением иррелевантной задаче когнитивной интерференции. Это более интегральный фактор, включающий эмоциональные, мотивационные и когнитивные сферы. Фактор «дистресс» определялся в когнитивной шкале и шкале настроения, в котором сочетались высокое напряжение и низкие показатели гедонического тона наряду с низким уровнем конфиденциальности-контроля. В то время как фактор «тревога» являлся только когнитивным и включал показатели «сфокусированность на себя», «низкая самооценка», «иррелевантная задаче интерференция» [6].

В нашем исследовании, посвященном изучению вовлеченности в выполнение экспериментальной задачи на устойчивость внимания, мы использовали русскоязычную версию опросника. Предварительно было получено разрешение на проведение данного эксперимента от комитета этики при Национальном медицинском университете имени С. Д. Асфендиярова.

В исследовании участвовали 100 студентов Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби, (60 девушек и 40 юношей), обучающихся на русском языке. Средний возраст по выборке составил 24,5 лет.

В эксперимент входили участники, не состоящие на учете в психоневрологичес-

Таблица

Показатели надежности по шкалам русскоязычной версии ДСО

№	Шкалы ДСО	Коэффициент α Кронбаха до выполнения задачи	Коэффициент α Кронбаха после выполнения задачи
1	Энергетическое возбуждение (energetic arousal)	0,71	0,67
2	Напряженное возбуждение (tense arousal)	0,76	0,71
3	Гедонический тон (hedonic tone)	0,79	0,71
4	Фрустрация (anger frustration)	0,75	0,77
5	Внутренняя мотивация (intrinsic motivation)	0,75	0,67
6	Мотивация на успех (success motivation)	0,75	0,75
7	Сфокусированность на себя (Self-Focus)	0,77	0,65
8	Самооценка (Self-Esteem)	0,75	0,69
9	Концентрация (Concentration)	0,76	0,71
10	Конфиденциальность-контроль (Confidence-Control)	0,73	0,70
11	Релевантная задаче когнитивная интерференция (task-relevant cognitive interference)	0,70	0,67
12	Нерелевантная задаче когнитивная интерференция (task-irrelevant cognitive interference)	0,83	0,88
13	Нагрузка	-	0,71
14	Мнение о задаче	-	0,67
15	Решение проблем	-	0,70

ких и психиатрических клиниках, а также не имеющие на момент исследования хронических заболеваний в стадии обострения или физических недомоганий. Испытуемые выполняли экспериментальную задачу на устойчивость внимания, разработанную G. Matthews в программе Superlab 4, использованная ранее в исследованиях лаборатории Университета Цинциннати (США) [9, 10]. Ввиду основной цели данной статьи, имеющей психометрический характер, мы ограничимся в описании экспериментальной задачи, представленной в других публикациях.

Участники заполняли две формы ДСО до и после экспериментальной задачи длительностью 40 минут.

Апробация ДСО проводилась в два этапа параллельно с апробацией экспериментальной задачи. В пилотажном исследовании участвовали только 20 человек. Первый этап позволил определить наиболее слабые стороны перевода опросника и откорректировать для второй стадии. Экспериментальная задача также была в дальнейшем усложнена, так как согласно пилотажного исследования не выявила признаков снижения эффективности вы-

полнения задачи.

Статистический анализ данных проводился с помощью программного пакета SPSS15, рассчитывался коэффициент альфа Кронбаха по каждому исследуемому показателю. Англоязычная версия Данди стресс опросника была опробирована и валидизирована в достаточно большом количестве экспериментальных исследований [6-9]. В наших исследованиях мы провели вычисление надежности переведенной версии с использованием коэффициента альфа Кронбаха. Использование альфа Кронбаха, измеряющего разброс отдельного вопроса с общим разбросом всей шкалы, позволило определить внутреннюю согласованность опросника и его надежность.

Показатели надежности шкал ДСО, полученные с помощью коэффициента α Кронбаха, представлены в Таблице.

Как видно из таблицы, уровень коэффициента альфа практически для всех шкал опросника русскоязычной версии ДСО составлял от 0, 67 до 0,83, что свидетельствует о достаточном уровне надежности этих шкал.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о внутренней согласованности русскоязычной версии опросника, что позволило использовать его в наших дальнейших исследованиях психофизиологических основ вовлеченности в выполнение задачи на устойчивость внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Камзанова А., Джакупов С. М., Мэттьюс Дж. , Кустубаева А. М. Понятие вовлеченности в зарубежной психологии // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – 2010. – № 2 (33). – С. 11-14.

2. Камзанова А., Джакупов С. М., Мэттьюс Дж., Кустубаева А. М. Перспективы развития теории вовлеченности в решение задач. Материалы 5-й Международной научно-практической конференции «Духовно-нравственное наследие И. П. Павлова и современная научная мысль». – Рязань, 2010. – С. 24-29.

3. Марков А. С., Иоаниди А. Ф. Психолого-педагогическая проблема поддержания высокого уровня военно-профессиональной направленности курсантов военных вузов // Российский научный журнал. – 2011. – №1(20). – С. 145-152.

4. Hart, S. G., & Staveland, L. E. (1988). Development of a multidimensional workload rating scale: Results of empirical and theoretical research. In P. A. Hancock & N. Meshkati (Eds.), Human mental workload Amsterdam: Elsevier, 1988, 139-183.

5. Hilgard, E. R. (1980). The trilogy of mind: Cognition, affection, and conation // Journal of the History of the Behavioral Sciences. – 1980. – No. 16. – P. 107-117.

6. Matthews G., Campbell S. E., Falconer S., Joyner L. A., Huggins J., Gilliland K. Fundamental Dimensions of Subjective State in Performance Settings: Task Engagement, Distress, and Worry // Emotion. – 2002. – Vol. 2. – No. 4. – P. 315-340.

7. Matthews, G., Davies, D. R., & Lees, J. L. Arousal, – extraversion, and individual differences in resource availability // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – No. 59. – P. 150-168.

8. Matthews G., Davies D. R., Westerman S. J., Stammers R. B. Human performance: cognition, stress and individual differences. – Great Britain: Psychology Press, 2000. – P. 382.

9. Matthews, G., Dorn, L., & Glendon, A. I. Personality correlates of driver stress //Personality and Individual Differences. – 1991. – No. 12. – P. 535-549.

10. Warm J. S., Parasuraman R., Matthews G. Vigilance Requires Hard Mental Work and Is Stressful // Golden Anniversary Special Issue. HUMAN FACTORS. – 2008 (June). – Vol. 50. – No. 3. – P. 433-441.

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИИ

УДК 159.942
ББК 88.37
Психология развития, акмеология

ПСИХОЛОГИЯ

ВЛИЯНИЕ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ РЕГУЛЯТОРНОЙ ФУНКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА САМОПОНИМАНИЯ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРИНЯТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ БУДУЩИМИ ПСИХОЛОГАМИ

Кандидат психологических наук С. В. Агафонова
Кандидат психологических наук Н. Г. Брюхова

В статье исследуется влияние эмоционального компонента самопонимания на процесс принятия профессиональных решений будущими психологами. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что эмоциональный компонент самопонимания регулирует этот процесс опосредовано через взаимосвязь своих структурно-содержательных характеристик с личностными факторами принятия решений. Демонстрируется, что развитие регуляторной функции эмоционального компонента самопонимания является одним из условий совершенствования принятия профессиональных решений будущими психологами.

Ключевые слова
Эмоциональный компонент самопонимания, эмоциональная сфера личности, принятие профессиональных решений, саморегуляция

Не будет преувеличением заявление о том, что рассматриваемые нами здесь психологические феномены «самопонимание», «эмоции» и «принятие решения» вызывают болышой интерес в любой из периодов культурно-исторического развития общества. Для любого человека является чрезвычайно актуальным и эмоционально насыщенным осознание, исследование и понимание самого себя. Это становится особенно важным при появлении необходимости принятия решений, в частности в профессиональной деятельности психолога. В настоящее время, когда стремительный темп общественной жизни требует столь же стремительных личностных изменений, профессиональное развитие психологов как специалистов, призванных помогать людям, на любом этапе их онтогенеза является чрезвычайно актуальным [6]. Одной из значимых профессиональных компетенций психолога является умение принимать грамотные, психологически обоснованные, конструктивные и ответственные профессиональные решения. Уточнению влияния регуляторной функции эмоционального компонента самопонимания у будущих психологов в процессе совершенствования принятия ими профессиональных решений и посвящена эта статья.

Проблема принятия решений, являясь предметом изучения в различных научных областях, вызывает обоснованный интерес как у отечественных, так и у зарубежных ученых.

Особое внимание в настоящее время, на современном уровне развития психологии принятия решений, в рамках исканий отечественных авторов, уделяется концептуальному расширению и систематизации знаний о психологических особенностях, влияющих на принимаемые субъектом решения. На современном этапе развития исследования проблемы функциональной регуляция принятия решений наиболее обобщенная форма ее понимания предложена Т. В. Корниловой [8] в открытой концепцией функционально-уровневой психологической регуляции принятия решений. В этой концепции автором неоднократно подчеркивается необходимость и важность исследования и учета мотивационного, когнитивного и эмоционального аспектов регулирования принятия решений.

Б. В. Кайгородовым в рамках авторской концепции развития самопонимания было предложено рассматривать его как самостоятельный структурный компонент самосознания, определяемый как «постижение человеком смысла своего существования, в результате которого происходит когнитивное и эмоциональное согласование продуктов самосознания и реальности» [7, с. 81]. Автором были выделены следующие структурно-содержательные компоненты самопонимания: потребностно-мотивационный, когнитивный и эмоционально-волевой. В качестве основных функций самопонимания выделены следующие: постижение человеком смысла своего существования; формирование и оценка тезауруса личности; самоконтроль и саморегуляция. Н. Г. Брюховой эмпирическим путем было установлено, что самопонимание выступает в качестве одного из ведущих базисных процессов, обуславливающих регуляцию у будущих психологов принимаемые ими профессиональные решения [4, 5].

В данной статье мы сосредоточим внимание на выполнении эмоциональным компонентом самопонимания функции саморегуляции деятельности по принятию профессиональных решений будущими психологами.

В целом, будучи неотъемлемой частью нашей жизни, человеческие эмоции представляют собой область, привлекающую многих исследователей, изучавших и анализирующих природу эмоций, их феноменологию и роль для жизнедеятельности человека.

Самопонимание как процесс начинается на эмоциональном уровне в момент возникновения самонепонимания. Эмоции позволяют быстро произвести оценку ситуации. Эмоциональные сигналы люди воспринимают быстрее, чем происходит их осознание и осмысление. По мысли Б. Паскаля и В. Франкла они дают более точное и правильное представление о себе [13]. З. Фрейд, Э. Линдеманн, Ж.-П. Сартр вскрывают такую характеристику эмоций, определенный аспект которой был обозначен А.Н. Леонтьевым как способность эмоций «ставить задачу на смысл» [11]. Таким образом, эмоции вызывают сложную и развернутую работу по осмыслению представлений о себе, объяснению происходящего, то есть являются фактором, активизирующим процесс самопонимания и его развития.

Эмоциональные механизмы – это механизмы, посредством которых обнаруживается личностный смысл. Эмоции выражают потребности, поскольку мотивы являются продуктом конкретизации потребности [11]. Г. С. Костюк справедливо полагает, что чувства, возникающие в процессе понимания, не просто сопровождают его, они влияют на его протекание, становятся составным моментом его движущих сил, показывают, насколько удалось проникнуть в смысл жизненных ситуаций [9].

В. В. Лебединский с соавторами при исследовании и анализе особенностей эмоциональной сферы личности подчеркивают мысль о том, что по сравнению с когнитивной, эмоциональная информация выступает как более значимая для принятия решения [10]. С помощью эмоций происходит качественная оценка внешних воздействий и молниеносная перестройка всех функций человека. Этим и определяется и подтверждается исключительно большое значение эмоций в подготовке будущих психологов к деятельности по принятию профессионально важных решений.

С. В. Агафоновой в процессе исследования научных трудов и проведения эмпирического исследования были выделены, обоснованы и подтверждены такие структурно-содержательные характеристики эмоционального компонента самопонимания будущих психологов как характер эмоционально-ценностного отношения к себе и характеристика актуального уровня развития эмоциональной сферы личности [1]. При этом наиболее важными составляющими эмоционально-ценностного отношения к себе являются характер самоотношения и характер ценностной позиции по отношению к себе, а в качестве наиболее важных составляющих характеристики актуального уровня развития эмоциональной сферы личности выступают характер преобладающих эмоций, уровень эмоциональности и умение регулировать эмоциональные состояния. Развитие актуального уровня эмоциональной сферы личности было исследовано при помощи теста Кеттелла [12]. Под характером преобладающих эмоций понимается состояние баланса между положительными и отрицательными эмоциями. Преобладание положительных эмоций над отрицательными эмоциями, повышает жизненный тонус, формирует положительные черты личности, способствует формированию целостности человеческой личности. Уровень эмоциональности свидетельствует о степени открытости выражения эмоций, яркость эмоциональных проявлений, ориентация на чувства при взаимодействии с другими. Под умением регулировать свои эмоциональные состояния подразумевается умение управлять интенсивностью, выразительностью, характером и длительностью своих эмоциональных проявлений [1, 2, 3].

Динамика изменения характера эмоционально-ценностного отношения к себе у будущих психологов была выявлена при помощи опросника исследования самоотношения С. Р. Пантилеева и В. В. Столина [14, с. 375-377]. Результаты эмпирического исследования показали, что характер эмоционально-ценностного отношения к себе может быть негативным, конфликтным или позитивным. Не без основания утверждается, что наиболее оптимальным для развития личности является позитивное эмоционально-ценностное отношение к себе, являющееся частью позитивной эмоционально-ценностной позиции к другим людям, к миру вообще [1].

Из числа личностных особенностей, влияющих на принятие решения, были выбраны такие личностные свойства как рациональность и готовность к риску [8, с. 175], входящие в структуру функционально-уровневой регуляции процесса принятия решений и фигурирующие еще и в качестве факторов принятия решения. Примечательно, что рациональность как готовность обдумывать свои решения и действовать, при возможно более полной ориентировке в ситуации, требует меньшего эмоционального напряжения в отличие от готовности к риску как готовности к самоконтролю действий при заведомой неполноте или недоступности необходимых ориентиров, а также готовность полагаться на свой потенциал. Они были исследованы с помощью опросника «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25), разработанного Т. В. Корниловой [8, с. 264-266].

Особо отметим, что в нашем случае

инструкции к выполнению тестов и опросников предполагали ответы, подразумевающие контекстуальную профессиональную идентичность и профессиональный выбор будущих психологов.

Для выявления возможного влияния эмоционального компонента самопонимания на принятие будущими психологами профессиональных решений мы провели эмпирическое исследование, в котором приняли участие 96 будущих психологов: (3-й курс – 34 человека; 4-й курс – 30 человек; 5-й курс – 32 человека). Исследование проводилось со студентами 3-5-х курсов, начиная с 2007 года. Благодаря этому по студентам 4-го курса получены данные за 2 года, по студентам 5-го курса – за 3 года.

Переходя к анализу и изложению особенностей полученных эмпирических данных, сразу отметим, что как при исследовании организованном на основе метода поперечных срезов (исследование показателей у будущих психологов по курсам), так и при исследовании лонгитюдным методом (исследование динамики показателей в течение 3-х лет) были получены сходные, взаимоподтверждающие данные.

Анализ данных дескриптивной статистики показал, что у будущих психологов средние арифметические показатели по шкалам самопонимание, рациональность и готовность к риску возрастают с III-го курса обучения к V-му, что подтверждается высоким уровнем значимости достоверности различий ($p < 0,05$) (см. таблицу 1).

Следовательно, чем больше знаний и умений осваивают будущие психологи в процессе обучения, тем выше у них уровень самопонимания и тем большую рациональность, и одновременно готовность к риску они могут продемонстрировать при принятии профессионально важных решений.

Таблица 1

Показатели средних арифметических значений и стандартных отклонений по шкалам, характеризующим динамику развития личностных особенностей, влияющих на принятие решений будущими психологами

Курс	III курс		IV курс		V курс	
Год обучения	2007-2008 уч .год		2008-2009 уч. год		2009-2010 уч. год	
Показатели по шкалам:	Средн. знач.	Стд. откл.	Средн. знач.	Стд. откл.	Средн. знач.	Стд. откл.
Самопониманис (СП)	**0,447**	0,151	**0,539**	0,178	**0,572**	0,120
Рациональность (Р)	**0,524**	0,218	**0,549**	0,224	**0,591**	0,203
Готовность к риску (ГР)	**0,463**	0,197	**0,506**	0,188	**0,582**	0,217

Анализ показателей, свидетельствующих об особенностях актуального уровня развития эмоциональной сферы личности как структурно-содержательной характеристики эмоционального компонента самопонимания будущих психологов, показал, что у студентов V-го курса степень сформированности признаков актуального уровня развития эмоциональной сферы личности выше, чем у студентов III-го курса. Полученный результат является статистически достоверным для следующих признаков: характер преобладающих эмоций, уровень эмоциональности, умение регулировать свои эмоциональные состояния (см. таблицу 2).

При исследовании динамики характера эмоционально-ценностного отношения к себе у студентов психологического факультета было выявлено, что количество студентов с негативным отношением к себе на III-м курсе составило 4%, и такие студенты отсутствуют на V-м курсе (см. таблицу 3).

Количество студентов с конфликтным характером эмоционально-ценностного

Таблица 2

Результаты исследования динамики развития признаков актуального уровня эмоциональной сферы личности у студентов психологического факультета (%)

Признаки сформированности актуального уровня развития эмоциональной сферы личности	Уровень сформированности признака	Количество студентов (%)		
		III курс	IV курс	V курс
Характер преобладающих эмоций	высокий	26	20	20
	средний	60	56	68
	низкий	24	24	12
Уровень эмоциональности	высокий	32	36	52
	средний	60	56	48
	низкий	8	8	0
Умение регулировать свои эмоциональные состояния	высокий	12	16	12
	средний	68	72	88
	низкий	20	12	0

Таблица 3

Результаты исследования динамики развития характера эмоционально-ценностного отношения к себе у будущих психологов

Уровень самопонимания	Характер эмоционально-ценностного отношения к себе	Количество студентов (%)		
		III курс	IV курс	V курс
Низкий	негативный	4	4	0
	конфликтный	14	12	5
	позитивный	10	8	7
Средний	негативный	0	0	0
	конфликтный	10	12	31
	позитивный	58	56	37
Высокий	негативный	0	0	0
	конфликтный	0	0	0
	позитивный	4	8	20

отношения к себе на III-м курсе составило 24%, она осталась такой же на 4-м курсе. А к V-му курсу отмечается тенденция к возрастанию количества молодых людей с конфликтным характером эмоционально-ценностного отношения к себе до 36%. Количество студентов с позитивным характером эмоционально-ценностного отношения к себе на III-м курсе составило значительную цифру – 72%, она осталась такой же на IV-м курсе. А к V-му курсу отмечается тенденция к уменьшению количества молодых людей с позитивным характером эмоционально-ценностного отношения к себе до 64%. Такие данные объясняются, скорее всего, тем, что перед студентами V-го курса встает новая серьезная задача – выбор места трудовой деятельности и трудоустройство. И, как всякая задача, она способствует развитию самопонимания. Молодые люди, пытаясь разрешить ее, испытывают состояние некоторой неопределенности и напряженности.

Корреляционный анализ показателей, полученных при помощи указанных выше методик, позволил выявить семь шкал, характеризующихся максимальным количеством значимых корреляционных связей у будущих психологов, обучающихся с III-го (2007-2008 учебный год) по V-й (2009-2010 учебный год) курсы (см. таблицы 4, 5).

У студентов III-го курса (2007-2008 учебный год) в их число вошли шкалы самопонимание и эмоционально-ценностное самоотношение, у показателей ко-

торых по 4 корреляционные связи. Показатели шкалы С опросника Кеттелла – *эмоциональная устойчивость* – коррелируют с показателями 6-ти шкал. Показатели шкалы Q3 опросника Кеттелла – *контроль поведения* (характеризующей такой признак сформированности актуального уровня развития эмоциональной сферы личности как *умение регулировать эмоциональное состояние*) – коррелируют с показателями 5-ти шкал. Показатели шкалы Q4 опросника Кеттелла – *напряженность* (характеризующей такой признак сформированности актуального уровня развития эмоциональной сферы личности как *характер преобладающих эмоций*) – коррелируют с показателями 5-ти шкал. У показателей шкалы рациональность и готовность к риску (личностные факторы принятия решений) по пять корреляционных связей. У студентов IV-го курса (2008-2009 учебный год) количество корреляционных связей увеличивается. У студентов V-го курса (2009-2010 учебный год) показатели всех этих шкал значимо коррелируют между собой.

Таким образом, уже количественный анализ корреляционных показателей свидетельствует о том, что у будущих психологов наблюдается динамика в развитии личностных факторов принятия профессионально важных решений, самопонимания в целом и структурно-содержательных характеристик его эмоционального компонента.

Таблица 4

Корреляционные связи структурно-содержательных характеристик эмоционального компонента самопонимания с личностными факторами принятия решений у будущих психологов (студенты III курса (2007-2008 уч. год))

	СП	ЭЦС	ЭУ	УРЭС	ХПЭ	Р	ГР
Самопонимание (СП)	1	-	0,217**	0,285**	-	0,244**	0,304**
Шкала О - эмоционально-ценностное самоотношение (ЭЦС)		1	0,389*	,208*	-0,461*	-	0,388*
Шкала С - эмоциональная устойчивость (ЭУ)			1	0,316**	-0,353*	0,249**	0,223**
Шкала Q3 – умение регулировать эмоциональные состояния (УРЭС)				1	-0,359*	0,387*	-
Шкала Q4 – характер преобладающих эмоций (ХПЭ)					1	-0,359*	-0,290*
Рациональность (Р)						1	0,357**
Готовность к риску (ГР)							1

**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).

Различия корреляционных показателей наиболее ярко выражены при сравнении показателей будущих психологов, обучающихся на III-ем (2007-2008 учебный год) и V-ом (2009-2010 учебный год) курсах. При этом показатели по студентам IV-го курса (2008-2009 учебный год) подтверждают выявленную тенденцию. В связи с этим представим сравнительный анализ корреляционных показателей студентов, обучающихся на III-ем и V-ом курсах фа-

культета психологии.

В то время как у студентов III-го курса (2007-2008 учебный год) показатели шкалы самопонимание, вообще не коррелируя отрицательно, коррелируют на высоком уровне значимости слабо положительно с показателями шкал: эмоциональная устойчивость ($r = 0,217$, $p < 0,01$), контроль поведения ($r = 0,285$, $p < 0,01$) и рациональность ($r = 244$, $p < 0,01$); при этом показатели шкалы самопонимание коррелируют с показателями шкалы готовность к риску ($r = 304$, $p < 0,01$) на высоком уровне значимости умеренно положительно. У этих же студентов уже на V-м курсе обучения (2009-2010 учебного год) показатели шкалы самопонимание, находясь во взаимосвязи с показателями всех рассматриваемых здесь шкал, коррелируя отрицательно (слабо) только с показателями шкалы напряженность ($r = –0,206$, $p < 0,05$). Показатели шкалы самопонимание у них коррелируют умеренно положительно с показателями шкал: эмоционально-ценностное самоотношение ($r = 0,335$, $p < 0,01$) и контроль поведения ($r = 0,389$, $p < 0,01$), рациональность ($r = 0,315$, $p < 0,01$) и готовность к риску ($r = 0,356$, $p < 0,01$). У них показатели шкалы самопонимание коррелируют с показателями шкалы эмоциональная устойчивость ($r = 0,419$, $p < 0,01$) на высоком уровне значимости средне положительно. Таким образом, по мере обретения будущими психологами профессиональных знаний и умений не только количество корреляционных связей увеличивается, но и степень их выраженности увеличивается. Это свидетельствует о том, что развитие у будущих психологов регуляторной функции эмоционального компонента самопонимания способствует совершенствованию принимаемых ими профессиональных решений. У будущих психологов на всех курсах обучения структурно-содержательные характеристики эмоционального компонента самопонимания кор-

Таблица 5

Корреляционные связи структурно-содержательных характеристик эмоционального компонента самопонимания с личностными факторами принятия решений у будущих психологов (студенты V курса)

	СП	ЭЦС	ЭУ	УРЭС	ХПЭ	Р	ГР
Самопонимание (СП)	1	0,335*	0,419**	0,389**	-0,206*	0,315**	0,356**
Шкала О - эмоционально-ценностное самоотношение (ЭЦС)		1	0,497**	0,395**	-0,473*	0,356**	0,521**
Шкала С - эмоциональная устойчивость (ЭУ)			1	0,467**	-0,362*	0,583**	0,369**
Шкала Q3 – умение регулировать эмоциональные состояния (УРЭС)				1	-0,359*	0,409**	0,566**
Шкала Q4 – характер преобладающих эмоций (ХПЭ)					1	-0,468*	-0,262*
Рациональность (Р)						1	0,384**
Готовность к риску (ГР)							1

**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).

релируют не только с такими личностными конструктами и особенностями, влияющими на принятие профессиональных решений, как самопонимание, рациональность и готовность к риску, но и между собой, что, в свою очередь, свидетельствует об их внутренне согласованном развитии.

Примечательно, что только показатели шкалы Q4 – напряженность, отражая одну из граней такого признака сформированности актуального уровня развития эмоциональной сферы личности как характер преобладающих эмоций, не коррелируют положительно с показателями других шкал ни у студентов III-го курса, ни у студентов IV-го, ни у студентов V-го курса. При этом у студентов III-го курса показатели шкалы напряженность, не коррелируя с показателями шкалы самопонимания, коррелируют отрицательно с показателями всех остальных шкал, а у студентов V-го курса показатели шкалы напряженность коррелируют отрицательно с показателями всех остальных шкал из числа исследуемых здесь нами.

Таким образом, можно утверждать, что чем выше у будущих психологов показатели по шкале Q4 – «напряженность», тем менее понимающими себя, менее сензитивными к своим сущностным потребностям и желаниям они становятся. В этом случае они становятся несвободными от психологических защит, отделяющих от собственной конструктивной и заслуживающей доверия сущности. Чем больше они характеризуются значительным числом потребностей, не нашедших разрядки, тем менее позитивным становится их эмоционально-ценностное отношение к себе, которое являясь частью эмоционально-ценностной позиции к другим людям, к миру вообще, обесценивает ценность самого существования человеческой личности и ухудшает отношение к человеческой сущности как к ценности. Чем выше у будущих психологов показатели по шкале «напряженность», тем менее эмоционально устойчивыми, способными управлять эмоциями и настроением, способными адекватно объяснить и реалистично выразить свом эмоции они становятся, проявляя нерегулируемую, дезорганизационную эмоциональность, и тем меньше (в связи с соответственным убыванием степени осознания социальных требований) им удается контролировать свое поведение. Чем выше у будущих психологов показатели по шкале «напряженность», тем меньшую рациональность и готовность к риску в процессе принятия профессиональных решений и их и воплощении они проявляют. То есть тем меньшую готовность рационально обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации неопределенности, и меньшую готовность рисковать, полагаясь на свой потенциал (достаточно обобщенную характеристику способов выхода субъекта из ситуации неопределенности) и контролируя свои действия (при заведомой неполноте необходимых для выбора действий ориентиров) они демонстрируют.

В связи с тем, что показатели будущих психологов по соответственным шкалам у них от года к году возрастают, можно утверждать, что у будущих психологов наблюдается положительная динамика развития регуляторной функции эмоционального компонента самопонимания и его влияния на совершенствование принимаемых ими профессиональных решений.

Таким образом, выявленные нами корреляционные связи свидетельствуют о выполнении эмоциональным компонентом самопонимания регуляторной функции в процессе принятия решений будущими психологами.

Структурно-содержательные характеристики эмоционального компонента самопонимания были нами рассмотрены как функционально-регулирующие как процесс самопонимания, так и процесс принятия профессиональных решений будущими психологами. У будущих психологов отслежена динамика развития са-

мопонимания и его эмоционального компонента, участвующего в регуляции принимаемых ими профессиональных решений опосредованно через взаимосвязь структурно-содержательных характеристик эмоционального компонента самопонимания с личностными факторами принятия профессиональных решений.

Проведенное исследование позволило внести существенный вклад в разработку тренинга для будущих психологов, ставящего целью достижение ими более полного, адекватного, целостного и согласованного личностного и профессионального развития посредством формирования у них реалистичной системы представлений о себе через создание условий развития структурно-содержательных характеристик эмоционального компонента самопонимания, что будет способствовать принятию эффективных профессиональных решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агафонова, С. В. Психологические условия развития эмоционального компонента самопонимания в юношеском возрасте [Текст]: Автореф. дис. … канд. психол. наук / С. В. Агафонова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2006. – 22 с.

2. Агафонова, С. В. Саморегуляция эмоциональных состояний [Текст] / С. В.Агафонова // Психологическая и профессиональная саморегуляция как фактор профессиональной успешности педагога: Сборник материалов областной научно-практической конференции. Астрахань: Изд-во АО ИУУ, 2005. – 122 с. – С. 16-18.

3. Агафонова, С. В. Управляемость эмоциональной сферы [Текст] / С. В.Агафонова / / Тезисы докладов итоговой научной конференции АГУ. 29 апреля 2003 г. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2003. – 131 с. – С. 104.

4. Брюхова, Н. Г. Влияние самопонимания на принятие решений юношами и девушками [Текст]: Автореф. дис. … канд. психол. наук / Н. Г. Брюхова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 24 с.

5. Брюхова, Н. Г. Самопонимание как регулятор принятия решений и индивидуальное психологическое консультирование [Текст] / Н. Г. Брюхова // Индивидуальное психологическое консультирование и психология принятия решений: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Астрахань, 16-17 октября 2009 г.): в 2-х т. / сост.: Н. Г. Брюхова, Е. А. Подосинникова; отв. ред. Б. В.Кайгородов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – Т. 2. – 122 с. – С. 75-85.

6. Брюхова, Н. Г. Аспекты профессионализма личности, осуществляющей деятельность в особых условиях [Текст] / Н. Г. Брюхова // Тенденции развития научных исследований / Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Киев 21 февраля 2011 года). ООО «Компания «Миранда». – К.: НАИРИ, 2011. – 161 с. – С. 39-41.

7. Кайгородов, Б. В. Психологические основы развития самопонимания в юношеском возрасте [Текст] / Б. В. Кайгородов. – Астрахань, 1999. – 160 с.

8. Корнилова, Т. В. Психология риска и принятия решений: Учебное пособие для вузов [Текст] / Т. В. Корнилова. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 286 с.

9. Костюк, Г. С. Избранные психологические труды [Текст] / Г. С. Костюк; под ред. Л. Н. Проколиенко; АПН СССР. – М.: Педагогика, 1988. – 301, [2] с.

10. Лебединский, В. В. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция [Текст] / В. В. Лебединский, О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 196, [1] с.

11. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии [Текст]: Учеб. пособие для вузов / А. Н. Леонтьев; под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2000. – 511 с.

12. Рукавишников, А. А. Пособие по применению личностного опросника Р. Кеттелла 16 PF [Текст] / Сост. А. А. Рукавишников, М. В. Соколова; научн. редактор В. И. Чирков. – 3-е изд. – Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2000. – 37 с.

13. Франкл, В. Э. Человек в поисках смысла [Текст] : Сборник / В. Э.Франкл; пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 366, [1] с. – (Библиотека зарубежной психологии).

14. Якобсон, П. М. Психология чувств [Текст] / П. М. Якобсон; 2-е доп. изд. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1958. – 384 с.: ил. – (АПН РСФСР. Ин-т психологии).

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.944.4:616.1/4
ББК 88.37+52.5
Медицинская психология, социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

СТРУКТУРА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В СИТУАЦИИ ХРОНИЧЕСКОГО СОМАТИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

Кандидат психологических наук Т. Д. Василенко

В статье рассматривается изменение структуры жизнестойкости (контроль, вовлеченность, принятие риска и общая жизнестойкость) во взаимосвязи с характеристиками смысловой сферы личности (цели в жизни, процесс жизни, результат жизни и общая осмысленность жизни) и параметрами временной перспективы (будущее, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, негативное прошлое и гедонистическое настоящее) в ситуации хронического соматического заболевания.

Ключевые слова
Жизнестойкость, смысловая сфера личности, временная перспектива, стресс, ситуация хронического соматического заболевания

В настоящее время в ситуации увеличения стрессовых нагрузок на личность возрастает количество людей, страдающих различными заболеваниями. Хронические заболевания, как правило, имеющие психосоматический характер, не позволяют большому числу потенциально трудоспособных людей вести активную и полноценную жизнь.

Любая болезнь, особенно хронически текущая, оказывает существенное влияние на многие стороны жизни больного, нарушая его жизнедеятельность, ограничивая возможности достижения целей, нарушая внутрисемейные отношения. Кроме этого, у больного возникают новые типы взаимоотношений с окружающими людьми, новые особенности поведения и деятельности; дезорганизация социальной жизни пациента, вызываемая болезнью, иногда более остро переживается им, чем нарушения функционирования организма.

В нашем исследовании мы постарались проследить особенности структуры жизнестойкости во взаимосвязи с параметрами смысловой сферы личности и временной перспективы у людей, страдающих хронической соматической патологией.

Центральной гипотезой нашего исследования выступило предположение о том, что хроническая соматическая патология изменяет особенности жизнестойкости, смысловой сферы личности и временной перспективы и нарушает внутренние взаимосвязи между этими параметрами.

В качестве методов исследования нами были применены следующие группы ме-

тодик:

1) психодиагностические методики (тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО), опросник Ф. Зимбардо по временной перспективе и тест жизнестойкости Д. А. Леонтьева);

2) проективная методика исследования жизненного пути личности «Линия жизни» в варианте, разрабатываемом Т. Д. Василенко, по аналогии с методом, предложенным Schroots, 1989 [4, 9, 13], основанным на использовании метафоры «тропы», которая подводит к графическому двухмерному представлению пространства жизни – с временем, отложенным по горизонтали, и аффективностью – по вертикали. Суть процедуры, по Т. Д. Василенко, состоит в том, что испытуемому предлагается на бланке со шкалой от +5 вверх и до -5 вниз изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней события своей жизни (прошлого, настоящего и будущего), при этом оценивая их относительно предлагаемой шкалы. Оценивались показатели, отражающие переживание настоящего момента (точка настоящего) и параметры временной ориентации (событийной и графической).

В исследовании приняло участие 125 испытуемых, из которых было сформировано 2 основные группы: экспериментальная и контрольная.

Экспериментальная группа, которую составили люди с хроническими заболеваниями гастроэнтерологического и кардиологического профилей, пациенты терапевтического отделения Курской городской больницы №3, в возрасте от 20 до 59 лет, средний возраст 36 лет (N = 60).

Контрольная группа, в которую вошли люди, не находящиеся в каких-либо особых жизненных ситуациях и не предъявляющие жалоб на состояние здоровья, жители города Курска в возрасте от 22 до 54 лет, средний возраст 38 лет (N = 65).

В результате проведенного нами исследования был выявлен ряд различий по показателям жизнестойкости между людьми, находящимися в ситуации хронического соматического заболевания, и здоровыми испытуемыми, которые отражены в таблице 1.

Таблица 1

Различия в структуре жизнестойкости у больных и здоровых испытуемых

Параметры жизнестойкости	p-level	M больные	δ больные	M здоровые	δ здоровые
Вовлеченность	0,0012	39,7	7,20587	45,1	8,25354
Контроль	0,0143	32,6	5,68726	36,9	6,32547
Принятие риска	0,0423	14,6	4,23152	20,4	5,65847
Общая жизнестойкость	0,0085	93,7	18,4571	98,7	18,12459

* Здесь и далее: p-level – уровень статистической значимости, M – среднее, δ – стандартное отклонение.

Анализируя полученные данные относительно изменения параметров жизнестойкости, отметим, что имеет место преобладание показателей вовлеченности у здоровых испытуемых, что говорит о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени убеждены в том, что включенность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для себя. В ситуации заболевания отмечается преобладание чувства отвергнутости, ощущение себя «вне жизни».

Кроме того, по шкале «Контроль» отмечается преобладание показателей у здоровых испытуемых, что свидетельствует о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени склонны разделять убеждение, что борьба позволяет влиять на результат происходяще-

го, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Для людей в ситуации заболевания наиболее выраженным является чувство ощущения собственной беспомощности.

Принятие риска более выражено у здоровых испытуемых, что говорит о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени убеждены в том, что все, что с ними случается, способствует их развитию посредством знаний, извлекаемых из опыта.

Характеризуя общую жизнестойкость, отметим преобладание у ее здоровых испытуемых, что свидетельствует о том, что в ситуации хронического заболевания люди в меньшей степени способны предотвращать внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях.

В целом, можно утверждать, что в ситуации заболевания изменяется структура жизнестойкости личности: отмечается снижение по всем параметрам жизнестойкости, включая интегральную ее характеристику – общую жизнестойкость.

При сравнении состояния смысловой сферы личности и временной перспективы был получен ряд статистически значимых различий, которые отражены в таблице 2.

Таблица 2

Значимые различия в смысловой сфере личности и временной перспективе у больных и здоровых испытуемых

Показатели смысловой сферы личности	p-level	M больные	δ больные	M здоровые	δ здоровые
Общая осмысленность жизни	0,0438	95,316	15,989	100,15	18,776
Цели в жизни	0,0263	29,633	6,849	32,33	6,8767
Оценка настоящего	0,0000	-2,316	1,620	2,827	2,390
Фаталистическое настоящее	0,0000	3,103	0,587	3,647	0,533
Будущее	0,0004	3,393	0,473	3,766	0,633

При анализе изменений смысловой сферы личности отмечается статистически значимое снижение уровня осмысленности жизни у людей в ситуации заболевания. Это говорит о том, что в ситуации хронического соматического заболевания люди в меньшей степени воспринимают свою жизнь как наполненную смыслом, интересную и продуктивную. Также отмечается статистически значимое снижение уровня по показателю «Цели жизни» по тесту СЖО у людей в ситуации заболевания, что указывает на то, что в ситуации хронического соматического заболевания люди в меньшей степени воспринимают свою будущую жизнь как наполненную смыслом, интересную и продуктивную.

Среди показателей временной перспективы отмечается статистически значимо более негативная оценка настоящего периода жизни у людей в ситуации заболевания. На основании полученных различий можно утверждать, что в ситуации заболевания больные испытуемые оценивают свой настоящий этап жизни гораздо негативнее, чем здоровые, переживают его как отрицательное событие жизни, в то время как испытуемые, не страдающие соматическими заболеваниями, оценивают свое настоящее как положительное.

Кроме того, отмечается статистически значимое повышение фаталистического отношения к настоящему у людей в ситуации заболевания. Это говорит о том, что для людей, страдающих хроническими соматическими заболеваниями, свойственно беспомощное и безнадежное отношение к будущему и жизни. При этом отмечается статистически значимое снижение по шкале «Будущее» у людей в ситуации заболевания, на основании полученных различий можно утверждать, что

в ситуации заболевания значения данного показателя значительно ниже в группе больных испытуемых, чем в группе здоровых. Больные испытуемые меньше ориентированы на будущее, у них снижена способность к планированию и достижению будущих целей.

В процессе анализа результатов исследования нами были рассмотрены взаимосвязи между параметрами жизнестойкости, смысловой сферы личности и временной перспективы.

В нашем исследовании подтвердилась идея Д. А. Леонтьева [2] о положительной взаимосвязи показателей осмысленности жизни и параметров жизнестойкости у здоровых испытуемых. В результате проведения корреляционного анализа по R Спирмену по всем показателям были обнаружены значимые корреляции, что отражает согласованность смысловой сферы личности и жизнестойкости. В группе людей в ситуации заболевания не было выявлено ни одной значимой корреляции показателей жизнестойкости и смысловой сферы личности. Можно утверждать, что в ситуации нормы данные показатели положительно взаимосвязаны, а в случае ситуации болезни нет ни одного положительно взаимосвязанного показателя, а наблюдается даже некоторая тенденция к образованию отрицательных связей и можно говорить

Таблица 3

Значимые корреляционные связи между показателями временной перспективы и жизнестойкости

Показатель временной перспективы & Показатель жизнестойкости	R* Здоровые	R* Больные
Точка настоящего & Общая жизнестойкость	0,360	-
Временная ориентация на будущее (графическая) & Контроль	0,450	0,368
Временная ориентация на будущее (графическая) & Принятие риска	0,424	-
Временная ориентация на будущее (графическая) & Общая жизнестойкость	0,382	0,282
Временная ориентация на будущее (графическая) & Вовлеченность	-	0,391
Временная ориентация на будущее (событийная) & Вовлеченность	0,391	
Временная ориентация на будущее (событийная) & Контроль	0,502	0,409
Временная ориентация на будущее (событийная) & Принятие риска	0,398	0,413
Временная ориентация на будущее (событийная) & Общая жизнестойкость	0,387	0,494
Негативное прошлое & Вовлеченность	-0,297	
Негативное прошлое & Контроль	-0,221	-0,256
Гедонистическое настоящее & Вовлеченность	-0,193	-
Гедонистическое настоящее & Общая жизнестойкость	-0,250	-
Гедонистическое настоящее & Принятие риска	-	-0,258
Фаталистическое настоящее & Контроль	-0,425	-0,363
Фаталистическое настоящее & Общая жизнестойкость	-0,317	-
Будущее & Общая жизнестойкость	0,210	-

*R – коэффициент корреляции Спирмена.

о системном нарушении смысловой сферы личности в ситуации заболевания.

В результате проведения корреляционного анализа нами был обнаружен ряд значимых корреляций показателей жизнестойкости и временной перспективы у людей в ситуации нормы. Это подтверждает идею о том, что широкая временная перспектива, и в целом положительные характеристики временной организации личности играют роль в преодолении трудных жизненных ситуаций. В результате проведения корреляционного анализа нами был обнаружен ряд значимых корреляций показателей жизнестойкости и временной перспективы у людей в ситуации хронического соматического заболевания. При этом необходимо отметить, что в ситуации нормы получено большее количество взаимосвязей, что отражено в таблице 3.

Интерпретируя полученные данные, необходимо указать, что отмечается логика взаимосвязи позитивных характеристик временной перспективы с характеристиками жизнестойкости. Сравнивая данные корреляции с отсутствием таковых с параметрами смысловой сферы, можно сказать, что в ситуации заболевания в меньшей степени нарушается согласованность временной организации личности и жизнестойкости

По результатам исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. В ситуации хронического заболевания изменяется структура жизнестойкости личности. Отмечается снижение по всем параметрам жизнестойкости, включая интегральную ее характеристику. В ситуации хронического соматического заболевания состояние людей характеризуется снижением адаптивных способностей преодоления. Больные не склонны к ощущению удовольствия и удовлетворения от собственной деятельности, наличной ситуации и своего состояния. В ситуации хронического соматического заболевания люди в меньшей степени воспринимают свою жизнь как наполненную смыслом, интересную и продуктивную. Они склонны к пессимизму и восприятию жизни в серых тонах.

2. В ситуации заболевания люди в меньшей степени воспринимают свою будущую жизнь как наполненную смыслом, интересную и продуктивную. Они склонны относится к будущему как нечеткому, размытому. Прожитая жизнь воспринимается как бессмысленный отрезок жизненного пути, в прошлом люди не находят опоры для настоящего, нарушается интеграция прошлого опыта.

3. В ситуации хронического соматического заболевания нет ни одного положительно взаимосвязанного показателя смысловой сферы личности и жизнестойкости, а наблюдается даже некоторая тенденция к образованию отрицательных связей, следовательно, можно говорить о системном нарушении смысловой сферы личности в ситуации заболевания. Расстраивается система отношений внутри структур личности, отвечающих, с одной стороны, за жизнестойкость, а с другой – за смысловую сферу личности.

4. В ситуации хронического соматического заболевания испытуемые оценивают свой настоящий этап жизни гораздо негативнее, чем здоровые, переживают его как отрицательное событие жизни. Для людей, страдающих хроническими соматическими заболеваниями, свойственно фаталистическое, беспомощное и безнадежное отношение к будущему и к жизни в целом. Для них характерно отсутствие сфокусированной временной перспективы. Больные испытуемые меньше ориентированы на будущее, оно представляется им неопределенным, недифференцированным, их поведение в меньшей степени определяется стремлениями к целям и вознаграждениям будущего, у них снижена способность к планированию и достижению будущих целей.

5. Отмечается специфическая логика взаимосвязи позитивных характеристик

временной перспективы с характеристиками жизнестойкости. В ситуации хронического соматического заболевания в меньшей степени нарушается согласованность жизнестойкости с временной организацией личности, чем со смысловой сферой.

Таким образом, можно утверждать, что развитие жизнестойкости должно выступать в качестве мишени психотерапии, стать центральным звеном в оказании психологической помощи и поддержки в ситуации хронического соматического заболевания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александрова Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. Вып. 2 / Под ред. М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Яницкого. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – С. 82-90.

2. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006.

3. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003.

4. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М., 2006.

5. Мадди С. Смыслообразование в процессах принятия решения // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87-101.

6. Николаева В. В. Влияние хронической болезни на психику. – М.: Изд-во МГУ, 1987.

7. Рассказова Е. И. Психологические концепции стресса и его последствий // Психология психических состояний. Вып. 6. / Под ред. А. О. Прохорова. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 371-384.

8. Соколова Е. Г., Николаева В. В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. – М., 1995.

9. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности: Автореф. дис. … канд. психолог. наук. – М., 2008.

10. Тхостов А. Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002.

11. Maddi, Salvatore R., and Khoshaba, Deborah M. (1994). Hardiness and Mental Health. // Journal of Personality Assessment, 1994 Oct, v63 (n2): 265-274.

12. Zimbardo, P. G., Boyd, J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology, 77, 1999.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.923
ББК 88.42

ПСИХОЛОГИЯ

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПСИХОТРАВМИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ НА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ БОЕВЫХ ЗАДАЧ

Кандидат психологических наук С. В. Захарик
Кандидат психологических наук В. М. Крук
Д. А. Лузгин

В статье рассмотрены вопросы воздействия психотравмирующих факторов на жизнедеятельность военнослужащих в ходе выполнения боевых задач. Материалами статьи показывается актуальность исследования данного вопроса, приведены примеры влияния психотравмирующих факторов на эффективное выполнение задач.

Ключевые слова
Психологическая устойчивость, психотравмирующие факторы, неблагоприятные условия

Одной из отличительных особенностей международной жизни последнего десятилетия являются многочисленные вооруженные конфликт и затрагивающие интересы многих стран и народов. Проблемы предотвращения и урегулирования конфликтов выступают на первый план во внешней политике многих государств, становятся объектом самого пристального внимания политиков и дипломатов, военных и ученых, общественных и религиозных деятелей, организаций [1].

Сегодняшние реалии таковы, что большинство стран наряду с дипломатическими, политическими, экономическими, и другими способами разрешения конфликтов значительное место отводят использованию военных средств.

Воздействие неблагоприятных и остро неблагоприятных условий боевых действий на жизнедеятельность военнослужащих различных государств мира в ходе подготовки и выполнения задач является целью работы. Успех выполнения боевых задач в остро неблагоприятных для жизни условиях зависит не только от хороших физических данных, высокой профессиональной подготовки, но и от такой важной компоненты, как психологическая устойчивость.

Психологическая устойчивость – важнейшая профессиональная характеристика личности, рассматриваемая как многоуровневое, системное качество, формируемое в процессе профессиональной подготовки в динамике протекания и целостного взаимодействия компонентов. Обладает вариативностью диапазона компенсаторно-адаптационных реакций в экстремальных условиях деятельности,

обусловленных индивидуальными особенностями личности, позволяет сохранить психическое здоровье специалиста [2].

Именно она является основной структурной составляющей силы нервной системы, позволяющей выдерживать длительные и значительные нагрузки без видимых признаков утомления или торможения, особенно в экстремальных и остро неблагоприятных условиях [3].

Практика ведения боевых действий бесспорно доказала тот факт, что далеко не каждый человек безболезненно для своего психического здоровья переносит сверх экстремальные условия боя. Находясь под интенсивным воздействием психотравмирующих факторов боевой среды, военнослужащий может получить расстройство психики различной степени тяжести. Это, как правило, ведет к частичной или полной потере боеспособности. Количество военнослужащих, пострадавших таким образом, может быть достаточно большим.

Особую актуальность приобретает исследование путей и способов поддержания высокой психологической устойчивости и боевой активности личного состава в ходе боевых действий как важнейших составляющих, обеспечивающих сохранение боевой эффективности войск и достижения победы в современном бою [4].

Имеющаяся статистика и научное исследование состояния данной проблемы убедительно доказывают необходимость правильного формирования, поддержания боевой активности и психологической устойчивости военнослужащих в их ратном труде. Так во время войны в Корее безвозвратные психологические потери американских военнослужащих составили 4, а во Вьетнаме – 7 на каждую 1000 участников боевых действий. В период агрессии Израиля против Ливана 9% израильских солдат и офицеров были выведены из строя из-за сильной психологической истощенности и потери боевой активности. В Кувейтском конфликте общие психологические потери иракских военнослужащих после массированных боевых ударов американской авиации в течении первых 3 суток составили: в регулярной армии – 45%; среди ополченцев-непрофессионалов – 68-70%. По оценкам американских психологов из состава части, перенесших ядерный взрыв, 12-15% военнослужащих сохраняет способность действовать, 75% временно и 10-15 % на длительный срок утрачивает боеспособность из-за расстройств нервной системы [5].

В исследованиях сенсорной депривации поведений советскими учеными были вскрыты механизмы взаимодействия психики с окружающей средой. Л. П. Гримак отмечает: «Мало иметь контакт с природой, необходимо, чтобы внешняя среда была достаточно изменчива, чтобы обеспечивала хотя бы минимум внешних раздражителей. Без них мозг прекращает нормально функционировать, развиваются различного рода синдромы отклоняющегося поведения» [6. С. 127].

Изучая психические состояния личности в условиях сенсорной депривации, где сенсорная депривация (от лат. sensus – чувство, ощущение и deprivatio – лишение) – продолжительное, более или менее полное лишение человека сенсорных впечатлений, осуществляемое с экспериментальными целями, [7] В. И. Лебедев делает ссылки на наблюдения и выводы Панина Л. Е., Соколова В. П., Короленко Ц. П., которые в свою очередь исследовали нервно-психические и соматические проявления у людей в условиях Крайнего Севера, где природно-географическая среда весьма бедна и однообразна. В частности отмечается: «Многие врачи арктических и материковых антарктических станций указывают на то, что с увеличением срока пребывания в экспедиционных условиях у полярников нарастает общая слабость, нарушается сон, появляются раздражительность, замкнутость, депрессия, тревож-

ность. У некоторых из них развиваются неврозы и реактивные психозы» [8].

В условиях длительного риска с опасностью для жизни нервно-психические и соматические проявления обостряются, что отрицательно сказывается на психофизиологическом состоянии и возможности саморегуляции.

Военные специалисты, анализируя боевые действия вооруженных сил Великобритании на Фольклендских островах, советских войск в Афганистане, США в Ираке убедились в необходимости целенаправленной закалки психики солдат и офицеров в обстановке, максимально приближенной к боевой [9].

Из-за слабой психологической устойчивости в неблагоприятных условиях при выполнении боевых задач происходит психологическое «подавление» личности, что впоследствии отрицательно влияет на дальнейшую жизнедеятельность военнослужащего.

На психологическое состояние отрицательное влияние оказывают следующие факторы:

- высокая интенсивность военной службы в условиях, связанных с постоянным повышенным риском для жизни;
- депрессия, которая является следствием длительного психологического напряжения и продиктована длительным воздействием неблагоприятных факторов окружающей среды, отсутствием возможностей для восстановления и реабилитации, неумением купировать нервно-психологическое напряжение и его проявления;
- нервное напряжение, вызванное постоянной угрозой нападения и враждебны отношением местного населения;
- тяжелые климатические условия и невозможность удовлетворения естественных потребностей организма.

Обостренное чувство неуверенности и неадекватного состояния возникает главным образом в периоды подготовки войсковых операций, а также при выполнении боевых задач в отрыве от основных сил. В связи с возрастающими психологическими нагрузками на личный состав, неблагоприятными климатическими условиями и отсутствием возможности безопасного отдыха в местах расположения войск отмечается резкое снижения уровня дисциплины в подразделениях вооруженных сил. В 2003-2005 годах в группировке ВС США в Ираке зафиксировано более 100 случаев, когда военнослужащие отказались выполнить приказ командования, в том числе по патрулированию и доставке необходимых грузов через районы с высокой степенью вероятности нападения сил иракского сопротивления. Так в октябре 2004 года, впервые с момента окончания вьетнамской войны, отмечен случай коллективного отказа от выполнения приказа, когда солдаты не пожелали сопровождать воинскую колону в район боевых действий [10].

Исследования военных психологов показывают, что интенсивность боевых действий способствует наращиванию количества психических травм личного состава, углублению «боевого истощения», проявлению отдаленных последствий «невроза военного времени», посттравматических стрессовых расстройств.

По опыту иностранных специалистов первые срывы и расстройства в период высокоинтенсивных боев составляют:

– в течение 30 дней – 1 случай нервного срыва на 4 потери в бою;

– после 30 дней – нервные расстройства могут превосходить боевые потери;

– после 60 дней – не исключена возможность потери боеспособности большей части личного состава [11].

По оценкам экспертов, около 30% процентов военнослужащих, прошедших службу в Ираке, имеют заболевания, связанные с психическими и нервными расстройствами, которые зачастую проявляются через три-четыре месяца после возвращения из зоны боевых действий. Согласно данным военно-медицинских уч-

реждений, диагноз психического истощения поставлен около 100 тыс. человек [12].

Изучив имеющийся опыт и основываясь на новейших разработках и выводах специалистов, руководство Пентагона в ходе планирования операции против Ирака приняло решение о включении в состав боевых частей специальных подразделений, состоящих из психиатров и психологов, чтобы они могли своевременно реагировать на возможные кризисы в морально-психологическом состоянии военнослужащих и как можно быстрее возвращали их в строй. В каждой дивизии имелось три штатных специалиста: психиатр, психолог и его ассистент [13].

Специалисты рекомендуют в целях детектирования и поддержания психологической устойчивости, совершенствования, психических и физических качеств искусственно создавать специальные условия тренировок для военнослужащих. К примеру, в процессе тренировок солдаты учатся преодолевать голод, сохранять присутствие духа в периоды длительной изоляции от внешнего мира, действовать в трудных климатических условиях, имитируются пребывания в плену, допросы и т. д. [14. С. 32].

Страны НАТО располагают специальными учебными центрами и лагерями в Арктике (Канада, Норвегия), пустыне (США, Египет), горах (США, Турция) и тропиках. В этих учебных центрах военнослужащие занимаются по специальным программам, направленными на выработку способности решительно и уверенно действовать в боевой обстановке.

Рассмотрим два упражнения, которые отрабатываются в специальных учебных центрах:

1. По команде инструктора военнослужащий входит в затемненную комнату и, следуя за пучком света, продвигается вглубь ее. С разных сторон на него с шумовыми эффектами набрасываются механические чучела, обозначающие нападающего противника, которых обучаемый должен поразить ударами штыка и приклада. Упражнение сопровождается выстрелами, командами на иностранных языках, криками, вспышками и имитацией взрывов.

2. На занятиях по огневой подготовке, в 50-70 метрах от военнослужащих, находящихся в траншее, мелькают цели, которые они поражают огнем. Вокруг взрываются пиропатроны и имитационные боеприпасы. Над головой производится реальный обстрел, в том числе убойными элементами настоящих снарядов [15. С. 33].

Управление национальной обороны Японии (УНО) делает все возможное для психологической обработки солдат и офицеров с целью выработать «высокую воинскую дисциплину», «крепкую сплоченность», «способность противостоять нажиму противника», характер которой определяют политика и практика японского общества, традиции страны. Стремясь повысить боеспособность личного состава, командование японских вооруженных сил уделяет большое внимание формированию исключительной психологической стойкости к лишениям, неудобствам походной и боевой жизни, различного рода невзгодам. Так, согласно сообщениям иностранной печати, каждая часть обязана в зимнее время в течение одной-двух недель совершать длительные переходы (с тактическими учениями) в гористой и горно-пустынной местности, находясь на очень ограниченном рационе. Цель одна – выработка у солдат устойчивости к холоду, лишениям и трудностям. Такие же занятия проводятся и летом, с той лишь разницей, что они проходят под палящим солнцем. Как отмечается в зарубежной печати, это отражает психологическую направленность подготовки японских вооруженных сил для действий в районах, находящихся как севернее Японии, так и южнее [16].

Таким образом, анализ психотравмирующих факторов, влияющих на жизнедея-

тельность военнослужащих в ходе выполнения боевых задач позволяет сделать следующие выводы:

1. Снижение психологической устойчивости у военнослужащих напрямую влияет на качество выполнения боевых задачи и результативность миссии.

2. Существуют специальные методы повышения психологической устойчивости при подготовке военнослужащих к выполнению боевой задачи, а также по их сопровождению в ходе миссии и после нее.

3. Для повышения эффективности методов тренировки и формирования психологической устойчивости целесообразно проведение научно-практических исследований по выявлению закономерностей, определяющих психологическую устойчивость – неустойчивость и совершенствование самих методов при подготовке и в ходе выполнения боевых задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данилов В. Н. , Усольцев А. В. Настоящее и будущее миротворческих операций // Военная мысль. – 1998. – № 6.

2. Захарик С. В. Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., ГАВС, 1993.

3. Захарик С. В., Крук В. М., Лузгин Д. А. Миссии ООН. Надежность и психологическая устойчивость миротворца. – М., МГОУ, 2010.

4. Зарубежное военное обозрение. – 2007. – № 5.

5. Зарубежное военное обозрение. – 2007. – № 5.

6. Гримак Л. П. Общение с собой: Начала психологии активности. – М., 1999. – С. 127.

7. http://planey.ru/dic/c/c_32.htm

8. Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. – М., 1989. – С. 12.

9. Чинуквадзе Э. Новые тенденции в организации морально-психологической подготовки военнослужащих // Зарубежное военное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 31.

10. Зарубежное военное обозрение. – 2006. – № 1.

11. Захарик С. В. Психологическая характеристика воздействий факторов боя на военнослужащих и возможности реабилитации // Military Reviwe. – 1983. – July. – P. 8-18.

12. Зарубежное военное обозрение. – 2006. – № 1.

13. Зарубежное военное обозрение. – 2005. – №5.

14. Чинуквадзе Э. Новые тенденции в организации морально-психологической подготовки военнослужащих // Зарубежное военное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 33.

15. Чинуквадзе Э. Новые тенденции в организации морально-психологической подготовки военнослужащих // Зарубежное военное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 32.

16. Зарубежное военное обозрение. – 1984. – № 08.

ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. ЕКАТЕРИНБУРГ

УДК 159.9
ББК 88.37+88.4

ПСИХОЛОГИЯ

ТИПОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ОБУСЛОВЛЕННАЯ ВОСПРИЯТИЕМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кандидат психологических наук О. Ю. Зотова

Работа посвящена экспериментальному изучению особенностей восприятия безопасности. Результатом исследования явилось выделение типологии людей при оценке и восприятии себя в безопасности. Выявленные различия восприятия мира подтверждают существование реальных оснований для различных определений самой безопасности, присущих разным субъектам. Оценка индивидом того или иного свойства личности (положительного или отрицательного) зависит от соотношения свойств образов «Я», «Я в опасности» и «Я в безопасности» и степенью принятия или отвержения себя в безопасности.

Ключевые слова
Социально-психологическая безопасность, восприятие, семантическое пространство

Научная актуальность проблемы социально-психологической безопасности личности связана с рядом причин, придающих ей важное теоретическое звучание.

Во-первых, теоретический аспект значимости проблемы определяется актуальностью психологических исследований, направленных на целостное изучение жизни человека при поиске им интегрированных оценок своего бытия в различных проявлениях. В этой связи чрезвычайно важным становится изучение восприятия человеком своего состояния с позиции «опасность-безопасность».

Во-вторых, недостаточно изучена психологическая природа различных видов активности личности, направленных на обеспечение своей безопасности. Растет число людей, которые характеризуются деформированностью потребности в социальной безопасности, что приводит к снижению удовлетворенности настоящим и отсутствию уверенности в будущем; к разрушению целостности личности, росту страха и тревоги; снижению устойчивости к неблагоприятным воздействиям.

В научном плане стала очевидной необходимость использования новых теоретических подходов и методов социально-психологического изучения представлений о личности, обусловленная тем, что высокий темп социальных изменений в различных областях общественной практики, нарастание количества ранее не возникавших, неопределенных социальных ситуаций, иными словами, та новая социальная реальность, которая сегодня уже

традиционно определяется как социальная нестабильность, неминуемо предъявляет повышенные требования к личности в плане активности. Существующие подходы к проблеме психологии безопасности личности, не противореча друг другу, отражают отдельные стороны этого феномена, не интегрируя их в целостную психологическую концепцию. Также, практически не изучены типологические особенности восприятия себя в состоянии безопасности.

Оценка индивидом того или иного свойства личности (положительного или отрицательного) зависит от соотношения свойств образов «Я», «Я в опасности» и «Я в безопасности» и степенью принятия или отвержения себя в безопасности. Мы предполагаем существование реальных оснований для различных определений самой безопасности, присущих разным субъектам. В связи с чем, целью данной работы является создание типологии поведения личности при восприятии и оценке социально-психологической безопасности.

Методика

Объектом исследования выступили представители различных социальных групп: медицинские работники, сотрудники МВД, студенты, педагоги, ИТР, предприниматели, работники СМИ, менеджеры коммерческих организаций, продавцы, работники банков и рабочие. Всего в эксперименте участвовало 650 человек (351 женщина и 299 мужчин), средний возраст 39 лет.

Методика. Для оценки отношения респондентов к образу «Я» в различных ситуациях социально-психологической безопасности была использована методика «Семантический дифференциал» (в модификации Д. Пибоди, А. Г. Шмелева). Испытуемым предлагалось оценить по принципу сходства-контраста восприятие собственной субъективной реальности в свете социально-психологической безопасности: психологической защищенности, устойчивости, уверенности, которые испытывает (или не испытывает) субъект. Исследование проводилось при помощи 32 семибальных биполярных шкал. Прилагательные находятся во взаимоотношениях в четверках по принципу четырехполюсной модели личностной черты. По мнению А. Г. Шмелева, использование четырехполюсной модели позволяет не только «очистить» результаты субъективных суждений от артефакта социальной желательности, но и отдельно от дескриптивного фактора (характерологического представления в данном случае) измерить эмотивный, оценочно-отношенческий компонент социальной установки [1. С. 229].

Принимая во внимание, что люди могут оценивать и воспринимать социально-психологическую безопасность дифференцированно, респондентам было предложено описать следующие образы: «Я», «Я в безопасности», «Я в опасности».

Обработка результатов проводилась с применением корреляционного (использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена) и факторного анализа по методу главных компонент, что позволяло нам решить данные задачи с использованием пакета «SPSS 11.0».

Результаты

В результате кластеризации (Ward's Distance Metric: Squared Euclidean) было выделено три блока кластеров (рис.1). Первый блок представлен 1 и 2 субгруппой, второй блок – 3 субгруппой, третий блок представлен 4 субгруппой. Таким образом, можно выделить четыре субгруппы испытуемых.

Выделенные группы имеют различия в восприятии ситуаций социально-психологической безопасности. В 1 субгруппе респондентов образ «Я – сейчас» характеризуется тесной корреляционной связью с образом «Я в безопасности» ($r=0,72$, при $p<0, 01$), что позволяет говорить о том, что представители 1 субгруппы воспринимают себя в безопасности. У респондентов 2 субгруппы выявлена высокая корреляция образа «Я – сейчас» с образами «Я в безо-

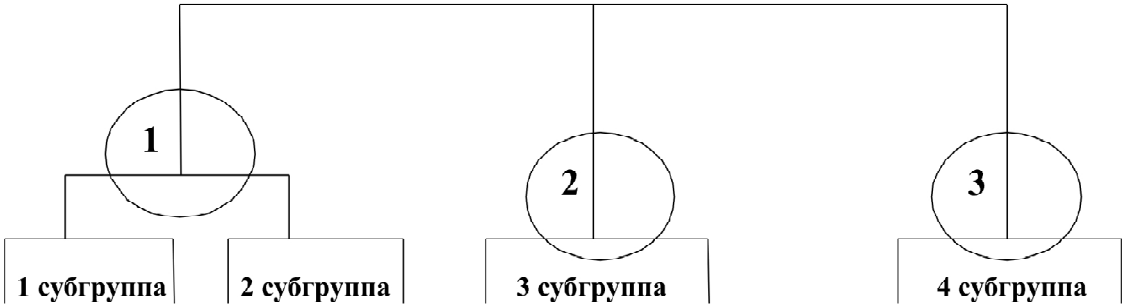


Рис. 1. Кластерное дерево

пасности» и «Я в опасности» (r=0,912 и r=0,79, при p<0,01), что свидетельствует о том, что представители данной субгруппы отождествляют себя как с ситуацией опасности, так и ситуацией безопасности. Образ «Я – сейчас» респондентов 3 субгруппы отличается сильной связью с образом «Я в безопасности» (r=0,515 при p<0,01) и несколько меньшей корреляцией с образом «Я в опасности» (r=0,363, при p<0,05), т. е. воспринимая себя в целом в безопасности, респонденты предполагают возможность появления опасности. 4 субгруппа респондентов отличается, прежде всего, тесной корреляционной связью образа «Я – сейчас» с образом «Я в опасности» (r=0,600 при p<0,01), что связано с тем, что представление о себе связано с жаждой острых ощущений, стремлением к опасностям (табл. 1).

Таблица 1

Значения коэффициентов корреляции Спирмена образа «Я – сейчас» респондентов четырех субгрупп и образов «Я в безопасности» и «Я в опасности»

	1 субгруппа «Я – сейчас»	**2 субгруппа «Я – сейчас»**	**3 субгруппа «Я – сейчас»**	**4 субгруппа «Я – сейчас»**
«Я – в безопасности»	0,727**	0,912**	0,515**	-0,031
«Я – в опасности»	0,295	0,794**	0,363*	0,600**

Примечание. *p<0.05 ; **p<0.01

В дальнейшем результаты интерпретировались в выделенных субгруппах.

В результате факторно-аналитической обработки результатов у респондентов 1 субгруппы было выделено 2 значимых фактора. Первый очень мощный выделенный фактор биполярен, объясняет 78,3 % общей дисперсии и включает в себя следующие качества: спокойный .99, сотрудничающий .99, веселый .99, прощающий .99, смелый .99, раскрепощенный .98, миролюбивый .96, мягкий .91. Противоположный полюс первого фактора образовали шкалы: мягкотелый –.99, пассивный –.99, легковерный –.91. Содержание признаков, входящих в этот фактор, позволяет интерпретировать его как **«Осторожность»**. Данный фактор свидетельствует об организованности, умении хорошо контролировать свое поведение и эмоции, планомерности и упорядоченности. На этом полюсе максимальные баллы по первому фактору получены у образов «Я – сейчас» и «Я в безопасности».

Второй фактор (вклад в общую дисперсию 21,6%) включает следующие шкалы: принципиальный .97, избирательный .95, серьезный .92. Противоположный полюс второго фактора образовали шкалы: зависимый –.99, ленивый –.85. Содержание второго фактора позволяет интерпретировать его как **«Сила Я»**. Данный фактор ха-

рактеризует способность осознавать требования действительности, постоянство в планах, спокойствие и уверенность в себе. На отрицательном полюсе второго фактора находится образ «Я в опасности».

Анализ семантического пространства показал соединение шкал в одну группу, которая отражает тенденцию к построению общего параметра восприятия, что можно считать проявлением тенденции к стабилизации структуры. При анализе полученного семантического пространства была выделена закономерность, заключающаяся в том, что шкалы распределяются между факторами неравномерно, а образуют симметричные скопления в одних секторах, в то время как другие остаются относительно пустыми.

В семантической зоне, образованной положительными полюсами факторов с большой нагрузкой «Осторожность» и «Сила Я», расположен образ «Я в безопасности». В этой же зоне находятся шкалы: критичный, боевитый, твердый. То есть в сознании респондентов 1 субгруппы, «Я в безопасности» обязательно должен быть хорошим, сильным и адаптированным.

Образ «Я» располагается в области семантического пространства, сочетающего признаки «слабого», но «осторожного». Несмотря на значимую корреляционную связь образов «Я» и «Я в безопасности», рассматриваемые образы оказались в разных семантических зонах.

Образ «Я» более сложен и потенциально изменчив, чем образ «Я в безопасности». Можно констатировать напряжение в отношениях между субъектом и окружающим миром, обществом. И данное противоречие в сознании респондентов может разрешиться только в ситуации «Я в безопасности» при ориентированности на установление заданных четких целей внутрисистемного взаимодействия. «Осторожность» в сочетании с «Силой Я» дают возможность сознательной саморегуляции деятельности субъекта, что обеспечивает возможность избегания опасностей, возникающих в процессе жизни.

Образ «Я в опасности» находится в зоне антиидеалов, образованной отрицательными полюсами факторов «Осторожность-бесшабашность» и «Слабость Я». В данной зоне, как правило, располагается человек, который не нравится, качествами которого, респонденты хотели бы обладать в меньшей степени.

Таким образом, к устойчивым образам 1 субгруппы относятся образы «Я в безопасности» и «Я в опасности», т. е. идеальные и антиидеальные образы, которые обладают смысловой законченностью. Устойчивые образы соответствуют социальным нормативам рассматриваемой субгруппы: каким надо быть и чего надо избегать.

Образ «Я» расположен в пространстве «неправильного» мира и оценивается испытуемыми как осторожный, но слабый. Именно такое распределение образов отражает стремление респондентов 1 субгруппы к образу «Я в безопасности», и дает им уверенность с том, что образы «Я» и «Я в безопасности» очень близки и похожи, тем самым обеспечивая себе механизм ухода от опасностей. Девиз 1 субгруппы: «Если я не знаю об опасности, то ее нет».

Результаты исследования 2 субгруппы испытуемых показали значимые корреляционные связи образов «Я – сейчас», «Я в безопасности» и «Я в опасности».

В результате факторизации групповой матрицы выделилось два значимых фактора. В первый фактор (72,4%) вошли следующие шкалы: смелый .99, уверенный .99, мягкий .98, спокойный .98, организованный .92, независимый .91, гибкий .89. Противоположный полюс представлен одной шкалой: застенчивый –.97. Содержание признаков, входящих в этот фактор, позволяет интерпретировать его как **«Адаптивность»**. На данном полюсе расположены образы «Я – сейчас» и «Я в безопасности», что говорит о высокой связи собственной безопасности от адаптивных способностей личности.

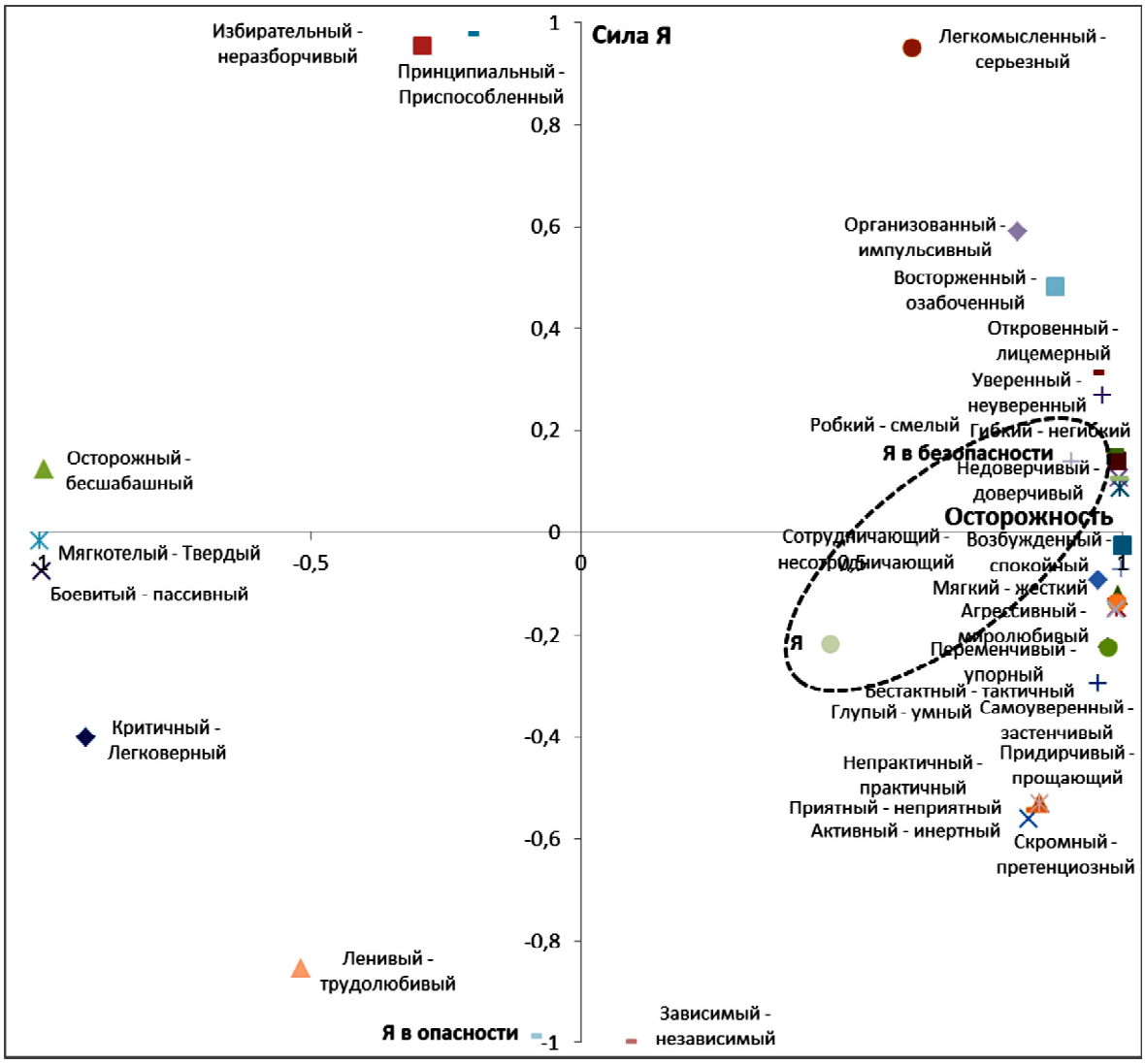


Рис. 2. Семантическое пространство восприятия респондентами 1 субгруппы образа «Я» в различных ситуациях социально-психологической безопасности

Второй фактор объясняет 27,5 % вклада в общую дисперсию и представлен следующими прилагательными, которые перечисляются в порядке убывания величины факторной нагрузки с указанием знака нагрузки: скромный .99, восторженный .97, сотрудничающий .96, доверчивый .94, критичный .94, спокойный .91, осторожный .84. Противоположный полюс второго фактора включает характеристику: мягкотелый –.96. При наиболее общей интерпретации можно этот фактор обозначить как фактор **«Силы»**. Содержащийся в нем параметр позволяет оценивать устойчивость и твердость. На положительном полюсе располагается образ «Я в опасности».

Анализ семантического пространства показал, что все три образа располагаются в зоне, состоящей из сочетания положительных факторов «Адаптивность» и «Сила» (рис. 3). Образы «Я – сейчас», «Я в безопасности» и «Я в опасности» представляют идеальную форму и закреплены в системе нормативных значений. В связи с чем, состояния опасности или безопасности не меняют способ видения и действования респондентов 2 субгруппы, не требуют специальных усилий для проживания. И опасность, и безопасность, – это нормальные, обыденные условия существования, с которым люди сталкиваются ежедневно, к которым привыкли и

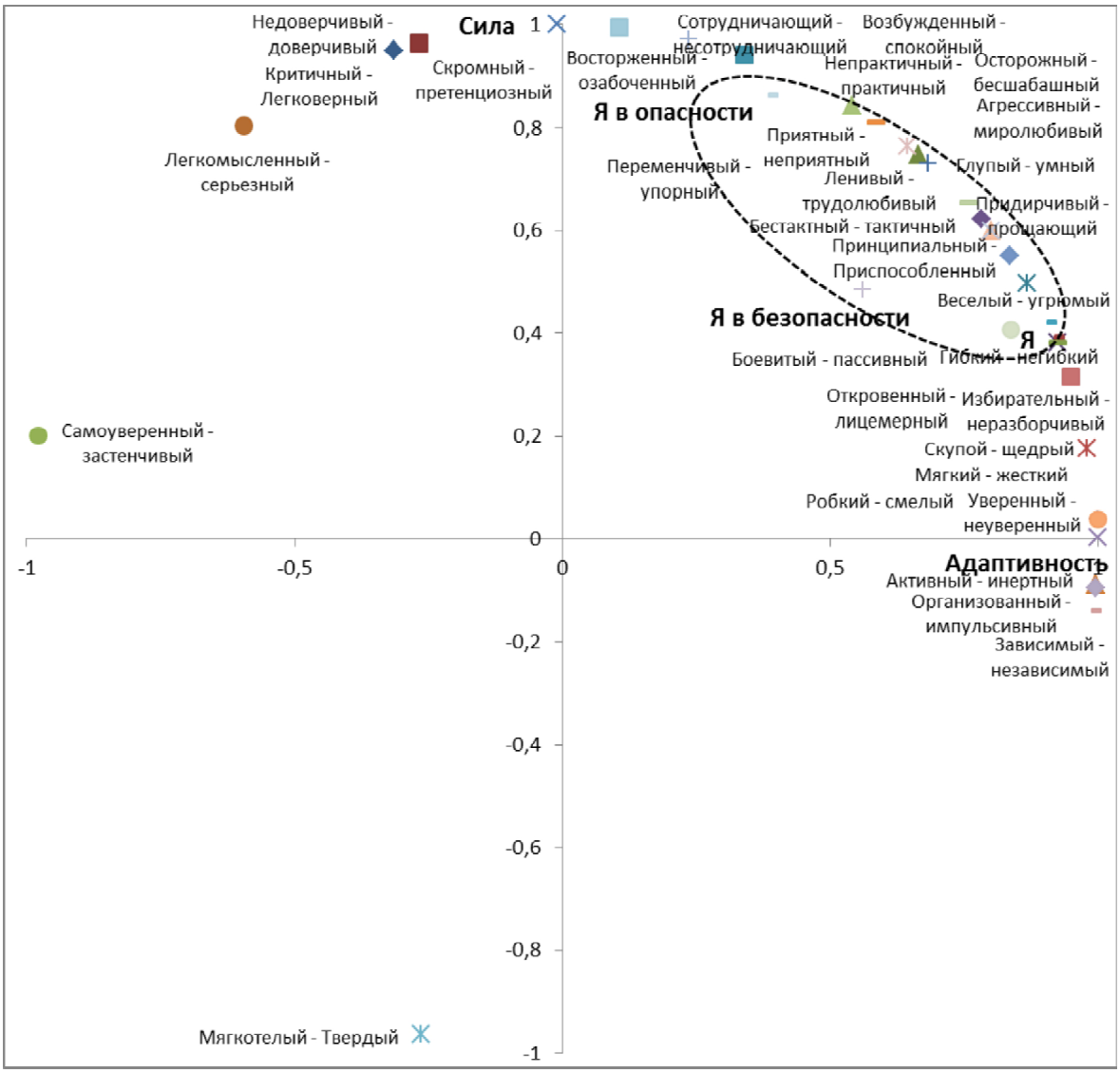


Рис. 3. Семантическое пространство восприятия респондентами 2 субгруппы образа «Я» в различных ситуациях социально-психологической безопасности

которые считают нормой.

Все три образа располагаются в зоне идеального мира. Респонденты 2 субгруппы не стремятся к полной безопасности и не избегают опасность. Допустив образ «Я в опасности» в свой идеальный мир, они стремятся преобразовывать опасность в безопасность, умеют преодолевать трудные жизненные ситуации, что свидетельствует об их психологической живучести и выживаемости в любой ситуации социально-психологической безопасности.

Таким образом, полученная в результате картина соответствует представлению о гармоничном и непротиворечивом мире, в котором безопасность соседствует с опасностью, где образ Я вне зависимости от ситуации критичный, серьезный, твердый и адаптивный.

Результаты, полученные на 3 субгруппе испытуемых, показали, что существует тесная корреляционная связь образа «Я – сейчас» и образа «Я в безопасности». На уровне $p<0.05$ обнаружена взаимосвязь образа «Я – сейчас» и «Я в опасности». Таким образом, воспринимая себя в безопасности, респонденты данной субгруппы предполагают наличие ситуативной опасности.

В результате факторно-аналитической

обработки результатов было выделено два значимых фактора, объясняющих соответственно 73,8 и 26,1 % общей дисперсии. Первый мощный биполярный фактор включал на одном из полюсов прилагательные: уверенный .99, восторженный .99, приятный .97, доверчивый .95, щедрый .92, веселый .87, миролюбивый .87, смелый .86, сотрудничающий .82, независимый .81. Противоположный полюс первого фактора включает следующие признаки: критичный –.99, легкомысленный –.97, непрактичный –.89, неразборчивый .87.

Смысл фактора составляет оценочный компонент и позволяет интерпретировать его как **«Самоконтроль»**. Его смысл в большей степени определяется независимостью, самостоятельностью, уверенностью в себе, ответственностью. По первому фактору наибольшую положительную нагрузку имеет образ «Я в безопасности». Следующим за образом «Я в безопасности» расположен образ «Я».

Второй фактор (26,1%) представлен такими характеристиками, как: тактичный .98, скромный .93, умный .83. Противоположный полюс составили шкалы: переменчивый –.98, возбужденный –.93, ленивый –.89. Содержание второго фактора можно проинтерпретировать как **«Тактичность»**, что говорит о готовности к сотрудничеству, внимательном отношении к людям, проницательности. Крайние позиции на отрицательном полюсе имеет образ «Я в опасности».

В семантическом пространстве заполнены прилагательными зоны, в которых располагаются образы «Я в безопасности» и «Я в опасности» (положительных и отрицательных объектов).

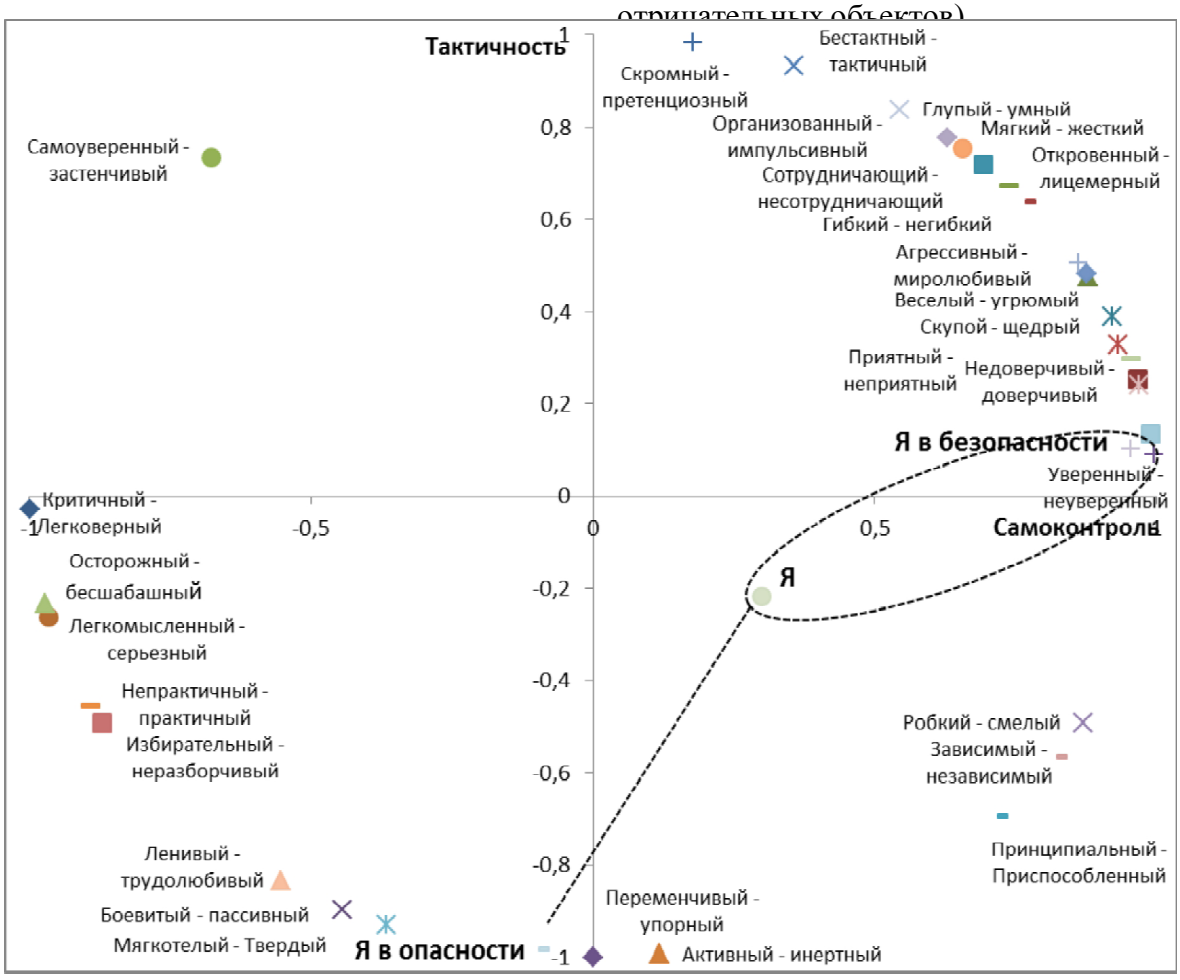


Рис. 4. Семантическое пространство восприятия респондентами 3 субгруппы образа «Я» в различных ситуациях социально-психологической безопасности

Как указывает Шмелев А. Г., большая часть личностных прилагательных в той или иной степени связаны с оценкой, имеющей отношение к уровню адаптированности личности. В прилагательных, заполняющих «идеальный мир», отражается знание о достоверной, надежной адаптивности, неявно прописаны правила поведения [1. С. 211].

Образ «Я в безопасности» расположен в семантической зоне, образованном факторами «Самоконтроль» и «Тактичность». Семантическая зона наполнена характеристиками, которые позволяют строить предсказуемый и определенный образ мира, обладающий большим количеством деталей.

В этом контексте образ «Я» в относительно пустой зоне семантического пространства, образованного положительным полюсом фактора «Самоконтроль» и отрицательным полюсом фактора «Тактичность». Тесная корреляционная связи образа «Я» и «Я в безопасности» свидетельствует об идентификации рассматриваемых образов, наличное «Я» субъектов 3 субгруппы испытуемых характеризует текущее состояние, которое они оценивают как безопасное. Однако, потенциальное «Я» субъектов тяготеет к опасности, в частности к субъективной неопределенности. Однако, страх перед трудными жизненными ситуациями побеждает влечение к опасностям.

Образ «Я в опасности» расположен в зоне антиидеалов, нарушает стабильность и представляет угрозу для сложившейся системы отношений. Однако, значимая корреляционная связь образов «Я» и «Я в опасности» может свидетельствовать о побудительной силе, об актуальности опасности для респондентов 3 субгруппы: «Я нахожусь в безопасности, но опасность для меня притягательна».

В результате корреляционного анализа 4 субгруппы испытуемых было выявлено, что существует тесная корреляционная связь образов «Я – сейчас» и «Я в опасности».

В результате факторно-аналитической обработки результатов выявилось два значимых фактора. Первый мощный фактор объясняет 71,5% общей дисперсии и включает в себя следующие прилагательные: миролюбивый прощающий восторженный .99, откровенный .99, раскрепощенный .98, скромный .98, смелый .98, доверчивый .97. Противоположный полюс первого фактора включает следующие признаки: легковерный –.91, переменчивый –.82. Содержание первого фактора позволяет интерпретировать его как **«Активность»**. На положительном полюсе с высокой положительной нагрузкой расположен образ «Я – сейчас». Высокие оценки свидетельствуют о невосприимчивости к угрозе, смелости, решительности, тяге к риску и новым ощущениям респондентов 4 субгруппы. Следующим за образом «Я – сейчас» расположен образ «Я в опасности».

Второй фактор (28,4%) представлен такими характеристиками, как: сотрудничающий .99, уверенный .98, спокойный .97, умный .83, практичный .81, щедрый .80. Противоположный полюс составили шкалы: зависимый –.95, приспособленный –.85, возбужденный –.83, легкомысленный –.79, пассивный .77. Содержание фактора можно проинтерпретировать как **«Независимый»**, что говорит о самостоятельности и ответственности, эмоциональной стабильности. Крайние позиции на положительном полюсе имеет образ «Я в безопасности».

Анализ семантического пространства показал, что зона идеального мира, состоящая из положительных полюсов факторов «Активность» и «Независимость» относительно пуста. Образы «Я» и «Я в опасности» расположены в зоне неустойчивости и потенциальной изменчивости, образованной положительным полюсом фактора «Активность» и отрицательным полюсом фактора «Независимость». Описание этих позиций в терминах фактора

«Активности» и «Независимости» свидетельствует о том, что данные испытуемые видят необходимость иметь широкие и интенсивные межличностные взаимодействия, они испытывают потребность во внешней стимуляции и «потребность радоваться жизни».

В данном случае опасность и притягательность существует в единстве. Определенная опасность для субъектов 4 субгруппы доминирует. Взаимодействие связано с риском, а само ощущение риска обладает притягательностью.

Образ «Я в безопасности» также расположен в конфликтной зоне, заданной отрицательным полюсом фактора «Активность» и положительным полюсом фактора «Независимость». Данный образ оценивается в целом как хороший, но пассивный и инертный. Выраженная отстраненность образа «Я в безопасности» от диады «Я» – «Я в опасности» говорит об уходе, избегании ситуаций безопасности, существовании собственных мотивов стремления к опасности (рис. 5).

Исходя из указанных особенностей восприятия социально-психологической безопасности в 4 субгруппах респондентов,

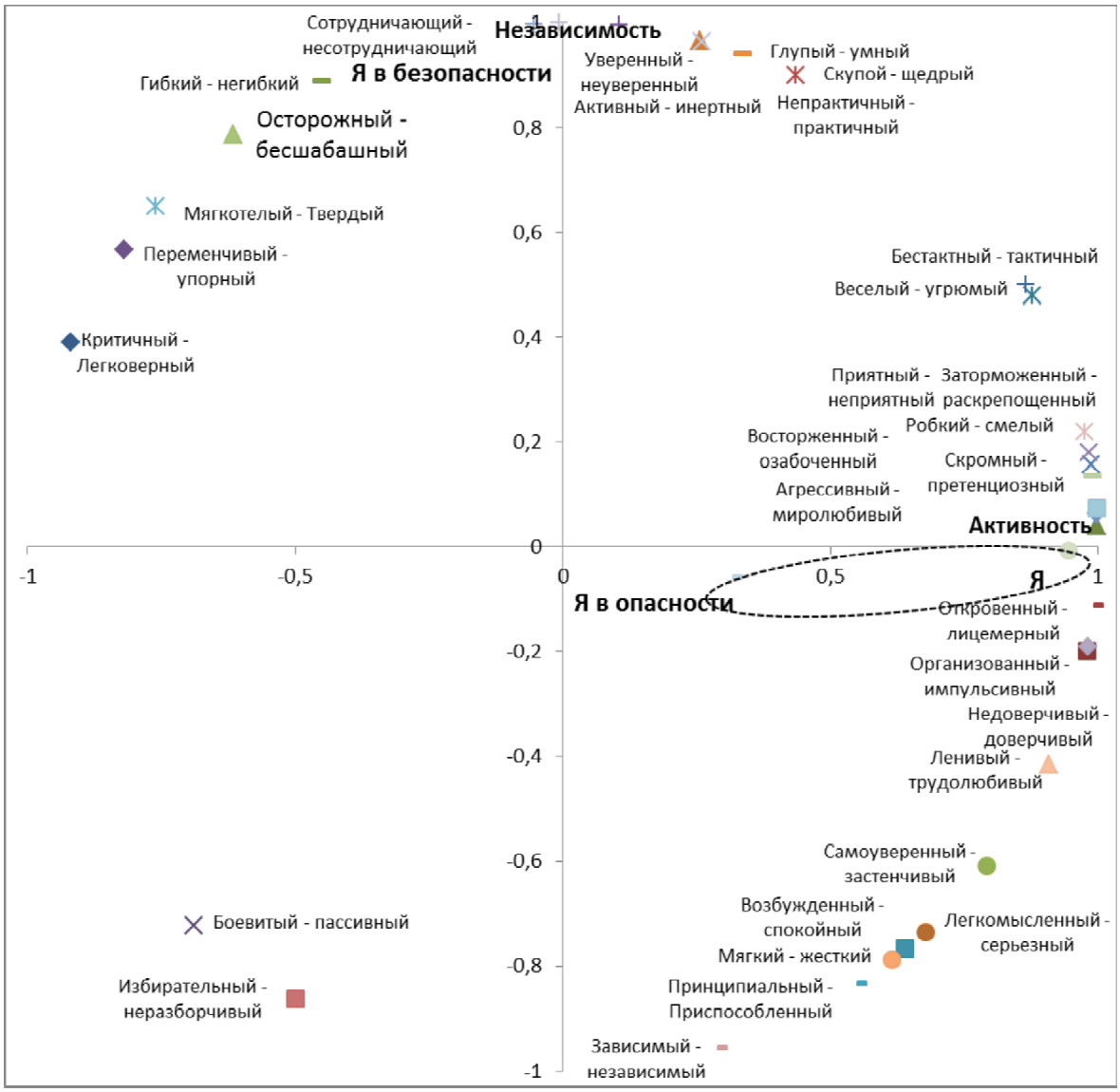


Рис. 5. Семантическое пространство восприятия респондентами 4 субгруппы образа «Я» в различных ситуациях социально-психологической безопасности

условно их можно назвать:

1. Властно-компенсаторный тип (1 субгруппа);
2. Приспосабливающийся тип (2 субгруппа);
3. Автономный тип (3 субгруппа);
4. Исследовательский тип (4 субгруппа).

Властно-компенсаторный тип характеризуется защитным поведением, которое позволяет создать, сохранить позитивный образ «Я», позитивное мнение человека о самом себе. Человек стремится «обезопасить» себя от реальных или кажущихся «негативных условий существования» (сохранить стабильность своего внутреннего эмоционального состояния за счет активного стремления к безопасности). Вероятно, он нуждается во внешних ограничениях, обеспечивающих ему чувство безопасности. В связи с чем в «образе» безопасного мира нет образа «Я», что свидетельствует об иллюзии безопасности, которая существует и в которую верит представитель властно-компенсаторного типа. Можно предположить существование некоего внутреннего содержания (смысла) понятия безопасности, которое, ограничивая социальную активность индивида, обеспечивает ему чувство безопасности.

Приспосабливающийся тип характеризуется стремлением совладать с информационной перегрузкой за счет перцептивной категоризации, в результате которой многообразие воздействующей информации классифицируется, упрощается и может привести как к более ясному пониманию оцениваемого, так и к потере значимой информации (апперцептивной слепоте) при сохранении стабильно высокой самооценки, постоянное воспроизведение которой является основным регулятором повседневного социального поведения. В образе «безопасного мира» склеены образы «Я», «Я в безопасности» и «Я в опасности», обусловливающую готовность к тревожным реакциям. Личностная тревожность обуславливает отсутствие чувства базисной безопасности, что расширяет круг индивидуально значимых стрессоров и снижает устойчивость к ним. В результате чего, каждая обыденная ситуация оборачивается стрессогенной, что препятствует ее эффективному преодолению.

Автономный тип – восприятие и оценка людьми самих себя на основе интерпретации значения собственных действий, восприятие любых ситуаций как потенциально возможных. Объективная оценка своих качеств дает возможность построения интегрированного поведения, что позволяет даже в условиях фрустрационной напряженности сохранить устойчивость избранной линии поведения, соразмерно учитывать собственные потребности и требования окружения, соотносить немедленные результаты и отставленные последствия тех или иных поступков. При хорошей интегрированности поведения энергия распределяется по различным направлениям поведения в соответствии с важностью реализуемых потребностей.

Исследовательский тип – стремление к новизне физического и социального окружения, к острым ощущениям, к риску, бегство от безопасности, готовность «терпеть» информационную неопределенность, стремление к осуществлению постоянной «пробы себя», которое выливается рискованные действия и стремление к опасности. Вместо прогнозируемой тревожности, зависимости и беспомощности, мы наблюдаем стремление к опасности, сознательный уход от безопасности, стремление к свободе и риску. Они явно стремятся к переменам и свободе, боятся всяких ограничений, традиций, закономерностей и порядка, Прошлое уже прошло и больше их не интересует. Оно имеет для них относительный интерес и несравнимо с красочным и живым настоящим; главным и важным для них является «сейчас», мгновение. Латинская поговорка «carpe diem» или ее немецкий экви-

валент «nutze die Gelegenheit» – «пользуйся случаем», быть может, больше всего для них подходит.

Таким образом, социально-психологическая безопасность представляет собой сложное структурированное психологическое образование, которое во многом зависит от особенностей восприятия собственной психологической защищенности, устойчивости, уверенности, которые испытывает (или не испытывает) субъект в сложившейся ситуации, т. е. от восприятия собственной субъективной реальности.

Резюмируя проведенное исследование, подчеркнем следующее. Социально-психологическая безопасность выступает содержательным направлением социального познания, условием социального познания, социально-психологическим форматом социального познания. Исследование социально-психологической безопасности расширяет и углубляет потенциал и парадигмы социального познания. Таким образом, социально-психологическая безопасность является психологическим образованием, которое зависит от особенностей восприятия собственной субъективной реальности. Создание типологии людей на основании взаимосвязи и взаимозависимости состояния социально-психологической безопасности и социального восприятия имеет прикладное значение, в связи с возможностью не только прогнозирования поведения людей, но и изменения социального восприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
2. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
3. Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Основы безопасности личности и общества. – М.: Издательство Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2010. – 290 с.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 371
ББК 74.00+74.58

педагогика

СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Кандидат педагогических наук А. В. Мамедова

В статье на основе анализа трудов ученых рассмотрены ключевые положения коммуникативной деятельности будущего специалиста. Проанализированы компоненты коммуникативной деятельности: перцептивный, собственно-коммуникативный, коммуникативно-операциональный. Коммуникативная деятельность представлена в качестве базы формирования коммуникативной компетентности будущего специалиста.

Ключевые слова
Коммуникативная компетентность, коммуникативная деятельность, перцептивные действия, управление общением, техника общения

Подготовка студентов – будущих специалистов к коммуникативной деятельности связана с развитием и формированием у них коммуникативной компетентности, т. е. способностью применять на практике коммуникативные знания, умения и навыки. По мнению В. Я. Пилиповского, коммуникативная компетентность проявляется, прежде всего, в «способности к речевому общению и умению слушать». Это подразумевает выработку умений задавать вопросы и четко формулировать ответ на них, внимательно слушать и активно обсуждать идеи, комментировать высказывания собеседников и давать им критическую оценку, аргументировать свое мнение в группе (в классе), адаптироваться к другим участникам общения [14].

Однако это только часть знаний, умений и навыков, необходимых для ведения коммуникативной деятельности.

Коммуникативная компетентность «предполагает ситуативную адаптивность и свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения» [6. С. 13], умение быстро и адекватно ориентироваться в многочисленных и разнообразных коммуникативных ситуациях, овладение эффективной техникой общения [12].

Коммуникативная компетентность предполагает также «осознание: а) собственных потребностей и ценностных ориентаций, техники личной работы; б) своих перцептивных умений; в) готовности воспринимать новое во внешней среде; г) своих возможностей в понимании норм и ценностей других социальных групп и культур; д) своих чувств и психологических состояний в связи с воздействием фак-

торов внешней среды и т. д.» [6].

Такая трактовка, как мы видим, напротив, расширяет понятие коммуникативной компетентности, тем самым, пытаясь «объять необъятное».

Некоторые психологи наряду с коммуникативной компетентностью выделяют отдельно «перцептивную» компетентность.

«Обсуждая вопрос о коммуникативной компетентности и эффективности коммуникации, нельзя обойти вниманием один из аспектов, а именно уровень социальной перцепции», «перцептивную компетентность» [4. С. 41].

Рядом психологов выделяется множество компонентов перцептивной компетентности – «наряду с точностью, это гибкость, объем, дифференцированность, избирательность, степень стереотипизации и т. п.», которые представлены как набор показателей развития «когнитивной структуры» [13]. Многие исследователи указывают на то, что повышение социально-перцептивной компетентности увеличивает эффективность лидерства, эффективность коммуникативной деятельности [8].

Проанализировав существующие на сегодняшний день точки зрения психологов, методистов на вопрос сущности коммуникативной компетентности, можно сделать следующий вывод. Так как и коммуникативная, и перцептивная компетентность формируются только в условиях коммуникативной деятельности, то целесообразней начать анализ вопроса развития коммуникативности в структуре коммуникативной деятельности с самой коммуникативной деятельности, в нашем исследовании, коммуникативной деятельности будущего специалиста. А разделение вопроса компетентности на коммуникативный аспект, перцептивный, лингвистический считаем не вполне оправданным, так как само подразделение является условным и каждая сторона коммуникативной деятельности не является самостоятельной.

В процессе профессиональной коммуникации у будущих специалистов проявляются, формируются, совершенствуются коммуникативные способности, складывается коммуникативный характер, который складывается из совокупности устойчивых доминантных свойств личности, проявляющихся в типичных для нее активности в коммуникативной деятельности и отношении к окружающему миру, другим людям и самому себе.

Однако если коммуникативный характер, формирующийся из свойств личности, представляет собой сложившийся тип, то коммуникативная компетентность, рассматриваемая нами как качество личности, подразумевает развивающийся процесс.

В Большой Советской Энциклопедии понятие «качество» определяется как «философская категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом» [1. С. 551]. Более точное определение понятия «качества» находим у В. И. Даля: «свойство или принадлежность, все, что составляет сущность лица или вещи. Количество означает счет, вес и меру, на вопрос сколько; качество, на вопрос какой: поясняет доброту, цвет и др.» [3. С. 99]. Таким образом, объединив два определения можно выделить понятие «качества», как совокупность всех свойств, в нашем случае личности, дающих ей определенность, отличающую ее от другой личности.

Отсюда, коммуникативная компетентность, как качество личности, складывается из совокупности коммуникативных свойств, т. е. свойств, способствующих проведению успешной коммуникативной деятельности.

Для уточнения всех компонентов этого сложного явления необходимо проанализировать составляющие компоненты коммуникативной деятельности будущего специалиста, а также место коммуникативной деятельности в структурном анализе личности будущего специалиста.

В социально-психологической и педа-

гогической литературе еще не сложилось единого и общепринятого понимания структуры личности. Рассматривая проблемы профессионального воспитания учащихся вузов, исходя из концепции личности, разработанной психологом К. К. Платоновым, в структуре личности находят отражение общие, особенные, и единичные свойства. К общим К. К. Платонов относит идейные, нравственные, правовые, эстетические и другие свойства, образующие основу индивидуального сознания личности. К особенным – качества, связанные с индивидуальным опытом и профессиональной деятельностью – теоретическая и методическая подготовленность по предмету, психологическая грамотность, специальные профессиональные умения и способности как свойства личности: познавательные, конструктивные, коммуникативные, информационные, организаторские. К единичным или, называя их еще, как индивидуально-неповторимые свойства – индивидуальные особенности психических процессов, особенности типа высшей нервной деятельности и темперамента, физические данные [15].

В отличие от принятого в психологии понимания деятельности как многоуровневой системы, компонентами которой является цель, мотивы, действия и результат, применительно к педагогической деятельности преобладает подход выделения ее компонентов как относительно самостоятельных функциональных видов деятельности педагога. Так, например, Н. В. Кузьмина выделила в структуре педагогической деятельности три взаимосвязанных компонента: конструктивный, организаторский и коммуникативный [9].

Конструктивная деятельность, в свою очередь, распадается на конструктивно-содержательную (отбор и композиция учебного материала, планирование и построение педагогического процесса), конструктивно-оперативную (планирование своих действий и действий учащихся) и конструктивно-материальную (проектирование учебно-материальной базы педагогического процесса).

Организаторская деятельность предполагает выполнение системы действий, направленных на включение учащихся в различные виды деятельности, создание коллектива и организацию совместной деятельности.

Коммуникативная деятельность направлена на установление педагогически целесообразных отношений педагога с воспитанниками, другими педагогами школы, представителями общественности, родителями.

А. И. Щербаков относит к перечисленным компонентам структуры педагогической деятельности и исследовательский компонент, что в свою очередь требует от учителя научного подхода к своей профессиональной деятельности [18].

В. А. Сластенин выделяет также и контрольно-оценочный (рефлексивный) компонент в структуре профессиональной деятельности, необходимый для получения информации о соответствии полученных результатов планировавшимся задачам, наличие постоянной обратной связи, что обеспечивает эффективность процесса общения [16. С. 32].

Модель личности педагога полно и четко представлена Л. К. Гребенкиной, которая рассматривает личность педагога (с объективным самовосприятием, позитивной Я-концепцией, способной к самовоспитанию, самообразованию, саморазвитию, адекватному взаимодействию с социумом) с 4-х сторон, с точки зрения профессионализма, компетентности, продуктивности и личностных качеств [2. С. 7]. Искусство общения, коммуникативность, культура речи – относятся к личностным качествам педагога, хотя можно в полной мере утверждать, что от них зависит и профессионализм, и компетентность, и продуктивность.

Мы также рассматриваем содержание коммуникативной функции, как одного из

самостоятельных компонентов деятельности педагога, через взаимосвязанные ее структуры: перцептивная – проникновение во внутренний мир человека; собственно-коммуникативная – направленная на установление педагогически целесообразных отношений; коммуникативно-операциональная – активное использование средств педагогической техники [16. С. 31]. Для успешного осуществления всех этих компонентов необходимы соответствующие способности, проявляющиеся в умениях, которые в свою очередь являются знаниями в действиях. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть структуру коммуникативной деятельности, в соответствии с умениями, необходимыми для осуществления каждой функции, на определенных этапах.

А. А. Бодалев, раскрывая проблему восприятия человека человеком, относит к перцептивным такие умения, которые необходимы на начальном этапе коммуникативной деятельности, этап, который К. С. Станиславский назвал «зондированием» особенностей другого субъекта общения, его расположенности к общению. К начальному этапу общения С. Б. Елканов также относит: а) восприятие и понимание другого человека – ценностных ориентаций другого, то есть его идеалы, потребности, интересы, уровень притязаний; б) умение самовыражаться, «подавать себя», для этого необходимы знания имеющихся у человека представлений о себе, что нравится в самом себе, что он приписывает себе, против чего возражает [5. С. 24].

Довольно подробно и полно представлена совокупность перцептивных умений В. А. Сластениным, И. Ф. Исаевым, А. И. Мищенко, Е. Н. Шияновым следующим взаимосвязанным рядом: умения воспринимать и адекватно интерпретировать информацию о сигналах от партнера по общению, получаемых в ходе совместной деятельности; умения проникать в личностную суть других людей; устанавливать индивидуальное своеобразие человека; определять внутренний мир человека на основе быстрой оценки внешних характеристик; умения определять тип личности и темперамент человека, его состояние, причастность к тем или иным событиям; умение находить признаки в действиях другого человека, сходные или отличающие его от других и от самого себя в других обстоятельствах; умение видеть главное в другом человеке, противостоять стереотипам восприятия другого человека [16. С. 51].

Итак, процесс «включения» перцептивных умений определяет успешность общения на всех этапах, а, следовательно, и успешность всей коммуникативной деятельности.

Второй компонент коммуникативной функции деятельности – собственно-коммуникативной, который связан непосредственно с самим процессом общения, считаем целесообразным рассмотреть в связи с этапами общения.

В. А. Кан-Калик, автор работ по технологии педагогического общения, выделил четыре этапа собственно педагогическогообщения [8. С. 88]. Первый – прогностический этап: моделирование предстоящего общения с аудиторией в процессе подготовки к непосредственной деятельности. Второй – начальный период общения: организация непосредственного общения с аудиторией в момент изначального взаимодействия с ними. Третий этап: управление общением в развивающемся педагогическом процессе. Четвертый этап: анализ осуществленной системы общения и моделирование системы общения на предстоящую деятельность, нового общения.

Для каждого этапа характерны определенные умения общения, которые и обеспечивают успешное протекание собственно коммуникативной деятельности.

Так, на первом – прогностическом этапе – необходимо опираться на свою память, для восстановления предыдущего общения, помнить индивидуальные осо-

бенности своих собеседников. А также развивать в себе такое качество, как воображение для того, чтобы уметь идентифицировать себя с предстоящим собеседником, заранее предвидеть возможную атмосферу проведения коммуникативного акта, ощутить уровень предстоящих взаимоотношений и перспективу развития их. Этап моделирования завершается построением общенческой партитуры – подбором необходимого иллюстративного материала [16. С. 51]. В. А. Кан-Калик предлагает составить коммуникативный конспект, в котором каждой педагогической задаче соответствует задача коммуникативная («коммуникативная задача есть та же педагогическая задача, но переведенная на язык коммуникации» [7]) и определенный способ ее решения для того, чтобы сформировать у преподавателя определенную установку на конкретные формы взаимодействия.

На втором этапе – в начальной стадии непосредственного общения – преподаватель осуществляет коммуникативную атаку, при которой завоевывает инициативу в общении и коммуникативное преимущество, необходимое для управления общением. Одним из важных умений на этом этапе общения это умение устанавливать психологический контакт с аудиторией, уметь почувствовать общее настроение учащихся, создать обстановку коллективной творческой деятельности [8. С. 89].

Все перечисленные выше умения, необходимые при организации непосредственного общения, обеспечивают успешность проведения третьего этапа общения – управления общением в развивающемся педагогическом процессе.

В. А. Сластенин отмечает следующие умения необходимые для осуществления этого этапа: умение органично и последовательно действовать в публичной обстановке; умение организовывать совместную творческую деятельность; умение поддерживать общение введением беседы, риторических вопросов и т. д.; умение распределять и поддерживать внимание; умение выбирать наиболее подходящий способ поведения и обращения к учащимся; умение анализировать поступки, поведение учащихся; умение создавать опыт эмоциональных переживаний учащихся, обеспечивать атмосферу благополучия. А также умения, необходимые для установления обратной связи в процессе общения: умение по поведению общающихся, по внешним проявлениям улавливать настрой класса; умение чувствовать изменения в эмоциональных состояниях партнеров по общению; умение замечать выключение партнеров по общению из общей деятельности.

Стадия обратной связи непосредственно связана с заключительным этапом в процессе коммуникативной деятельности – этап анализа хода и результатов осуществленной технологии профессионального общения. Этап, на котором диагностируются и корректируются результаты осуществленного профессионального общения, для моделирования в предстоящей деятельности.

Умения, необходимые для реализации собственно-коммуникативного компонента, имеют одно из главных значений для обеспечения эффективности формирования коммуникативной компетентности. Вместе с тем, нельзя не принимать во внимание важность третьего компонента – коммуникативно-операциональную деятельность, представляющую собой активное использование средств техники общения.

В настоящее время в работах отечественных ученых нет единого мнения в определении, как сущности техники общения, так и ее средств. Техника общения рассматривается либо как составная часть профессионального мастерства (С. П. Баранов, А. Я. Визгерт, И. А. Малафеев), либо как средство организации процесса (Г. И. Баланюк, В. М. Коротов, З. М. Шилина). Н. Е. Щуркова в структуру педагогической техники включает: навыки рече-

вые, мимические и пантомимические, соединяющие пластику и мимику педагога [19. С. 136]. А наиболее значимыми «техническими умениями» называет воображение, восприятие, распределенное внимание, самообладание, артистизм [19. С. 17].

И. А. Зязюн рассматривает структуру техники общения как умение управлять собой – это владение своим телом, эмоциональным состоянием, техникой речи; и умение взаимодействовать в процессе решения профессиональных задач – это дидактические организаторские умения, владение техникой контактного взаимодействия [11. С. 79].

Болгарский ученый Г. К. Лозанов в коммуникативной технике, к которой относит – голос, интонацию, дикцию, ритм, мимику, выражение глаз, жесты, походку и др., использует элементы суггестологии и суггестопедии, т. е. использует их в качестве элементов внушения [10. С. 6].

Структура профессиональной техники общения более полно представлена учеными рязанской школы Л. К. Гребенкиной, О. Ф. Цирульниковой тремя группами компонентов [17]. Первая группа включает в себя умения управлять собой, к которой относятся: такие способности как внимание, наблюдательность, воображение; а также умения управлять своими эмоциями, настроением; владение телом (целесообразность и выразительность мимики и жестов); владение техникой речи (дыхание, постановка голоса, дикция, орфоэпия, логичность и выразительность речи). Ко второй группе авторы относят – умения управлять другими, т. е. компоненты профессиональной коммуникативной техники, связанные с умением воздействовать на личность и коллектив, необходимые при организации профессиональной деятельности, при организации коллективной творческой деятельности, при общении, при организации режимных моментов, при контроле дисциплины, при предъявлении требований. К третьей – умения сотрудничать, т. е. уметь познать личность, разобраться в ней, правильно воспринять личность партнера по общению, правильно понять, уметь подать информацию, уметь влиять на партнера по общению, управлять его инициативой, уметь взаимодействовать.

Таким образом, рассмотрев компоненты коммуникативной деятельности, можно дать еще одно определение коммуникативной компетентности как ценностного качества личности будущего специалиста, образующими компонентами которого выступают три группы свойств: 1) свойства, необходимые для проведения перцептивной деятельности; 2) свойства, способствующие проведению собственно коммуникативной деятельности; 3)свойства, необходимые для проведения коммуникативно-операциональной деятельности (рис. 1).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Т. 11. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 608 с.

2. Гребенкина Л. К., Анциперова Н. С. На каждый день: Технология управленческой деятельности заместителя директора школы: Учебно-методическое пособие. – Рязань: РГПУ, 1998. –136 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1998. – 779 с.

4. Джерелиевская М. А. Установки коммуникативного поведения: диагностика и прогноз в конкретных ситуациях. – М.: Смысл, 2000. – 191 с.

5. Елканов С. Б. Профессиональное самовоспитание учителя: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1986. – 143 с.

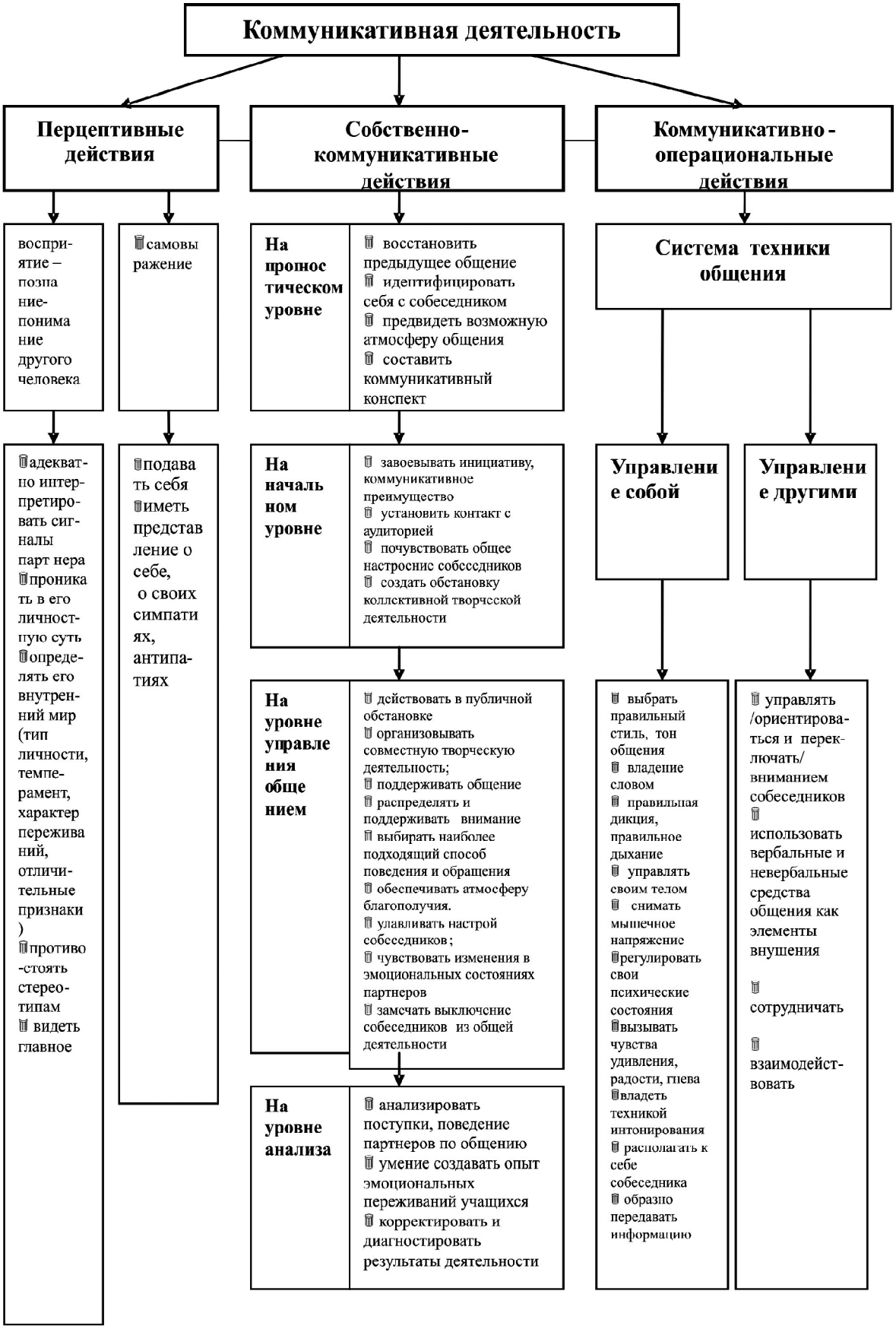


Рисунок 1. Компоненты коммуникативной деятельности

6. Иванова В. И. Формирование культуры делового общения будущих инженеров: Автореф. … дис. канд. пед. наук. – Брянск, 1998. – 19 с.

7. Кан-Калик В. А. Учителю о педагогическом общении: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1987. – 190 с.

8. Кан-Калик В. А., Никандров Н. Д. Педагогическое творчество. – М.: Педагогика, 1990. – 144 с.

9. Кузьмина Н. В. Основы вузовской педагогики. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1972. – 312 с.

10. Лозанов Г. К. Суггестология и суггестопедия: Автореф. … дис. д-ра мед. наук. – София, 1970. – 344 с.

11. Основы педагогического мастерства / Под ред. И. А. Зязюна, И. Ф. Кривонос, Н. Н. Тарасевич и др. – М.: Просвещение, 1989. – 302 с.

12. Петровская Л. А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 216 с.

13. Петровская Л. А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 168 с.

14. Пилиповский В. Я. Критика современных буржуазных теорий формирования личности. – М.: Педагогика, 1985. – 159 с.

15. Платонов К. К. Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986. – 254 с.

16. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И., Шиянов Е. Н. Педагогика. – М.: Школа-Пресс, 1997. – 512 с.

17. Цирульникова О. Ф. Педагогическая техника как основа педагогического мастерства будущего учителя // Инновационные подходы в учебно-воспитательном процессе вуза и школы: Тезисы докладов научно-практич. конф. 28-29 октября 1996 года. – Рязань: РГПУ, 1996. – 176 с.

18. Щербаков А. И. Психологические основы формирования личности советского учителя в системе высшего педагогического образования. – Л.: Просвещение, 1967. – 266 с.

19. Щуркова Н. Е., Питюков В. Ю., Савченко А. П., Осипова Е. А. Новые технологии воспитательного процесса. – М.: Научно-Методическое объединение «Творческая педагогика», Малое предприятие «Новая школа», 1993. – 112 с.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 374.02
ББК 74.00+74.200.585.0

педагогика

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ КОСМОСА КАК ИННОВАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кандидат технических наук А. К. Муртазов

Рассмотрены дидактические принципы, лежащие в основе современной инновациионной системы интегрированного дополнительного образования детей в области экологии космоса.

Ключевые слова
Дополнительное образование детей, инновации в образовании, экология космоса

Цивилизация в современных условиях глобального экологического кризиса, пытаясь снизить последствия этого кризиса, расширяет свою экологическую нишу в околоземное космическое пространство. Таким образом, экология космического пространства, то есть наука о процессах в космосе, взаимодействии процессов в космосе с биосферой, становится в третьем тысячелетии одной из наук, определяющих будущее развитие техногенной цивилизации.

Работа с детьми в области экологии космоса начата нами в начале XXI столетия. После издания автором монографии «Экология околоземного космического пространства» (2004) были сформулированы цели и задачи дисциплины, разработана программа «экология космоса» как отдельного курса в системе интегрированного с научными исследованиями дополнительного образования детей. Этот курс связан с научно-исследовательской работой астрономической обсерватории Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина и базируется на учебном пособии «Физические основы экологии околоземного пространства» для студентов-экологов университетов (2008).

В настоящей работе рассмотрены дидактические принципы дополнительного образования детей, которые служат базовой основой педагогической составляющей этой системы образования.

Дополнительное образование детей – составная (вариативная) часть общего образования, сущностно-мотивированное образование, позволяющее обучающемуся приобрести устойчивую потребность в познании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределиться профессионально и личностно. Многими исследователями дополнительное образование детей понимается как целенаправленный процесс воспитания и обучения посредством реализации дополнительных

образовательных программ.

Вообще, содержание образования, в том числе и дополнительного, должно обеспечивать адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры общества; формировать у детей адекватную современному уровню знаний и уровню образовательной программы картину мира (а в нашем случае, именно естественнонаучную картину мира); интегрировать личность в национальную и мировую культуру и т. д.

Экологическое воспитание детей на базе естественнонаучных знаний приобретает в таком случае весьма важное значение.

С этой точки зрения интегрированное с научными исследованиями дополнительное образование детей предоставляет им наиболее широкие возможности самореализации и т. д.

Теоретические и методологические основы дополнительного образования, одно из направлений которого (интегрированное с научными исследованиями) реализовано автором, базируются на целом ряде исследований:

– принципы гуманизации образования (М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, Ю. П. Ветров, И. В. Дубровина, И. А. Зимняя, Н. Д. Никандров, И. Н. Семенов, И. С. Якиманская и др.);

– теория системного подхода (В. Г. Афанасьев, В. П. Беспалько, В. С. Ильин, Ю. П. Сокольников, Э. Г. Юдин и др.);

– обшая теория систем и системного анализа (В. П. Беспалько, И. В. Блауберг, В. В. Краевский, И. Я. Лернер, Н. В. Кузьмина, Ф. Кумбс, О. В. Купцов, И. П. Подласый, В. А. Сластенин, А. И. Субетто, М. И. Шилова, Э. Г. Юдин и др.);

– положения и принципы системного подхода и системного анализа в социально-педагогических явлениях (В. Г. Афанасьев, И. В. Блауберг, Ю. К. Бабанский, С. Т. Рубинштейн, В. П. Симонов, А. А. Смирнов, Э. Г. Юдин и др.);

– теория моделирования (С. И. Архангельский, В. Г. Афанасьев, Б. С. Гершунский, Б. С. Дынин, В. И. Загвязинский, Н. В. Кузьмина, В. А. Сластенин, Н. Ф. Талызина, И. К. Шалаев и др.);

– теория проектирования педагогических систем (В. П. Беспалько, И. В. Бестужев-Лада, Б. С. Гершунский, Г. Л. Ильин, Л. В. Ишкова, Н. В. Кузьмина, Т. И. Шамова);

– теория управления образованием (И. В. Блауберг, Ю. А. Конаржевский, В. П. Кузьмин, В. И. Свидерский, И. К. Шалаев, Т. И. Шамова и др.);

– концепция управления педагогическими системами (Н. П. Капустин, А. М. Моисеев, М. М. Поташник, Н. А. Селезнева, А. И. Субетто, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова и др.);

– теория внешкольного воспитания (П. П. Блонский, В. А. Зеленко, Е. А. Звягинцев, Н. Н. Иорданский, М. В. Крупенина, К. И. Львов, Е. Н. Медынский и др.);

– современные концепции дополнительного образования (В. Г. Бочарова, Е. Б. Евладова, Л. Г. Логинова, Н. Н. Михайлова, Л. Е. Никитина, Е. А. Филиппова, А. Б. Фомина и др.).

В качестве общих методологических и теоретических основ дополнительного образования детей выступают (*Кукар, 2010; Морозова, 2003; Никотина, 2010* и др.):

– теория целостного педагогического процесса (В. И. Андреев, Е. В. Бондаревская, В. А. Сластенин и др.);

– теоретико-методологические аспекты социально-педагогического проектирования (В. И. Загвязинский, М. Д. Горячев, О. Е. Лебедев, М. М.Левина, М. М. Поташник и др.);

– основные положения современной философии и методологии образования (Б. С. Гершунский, Г. Л. Ильин, В. П. Казначеев, В. В. Краевский, Б. Т. Лихачев, В. Д. Шадриков и др.);

– положения и теории непрерывного образования (В. П. Беспалько, В. Г. ВершловскиЙ, А. А. Вербицкий, Р. Даве, О. В. Купцов, В. Г. Онушкин, В. Д. Путилин);

– концепция развивающего обучения (В. В. Давыдов, Л. В. Занков и др.);

– концепция развития исследовательской деятельности учащихся (Н. Г. Алексеев, А. В. Леонтович, А. С. Обухов, Л. Ф. Фомина; У.Ю. Кукар)

– концепция личностно-деятельностного подхода (И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев и др.),

– концепция личностно-ориентированного подхода (Е. В. Бондаревская, В. В. Сериков, Ц. С. Якиманская и др.);

– идеи гуманизации и гуманитаризации образования и современные концепции гуманизации образования (Ш. А. Амонашвили, М. Н. Берулава, Е. В. Бондаревская, А. В. Гаврилин, О. С. Газман, И. А. Зимняя, В. А. Караковский, В. М. Коротов, Л. И. Новикова, В. Т. Лисовский, В. Д. Никандров, В. Д. Путилин, Н. Л. Селиванова, В. А. Сластенин, В. И. Слободчиков, С. А. Смирнов);

– методология и теория дополнительного образования (В. И. Андреев, Э. М. Никитин, Н. В. Силкина, А. В. Скачков, М. О. Чеков и др.);

– теория и практика дополнительного образования детей (А. К. Бруднов, В. А. Березина, Е. Б. Баталова, М. Б. Коваль, Н. И. Корякина, О. Е. Лебедев, Л. Г. Логинова, В. Р. Магомедов, Н. И. Мерлина, Н. Н. Михайлова, Л. П. Овчинникова, О. А. Осипенко, Н. В. Силкина, М. О. Чеков, Е. Е. Чепурных, А. И. Щетинская и др.);

– теория дополнительного профессионального образования (С. Я. Батышев, В. В. Безлепкин, Г. А. Вержицкий, Г. Л. Ильин, Э. М. Никитин, П. В. Худомипский, Т. И. Шамова);

– теория дополнительного образования взрослых (Н. И. Булаев, С. И. Змеев, И. В. Калиш, А. М. Митина);

– теория и практика повышения квалификации педагогов дополнительного образования (Г. А. Вержицкий, Л. Ф. Вязникова, Л. Ф. Горбачева, А. Т. Казакова, А. Лобейко, Э. М. Никитин, С. Ф. Хлебунова, В. Е. Фрадкин, Д. Е. Яковлев, Т. В. Яловец и др.);

– подготовка учителей дополнительного образования (М. А. Валеева, Л. Д. Мариничева, С. В. Обоева, С. Б. Серякова и др.);

– проблемы социализации молодежи в муниципальной системе дополнительного образования (Н. К. Беспятова, Е. А. Леванова, В. В. Макашова, Е. Б. Штейнберг и др.).

Системный анализ (*Морозова, 2003*) историко-педагогической, педагогической литературы по проблемам формирования современной системы образования в мире и в России, роли дополнительных знаний, использования разнообразных методов и форм в процессе образования человека (А. Г. Асмолов, В. А. Березина, А. К. Бруднов, А. А. Вербицкий, О. С. Газман, В. А. Горский, Е. Е. Евладова, И. А. Зимняя, Ю. С. Константинов, Е. А. Леванова, Л. М. Логинова, Ю. А. Лобейко, Н. И. Мерлина, А. Ф. Малышевский, В. Д. Путилин, В. И. Слободчиков, А. И. Субетто, М. О. Чеков, А. И. Щстинская, Е. А. Ямбург и др.) показал всесторонность и объемность исследований дополнительного образования.

В этих исследованиях определены:

– его общая структура (О. В. Купцов, В. А. Горский, и др.);

– его функции (Л. Г. Логинова, М. О. Чеков и др.); формы и методы (Л. Г. Логинова, И. И. Фомина и др.);

– роль в развитии человека (А. Г. Асмолов, А. К. Бруднов, В. А. Березина, В. И. Панов и др.);

– теория и практика подготовки педагогов дополнительного образования (Н. Н.Андрианова, Л. И. Боровиков, М. А. Ватеева, Г. И. Воробьева, Л. Г. Диханова, Т. Н. Руднева, А. И. Щетинская и др.);

– повышение квалификации педагогов дополнительного образования (И. В. Калиш, Э. М. Никитин, Д. Е. Яковлев и др).

Дополнительное образование реализует принципы:

дополнительности, заключающийся в предоставлении человеку возможности

расширения получаемого образования, удовлетворения личностных образовательных потребностей, его поступательного движения в образовательном пространстве;

взаимообусловленности, заключающийся во взаимном влиянии основного и дополнительного образования, где каждое из них обусловливает качество продвижения человека в освоении знаний и формировании умений как в одной, так и в другой форме образования;

сопряженности, заключающийся в соотнесении дополнительных программ с возрастными особенностями включенного в основное образование человека;

непрерывности, заключающийся в непрерывном личностном росте от дошкольника до взрослого человека по траекториям развития н совершенствования.

В силу этого дополнительное образование может рассматриваться как комплементарная часть системы российского образования, реализующая общую цель – развитие личности обучающегося специфическими целями, учреждениями, формами, методами, средствами, обеспечением, содержанием, педагогическими кадрами.

Развитие дополнительного образования детей предполагает решение следующих задач:

– изучение интересов и потребностей обучающихся в дополнительном образовании детей; определение содержания дополнительного образования детей, его форм и методов работы с обучающимися с учетом их возраста;

– формирование условий для создания единого образовательного пространства;

– расширение видов творческой деятельности в системе дополнительного образования детей для наиболее полного удовлетворения их интересов и потребностей в объединениях по интересам;

– создание условий для привлечения к занятиям в системе дополнительного образования детей большего числа обучающихся среднего и старшего возраста;

– создание максимальных условий для освоения учащимися духовных и культурных ценностей,

– воспитания уважения к истории и культуре своего и других народов; обращение к личностным проблемам.

Человек, включенный в систему дополнительного образования, становится более конкурентоспособным, мобильным, ориентированным на свободный выбор форм своей деятельности.

На рубеже 70-х-80-х годов прошлого века была разработана многоуровневая теоретическая модель формирования содержания образования, объединившая различные процессы и аспекты его разработки в одно целое. Авторы модели – В. В. Краевский и И. Я. Лернер. При её построении первые три уровня ввёл В. В. Краевский, четвёртый и пятый уровни обосновал и присоединил к первым трём И. Я. Лернер. Пятиуровневая модель обладает иерархической структурой и вместе с наполнением каждого уровня адекватным ему содержанием имеет следующий вид.

1.Уровень общетеоретического представления, на котором содержание выступает в виде обобщённого представления о содержании передаваемого подрастающим поколениям социального опыта в его педагогической интерпретации. 2. Уровень учебного предмета, где развёрнуто представление об определённой части содержания, несущей специфические функции в общем образовании. 3. Уровень учебного материала, где даны конкретные, подлежащие усвоению учащимися, фиксированные в учебниках, учебных пособиях, сборниках задач и т. п. элементы состава содержания (знания, способы деятельности), входящие в курс обучения определённому учебному предмету. 4. Уровень педагогической действительности, где проектируемое содержание образования становится содержанием совместной деятельности преподавания и учения. 5. Уровень, где проектируемое содержание

становится достоянием каждого отдельно взятого ученика, частью структуры его личности (*Краевский, Лернер, 1980*).

Первые три уровня составляют содержание образования, проектируемое и ещё не реализованное в действительности, существующее как заданная норма, как то, что необходимо материализовать в процессе обучения, на четвёртом и пятом уровнях. На последних двух уровнях содержание реализуется в деятельности обучения и деятельности по усвоению содержания образования.

По нашему мнению, содержание дополнительного интегрированного образования можно свести к общедидактической концепции содержания образования (*В. В. Краевский, 1985*), состоящей из 4-х структурных компонентов: *опыта познавательной деятельности*, фиксированной в форме способов ее осуществления – знаний; *опыта репродуктивной деятельности*, фиксированной в форме способов ее осуществления – умений и навыков; *опыта творческой деятельности* – в форме проблемных ситуаций; *опыта эмоционально-ценностных отношений*.

Можно отметить близость (тождественность) этой концепции общефилософской концепции теории познания: от простого созерцания к обобщению, к абстрактному мышлению. Ее структура близка к структуре концепции любого научного исследования, что и позволяет решать задачи в нашей системе интегрированного с наукой дополнительного образования (*Муртазов, 2010*).

Вместе с тем, существует ряд дополнений и усовершенствований этой содержания этой концепции.

Система дополнительного образования, разрабатываемая Н. А. Морозовой (2003) на основе системно-уровневого и системно-функционального подходов, представлена целостной шестиуровневой системой, системообразующим элементом которой является целеполагание как развитие, личностное и профессиональное самосовершенствование человека. Само целеполагание определено как инвариантное для целостной системы дополнительного образования и специфически вариативное для каждого ее уровня.

Это представление обеспечено вертикально-горизонтальной структурой, где вертикальное строение – от дошкольного до последипломного – является основой непрерывности самообразования и дополнительного образования, а горизонтальное – обеспечивает объем и полноту восполняемых самим обучающимся знаний и формируемых умений. Вертикаль структуры дополнительного образования основана на надстраивании верхних уровней над нижележащими и преемственности между ними, тогда как горизонталь структуры основана на пристраивании и подстраивании содержания, форм, методов дополнительного образования как к потребностям обучающихся, так и к содержанию основного образования, что нашло отражение в проектной модели дополнительного образования.

В системе, предлагаемой в работе (*Уман, 2007*), шесть уровней обеспечиваются введением нового уровня, отражающим проектную деятельность учителя (между третьим и четвёртым у В. В. Краевского и И. Я. Лернера), и акцентируют внимание исследователей на той научной проблематике, которая до поры – до времени была как бы в тени и не имела существенного значения для практики.

Универсальными системообразующими компонентами системы дополнительного образования являются: цели дополнительного образования; субъекты процесса дополнительного образования; содержание дополнительного образования; система учреждений дополнительного образования.

К дополнительным образовательным программам относятся те программы различной направленности, которые реализуются:

• в общеобразовательных учреждени-

ях и учреждениях профессионального образования, находящихся за пределами основных образовательных программ;

• в учреждениях дополнительного образования, имеющих соответствующие лицензии;

• посредством индивидуальной педагогической деятельности.

Дополнительное образование детей как педагогическое явление обладает целым рядом преимуществ по сравнению с основным.

1. Быстрое реагирование на изменение спроса в образовательных услугах, удовлетворение потребностей общества, родителей и детей.

2. Гибкий (творческий) подход к формированию содержания образования. В соответствии с Законом РФ «Об образовании» дополнительное образование детей не является действующим в рамках стандартов, оно разнонаправлено и определятся лишь интересами ребенка, его потребностями.

3. Глубокая реализация уровневой и профильной дифференциации содержания образования.

4. Глубокая реализация индивидуального похода в обучении. В группах 10-12 учащихся – это позволяет персонифицировать темпы и объемы усвоения программ дополнительного образования.

5. Глубокая реализация деятельностного подхода в обучении. Основное содержание дополнительного образования детей – практико-ориентированное: ребенок действует в ситуации поиска, получает знания из взаимодействия с объектами труда, природы, с культурными памятниками и т. д. Целью обучения при таком подходе является не вооружение детей конкретными знаниями, не их накопление, а формирование умения использовать эти знания.

6. Возможность организации психологического сопровождения в развитии личности ребенка. Психологическая помощь ребенку в процессе социализации обеспечивает гармонизацию отношений ребенка и общества.

7. Возможность допрофессиональной и профессиональной подготовки детей. По данным специалистов, более 60% детей не имеют ярко выраженных склонностей, интересов к профессиональной деятельности. Только раскрыв свои потенциальные способности и попробовав реализовать их еще в школьные годы, выпускник будет лучше подготовлен к реальной жизни в обществе, научится добиваться поставленной цели, выбирая цивилизованные, нравственные средства ее достижения.

8. Возможность обучения, допрофессиональной и профессиональной подготовки детей с ограниченными возможностями.

9. Возможность свободного выбора ребенком видов и сфер деятельности. Получение ребенком такой возможности означает его включение в занятия по интересам, создание условий для достижения успехов в соответствии с собственными способностями и безотносительно к уровню успеваемости по обязательным учебным дисциплинам.

10. Возможность развития дистанционной формы обучения.

11. Современная техническая база учреждения дополнительного образования детей.

Анализ работ А. П. Асмолова, Н. Л. Буйловой, В. А. Березиной и других, а также особенности дополнительного образования детей позволяют выявить основные функции этой системы:

• образовательная (получение новых знаний);

• воспитательная (приобщение к культуре, формирование нравственных ориентиров);

• развивающая (развитие познавательной сферы);

• функция психологического сопровождения (создание условий для личностного роста ребенка);

• функция социализации (освоение социального опыта);

• функция самореализации (самоопределение и саморазвитие);

• креативная (раскрытие творческих способностей);

• компенсационная (углубление и дополнение основного образования);

• профориентационная (предпрофессиональное самоопределение);

• рекреационная (организация досуга);

• интегрирующая (объединение всех указанных характеристик с целью обеспечения комплексного становления личности).

Анализ исследований Л. М. Андрюхиной, А. Г. Асмолова, В. А. Березиной, О. Е. Лебедева и других ученых позволяет определить принципы построения образовательного процесса в учреждениях дополнительного образования детей:

• принцип гуманизма – утверждение ценности общекультурного человеческого достоинства, внимания к историческим ценностям, их значимости для развития искусства, науки, культуры;

• принцип детоцентризма – приоритетность интересов ребенка, превращение его в равноправный субъект образовательного процесса;

• принцип демократизма – право каждого ребенка на выбор своей траектории развития;

• принцип культуросообразности – ориентация на потребности общества и личности воспитанника, единство человека и социокультурной среды, адаптацию детей к современным условиям жизни общества;

• принцип природосообразности – учет возрастных и индивидуальных особенностей, задатков, возможностей обучающихся при включении их в различные виды деятельности;

• принцип дифференциации и индивидуализации образования – выявление и развитие склонностей, способностей в различных направлениях деятельности, обеспечение развития детей в соответствии с их индивидуальными возможностями и интересами;

• принцип творчества – развитие творческих способностей детей;

• принцип системности – преемственность знаний;

• принцип сотрудничества – признание ценности совместной деятельности детей и взрослых.

Достижение детьми в процессе обучения наиболее высокого уровня делает их способными самостоятельно оценивать результаты своей деятельности, выбирать дальнейшее ее направление.

По данным некоторых исследований (*Козлова, 2005*) для учащихся в дополнительном образовании оказались значимыми такие показатели:

– *свобода выбора* – свобода выбирать, к какому педагогу идти и по какой программе заниматься; выбирать тему своей исследовательской работы или должность, которую он будет выполнять в походе или экспедиции, в каком проекте участвовать; добровольность деятельности;

– *конкретность и доступность* – практические задачи формулируются доступно и чётко для каждого ребёнка или группы с учётом возрастных особенностей;

– *разнообразие* – возможность постоянного неформального общения руководителя с подростками; творческая, доброжелательная атмосфера; участие в различных по формам проведения мероприятиях; возможность увидеть новый город, природу, познакомиться с новыми людьми;

– *психологический комфорт* – возможность воспитанника учреждения дополнительного образования не зависеть от стереотипного мнения, сложившегося о нём в школьном, классном коллективе; возможность начать отношения с новыми товарищами с «чистого листа»; возможность свободного неформального общения с педагогом, демократическая система сотрудничества со взрослыми;

– *безоценочная система* – проявление своей индивидуальности, творчества не боясь «плохой отметки», возможность про-

явить себя в какой-либо деятельности (спортивной, технической, художественной и т. д.), не чувствуя «груза» школьных оценок.

Эти показатели важны тем, что они формируют, прежде всего, внутреннюю позицию школьника, его личностные установки, самостоятельность и ответственность, и, вместе с тем, учат принимать в расчёт мнение своих товарищей, педагога.

Можно представить взаимосвязь форм и методов обучения в виде матрицы (табл. 1.1). По горизонтали расположены методы обучения, а по вертикали – организационные формы (*Селевко, 1998*).

Таблица 1.1

Матрица разнообразия методов и форм обучения

Форма / Метод	ОИ	ПГ	Э	ПБ	М
Рассказ	++++++		++++++		
Беседа	++++++		++++++		
Лекция	++++++				
Семинар	++++++				
Семинар-практикум					
Практикум					
Практическая работа	++++++				
Лабораторная работа	++++++	++++++			
Экскурсия	++++++	++++++	++++++		
Самостоятельная работа	++++++	++++++	++++++	++++++	

Классификация методов обучения (*В. А. Оганесян и др., 1980*): объяснительно-иллюстративный – ОИ, программированный – ПГ, эвристический – Э, проблемный – ПБ, модельный – М.

Естественно, что чем больше заполненных клеток у данного учителя, тем выше разнообразие его деятельности в управлении учебно-познавательным процессом. В табл. 1. 1 показан типичный набор среднего учителя, полученный на репрезентативной выборке по территории России (более 4000 учителей).

Многочисленные исследования системы дополнительного образования и результаты деятельности учреждений и объединений дополнительного образования показывают, что они дают результат, значительно превосходящий показанный здесь.

Здесь же следует сказать об использовании различных теорий обучения в интегрированном дополнительном образовании.

Нам представляется, что здесь наиболее применима теория опережающего обучения Л. В. Занкова, в основу которой положено следующее:

– принцип обучения на высоком уров-

не трудности. Реализация этого принципа предполагает соблюдение меры трудности, преодоление препятствий, осмысление взаимосвязи и систематизацию изучаемых явлений;

– принцип ведущей роли теоретических знаний, согласно которому отработка понятий, отношений, связей внутри учебного предмета и между предметами не менее важна, чем отработка навыков;

– принцип осознания обучаемыми собственного учения. Этот принцип обучения направлен на развитие рефлексии, на осознание самого себя как субъекта учения. Содержание этого принципа может быть соотнесено с развитием личностной рефлексии, саморегуляции;

– принцип работы над развитием всех учащихся. Согласно этому принципу, должны быть учтены индивидуальные особенности, но обучение должно развивать всех.

Отличительными чертами системы Л. В. Занкова являются: направленность на высокое общее развитие школьников (это стержневая характеристика системы); высокий уровень трудности, на котором ведется обучение; быстрый темп прохождения учебного материала, резкое повышение удельного веса теоретических знаний.

Инновационность интегрированного дополнительного образования

В Концепции федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007-2012 годы» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2006 г. # 977-р) основные понятия определены следующим образом:

«инновационная деятельность» – выполнение работ и (или) оказание услуг, направленных на: создание и организацию производства принципиально новой или с новыми потребительскими свойствами продукции (товаров, работ, услуг); создание и применение новых или модернизацию существующих способов (технологий) ее производства, распространения и использования; применение структурных, финансово-экономических, кадровых, информационных и иных инноваций (нововведений) при выпуске и сбыте продукции (товаров, работ, услуг), обеспечивающих экономию затрат или создающих условия для такой экономии;

«инновационная продукция» – результат инновационной деятельности (товары, работы, услуги), предназначенный для реализации;

«инновационная система» – совокупность субъектов и объектов инновационной деятельности, взаимодействующих в процессе создания и реализации инновационной продукции и осуществляющих свою деятельность в рамках проводимой государством политики в области развития инновационной системы;

«инфраструктура инновационной системы» – совокупность субъектов инновационной деятельности, способствующих осуществлению инновационной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции. К инфраструктуре инновационной системы относятся центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, венчурные фонды и др.

С другой стороны, в законопроекте о государственной поддержке инновационной деятельности (февраль, 2011) имеется несколько иное определение: «К инновационной продукции относятся товары, в которых использованы результаты научной и(или) научно-технической деятельности, или товары, работы и услуги, которые произведены или оказаны способом, представляющим собой результат научной и(или) научно-технической деятельности, при условии, что с момента первоначального выпуска таких товаров, производства работ и(или) оказания ус-

луг не истекло трех лет.

Становление информационного общества, часто именуемого «обществом знаний», неразрывно связано с возрастанием потребности каждого гражданина в постоянном обновлении знаний, повышении квалификации, освоении новых видов деятельности. Эта тенденция обусловила постановку вопроса об изменении парадигмы образования.

Коммуникативная революция конца XX века многократно увеличила скорость обмена информацией, а вместе с тем и скорость принятия решений, динамику экономических, культурных, политических явлений. Вхождение человечества в эпоху информационного общества обусловило смену устоявшегося девиза «образование на всю жизнь» новым девизом – «образование в течение всей жизни».

Качественно новыми чертами, характеризующими инновационную парадигму образования, являются ориентация на развивающуюся личность, переход от репродуктивной модели образования к продуктивной, многоукладность и вариативность, деятельностный характер образования. Эти критерии формируют понятие непрерывного образования.

С этой точки зрения система дополнительного образования является неотъемлемой частью непрерывного вариативного образования (*Никотина, 2010*).

Педагогические инновации в таком случае – это актуально значимые, практико-ориентированные новообразования, получившие воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, и позитивно влияющие на развитие образования.

В качестве объектов инноваций выступают: цели, формы организации и структура образовательного процесса, технологии обучения, субъектное взаимодействие, др.

Существует классификация педагогических инноваций, в основе которой заложены: масштаб использования, источник возникновения, характер вносимых изменений, виды деятельности.

По масштабу использования выделяют единичные (например, в рамках одного предмета) и диффузные (например, в профиле, объединяющем несколько предметных дисциплин) инновации. По источнику возникновения педагогические инновации бывают внешними (когда инновационная идея возникла за пределами образовательной системы) и внутренними (когда инновации разрабатываются внутри образовательной системы). По характеру вносимых изменений различают локальные (независимые друг от друга изменения отдельных участков или компонентов образовательной системы), модульные (взаимосвязанные группы несколько локальных педагогических инноваций), системные (предполагают полную реконструкцию образовательной системы как целого) инновации.

По видам деятельности педагогические инновации подразделяются на содержательные, обеспечивающие содержательный аспект педагогического процесса (новые учебные программы, методики, технологии), управленческие, направленные на создание новых организационных структур (научно-методический совет, кафедры, информационно-аналитический центр и др.) и должностных единиц (заместитель директора по научно-методической работе, координатор по профильному обучению учащихся, коммерческий директор и пр.).

Степень актуализации нововведения в воспитательно-образовательном процессе зависит не только от его значимости, но и от состояния «готовности» образовательной среды воспринять, разработать и адаптировать это нововведение.

В значительной мере степень готовности определяется умением учителей осуществлять инновационную деятельность, основанную на осознании ценности инновационных процессов в образовании, закрепленную в их компетентностях, в знаниях и умениях, и направленную на

создание и реализацию новшеств в воспитательно-образовательном процессе. Инновационная деятельность учителя позволяет ему не только генерировать новые знания, но и осуществлять их конверсию в образовательную среду. Создание новшеств неразрывно связано с интеллектуальным совершенствованием личности учителя, его способностей осуществлять поиск необходимой информации, ее креативную переработку, на этой основе структурировать новые знания и реализовывать их в своей педагогической практике. Инновационная деятельность при этом становится важнейшим фактором развития информационной культуры учителя, позволяющей добывать, приобретать и создавать новые знания, а, следовательно, продолжать собственное саморазвитие в условиях «информационного взрыва», ускоряющего инновационные процессы.

Информационная культура учителя – составная часть профессиональной педагогической культуры, представляющая совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений для результативной профессиональной деятельности в информационно-образовательной среде. Информационная культура учителя включает два основных компонента: мировоззренческий и технологический.

Мировоззренческий компонент состоит из этических, психологических, социальных, эмоционально-эстетических характеристик и отражает ценностное отношение учителя к работе с информацией.

Технологический – из информационных умений, связанных с освоением рациональных приемов самостоятельного поиска и обработки информации с применением как традиционных, так и новых информационно-коммуникативных технологий.

Феномен информационной культуры учителя по содержанию своих компонентов органично вписывается в полипарадигмальность образования, предполагающую сосуществование в единой образовательной модели нескольких образовательных систем, основанных на различных образовательных подходах. Современная креативная образовательная модель – порождение информационной эпохи, для которой односторонне понимаемое знаниевое образование утратило свою эффективность и целесообразность. Добывание информации, ее переработка, создание новых информационных продук-тов становится приоритетной сферой профессиональной, в том числе, и педагогической деятельности. Основу данной модели составляют компетентностный личностно-деятельностный и культурологические подходы в образовании, основополагающие принципы которых наиболее полно раскрывают феномен информационной культуры личности учителя.

В процессе преобразования известной информации и созидания на ее основе нового знания, опирающегося на исследовательский опыт, у учителя формируется мировоззренческий компонент информационной культуры, т. е. если говорить с психологической точки зрения, речь идет о приобретении чего-либо нового для данного субъекта.

Личностно-деятельностный подход в характеристике информационной культуры учителя выделяет три доминанты: личность, деятельность, творчество. Основное его назначение состоит в развитии творческих способностей, в своеобразной технологии деятельности, во избежание нивелировки личности. Совокупное продвижение по этим векторам является также безусловным признаком развития мировоззренческого компонента информационной культуры учителя, так как его способность модифицировать, комбинировать, аранжировать собственную информационную деятельность и трансформировать ее в оригинальный информационно-образовательный продукт оказывает существенное влияние на этические,

психологические, социально-эстетические характеристики личности.

Осуществление инновационного процесса предполагает разработку и развитие новой идеи, ее эволюционное исследование, экспериментальную апробацию, распространение и внедрение. Основными предпосылками необходимости инноваций в системе образования являются, прежде всего, общественные потребности, социально-значимые проблемы самого образовательного учреждения, требующие своевременного решения (*Орешкина, 2009*).

Применительно к системе образования, педагогические инновации представляют собой содержательную сторону развития современного инновационного образовательного процесса и состоят из: научной идеи, технологии ее разработки, процесса реализации (В. П. Симонов).

Эти условия постоянно меняются, поэтому, чтобы оставаться эффективным, образовательное учреждение, как система, должно развиваться и приобретать новые качества при скоординированности действий в решении ряда проблем, где центральный компонент инноваций – цели изменения образовательной среды, новое видение стратегии развития образовательного процесса, формирование у обучающихся новых потребностей в творческой, исследовательской познавательной деятельности.

Это требует наличия в педагогическом коллективе самоактуализации (в рамках изменения парадигмы педагогического мышления) на осуществление инноваций, что может обеспечить качественные стратегии их внедрения.

Основные изменения в педагогической деятельности при инновационном обучении полагаются следующими (*Огородникова, 2007*):

• усложнение деятельности по разработке курсов в связи с быстрым развитием технологической основы обучения;

• усиление требований к качеству учебных материалов в связи с открытостью доступа к ним (усиление контроля);

• необходимость специальных навыков и приемов разработки учебных курсов;

• возрастание роли обучаемого в учебном процессе, смещение центра учебного процесса от преподавателя к студенту;

• усиление функции поддержки студента, помощи ему в организации индивидуального учебного процесса;

• возможность обратной связи преподавателя с каждым обучающимся при использовании новых коммуникационных технологий.

Несомненно, что инертность организации обучения, слабое освоение организационных инноваций в сфере образования – основная преграда применения новых технологий в учебном процессе, и именно разработка организационных инноваций и их активная реализация, проведение политики в области применения новых технологий в образовании является, может быть, основным способом повышения эффективности обучения, а как результат – достижение модели современного специалиста.

Цели и основные задачи модернизации дополнительного образования детей

(*Проект, 2005*)

Цель модернизации дополнительного образования детей состоит в создании условий и механизма устойчивого развития системы дополнительного образования детей в Российской Федерации; обеспечении современного качества, доступности и эффективности дополнительного образования детей на основе сохранения лучших традиций внешкольного воспитания и дополнительного образования по различным направлениям образовательной деятельности. На достижение цели направлено решение следующих взаимосвязанных задач:

• совершенствование законодательной базы в части дополнительного образования детей, приведение нормативного пра-

вового обеспечения системы в соответствие с российским законодательством;

• сохранение и развитие сети учреждений дополнительного образования детей;

• обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения обучающимися дополнительного образования, достижение эффективности и качества дополнительного образования детей;

• сохранение единого образовательного пространства на основе преемственности содержания основного и дополнительного образования детей;

• сохранение межведомственного характера системы дополнительного образования детей;

• совершенствование содержания, организационных форм, методов и технологий дополнительного образования детей;

• создание и развитие новых информационных технологий, включающих телекоммуникационные проекты и дистанционное обучение в учреждениях дополнительного образования детей;

• совершенствование системы государственной аттестации и аккредитации учреждений дополнительного образования детей;

• гарантированное выделение средств из бюджетов всех уровней на материально-техническое обеспечение деятельности учреждений дополнительного образования детей;

• разработка и утверждение блока ресурсного обеспечения дополнительного образования детей в соответствии с направленностью образовательных программ;

• повышение социального статуса и профессионального совершенствования педагогических и руководящих кадров системы дополнительного образования детей, поддержка Всероссийского конкурса педагогов дополнительного образования «Сердце отдаю детям»;

• разработка социально-экономических мер нормативного правового регулирования привлечения внебюджетных средств учреждениями дополнительного образования детей;

• развитие дополнительного образования детей как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса – обучающихся, педагогов, родителей.

Таким образом, сложившаяся в настоящее время система дополнительного образования детей, в общем отвечает современным требованиям инновационного развития и дает возможность формирования исследовательской личности ребенка.

Реализация нами этих принципов дала [illegible] высокие результаты в преподавании дисциплины «экология космоса» в системе интегрированного дополнительного образования детей и дала их эффективность (*Муртазов, 2011*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Асмолов А. Г. Дополнительное образование как зона проектного развития образования в России: от традиционной педагогической к системе развития // Завтра. – 1997. – № 9. – С. 7.

2. Березина В. А. Развитие дополнительного образования детей в системе российского образования: учебное пособие. – М.: Диалог культур, 2007. – 512 с.

3. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.

4. Занков Л. В. К вопросу о соотношении обучения и развития // Психологическая наука и образование. – 1996. – №4. – С. 24-28.

5. Краевский В. В., Лернер И. Я. Дидактические основания определения содержания учебника // Проблемы школьного учебника. – М.: Просвещение, 1980. – Вып. 8. – С. 34-49.

6. Краевский В.В. Проблемы научного образования и обучения. – М.: Просвещение, 1985. – 264 с.

7. Лернер И. Я., Краевский В. В. Теоретические основы процесса обучения в советской школе. – М., 1989.

8. Кукар У. Ю. Развитие исследовательских умений старшеклассников в учреждении дополнительного образования: Дис. ... канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2009.

9. Морозова Н. А. Российское дополнительное образование как многоуровневая система: развитие и становление: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01: – М., 2003. – 332 с.

10. Муртазов А. К., Шарапков А. Н., Воробьев Ю. Н. Некоторые аспекты астрономического образования // Земля и Вселенная. – 1999. – № 1. – С. 56-59.

11. Муртазов А. К. Физические основы экологии околоземного пространства. Учебное пособие. – Рязань: РГУ имени С. А. Есенина, 2008. – 272 с.

12. Муртазов А. К. «Физические основы экологии околоземного пространства» как новая естественнонаучная дисциплина для университетов // Экологические системы и приборы. – 2008. – № 4. – С. 63-65.

13. Муртазов А. К. Организация деятельности детей в объединении интегрированного дополнительного образования в области астрофизики и экологии космоса // Российский научный журнал. – 2009. – № 3(10). – С. 79-88.

14. Муртазов А. К. Интегрированное дополнительное образование детей в области физики и экологии космоса. Система компетенций // Российский научный журнал. – 2010. – № 4(17). – С. 42-52.

15. Муртазов А. К. Авторская программа «Экология космоса» в системе дополнительного образования детей // Российский научный журнал. – 2010. – № 5(18). – С. 154-163.

16. Муртазов А. К. Интегрированное дополнительное образование детей в области астрофизики и экологии космоса. Монография. – Рязань: РГУ имени С. А. Есенина, 2011. – 260 с.

17. Никотина Е. В. Роль дополнительного образования детей в современном обществе. – Научно-издательский центр «Социосфера». – 27.08.2010.

18. Оганесян В. А., Калягин Ю. М., Луканкин Г. Л., Саннинский В. Я. Методика преподавания математики в средней школе: Общая методика. Учебное пособие для студентов физ.-мат. фак. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1980. – 368 с.

19. Огородникова О. А. Организация педагогической инновационной деятельности в учреждении СПО как один из факторов подготовки квалифицированных специалистов. – Омск: НОУ СПО «Сибирская Региональная Школа Бизнеса (колледж)», 2007.

20. Орешкина А. К. Инновационная деятельность по организации системы непрерывного профессионального образования // Наука и образование. Электронное научно-техническое издание. – 2009. – № 3.

21. Проект концепции модернизации дополнительного образования детей РФ до 2010 года // Потенциал. Образовательный журнал для старшеклассников и учителей. – 2005. – № 1.

22. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

23. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика / Под ред. В. А. Сластенина. – М., 2002.

24. Уман А. И. Технологический подход к обучению: учебное пособие. – М., Издательство МГОУ, 2007. – 186 с.

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
г. МОСКВА

УДК 159.9.07
ББК 88.372

ПСИХОЛОГИЯ

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ И СПЕЦИФИКА ТЕМПЕРАМЕНТА СТУДЕНТОВ

Кандидат психологических наук И. А. Новикова

В статье рассмотрена проблема выделения индивидуально-типических особенностей общительности в рамках системно-функционального подхода А.И. Крупнова. Представлены основные количественные и качественные характеристики инструментально-смыслового, избирательного, мотивированно-агармонического и слабо мотивированного типов общительности, рассматриваемой как системно-функциональной черты личности. Проанализирована специфика данных типов в соотношении с особенностями темперамента, которая уточняет их психологические характеристики, а также конкретизирует возможности психокоррекционной работы с представителями каждого из типов.

Ключевые слова
Системно-функциональный подход, общительность, индивидуально-типические особенности, личностные черты, темперамент

Общительность является одной из личностных черт, наиболее полно изученных в рамках системно-функциональной концепции А. И. Крупнова [7]. ***Общительность*** в контексте данной концепции определяется как система устойчивых мотивационно-смысловых и инструментально-стилевых характеристик, обеспечивающих состояние готовности и стремления субъекта к межличностному взаимодействию. Согласно предлагаемой А. И. Крупновым модели анализа, каждая личностная черта (в том числе и общительность) включает в себя, по меньшей мере, установочно-целевой, динамический, мотивационный, когнитивный, эмоциональный, регуляторный, продуктивный и рефлексивно-оценочный компоненты. Каждый компонент, в свою очередь, содержит по две переменные, позволяющие охарактеризовать его более содержательно [7, 8 и др.].

В многочисленных эмпирических исследованиях было показано, что эвристический потенциал системно-функционального подхода позволяет целостно проанализировать психологическое своеобразие общительности в разных возрастных [2], половых [11] этнических группах [14]; выявить связи общительности со стилем поведения в конфликте [10], с уровнем доверия к людям [3], с акцентуациями характера [6], с успешностью коммерческой дея-

тельности [1] и др. До последнего времени, однако, в рамках данного подхода практически не было работ, в которых бы подробно изучались индивидуально-типические особенности общительности. Как правило, в типологическом аспекте общительность изучалась совместно с другими личностными чертами.

В работе Н. А. Фоминой [12] было проведено комплексное исследование психологических проявлений индивидуально-типических особенностей черт личности в текстах как продуктах индивидуальной речевой деятельности. Для нас наибольший интерес представляют результаты кластерного анализа переменных настойчивости, общительности и инициативности. С его помощью были выделены интернально-эргический, интернально-субъектный, результативно-смысловой, избирательный и аэргический типы организации общительности, настойчивости и инициативности. Так, характерным для ***интернально-субъектного*** типа являются хорошо развитые динамические характеристики, интернальная регуляция при доминировании эгоцентрической направленности мотивации и субъектности. ***Интернально-эргический*** тип отличается наиболее яркой выраженностью активной регуляции и различных динамических навыков и умений, а также мотивации (как социоцентрической, так и эгоцентрической), выраженностью когнитивного и продуктивного компонентов в целом. Отличительной особенностью ***результативно-смыслового*** типа является, прежде всего, высокая продуктивность, связанная с хорошо развитой мотивацией, динамическими умениями и навыками, осведомленностью и осмысленностью, стеническими эмоциями, а также доминирование обеих переменных продуктивного компонента над показателями эргичности и интернальности. ***Избирательный*** тип характеризуют низкие показатели всех компонентов. Однако при этом доминируют эргичность, интернальная регуляция и положительные эмоции. ***Аэргический*** тип отличается от всех остальных доминированием аэргичности над эргичностью (при минимальной выраженности эргичности и наибольшей – аэргичности). Кроме того, для него характерны низкая, чаще всего эгоцентрическая мотивация, элементы экстернальной регуляции, доминирование отрицательных эмоций и вследствие этого низкая продуктивность.

Н. А. Фомина указывает, что вышеуказанные особенности различных типов проявились при организации всех изучаемых черт характера (общительности, настойчивости и инициативности), что доказывает возможность их обнаружения и при анализе любых других черт, а значит – использование для характеристики личности в целом [12]. Однако отметим, что данные типы были выделены при кластеризации переменных по каждому из качеств по отдельности. В задачу автора не входило рассмотрение вопроса о совпадении или несовпадении выделенных типов у отдельных испытуемых.

В работе Н. В. Каргиной [5] для ответа на вопрос о существовании индивидуально-типических сочетаний в реализации настойчивости, общительности и любознательности был проведен кластерный анализ по 15 комплексным показателям. В результате выделилось шесть кластеров, в каждый из которых вошли субъекты с определенным сочетанием показателей всех трех изучаемых личностных черт:

– у представителей ***инструментально-смыслового*** типа (***«энергичных»***) развиты как инструментальные, так и смысловые компоненты настойчивости, общительности, любознательности, при этом преобладает сходство в реализации этих черт; их «энергия» видна как во внешних динамических проявлениях активности, эмоциональности и саморегуляции, так и в широте целей, стремлений, мотивов, интересов, которые определяют эту поведенческую активность;

– студенты с ***избирательно-смысло-***

вым типом (***«рационалисты»***) также достаточно настойчивы, общительны и любознательны по инструментальным проявлениям, но мотивационно-целевая составляющая и сфера приложения результатов данных качеств у них гораздо уже, чем в первой группе;

– у студентов с ***нейтральным*** типом (***«незаинтересованных»***) все анализируемые черты индивидуальности выражены неярко, как со стороны «инструментальных», так, особенно, со стороны «смысловых» проявлений;

– представители ***настойчиво-некоммуникативного*** типа (***«застенчивые»***) характеризуются достаточно гармоничным развитием настойчивости и наличием проблем с общительностью, при этом показатели любознательности представлены на среднем уровне; им присуща некоторая замкнутость на собственных интересах, некоммуникабельность, тревожность, отчасти стеснительность; они стремятся к общению, но имеют наибольшее количество проблем именно в коммуникативной сфере;

– у представителей ***агармонично-любознательного*** типа (***«сомневающихся»***) хорошо развиты инструментально-гармонические и мотивационно-смысловые показатели настойчивости; на среднем уровне представлены мотивационно-смысловые и инструментальные показатели общительности; достаточно хорошо развита мотивационная сфера любознательности, при высокой выраженности трудностей именно в познавательной сфере;

– для представителей ***инструментально-агармонического*** типа (***«затрудняющихся»***) характерны максимальные показатели трудностей по всем чертам, при этом гармонические показатели любознательности выражены выше среднего уровня, настойчивости – имеют средние значения, а общительности – близки к минимальным (интровертированность).

Таким образом, Н. В. Каргиной было установлено, что для трех типов (***инструментально-смысловой, избирательно-смысловой, нейтральный***), объединяющих 60 % выборки, характерно преобладание сходства в проявлениях изучаемых личностных черт [5]. Соответственно, можно предполагать существование подобных индивидуально-типических вариантов реализации общительности.

И. С. Исаева [4] изучала индивидуально-типологические особенности общительности и агрессивности курсантов военного вуза. С помощью кластерного анализа были выявлены варианты структурной организации общительности курсантов военного вуза: ***эргично-продуктивный, эгоцентрично-стенический*** и ***аэргично-затрудненный*** типы, которые были сопоставлены с особенностями их агрессивности (диагностируемой по методике А. И. Крупнова и Баса-Дарки). Автор не дает представителям выделенных типов обобщающих условных названий. Опираясь на полученные результаты (с учетом особенностей, как общительности курсантов, так и их агрессивности), мы могли бы предложить назвать курсантов с эргично-продуктивным типом – ***«дружелюбные коллективисты»***, с эгоцентрично-стеническим типом ***«обидчивые индивидуалисты»***, с аэргично-затрудненным типом – ***«обороняющиеся интроверты».***

Сопоставление количественных и качественных характеристик общительности каждого из типов, выделенных в исследованиях Н. А. Фоминой, Н. В. Каргиной и И. С. Исаевой, показывает сходство основных параметров, как минимум, четырех типов:

– интернально-эргический [12], инструментально-смысловой [5], эргично-продуктивный [4];

– избирательный [12], избирательно-смысловой [5], эгоцентрично-стенический [4];

– аэргический [12], инструментально-агармонический [5], аэргично-затрудненный [4];

– нейтральный [5] и экстернальный [12].

Однако в данном случае невозможно

полноценно сопоставить результаты, так как исследования проводились на разных выборках и с использованием разных вариантов статистического анализа.

Для уточнения специфики индивидуально-типических особенностей общительности нами было проведено эмпирическое исследование, которое состояло из двух основных этапов.

В первом этапе исследования участвовало 207 студентов РУДН в возрасте от 17 до 25 лет, из них 147 девушек и 60 юношей. Для диагностики общительности использовалась бланковая методика, разработанная А. И. Крупновым [8]. Данные были подвергнуты кластерному анализу методом К-средних. В результате была получена четырех кластерная структура, которая, как показали предварительные расчеты, дает наибольшую долю значимых попарных различий (по отношению к максимально возможному их количеству) между средними значениями переменных по кластерам [13]. Достоверность различий между кластерами в целом определялась с помощью F-критерия Фишера (все различия достоверны на 1% уровне достоверности).

Таким образом было выявлено четыре основных индивидуально-типических варианта реализации общительности [9].

1. ***Инструментально-смысловой тип,*** для представителей которого характерны максимальные показатели большинства мотивационно-смысловых и инструментально-гармонических переменных, минимальные показатели основных инструментально-агармонических переменных и трудностей. Такие студенты стремятся к общению, легко завязывают знакомства, поддерживают отношения, получают удовольствие от процесса общения, испытывают радость и другие положительные эмоции в ходе общения; обычно они удовлетворены результатами общения, редко сталкиваются с проблемами непонимания в коммуникативной сфере. Они очень активны в процессе коммуникации, причем эта активность чаще направлена «во вне», следовательно, их можно назвать ***«экстравертированными»***.

2. ***Мотивированно-агармонический тип,*** для представителей которого характерны высокие показатели основных мотивационно-смысловых переменных, максимальные или близкие к максимальным показатели большинства инструментально-агармонических переменных и трудностей. Они стремятся к общению, осознают высокую роль общения в жизнедеятельности, но реже, чем представители предыдущего типа, достигают желаемых целей в коммуникации, реже бывают в многолюдных компаниях, труднее завязывают новые знакомства, часто испытывают трудности в коммуникативной сфере – застенчивость, тревожность, неуверенность в себе и т. д. Неудачи в общении часто вызывают у них негативные эмоции – переживания смущения, разочарования, непонимания. При этом у них проявляется внешний локус контроля в коммуникативной сфере – они считают, что здесь многое зависит от случайных обстоятельств, везения, а не от них самих. Можно сказать, что при достаточно активном стремлении к взаимодействию они не всегда могут проявить активность в общении из-за внутренних и внешних преград. Мы считаем, что их можно назвать ***«застенчивыми».***

3. ***Слабо мотивированный тип,*** для представителей которого характерны минимальные или близкие к минимальным показатели большинства мотивационно-смысловых и инструментально-гармонических переменных, высокие показатели трудностей. Соответственно, они не очень стремятся к общению, не любят бывать в больших компаниях, но при этом их не тяготит одиночество, они достаточно замкнуты, недооценивают роль общения в жизни. Для них не характерны сильные эмоциональные переживания во взаимодействиях с другими людьми – они спокойно реагируют как на успехи, так и на возможные неудачи во взаимопонимании. Можно заключить, что, в целом, они

наименее активны в коммуникативной сфере по сравнению с представителями всех остальных типов и их, соответственно, можно назвать ***«замкнутыми».***

4. ***Избирательный тип,*** для представителей которого характерны средние показатели основных мотивационно-смысловых и инструментально-гармонических переменных (при их доминировании над инструментально-агармоническими), очень низкие показатели трудностей. Данные студенты стремятся к общению не всегда, а лишь в случаях, когда это соответствует их собственным планам, желаниям, задачам и потребностям, приносит им ожидаемый результат, вызывает у них положительные эмоции. Они считают, что в общении многое зависит от самого человека, а не от случайных обстоятельств, при этом они полагают, что общительность можно развивать и совершенствовать. Процесс коммуникации не вызывает у них особых трудностей (интересно, что чаще всего они говорят о проблемах в понимании другого человека и неумении поставить себя на его место). Главной характеристикой этого типа является избирательность, как при выборе партнеров по общению, так и в поддержании контактов, способов взаимодействия. Мы считаем, что им подходит название ***«эгоцентричные».***

На втором этапе исследования мы сравнили выраженность переменных темперамента (диагностируемых также по методике А. И. Крупнова [8], включающей параметры *эргичность – аэргичность, пластичность – ригидность, стеничность – астеничность* в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах, *интроверсия – экстраверсия*) в подгруппах студентов с описанными выше вариантами реализации общительности. В этой части исследования приняло участие 104 студента РУДН в возрасте от 19 до 21 года, из них – 68 девушек и 36 юношей (все они принимали участие в первой части исследования).

Для выявления различий в выраженности переменных темперамента между группами студентов с разными типами общительности использовался непараметрический критерий Краскелла-Уоллиса. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице.

Как видно из таблицы, статистически значимые различия между подгруппами выявлены по шести переменным темперамента из двадцати, при этом большинство различий обнаружено именно в коммуникативной сфере темперамента.

Самые высокие показатели *коммуникативной эргичности* характерны для представителей ***избирательного*** типа общительности, самые низкие – для представителей ***мотивированно-агармонического*** типа. Интересно, что высокие показатели по данной переменной темперамента характерны и для представителей ***слабо мотивированного*** типа общительности, а гораздо более низкие – для представителей ***избирательно-смыслового***. Аналогичные различия получены и по переменной *коммуникативная аэргичность*: самые низкие показатели характерны для студентов со ***слабо мотивированным*** и ***избирательным*** типами общительности, а самые относительно высокие – для студентов с ***мотивированно-агармоническим*** и ***избирательно-смысловым*** типами. Соответственно, более высокая активность в коммуникативной сфере темперамента (возможность легко завязывать знакомства, иметь широкий круг общения, инициировать общение и т. п.) присуща «эгоцентричным» и, как это ни странно, «замкнутым» студентам по сравнению с «экстравертированными» и, особенно, «застенчивыми».

Аналогичный характер различий зафиксирован и по параметру *коммуникативная пластичность – коммуникативная ригидность*. Наиболее высокая гибкость в коммуникативной сфере на уровне темперамента (возможность легко и быстро переключаться в процессе коммуникации, хорошо ориентироваться в меняющейся ситуации общения и т. п.) присуща представителям ***избирательного*** и

Таблица

Статистическая оценка значимости различий переменных темперамента между подгруппами студентов, относящихся к различным индивидуально-типическим вариантам общительности (Kruskal-Wallis test H, n=104)

Тип общительности / Перемешые темперамента	Инструментально-смысловой	Мотивированно-агармонический	Слабо мотивированный	Избирательный	Kruskal-Wallis Test H	Уровень значимости
Психомоторная эргичность	28,84	24,95	28,92	30,50	4,39	0,22
Психомоторная аэргичность	21,68	20,43	16,35	19,72	6,88	0,07
Интеллектуальная эргичность	30,40	30,57	31,40	34,22	4,97	0,17
Интеллектуальная аэргичность	11,96	9,52	10,85	11,22	2,48	0,48
Коммуникативная эргичность	**20,96**	**19,52**	**29,65**	**35,22**	**35,21**	**0,00**
Коммуникативная аэргичность	**20,72**	**20,38**	**8,72**	**10,27**	**26,38**	**0,00**
Психомоторная пластичность	29,00	29,05	31,75	32,72	6,49	0,09
Психомоторная ригидность	**23,00**	**22,52**	**17,40**	**17,89**	**9,25**	**0,03**
Интеллектуальная пластичность	25,96	26,38	28,12	30,22	5,22	0,16
Интеллектуальная ригидность	20,48	19,43	17,75	21,00	3,05	0,38
Коммуникативная пластичность	**24,20**	**17,38**	**25,30**	**29,83**	**16,80**	**0,00**
Коммуникативная ригидность	**25,08**	**27,62**	**16,82**	**18,67**	**20,36**	**0,00**
Психомоторная стеничность	30,44	28,52	29,30	32,06	1,89	0,59
Психомоторная астеничность	23,64	19,52	21,82	22,17	2,34	0,50
Интеллектуальная стеничность	32,84	31,67	32,12	33,78	1,16	0,76
Интеллектуальная астеничность	26,84	23,00	22,10	22,44	5,12	0,16
Коммуникативная стеничность	34,40	30,57	34,55	35,11	6,44	0,09
Коммуникативная астеничность	23,72	19,67	18,17	15,72	6,45	0,09
Экстраверсия	**28,36**	**23,52**	**29,60**	**28,33**	**8,14**	**0,04**
Интроверсия	24,64	22,76	21,15	20,44	3,18	0,36

Примечание: полужирным шрифтом и серым фоном выделены показатели, по которым различия между группами статистически значимы по критерию Краскелла-Уоллиса.

слабо мотивированного типов общительности, средние показатели гибкости – представителям ***инструментально-смыслового***, самая высокая ригидность – представителям ***мотивированно-агармонического типа.***

Соответствуют описанным выше и различия по переменной *психомоторная ригидность* (склонность к привычному алгоритму действий, трудности в переключении с одних действий на другие, склонность к устоявшемуся порядку и т. п.) – более высокие показатели свойственны представителям ***инструментально-смыслового*** и ***мотивированно-агармонического*** типов общительности, относительно более низкие – ***избирательного*** и ***слабо мотивированного***.

По переменной *экстраверсия* самые низкие показатели характерны для студентов с ***мотивированно-агармоническим*** типом общительности, для остальных типов получены примерно равные значения.

Содержательно смысл выявленных различий сводится к тому, что у представителей ***избирательного*** и ***слабо-мотивированного*** типов по сравнению с ***мотивированно-агармоническим*** сильнее выражены активность и пластичность в коммуникативной сфере темперамента, а также экстраверсия. Значит, проблемы в сфере общения, которые присущи «застенчивым» студентам во многом предопределяются особенностями их темперамента. В то же время «эгоцентричные» и «замкнутые» студенты при примерно одинаково выраженных особенностях темперамента по-разному реализуют их в сфере общения. Первые, используя возможности темперамента, умеют выбирать и достигать свои цели в процессе взаимодействия с другими людьми, а вторые – не используют свой коммуникативный потенциал в силу не развитой мотивации в данной сфере. Что касается студентов с ***инструментально-смысловым*** типом общительности, то они характеризуются, в целом, средними показателями активности и пластичности в коммуникативной сфере темперамента, но максимально реализуют свои возможности и развивают их (предполагаем, что им удается это сделать за счет выраженной мотивации общения).

Таким образом, проведенное исследование индивидуально-типических особенностей общительности в соотношении со спецификой темперамента студентов позволяет сделать следующие **выводы.**

1. Выявлены основные типы реализации общительности, рассматриваемой как системно-функциональная черта личности по А. И. Крупнову: избирательно-смысловой, мотивированно-агармонический, слабо мотивированный, избирательный.

2. Установлено, что между представителями выявленных типов общительности существуют различия по выраженности переменных темперамента, большинство из которых относится к коммуникативной сфере.

3. Показано, что особенности темперамента могут в разной степени проявляться в особенностях общительности выявленных типов:

– выраженные проблемы в коммуникативной сфере у представителей мотивированно-агармонического типа («застенчивых»), скорее всего, имеют явную темпераментальную основу;

– гибкость и избирательность представителей избирательного типа («эгоцентристов») также, вероятно, связана с их пластичностью и активностью на уровне темперамента;

– представители инструментально-смыслового типа («экстравертированные») не только максимально реализуют достаточно высокую экстраверсию на уровне темперамента, но и компенсируют не самые высокие активность и пластичность темперамента за счет выраженной мотивации в коммуникативной сфере;

– в наименьшей степени потенциал свойств темперамента в коммуникативной сфере используют представители слабо мотивированного типа («замкнутые»).

4. Выявленные на уровне темперамента различия между индивидуально-типическими особенностями общительности определяют возможности и ограничения психокоррекционной работы с представителями каждого из типов:

– представители инструментально-смыслового типа общительности, как правило, не нуждаются в ее психокоррекции; при возникновении запроса работа как в мотивационно-смысловой, так и в инструментально-динамической (в большей степени связанной с темпераментом) сферах не имеет особых трудностей и ограничений;

– с представителями избирательного типа возможна психологическая работа, направленная на расширение диапазона социоцентрической мотивации, которая не имеет ограничений со стороны особенностей темперамента в коммуникативной сфере;

– представители слабо мотивированного типа обычно не заинтересованы в развитии общительности, что связано с недостаточно развитой мотивацией в коммуникативной сфере, но при возникновении заинтересованности существуют возможности для эффективной работы и реализации коммуникативного потенциала темперамента;

– больше всего трудностей и ограничений со стороны темперамента может возникнуть при психокоррекции общительности представителей мотивированно-агармонического типа, но они могут быть компенсированы сильно развитой мотивацией и заинтересованностью в развитии коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бабаев Т. М. Общительность как базовое свойство личности: Автореф. дис. …. канд. психол. наук. – М., 2005.

2. Волк М. И. Психологические особенности общительности старших школьников и студентов: Дис. … канд. психол. наук. – М., 1996.

3. Журавлева Л. А. Связь общительности личности и доверия к людям: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М.: РУДН, 2004.

4. Исаева И. С. Индивидуально-типологические особенности общительности и агрессивности курсантов военного вуза: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2008.

5. Каргина Н. В. Сравнительное исследование любознательности, настойчивости и общительности студентов: Дис. … канд. психол. наук. – М., 2005.

6. Коваленко Е. А. Особенности общительности при различных типах акцентуации характера: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2008.

7. Крупнов А. И. Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник РУДН. Серия: «Психология и педагогика». – 2006. – № 1(3). – С. 63-73.

8. Крупнов А. И. Психодиагностика свойств личности и темперамента. Учебное пособие. – М.: МГУДТ, 2007.

9. Новикова И. А., Шляхта Д. А. Индивидуально-типические особенности личностной активности в коммуникативной сфере // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2009. – № 1. – С. 36-40.

10. Солонкина О. В. Связь общительности с различными установками учащихся на межличностное взаимодействие: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1996.

11. Тырнова О. А. Психологические различия в проявлениях общительности у юношей и девушек: Дис. … канд. психол. наук. – М., 1996.

12. Фомина Н. А. Индивидуально-типические особенности свойств личности и их проявления в речи: Автореф. дис. … докт. психол. наук. – М., 2002.

13. Шляхта Д. А. К проблеме устойчивости типов в проявлениях черт характера // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2008. – № 1. – С. 50-57.

14. Ян Бинь. Этнопсихологические особенности темперамента и общительности у китайских и российских студентов. – М., 2004.

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 159.923
ББК 88.373

ПСИХОЛОГИЯ

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РОЛЕВАЯ АДЕКВАТНОСТЬ СУПРУГОВ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

О. Э. Бакланова

Представлены результаты исследования взаимосвязи личностных особенностей женщин и степени согласованности их представлений с представлениями их мужей о значимости внешнего облика супругов в их семейной жизни. Выполнен корреляционный анализ между уровнем согласованности сферы внешней привлекательности и структурой ценностных ориентаций, базовыми потребностями, стратегиями поведения в конфликте, реакциями на фрустрации, агрессивностью и механизмами психологических защит женщин с разной степенью согласованности ролевых установок в браке. Установлены различия в характере поведения женщин, находящихся в стабильных браках (N=88): в вопросах внешней привлекательности женщины, демонстрирующие высокую степень ролевой адекватности, применяют активные формы поведения и опираются на индивидуальные ценностные ориентации; женщины с низкой согласованностью ролевых установок в браке ориентированы на коллективные ценности.

Ключевые слова
Личностные особенности, ролевая адекватность в браке, межличностное взаимодействие

Исследование психологических аспектов межличностного взаимодействия в браке, затрагивающих вопросы сексуального восприятия супругами друг друга, является важным для гармонизации семейных отношений, – восприятие супруга как привлекательного часто является определяющим в переживании человеком своего супружества как счастливого. Взаимная привлекательность супругов является одной из составляющих аттракции и, несмотря на недостаточность знаний о проявлении феноменологии аттракции, на практике они характеризуют важный пласт эмоциональной жизни супругов, связанный с вектором «удовлетворенности – неудовлетворенности» браком [4].

Стабильность брака свидетельствует об успешно пройденной адаптации супругов, т. е. их приспособлением друг к другу и к той обстановке, в которой находится семья [5]. Результат адаптации имеет и другую сторону: не секрет, что эмоционально-чувственное восприятие супругов друг друга со временем притупляется, что ведет к формированию обыденности в отношениях, которая часто указывается как

причина супружеских измен [7]. Изучение характеристик личности (таких как агрессивность и ее репрезентация при фрустрациях, ценности личности, базовые потребности, механизмы психологических защит) в контексте согласованности семейных ролей в сфере внешней привлекательности позволит обозначить факторы, способствующие стабилизации гармоничных взаимоотношений в современной семье.

Целью данного исследования является сравнительный анализ взаимосвязей уровня согласованности в сфере внешней привлекательности брака и личностных особенностей женщин, характеризующихся высокой и низкой согласованностью их представлений о распределении семейных функций между супругами.

В процессе исследования решались следующие **задачи**:

1) осуществить диагностику уровня согласованности ролевых установок женщин-респондентов;

2) определить различия в выраженности ролевой адекватности, ролевых ожиданий и притязаний женщин в сфере внешней привлекательности, с учетом степени (низкого-высокого уровня) их ролевой согласованности;

3) установить характер взаимосвязей между уровнем ролевой согласованности женщин-респондентов в вопросах внешней привлекательности и их личностными особенностями по следующим параметрам: агрессивность и реакции на фрустрации, базовые потребности и ценностные ориентации личности, тип поведения в конфликтной ситуации и механизмы психологических защит.

Гипотезы исследования:

1. В группе женщин, отличающихся высокой степенью согласованности ролевых представлений в браке, стабилизация сферы внешней привлекательности связана с индивидуальными ценностными ориентациями.

2. Женщины, отличающиеся низкой степенью согласованности ролевых представлений в браке, опираются на коллективные ценности.

Методологическую основу исследования составили концепции А. Маслоу (A. Maslow) о доминировании и иерархии потребностей, теория двухмерной модели регулирования конфликтов К. Томаса (C. Thomas), теория мотивационных типов С. Шварца – В. Билски (S. Schwartz, W. Bilsky), разработки ролевых взаимодействий в семье отечественных исследователей (Н. Н. Обозов, А. Н. Волкова, Т. А. Гурко, Т. В. Андреева), а также принципы комплексного подхода к изучению индивидуальности как целостной системы.

Предметом исследования является характер взаимосвязей психометрических показателей адекватности ролевого поведения в браке, агрессивности, реакций на фрустрации, механизмов психологических защит, типов поведения в конфликтной ситуации, базовых потребностей и ценностных ориентаций личности.

Объектом исследования выступили 88 женщин, состоящих в стабильных браках.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Тип исследования – квазиэксперимент, был осуществлен в 2009-2011 гг.. Испытуемыми являлись жительницы Санкт-Петербурга и Минска. Всего обследовано 88 женщин в возрасте от 24 до 54 лет (средний возраст респондентов составляет 36.5±6.41 лет (Me=36)), 95.45% опрошенных имели высшее образование. Все респонденты имели детей и состояли в удовлетворяющем их браке. Продолжительность совместной супружеской жизни составила 12.62±6.38 лет. Для выполнения части исследования (для выявления степени ролевой адекватности женщин) были опрошены также мужья испытуемых (N=88). Выборка сформирована через рандомизацию.

Исследование проводилось анонимно и на добровольной основе в очной форме. Полученные результаты формировали

матрицу первичных данных, статистическая обработка которых осуществлялась с помощью прикладной программы «SPSS Statistics», версия 17.0. Для характеристики ролевых установок респондентов применялись выборочное среднее (Хср.) и выборочное стандартное отклонение (σ). Достоверность различий оценивалась по непараметрическому критерию Манна-Уитни; при $p \leq 0.05$ различия считались достоверными. Для оценки тесноты связи между признаками использовался корреляционный анализ с применением непараметрического коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Значимым считался коэффициент корреляции $p \leq 0.05$.

В процессе исследования использовались следующие методы и методики: организационный – сравнительный метод; эмпирический – тестирование и интерпретация – структурная интерпретация. Независимой переменной в сравнительном исследовании служила адекватность ролевого поведения, зависимыми переменными – ролевые адекватность, ожидания и притязания в сфере внешней привлекательности. За H_1 принималась гипотеза о существовании различий; H_0 – гипотеза об их отсутствии (при уровне значимости α=0,05). В корреляционном исследовании зависимыми были все рассмотренные переменные, а также показатели агрессивности, типы реакций на фрустрации, выраженность механизмов психологических защит, типы поведения в конфликтной ситуации, базовые потребности и ценности личности.

Для оценки адекватности ролевого поведения (или степени ролевой согласованности) использовался опросник А. Н. Волковой «Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре» [1]. На основании результатов, полученных с использованием данного метода, все респонденты были поделены на четыре группы (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по группам в зависимости степени адекватности ролевого поведения

Группы	Индекс ролевой адекватности	Кол-во человек
«согласованные» женщины	[5-10]	46
«несогласованные» женщины	[11-24]	42

В группу «согласованных» в ролевых представлениях вошли респонденты, чей индекс ролевой адекватности находился в промежутках от 5 до 10 баллов включительно. Испытуемые этой группы характеризовались высокой степенью удовлетворенности своим браком в контексте распределения ролей между супругами при реализации семейных функций. Группа «несогласованных» в ролевых представлениях состояла из респондентов, демонстрирующих несогласие существующим в их браке распределением супружеских обязанностей; индекс ролевой адекватности располагался в интервале от 11 до 24 баллов.

Для выявления типичных форм поведения в конфликтной ситуации использовался тест К. Томаса (C. Thomas), адаптированный Н. В. Гришиной [1]. С целью определения форм проявления агрессии применялся опросник Басса-Дарки [1; 2]. Для диагностики реакций на фрустрацию применялась методика С. Розенцвейга, модифицированная Н. В. Тарабариной [1]. Диагностика механизмов психологических защит осуществлялась с помощью опросника «Индекс жизненного стиля» Плутчика-Келлермана [9]. Анализ ценностей личности проводился с помощью опросника ценностей Шварца (Schwartz

Value Survey – SVS) [6], представленный шкалой для измерения 10 типов ценностей личности на уровне убеждений. Для выявления базовых потребностей личности применялась методика, выявляющая потребности-мотиваторы личности или группы [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ролевые установки супругов в сфере внешней привлекательности. При сравнении выраженности средних показателей ролевых ожиданий, притязаний и ролевой адекватности между «согласованными» и «несогласованными» группами женщин в сфере внешней привлекательности супружества достоверные ($p \leq 0.05$) межгрупповые различия были выявлены по фактору ролевая адекватность (рис. 1).

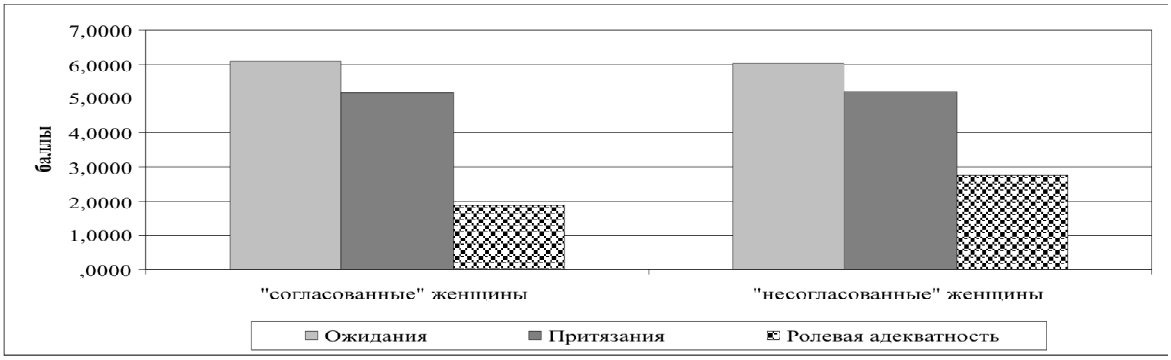


Рис. 1. Средние значения ролевых ожиданий, притязаний и ролевой адекватности в группах женщин

Взаимосвязь личностных особенностей женщин с различной степенью согласованности их ролевых установок в браке и уровнем ролевой адекватности в сфере внешней привлекательности. В целях установления взаимосвязи между степенью ролевой согласованности в сфере внешней привлекательности брака и личностными особенностями испытуемых был проведен корреляционный анализ между этими факторами в исследуемых группах женщин (рис. 2, 3).

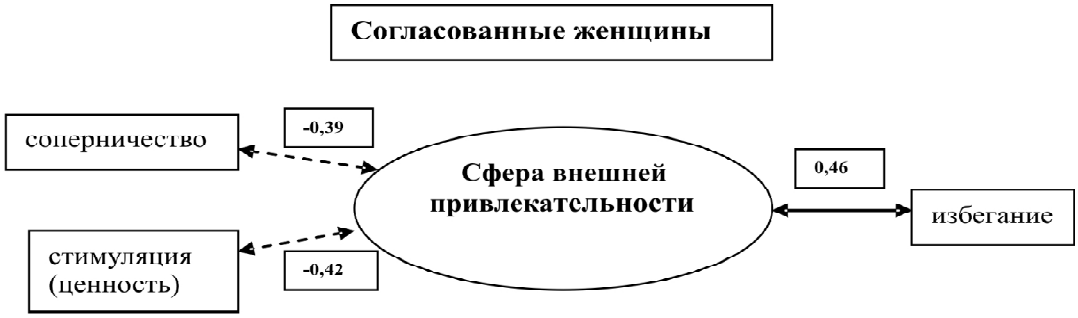


Рис. 2. Корреляционные связи между степенью ролевой согласованности в сфере внешней привлекательности и личностными особенностями «согласованных» женщин.

В группе «согласованных» женщин (рис. 2) тактика соперничества, как тип поведения в конфликтной ситуации, и ценность стимуляции отрицательно корелирует с уровнем конфликтности в сфере внешней привлекательности; положительная взаимосвязь обнаружена с избеганием как тип поведения в конфликте.

В группе «несогласованных» женщин (рис. 3) неудовлетворенность материальным положением и усиление конформности, как ценностной ориентации, отрицательно коррелируют с уровнем удовлетворенности в исследуемой сфере брака; положительная взаимосвязь обнаружена с ценностью доброта.

Рис. 3. Корреляционные связи между степенью ролевой согласованности в сфере внешней привлекательности и личностными особенностями «несогласованных» женщин

Таким образом, в группе женщин, отличавшихся «согласованным» ролевым поведением в супружестве, применение соперничества, как тип поведения в конфликте, и усиление стимуляции, как личностной ценности, обуславливали гармоничные отношения между супругами в вопросах взаимной аттракции. Стратегия избегания (или уклонение) в ситуации конфликта сопровождалась рассогласованием в исследуемой сфере отношений.

В группе женщин, характеризовавшихся «несогласованным» ролевым поведением в супружестве, гармонизации сферы внешней привлекательности способствовали конформность, как ценностная ориентация, и фиксированность на материальном благополучии. Усиление ценности доброта способствовало снижению согласованности в данной сфере отношений между супругами. Данные факты подтверждают первую и вторую выдвинутые нами гипотезы H_1 и H_2.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате исследования с помощью методов тестирования и последующей структурной интерпретации результатов были определены характерные особенности поведения испытуемых в условиях семейного конфликта, затрагивающего тему взаимной аттракции супругов:

• женщины, демонстрирующие лучшую степень ролевой адекватности, ориентированы на активность при разрешении конфликтов и опираются на индивидуальные личностные ценности;

• женщины с ослабленной согласованностью ролевых установок в браке ориентированы на коллективные ценности.

Ролевая согласованность в сфере внешней привлекательности отражает степень ориентации супругов на современные образцы внешнего облика [1]. Согласованность представлений супругов в данной сфере оказывает стабилизирующее действие на семейные отношения и является маркером благополучных сексуальных отношений [8].

Стиль поведения в конфликте – совокупность методов и способов действия в конфликте, ориентированных на достижение определенных целей и реализацию интересов [3]. Хотя обе стратегии, – конкуренция и избегание, не приемлют кооперации, на принципе индивидуального соперничества экономически основывается вся современная культура [11]. Это может играть роль социального стереотипа, вклинивающегося в стереотипы сексуальные, обуславливая стабилизирующее действие соперничества, как тип поведения в конфликтной ситуации, в сфере взаимной аттракции супругов.

Ценностные ориентации являются основной компонентой, формирующей мотивационную структуру личности. Ценность стимуляция, или стремление к новизне и к когнитивным удовольствиям, относится к индивидуальным ценностным ориентациям. Являясь коррелятом любо-

пытства, стимуляция, как ценность, может проявляться как на психосексуальном уровне, так и «запускать» развитие личности в любой сфере человеческой деятельности.

ВЫВОДЫ

1. Группы, различающиеся по уровню согласованности ролевых установок в браке, имеют следующие личностные особенности:

– в группе женщин, отличавшихся «согласованным» ролевым поведением в супружестве, усиление ценности стимуляция и применение соперничества, как тип поведения в конфликте, сопровождалось повышением согласованности в сфере внешней привлекательности. Конфликты между супругами в исследуемой сфере отношений инициировались использованием стратегии избегания в конфликтных ситуациях;

– в группе женщин, характеризующихся «несогласованным» ролевым поведением в супружестве, обострению разногласий в сфере внешней привлекательности способствовало усиление ценности доброта; нивелированию конфликтов содействовали конформность, как ценностная ориентация, и фиксированность на вопросах материальной обеспеченности семьи.

2. Полученные результаты указывают на характерные различия в стилях ролевого поведения женщин в сфере аттрактивных пристрастий: женщины, демонстрирующие лучшую степень ролевой адекватности, применяют активные формы поведения и опираются на индивидуальные личностные ценности; женщины с ослабленной согласованностью ролевых установок в браке ориентированы на коллективные ценности.

3. На основании полученных данных и сделанных выводов, можно сформулировать ряд рекомендаций для работы психологов, занимающихся проблемами семьи: выявленные в исследовании закономерности могут быть использованы как инструмент для выбора психотерапевтической стратегии при работе с супружеской парой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: Эксмо, 2008. – 416 с.

2. *Бурлачук Л. Ф.* Словарь-справочник по психодиагностике. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 688 с.

3. *Вишнякова Н. Ф.* Конфликтология. – Мн.: «Университетское», 2002. – 192 с.

4. *Гозман Л. Я.* Психология эмоциональных отношений. – М.: Изд-воМГУ, 1987. – 174 с.

5. *Гребенников И. Ф.* Основы семейной жизни. – М.: Просвещение, 1991. – 156 с.

6. *Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. –70 с.

7. *Кратохвил С.* Основные типы семейных проблем и их решение // Психология и психотерапия семейных конфликтов. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2008. – С. 119-200.

8. *Кроник А. А.* В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений / А. А. Кроник, Е. А. Кроник. – М.: Мысль, 1989. – 204 с.

9. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: Пособие для врачей / Под ред. Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др. – СПб.: СПб НИПИ, 2005. – 51 с.

10. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.

11. *Хорни К.* Невротическая личность // Психология личности. – Т. 1. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2008. – С. 179-232.

ЦЕНТР ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ «НА СНЕЖНОЙ», г. МОСКВА

УДК 159.922.8
ББК 88.374

ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОДРОСТКОВ ОПЫТА ВОЛОНТЕРСКОЙ РАБОТЫ В ПРОГРАММЕ ТРЕНИНГА «РОВЕСНИК-РОВЕСНИКУ»

С. Ю. Вепренцова

В статье рассматриваются особенности проведения программы «Ровесник – ровеснику» как средства первичной профилактики употребления подростками психоактивных веществ; анализируются критерии отбора старших подростков в качестве волонтеров этой программы; исследуются особенности влияния старших подростков в программе «Ровесник-ровеснику» в качестве волонтеров на развитие социально-психологических характеристик их личности.

Ключевые слова
Социально-психологический тренинг, подростковый возраст, волонтеры, профилактика употребления психоактивных веществ

Сегодня ситуация с распространением и употреблением психоактивных веществ (ПАВ) среди населения приняла в России угрожающий характер. Употребление ПАВ очень часто отягощено различными сопутствующими заболеваниями, такими как гепатит, туберкулез, кожно-венерические заболевания, ВИЧ-инфекция и СПИД. При этом наиболее массовое распространение этих заболеваний происходит в подростковой среде, отрицательно влияя на демографическую ситуацию и угрожая генофонду нации и национальной безопасности России. В этой связи все более актуальным становится активное использование различных методов профилактической работы. В настоящее время одним из самых распространённых способов первичной профилактики ПАВ является метод социально-психологического тренинга (СПТ).

Опыт профилактической деятельности показывает, что значительный ресурс при организации подобной профилактической работы могут составить не только специалисты, работающее с подростками, но и сами подростки, обученные по специальной программе первичной профилактики. В связи с этим в настоящее время все большее внимание уделяется использованию программ профилактики употребления ПАВ под общим названием «Ровесник – ровеснику». Целью таких программ является первичная профилактика употребления ПАВ в подростковой и юношеской среде через развитие волонтерского движения.

Как отмечают специалисты в этой об-

ласти, самый большой процент усвоения и закрепления материала наблюдается в тех случаях, когда старшие подростки выступают в роли наставников младших подростков. Такой вывод основывается, прежде всего, на том, что подростки оказываются в большей социально-психологической зависимости не столько от взрослых, сколько от разнообразных групп сверстников. Влияние сверстников имеет в целом важную роль в жизни подростков, в частности, способствуя или препятствуя началу употребления подростками ПАВ. Подростки, обучающие своих сверстников, могут оказывать эффективное влияние на изменение поведения и мировоззрения младших подростков. Старшие подростки, выступающие в роли со-ведущих профилактических тренингов, являются существенным дополнительным ресурсом воздействия на младших подростков, способствуют донесению до них информации, которая будет восприниматься не с позиции «ребёнок – взрослый», а с позиции «ребёнок – ребёнок». Таким образом, изменения ценностей подростковой субкультуры, формируемых по отношению к употреблению ПАВ, будут происходить не извне (со стороны взрослых), а изнутри (со стороны ровесников, равных по статусу).

Несмотря на большое количество тренинговых программ в сфере первичной профилактики употребления ПАВ, применяемых, как за рубежом, так и в России, и всё большего использования программ профильного типа «Ровесник – ровеснику», системная экспериментальная апробация и последующее внедрение их практически нигде не проводится. При этом важным и актуальным вопросом для экспериментального изучения является не только эффективность проведения СПТ для младших подростков посредством референтных лиц – старших подростков, но и особенности влияния такого СПТ на старших подростков, которые выступают в СПТ в роли со-ведущих.

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют считать изучение протекающих в процессе реализации такой специализированной программы СПТ «Ровесник – ровеснику» личностных изменений старших подростков, – актуальной и значимой научно-практической проблемой современной социальной психологии.

Поэтому нашей целью явилось изучение воздействия программы «Ровесник – ровеснику», используемой при организации профилактики употребления психоактивных веществ методом социально-психологического тренинга на старших подростков, являющихся со-ведущими тренинга.

В ходе работы были решены следующие задачи:

1. Изучен опыт использования социально-психологических тренинговых технологий и программы «Ровесник – ровеснику» в первичной профилактике употребления младшими подростками психоактивных веществ.

2. Выделены критерии отбора старших подростков в роли ведущих программы «Ровесник – ровеснику».

3. Методом поперечных срезов выявлено воздействие проведённого тренинга на старших подростков со-ведущих программы «Ровесник – ровеснику».

Сегодня наиболее часто применяемыми стратегиями профилактической работы являются программы, направленные на развитие личности ребенка и «Ровесник – ровеснику». В их основе лежит понимание того, что эффективность профилактической работы зависит от формирования у подростка различных личностных характеристик (адекватной самооценки, уверенности в себе и т. д.), развития у них навыков эффективного взаимодействия со сверстниками и взрослыми, представлений о здоровом образе жизни и вреде употребления психоактивных веществ и т. д.

Подобные тренинговые профилактические модели основаны на комплексном

характере, помогающем оказывать на подростка всестороннее воздействие, способном «защитить» его от влияния негативных факторов алкоголизации и наркотизации, достигаемом при помощи использования в качестве со-ведущих – сверстников подростков, как группы людей, имеющей наибольшее влияние на детей в пубертатном периоде развития.

Опыт работы по программе «Ровесник – ровеснику», описанный в работах Г. В. Латышева, М. В. Орловой, С. М. Яцыншиной, О. А. Титовой, Д. Д. Речнова [4]; Е. А. Вакулиной, И. Н. Соляновой, Н. А. Рубейкиной [3]; С. В. Березина, К. С. Лисецкого, И. Б. Орешниковой [2] и некоторых других, показывает, что подростки соведущие этой программы (волонтеры) должны обладать следующими характеристиками: высоким статусом в группе сверстников; низким уровнем проявления тревожности, замкнутости, эмоциональной неустойчивости, конформизма; высоким уровнем проявления адекватности самооценки, коммуникативной социальной компетентности, эмпатических способностей, ценностей и социально-психологических установок, направленных на активный здоровой образ жизни; отсутствие проблем общения в семье и в группе сверстников.

Опираясь на перечень этих психологических факторов, нами был проведен отбор подростков со-ведущих в программу «Ровесник – ровеснику».

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГОУ СОШ г. Москвы № 266 (Школа здоровья) в 2009-2010 гг. В программе приняли участие 30 подростков в возрасте 15-16 лет, из которых впоследствии 8 были обучены по программе «Ровесник – ровеснику».

Для отбора старших подростков для участия в программе «Ровесник – ровеснику» и диагностики особенностей влияния программы на личность самого подростка со-ведущего социально-психологического тренинга первичной профилактики употребления ПАВ, нами были использованы следующие методики.

1. Методика диагностики межличностных и межгрупповых отношений («Социометрический тест») М. Битяновой, включает в себя три диагностические процедуры: классическую социометрию (изучает структуру эмоциональных отношений в группе); аутосоциометрию (изучает адекватность представлений членов группы о своем положении в эмоциональной структуре группы); референтометрию (выявление референтных лиц, членов группы, обладающих ценностной привлекательностью и, возможно, психологическим влиянием в группе).

2. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

3. Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПОР; Е. Шафер).

4. Методика диагностики уровня школьной тревожности Филипса.

5. Методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла.

6. Диагностика коммуникативной социальной компетентности (КСК).

7. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко.

8. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребной сфере О. Ф. Потемкиной.

В результате проведения диагностического этапа нами была отобрана группа подростков-волонтеров, ведущих профилактических тренинговых занятий. Это были подростки в возрасте 15-16 лет в количестве 8 человек.

Критериями отбора волонтёров стало наличие у них не менее 5 показателей из всех ниже перечисленных характеристик личности:

– наличие высокого статуса в группе сверстников (и естественно их желание в этом участвовать, а также согласие родителей); сформированность нравственных ценностей, которые приняты в его семье,

школе, социальном окружении; отсутствие конфликтов в семье и школе; удовлетворенность отношениями со взрослыми и сверстниками; низкий уровень школьной тревожности, внушаемости, подчиняемости, конформности поведения, замкнутости; высокий уровень уверенности в себе и эмоциональной устойчивости; склонность к альтруизму.

В ходе тестирования было выявлено, что у определенной части подростков выражены:

– высокий положительный статус в группе сверстников, положительное отношение подростков к своим родителям (8 человек - 26,7%);

– преобладание ценностей здоровья, счастливой семейной жизни (по 9 человек – 30%), наличия хороших и верных друзей, активной деятельной жизни и любви (по 3 человек – 10%), а также воспитанности (6 человек – 20%); образованности, ответственности, широты взглядов (4 человека – 13,3%); терпимости, самоконтроля и жизнерадостности (по 3 человека – 10%);

– низкий уровень школьной тревожности (10 человек – 33,3%);

– высокий уровень развития общительности (8 человек – 26,7%), эмоциональной устойчивости (10 человек – 33,3%), стремления к доминированию в группе (8 человек – 26,7%), высокой нормативности поведения (8 человек – 26,7%), смелости (11 человек – 36,7%), благожелательности (9 человек – 30%), уверенности в себе (10 человек – 33,35), самоконтроля (8 человек – 26,7%), адекватности самооценки (17 человек – 56,7%);

– открытость, общительность, эмоциональная устойчивость, жизнерадостность, чувствительность, независимость, ориентация на себя, умение подчиняться правилам (16 человек – 53,3%);

– высокий уровень эмпатии и ориентации на альтруизм, результат, власть и труд (9 человек – 30%).

Обработка полученных результатов диагностики старших подростков с помощью пакета статистической обработки SPSS 12.0, применяемого для корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена показала наличие положительной связи:

– высокого статуса подростков в группе сверстников с высокими показателями по шкалам аутосоциометрии (0,904 балла), референтометрии (0,823 балла), эмпатии (0,536 балла), общительности (0,505 балла), эмоциональной устойчивости (0,612 балла), уверенности в себе (0,490 балла), а также позитивного отношения к матери (0,636 балла) и к отцу (0,715 балла);

– высокого уровня эмпатии у школьников с высоким уровнем проявления альтруизма (0,561 балла), эмоциональной устойчивости (-0,605 балла), а также с низким уровнем подозрительности (-0,497 балла) и т. д.

Итогом диагностического этапа стало выделение группы подростков в количестве 8 человек, у которых в той или иной степени оказались выражены выше перечисленные факторы. В группу были включены 4 мальчика и 4 девочки.

Важным критерием при включении подростков в качестве волонтеров и участников программы «Ровесник – ровеснику» стало собеседование с родителями подростков, в ходе которого объяснялись цели и задачи программы, и уточнялся вопрос: согласны ли взрослые, чтобы их дети приняли участие в программе. Дополнительно с каждым из подростков проводилось первичное индивидуальное консультирование, на котором проверялись и уточнялись результаты психодиагностического обследования и уровень мотивации подростков-волонтеров их готовность участвовать в программе формирующего эксперимента.

На профилактическом этапе работы были организованы занятия волонтеров-подростков по программе профилактики.

Были выделены следующие цели социально-психологической подготовки волонтеров на первом этапе: тренировка навыков эффективной коммуникации и разрешения конфликтных ситуаций; развитие уверенности в себе и адекватной самооценки; повышение информированности подростков по проблемам употребления психоактивных веществ; знакомство с технологией проведения профилактической работы; осознание границ своей компетентности и ответственности в работе.

Работа на первом этапе реализации программы помогла подготовить волонтеров, провести на должном профессиональном уровне занятия, почувствовать ответственность за порученное им дело.

На втором этапе волонтеры начали осуществлять практическую деятельность по первичной профилактике употребления ПАВ.

Программа профилактических занятий включала в себя проведение старшими подростками:

– социально-психологического блока. Цели занятия: знакомство с участниками проекта; сплочение команды; развитие навыков конструктивного взаимодействия и решения проблем; знакомство с тренинговой формой работы.

– личностного блока. Цели занятий – формирование умения осознавать, что со мной происходит, анализировать собственное состояние формирование умения эмпатии, навыков противостояния групповому давлению, умения ставить перед собой краткосрочные и перспективные цели и достигать их;

– информационно-профилактический блок. Цели занятий – предупреждение первых проб наркотиков путем опровержения мифов о наркотиках и предоставления информации о влиянии наркотиков на организм, развития зависимости от них, а также предоставление альтернатив получения удовольствия без наркотиков.

В каждой из групп подростков ведущими были по двое подростков.

При этом социально-психологический и личностный блоки вели педагоги-психологи, а информационно-профилактический блок – волонтеры.

На занятиях первых двух блоков волонтерам давалась возможность проводить некоторые игры-разминки, что способствовало их привыканию к группе и постепенной адаптации в роли ведущих.

На контрольном этапе эксперимента была проведена – повторная диагностика старших подростков, выступивших в качестве волонтеров (сформированность уровня альтруистических, коммуникативных, лидерских качеств личности, способствующих развитию творческих навыков).

Повторное тестирование группы волонтеров показало, что по сравнению с первичным тестированием результаты ребят по отдельным шкалам практически не изменились. Так высокий статус подростков в группе сверстников был выявлен у 7 человек (87,5%), у опрошенных нами школьников расширился список значимых для них терминальных и инструментальных ценностей (здоровья, активной деятельной жизни, любви, продуктивной жизни, наличия хороших и верных друзей и счастливой семейной жизни, воспитанности, жизнерадостности, независимости, образованности, ответственности, самоконтроля, твердой воли, терпимости и широты взглядов).

У 7 волонтеров (87,5%) был выявлен высокий уровень позитивной оценки своих взаимоотношений с матерью и отцом, у 8 (100%) – низкий уровень школьной тревожности, эмоциональной неустойчивости, экспрессивности, проявления неадекватности самооценки.

Высокий уровень развития доминантности, нормативности поведения, чувствительности, коммуникативной социальной компетентности, мотивации на труд оказался характерен для 6 учащихся (75%), доверчивости, самоконтроля, эм-

патии, мотивации альтруизма – для 7 человек (87,5%).

Полученные в ходе нашего исследования данные позволяют говорить нам о том, что участие подростков 15-16 лет в качестве со-ведущих социально-психологического тренинга в программе «Ровесник – ровеснику» положительно влияет на формирование нравственных ценностей подростка, принятых в его семье, школе, социальном окружении; уровня развития коммуникативной компетентности, эмпатии, склонности к альтруизму, адекватности представлений о своем положении в эмоциональной структуре группы; а также не оказывает негативного влияния на структуру эмоциональных отношений подростка в группе и его привлекательности, степени психологического влияния в группе сверстников.

Таким образом, полученные данные исследования показывают, что использование старших подростков в качестве соведущих профилактических программах «Ровесник – ровеснику» является психологически безопасным для этих ребят и помогает им развить в себе целый ряд положительных социально-психологических качеств, сформировать у них активную жизненную позицию в области распространения идей здорового образа жизни, что безусловно важно и для них самих, и для более младших подростков, с которыми они работают.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеева Л. Ф., Слизовская Г. В. Психологические факторы зависимого поведения личности // Российский научный журнал. – 2009. – №3(10). – С. 3-7.

2. Березин С. В., Лисецкий К. С., Орешникова И. Б. Пути и методы предупреждения подростковой и юношеской наркомании. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999.

3. Новые технологии психосоциальной и физкультурно-оздоровительной работы в первичной профилактике наркомании среди детей и молодежи / Под ред. Е. А. Вакулиной, И. Н. Соляновой, Н. А. Рубейкиной. – Саратов: ООО «БонапартПС», 2006.

4. Латышев Г. В., Орлова М. В., Яцышин С. М., Титова О. А., Речнов Д. Д. Смотри по жизни вперед / Руководство по работе с подростками. – СПб.: ООО «Издательский дом «Ars Longa», 2002.

5. Лозовой В. В., Лозовая Т. В. Ресурсы здоровья. Методическое обеспечение программы профилактики наркомании, токсикомании и иных зависимостей среди детей и подростков в образовательных учреждениях в курсе «Основы безопасности жизнедеятельности». – Екатеринбург: Издательство Дома учителя, 2000.

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КОЛОМНА

УДК 159.947
ББК 88.352
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ВРЕМЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОЛЕВОГО ДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОЛЕВОЙ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ

В. В. Гордеев

Статья посвящена рассмотрению проблемы времени в структуре волевого действия. Анализируются подходы к восприятию времени в контексте «волевой системы координат» и «факторное пространство переживания времени». Показано влияние восприятия времени на поведение человека. Выделено «временное пространство волевого действия» в факторном пространстве переживания времени. Предложено изучать проблему воли через призму восприятия времени человеком.

Ключевые слова
«Волевая система координат», психологическое время, «сфера временных переживаний», «временное пространство волевого действия»

Современные достижения науки и техники открыли возможности точного измерения времени, однако актуальными остаются вопросы, касающиеся отражения времени в переживании человека, о способах и особенностях восприятия, о влиянии восприятия времени на поведение человека.

По мнению Г. М. Коджаспировой, «Способность начинать и исполнять действие определенным образом, в данном времени и пространстве, преодолевая при этом внутренние препятствия (т. е. свои непосредственные желания и стремления); способность субъекта к сознательному управлению своим поведением, мобилизация сил на преодоление трудностей, стоящих на пути к цели» – есть воля [5. С. 26]. Время, «связывая воедино» самого человека, его цели, мотивы, препятствия (внешние и внутренние) и действия, предполагает серьезный его анализ в контексте предложенной нами гипотетико-теоретической модели «волевой системы координат» [2. С. 164-169].

Время, в толковом словаре, имеет несколько определений: 1) категория глагола, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего; 2) определенный момент, в который происходит что-нибудь; 3) продолжительность, длительность чего-нибудь, измеряемая секундами, минутами, часами; 4) промежуток той или иной длительности, в который совершается, что-нибудь, последовательная смена часов, дней, лет; 5) период или момент, не занятый чем-нибудь, свободный от чего-нибудь [7. С. 103].

Для человека, находящегося в центре

«волевой системы координат», (См. рис. 1), индивидуальное восприятие времени есть процесс психического отражения объективно совершаемых им самим действий в направлении сознательно поставленнойцели, а так же работы направленной на преодоление препятствий, как внешних,так и внутренних, стоящих на пути к цели. Поэтому время, в «волевой системе координат», может выступать двояко. С одной стороны – как некий внешний фактор и объект восприятия,то есть как время физическое (секунды, минуты, часы, дни, месяцы, годы и т. д., то есть время хронометра), а с другой – как субъективный образ физического времени, то есть время психологическое [2. С. 168].

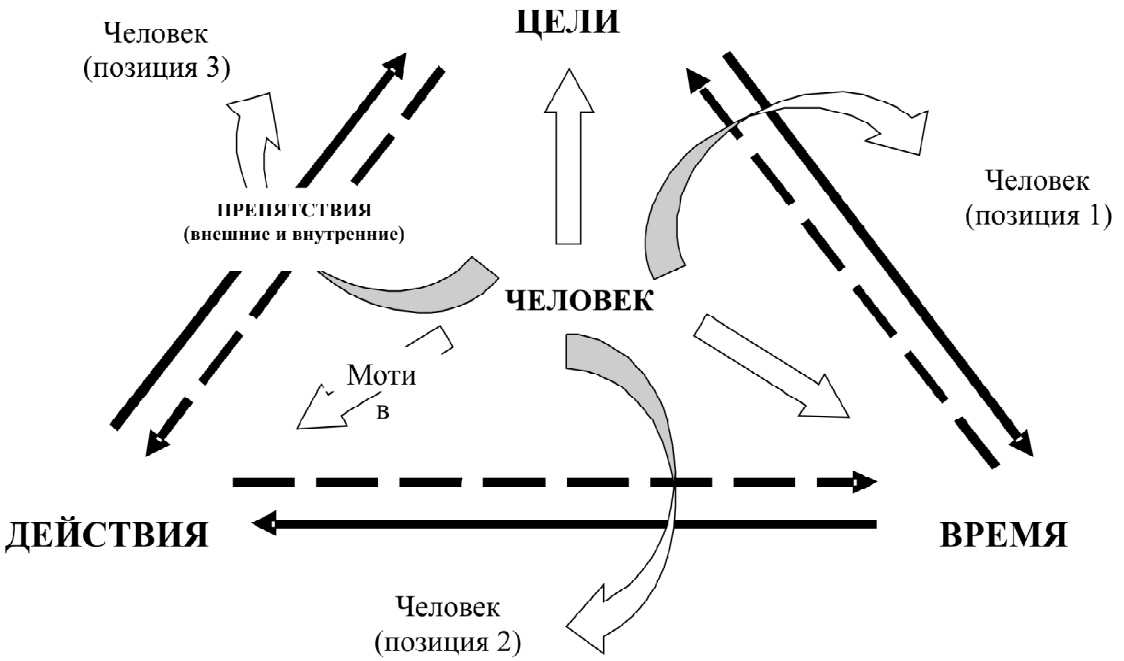


Рис. 1 Волевая система координат

«Как и любой перцептивный образ, психологическое время не обязательно должно быть тождественно времени физическому, но требование адекватности сохраняется», – считает В. В. Никандров [6. С. 246].

С точки зрения событийной концепции особенности времени психологического зависят от количества и интенсивности происходящих событий – изменений во внутренней и внешней среде, в деятельности человека.

Стив Тейлор описывает пять законов психологического времени: 1) С возрастом время ускоряется; 2) Когда человек открыт новым впечатлениям или находится в новой для себя обстановке, время замедляется; 3) Если человек чем-то поглощен, время проходит быстро; 4) Если человек ни на чем не сосредоточен, время тянется медленно; 5) Время часто замедляется или совсем останавливается в ситуациях, когда «сознание» временно отключается [9. С. 245].

На наш взгляд, факт существования психологического настоящего является ключевым в раскрытии механизмов переживания времени в процессе совершения человеком волевого действия.

Восприятие времени – это когнитивный процесс. В целом, чем большее количество когнитивных операций человек производит, тем больше как ему кажется, прошло времени, утверждают Ф. Зимбар-

до и Дж. Бойд [3. С. 23].

Их работа открывает объемное измерение временной перспективы, и в настоящее время ими определено шесть временных перспектив: две временные перспективы, ориентированные на прошлое (негативное прошлое и позитивное прошлое), две – на настоящее (фаталистическое настоящее и гедонистическое настоящее) и две на будущее (будущее и трансцендентное будущее) [3. С. 58].

По их мнению действия человека в каждый конкретный момент времени, не только зависят от ситуации, в которой он находится в этот момент, но также и от всего того, что он испытывал ранее, и от всех его ожиданий в отношении будущего. Это учитывается в каждом из его действий. Каждое из его действий происходит во временной перспективе; оно зависит от его «временного горизонта» в тот момент, когда оно происходит [3. С. 57, 58].

Иными словами ориентация на определенную временную перспективу изменяет поведение человека именно в настоящем.

С точки зрения причинно-целевого подхода единицей психологического времени является межсобытийная связь воспринимаемая человеком (Е. И. Головаха и А. А. Кроник) [1. С. 111, 112].

Теоретическими предпосылками данной концепции являются философские и культурологические представления о связи между временными и причинными отношениями. В ее основе – реляционный подход к проблеме времени в целом, согласно которому длительность, последовательность, направление и другие свойства времени производны от структуры конкретного процесса и отношений между происходящими в нем событиями.

Ключевое положение причинно-целевой концепции психологического времени определяется следующим образом: психологическое время формируется на основе переживания человеком детерминационных связей между основными событиями его жизни. Специфика детерминации заключается в том, что наряду с причинной обусловленностью последующих событий предшествующими (детерминация прошлым) имеет место и детерминация будущим, то есть целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности [1. С. 197].

Детерминационные связи характеризуются: направлением, знаком, протяженностью, субъективной вероятностью, принадлежностью к прошлому, настоящему или будущему и существуют вне зависимости от того осознает ли их человек, воспринимает ли как объективно существующие или нет.

По своему направлению связи разделяются на причинные (из прошлого в будущее) и целевые (из будущего в прошлое). В контексте «волевой системы координат» направленность детерминационных связей очевидна для каждой из составляющих.И самым важным на наш взгляд является тот факт, что само «время» выступает причиной с одной стороны и средством с другой.

По своему знакусвязи разделяются на положительные, связанные с достижением, и отрицательные – связанные с избеганием. Протяженность связи определяется хронологическим интервалом между событием-причиной и событием-следствием (или событием-целью и событием-средством). Субъективная вероятностьмежсобытийной связи характеризует степень уверенности человека в том, что одно событие выступает детерминантой другого [1. С. 198].

В рамках причинно-целевой концепции проблема взаимосвязи психологического прошлого, настоящего и будущего находит следующее решение. Содержание психологического прошлого определяется совокупностью, так называемых реализованных связей, которые соединяют между собой события хронологического прошлого. Психологическое настоящее включает в себя актуальные связи, то есть те связи, реализация которых уже началась,

но еще не завершилась, и которые соединяют между собой события хронологического прошлого, с одной стороны, и будущего – с другой. И наконец, психологическое будущее личности составляют потенциальные связи, реализация которых еще не началась, поскольку они соединяют между собой предполагаемые события хронологического будущего.

В контексте «волевой системы координат» человек, реализующий в настоящем (фаталистическое настоящее или гедонистическое настоящее) сознательно поставленную цель (реализация актуальной связи), одномоментноможет переживать связи реализованные (позитивное прошлое или негативное прошлое), а также думать о будущем, иногда о трансцендентном будущем, переживая при этом связи потенциальные.

Реализация актуальных связей предполагает совершение человекомединичных действий, а также отдельных поступков, что является неким актом. От латинского, акт – это вообще всякое сбывшееся действие, то есть действие совершенное и имеющее результат.

Волевой акт – это сложный, развернутый во времени, процесс, включающий целую цепь различных моментов и последовательность различных стадий или фаз, связи между которыми детерминированы.

Так по С. Л. Рубинштейну, в сложном волевом действии выделяют основные четыре стадии, или фазы: 1) возникновение побуждения и предварительная постановка цели; 2) стадия обсуждения и борьба мотивов; 3) решение; 4) исполнение [8. С. 190].

По Д. Н. Узнадзе, волевой процесс содержит три периода: 1) подготовительный период решения, который выявит, какое решение следует принять и по каким соображениям; 2) период принятия самого решения; 3) период выполнения решения [10. С. 130].

По В. В. Никандрову, принципиальными моментами любого волевого процесса являются: 1) побуждение; 2) постановка предварительной цели; 3) борьба мотивов; 4) принятие решения; 5) исполнение решения через действие [6. С. 495, 496].

Волевое поведение реализуется в волевых поступках, действиях, выполняемых с заранее поставленной целью. Волевые действия характеризуются наличием цели, трудностей, напряжением, переживаемым в ходе их выполнения и, как отмечает И. М. Ильичева, считаются завершенными, если принятое решение получило практическую реализацию [4. С. 5].

Мы считаем, что причинно-целевая концепция, сформированная в исследованиях биографического масштаба психологического времени, может быть применима к анализу ситуативных переживаний времени – в коротких интервалах волевых проявлений (волевого действия) в контексте «волевой системы координат».

Е. И. Головахой и А. А. Кроником также сделан вывод о «существовании трех основных свойств психологического времени: степень дискретности, напряженности и эмоциональная оценка диапазона времени».

Эти факторы являются основными координатами пространства переживания времени, специфическими базисными свойствами психологического времени личности, (См. Рис. 2) [1. С. 144].

Дискретное время – это время скачкообразное, прерывистое, раздробленное, чаще разнообразное. Континуальное – время плавное, непрерывное, цельное, с тенденцией к однообразию [1. С. 144].

Напряженное время – это время сжатое, насыщенное, организованное, достаточно быстрое. Ненапряженное – растянутое, пустое, неорганизованное, медленное. Переживание напряженности – ключевая проблема психологии времени, поскольку с ним связаны загадки растяжимости времени, его субъективной скорости и собы-

тийной насыщенности [1. С. 146, 147]

На полюсах фактора эмоционального отношения к диапазону времени переживание времени может быть – неприятно-

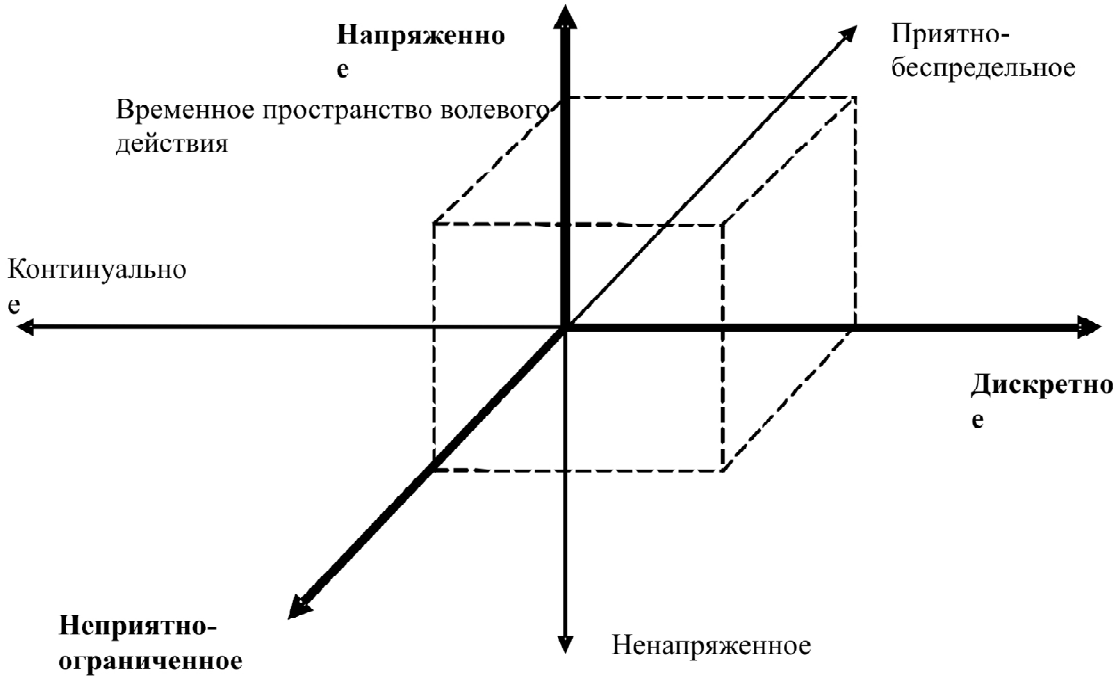


Рис.2 Факторное пространство переживаний времени

ограниченным или приятно-беспредельным [1. С. 148]

По данным их исследования, эти факторы являются независимыми, следовательно, любое переживание времени может быть формально представлено в виде точки или некоторой области в трехмерном пространстве, координаты которого соответствуют значениям того или иного фактора. Анализу может быть подвергнуто восемь трехмерных пространств (См. Рис. 1), образованных соответствующими осями – полюсами факторного пространства: 1) Континуальное, ненапряженное, неприятно-ограниченное; 2) Континуальное, напряженное, неприятно-ограниченное; 3) Континуальное, напряженное, приятно-беспредельное; 4) Континуальное, ненапряженное, приятно-беспредельное; 5) Дискретное, ненапряженное, приятно-беспредельное; 6) Дискретное, напряженное, приятно-беспредельное; 7) Дискретное, ненапряженное, неприятно-ограниченное; 8) Дискретное, напряженное, неприятно-ограниченное.

Подобным способом, представленное факторное пространство, или, образно говоря, «сфера временных переживаний», позволяет понять возможность сосуществования тех временных феноменов, которые на первый взгляд могут казаться взаимоисключающими [1. С. 149].

В факторном пространстве переживания времени ось «континуальное – дискретное» (См. Рис.2), может рассматриваться как «линия времени», в которой континуальная составляющая характеризует хронологическое прошлое (время плавное, непрерывное, цельное, с тенденцией к однообразию), а дискретная составляющая – хронологическое будущее (время скачкообразное, прерывистое, раздробленное, чаще разнообразное). Точка пересечения «линии времени» с осями напряженности восприятия времени и эмоционального отношения к диапазону времени, образует начало координат факторного пространства переживания времени, именно в момент возникновения у человека соответствующего

побуждения и предварительной постановка цели, то есть в момент начала сложного волевого действия.

На наш взгляд особый интерес представляет трехмерное пространство, образованное временем дискретным (скачкообразным, прерывистым, раздробленным, чаще разнообразным), временем напряженным (сжатым, насыщенным, организованным, достаточно быстрым) и характеризующееся неприятно-ограниченным эмоциональным отношением к диапазону переживания времени (См. рис. 2).

Волевое действие (волевой акт) – это сложный, развернутый во времени, процесс, включающий целую цепь различных моментов и последовательность различных стадий или фаз, характеризующийся разнообразием, прерывистостью, раздробленностью, началом и окончанием. Любая цель, являющаяся для человека значимой, в том случае если она достижима, может быть определена во времени, как конкретный момент наступления события, момент реализации цели. Поэтому в процессе реализации цели время одномоментно воспринимается разнообразным, прерывистым, сжатым, быстрым, насыщенным, организованным и переживается как напряженное и неприятно ограниченное, поскольку характеризующееся окончанием.

Мы считаем, что трехмерное факторное пространство временных переживаний, характеризующееся факторами дискретности, напряженности и неприятно-ограниченным эмоциональным отношением к диапазону переживания времени, может рассматриваться как «временное пространство волевого действия» в отношении реализации одной сознательно поставленной цели (См. рис. 2).

Очевидно, что проблема времени в структуре воли человека нуждается в дальнейшем анализе, исследованиии всестороннем изучении, несмотря на обширный материал по каждой из тем имеющийся в психологии.

Соединение времени и воли в единое гармоничное целое позволит на наш вгляд, сделать еще один шаг в направлении постижения феномена человека и условий, при которых возможно его максимальное развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и дополн. – М., Смысл, 2008. – 267 с.

2. Гордеев В. В. Волевая система координат в контексте различных теорий воли / В. В. Гордеев // Российский научный журнал. – 2011. – № 2(21). – С. 164-169.

3. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.

4. Ильичева И. М. Психология воли. Информационно-методические материалы к теме. – Коломна: КПИ. 1999. – 20 с.

5. Коджаспирова Г. М. Словарь психолого-педагогический: Безопасность образовательной среды. – М.: Экон-Информ, 2010. – 208 с.

6. Никандров В. В. Психология: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 912 с.

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. – Т. II. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.

9. Тейлор С. Покорение времени: как время воздействует на нас, а мы на время / Стив Тейлор; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 256 с.

10. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, г. МОСКВА

УДК 159.9
ББК 88.5
Социальная психология

СУЕВЕРИЕ КАК ВАРИАНТ ОБЫДЕННОГО ЗНАНИЯ

М. Ю. Долгорукова

В статье рассматриваются особенности обыденного сознания в структуре массового. Описывается подробно один из видов обыденного знания – суеверие. Раскрываются различные точки зрения о суеверии. Предлагается дальнейший путь изучения данного феномена.

Ключевые слова
Обыденное сознание, массовое сознание, суеверие

Одним из символов нашего времени стал настоящий культ астрологов, хиромантов, колдунов, экстрасенсов и т. д. Существование научного и обыденного сознания уже долгое время рассматривается в психологии.

Первобытное, как называл его еще Леви-Брюль, мышление представляет собой особую структуру, функционирующую совместно с логической мыслью, и не перерастает в логическую [6]. Обыденное сознание не включает в себя использование валидизированных методик, не строится по законам формальной логики, в то время как научное познание вырабатывает строгие правила, логические выводы [4].

В социальной психологии в больших объемах изучаются яркие формы обыденного сознания человека. К ним относятся исследования стереотипов, социальных представлений, предрассудков, суеверий.

Среди различных форм категоризации существуют такие, и не имеют оснований для существования, которые не поддаются никакому объяснению. Суеверия, пожалуй, – самая неизученная форма обыденного сознания индивида. На данный момент очень сложно встретить исследования, связанные с изучением суеверий.

Несмотря на то, что в настоящее время наука добилась огромного прогресса, множество явлений изучено рациональным путем, большое количество ранее необъяснимых явлений проверено опытом и выявлены всевозможные закономерности, в повседневной жизни редко встретишь человека абсолютно несуеверного. По словам ученых Института социологии РАН, вера в явления, научно не доказанные, невероятные и чаще магические, существует среди людей различного пола, возраста, социального статуса.

Безотчетный страх человека перед числами, датами, поступками, предметами представляет собой тот или иной фраг-

мент языческого мировоззрения или языческое отношение к миру. Так, вера в завязанные узелки, платочки, счастливые или несчастливые дни предполагает веру во всемогущество вещей и чисел, а значит, ведет к их обожествлению.

Такое положение вещей в современном активно развивающемся научно и технически мире делает ***актуальным*** изучение различного рода суеверий. Раз они существуют и сегодня, значит, служат человеку в его жизни, стоит только понять, чем они полезны и почему до сих пор существуют.

Цель данной работы выявить факторы, влияющие на существование суеверий. Для этого нужно решить следующие ***задачи:*** 1) изучить различные варианты исследований феномена суеверия, 2) понять взгляды различных ученых на данный вопрос и 3) выдвинуть свои предположения о дальнейшем исследовании данного феномена.

Наше исследование является ***теоретическим.*** Ведь, чтобы исследовать какое-либо явление эмпирически, для начала надо изучить всю теоретическую базу, которая касается данного вопроса.

Определение понятия суеверие

Суеверия – вера во всякого рода приметы, гороскопы, предсказания, чудеса, гадания и т. п. – уходит своими корнями в далекое прошлое человечества. Вначале они отражали его бессилие перед окружающей природой, неспособность обнаружить в ней истинные причинно-следственные связи, а потом – бессилие и страх перед социальными явлениями и процессами, перед завтрашним днем, а также надежду на то, что изменить жизнь, судьбу помогут сверхъестественные силы или магические действия [7].

Слово «суеверие» происходит от древнеславянского слова «всуе» – «бесполезно», «напрасно», «попусту». Его значение имеет различные оттенки: 1) суетное, тщетное, т. е. ложное верование, которому противопоставляется истинная вера, формулируемая в вероучениях развитых религий; с рационалистической точки зрения – всякая вера в сверхъестественные явления; 2) неполноценная, превратная, ложная вера; 3) вера в действие и восприятие сил, не объяснимых законами природы [1].

Если просмотреть различные словари, где встречается понятие «суеверие», то мы увидим, что определения очень схожи между собой. Возьмем для примера некоторые из них. Так, С. И. Ожегов определяет суеверие как предрассудок, основанный на вере во что-нибудь сверхъестественное [8], а В. И. Даль пишет: «Суеверие – это ошибочное, пустое, вздорное, ложное верованье во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, в приметы, знаменья; вера в причину и последствие, где никакой причинной связи не видно» [2]. Суеверие, или «вера всуе», является верой в рамках повседневной жизни и противоречит религии. Во всяком случае, христианская культура Западной Европы выработала совершенно однозначное отношение к тайному знанию: все, что не от Бога, то от дьявола. Как правило, к суевериям относят представления, связывающие между собой предметы и явления, между которыми невозможно установить объективной связи.

Суеверие принимает за реальность существование магических, таинственных сил, которые оказывают благотворное или вредное влияние на жизнь людей, а также определяют известные явления природы [9].

Язычество остается истоком современных суеверий, но от язычества их отличает то, что они не представляют целостного языческого миросозерцания, а существуют отрывочно и обособленно, не включаясь в какую-либо общую систему миропонимания. Чаще их передача осуществляется не от некоего «эксперта» язы-

ческих знаний (целителя, колдуна, оккультиста, экстрасенса или уфолога), а от простого человека к такому же человеку.

Взгляд исследователей на феномен суеверия

Ю. В. Саенко анализирует суеверия в качестве установок и выделяет в них когнитивный, аффективно-эмоциональный и поведенческий компоненты [10].

Л. Леви-Брюль рассматривает суеверия как разновидность коллективных представлений, возникающих посредством передачи от поколения к поколению в результате действия механизмов внушения, заражения и подражания. В суевериях смешаны когнитивные элементы с эмоциональными переживаниями, вызванными явлениями окружающего мира [6].

А. Леман подчеркивает, что хотя суеверие и является заблуждением, не признаваемым ни в религии, ни в науке, вместе с тем очень трудно определить какой-либо взгляд как суеверный и установить границы суеверия. С помощью магических операций человечество всегда стремилось к познанию фактов, лежащих вне пределов обыкновенного опыта и необъяснимых общепринятыми способами, пыталось получить власть над внешним миром, недостижимую обыкновенными средствами [7].

По мнению П. Я. Гальперина, у суеверия есть такая функция, как классификация и обобщение впечатлений от окружающего мира, но он оговаривает, что происходит это на основе наглядных, непосредственно воспринимаемых и ситуационно связанных признаков, в результате чего существенные свойства предметов остаются понятыми неправильно. В суевериях субъект плохо отделяет свои представления от объекта, который их вызвал [1].

Говоря о познавательных возможностях суеверий, следует сослаться на мнение И. Дзялошинского, который считает, что суеверия несовместимы с критичностью, сомнениями, дискуссионностью [10].

Аффективно-мотивационный аспект суеверия был также заложен Л. Леви-Брюлем, который подчеркивал эмоциональный характер коллективных представлений и рассматривал страх, надежду, ужас и соответствующие им потребности в качестве важнейших элементов коллективных представлений [6].

Чувство бессилия перед таинственным и непознаваемым заставляет человека игнорировать противоречия непосредственного опыта и связывать между собой явления, в действительности ничем не связанные. При этом тот же человек мыслит рационально в ситуациях, когда он сыт, здоров, весел, поскольку нет причин для обращения к защите и покровительству сверхъестественных сил [1].

Д. В. Ольшанский, ссылаясь на исследования ученых из Хартфордширского университета, показывает, что суеверия являются механизмом психологической защиты, самопомощи для людей, испытывающих постоянное беспокойство, с трудом переносящих состояние неопределенности, нуждающихся в психологическом контроле. Считается также, что само по себе суеверие не является признаком глупости, невежества или человеческой слабости, оно может быть присуще людям разумным и образованным. Причиной живучести суеверий является ощущение способности контролировать непредсказуемости судьбы и внесение некоторого порядка в тревожную неопределенность жизни [9].

Если опираться на мнение А. Маслоу, можно сказать, что суеверия позволяют человеку справиться со своим страхом перед неизвестностью и неопределенностью и таким образом способствуют его адаптации.

В начале XX столетия о суевериях писал Зигмунд Фрейд. Отрицая существование сверхъестественных сил, он развивал теоретическое представление о том, что

подобные верования представляют собой экстернализацию конфликтов и вытеснений, обнаруживаемых в бессознательном [11].

Основываясь на теории Э. Фромма, суеверия можно рассматривать как зависимость субъекта от некоторой внешней силы, призванной защищать, заботиться и нести ответственность за результаты его собственных поступков. Э. Фромм называет эту внешнюю силу волшебным помощником. Волшебный помощник, персонифицированный в суевериях в виде божеств, ведьм, знахарей и других лиц, обладающих сверхъестественными силами, призван помочь человеку удовлетворить свои актуальные потребности без приложения собственных усилий. В большинстве суеверий ответственность за происходящие с человеком несчастья переносится на нечистую силу. Таким образом, Э. Фромм подчеркивает атрибутивную функцию суеверий – приписывание причин совершаемых человеком поступков внешним по отношению к нему объектам и явлениям [12]. Атрибутивную функцию суеверий можно проследить в исследовании посвященном изучению веры в сглаз. Люди верящие в существование дурного сглаза, перекладывают причины происходящих с ними бед на других людей, на чужой взгляд [3].

Согласно исследованию, проведенному Ю. В. Саенко, большинству суеверных людей присуще стремление к безопасности, которое отражает потребность человека чувствовать себя защищенным, избавляться от страха и неудач. Закреплению, фиксации веры в мистическое и различные предзнаменования способствуют отмечаемые субъектом совпадения, то есть подтверждения, которые воспринимаются как закономерные [10].

Что касается поведенческого аспекта, суеверие тут рассматривается как регулятор поведения и деятельности человека в обществе (по отношению к другим людям), в природе (по отношению к животным, растениям, неживым объектам) и в мире созданных человеком вещей (по отношению к предметам культуры). Упор делается на реализации вовне (в обрядах, ритуалах и т. п.) суеверных представлений, эмоций, мотивов индивида [11].

Бихевиористы интерпретировали формирование индивидуального суеверного поведения на основе «несущественных» или «случайных» подкрепляющих обстоятельств [10].

Существуют некоторые статистические данные о приверженности людей различным суевериям. Но в основном они достаточно стары. Так, например, в своей книге 1983 года Григулевич и Лаврецкий пишут о том, что каждый четвертый американец верит в астрологию и предсказания; 38% американцев в возрасте от 18 до 24 лет воспринимают астрологию как науку. А по утверждениям журнала «Париматч» этого же года, французы выплачивают астрологам и жрецам черной магии больше денег, чем затрачивается в стране на научные исследования [9]. Конечно, можно сказать, что эти данные прошлого века и современное общество более развито, чем 30 лет назад, но существуют современные исследования, проведенные на нашем факультете, среди студентов-психологов МГУ им. М. В. Ломоносова и вузов других регионов страны. Студенты нашего факультета менее суеверны, чем студенты из других городов, но, оказывается, около 38% студентов-психологов МГУ им. М. В. Ломоносова верят в черную магию, 25% – носят талисманы, 21% – верят в родовое проклятье, а 10% – доверяют гаданию по руке [5].

Что касается связи веры в различные суеверия и личностных особенностей человека, то, опираясь, например, на исследование Ю. В. Саенко, можно говорить о связи суеверности с локусом контроля человека и тревожностью. Ю. В. Саенко говорит о том, что экстерналам и тревожным больше свойственно следование различным суевериям. Также стоит отметить,

Дж. Роттера – он подчеркивал, что по сравнению с интерналами у экстерналов выше уровень тревожности и депрессивности, они хуже адаптированы [10]. Были проведены исследования связи степени суеверности и таких показателей, как интеллект, академическая успеваемость, научное познание, решение силлогизмов (самый высокий уровень значимости). В исследованиях, где изучалась связь суеверности и критичности мышления, были получены неоднозначные результаты [5], но стоит заметить, что говоря о критичности мышления, как правило, имеют в виду качество мышления, которое позволяет осуществлять строгую оценку результатов умственной деятельности, обнаруживать в них сильные и слабые стороны, доказывать истинность выдвигаемых предположений. Плюс ко всему А. С. Байрамов отмечает, что критичность мышления проявляется в «стремлении к проверке, перепроверке как обычного, так и необычного, как общего, так и единичного в окружающем нас мире» (Цит. по: Саенко, 2006). Теоретически можно считать абсурдом существование в одном человеке таких двух противоположных тенденций, как суеверность и развитая критичность мышления. Но существует мнение, что причины суеверий, в том числе увлечения астрологией, следует искать вовсе не в натуре человека, не в ее биологических особенностях, а в общественном организме, в той социальной среде, в которой живет и действует человек, в его взаимоотношениях с этой средой [1].

Описание и обсуждение результатов

Стоит заметить, что исследования суеверий сложно найти в литературе, в основном это теоретические предположения и рассуждения. Одни авторы считают суеверия предрасположенностью людей с различным набором психологических характеристик, другие говорят о социальном влиянии. Конечно, нельзя отделить одно от другого.

Но, как кажется нам, каждое суеверие имеет в основе свой психологический механизм. Т. е. нельзя сводить боязнь черной кошки, перебежавшей дорогу, к вере в существование сглаза.

Так мы будем заниматься изучение каждого отдельного суеверия. И изучать какие социально-психологические факторы влияют на его существование.

Выводы

В заключении, мы можем выдвинуть следующую ***гипотезу,*** которая послужит основанием для следующих исследований: скорее всего, подверженность суевериям (тут лучше указывать отдельный вид суеверия) обусловлена группой факторов, в том числе: личностная составляющая, обстоятельства, социо-культурные влияния. Под личностными факторами мы имеем ввиду личностные характеристики (черты, свойства). Социо-культурными влияниями называем традиции государства, семьи и т. д. Что касается обстоятельств, то это тут мы можем поделить ситуации на обыденные и экстремальные.

Наравне с развивающимся научным сообществом, новейшими технологиями множатся астрологические прогнозы, телевизионные программы про экстрасенсов, а газеты и Интернет уже давно кишат различными предложениями по оказанию магических услуг. Зачем нам развивающаяся медицина, если можно пойти к бабушке-целительнице, которая снимет с тебя твой недуг за пакет молока и килограмм картофеля? Не хочется, чтобы современный человек был обманут гадалками-актрисами. Надо больше исследовать механизмы такой веры. Может, если объяснить человеку, почему он верит в магическую силу другого, тот перестанет обманывать сам себя и платить за «магический труд» колдунов и волшебников.

Стоит провести тщательный исторический и социально-психологический ана-

лиз таких явлений как суеверия. Подобная попытка уже была сделана в исследовании Веры в «дурной глаз» [3], исследовались психологические механизмы, стоящие за данным суеверием.

В заключении, хотелось бы привести цитату А. В. Юревича: «Так какое мы общество – древнее, живущее в джунглях, поклоняющееся шаманам и решающее материальные проблемы с помощью колдунов, или современное, использующее современные технологии и строящее инновационную экономику? Похоже, нечто среднее, хотя, вроде бы, история учит, что сочетание того и другого невозможно» [13].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Анисимов А. Ф.* Исторические особенности первобытного мышления. – Л., 1971.

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1. – Спб., 1880.

3. *Долгорукова М. Ю.* Социально-психологический анализ феномена «сглаза»// Российский научный журнал. – 2011. – №1(20). – С. 206-211.

4. *Донцов А. И., Емельянова Т. П.* Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии. – М., 1987.

5. *Егорова М. Ю.* Лекции по психологии уникальности. – 2009.

6. *Ждан А. Н.* История психологии от античности до наших дней. – М., 2007.

7. *Леман А.* История магии и суеверий от древности до наших дней. – М., 2002.

8. *Ожегов Ю. К.* Словарь русского языка. – М.,1990.

9. *Ольшанский Д. В.* Психология масс. – СПб., 2001.

10. *Саенко Ю. В.* Суеверия современных студентов // Вопросы психологии. – 2004. – №4.

11. *Саенко Ю. В.* Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. – 2006. – №6.

12. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – М.,1989.

13. *Юревич А. В.* Шизофрения, как и было сказано. – М., 2005

УДК 378
ББК 74.58

педагогика

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КАДЕТСКОГО КОРПУСА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВ ЛИДЕРА ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА У КАДЕТ

Е. М. Ермолов

В статье представлены взгляды автора на реализацию возможностей образовательной среды кадетского корпуса как фактора социально-педагогической поддержки становления и развития качеств лидера воинского коллектива у кадет и суворовцев. Показана доминирующая роль образовательной среды в формировании лидерских качеств обучающихся. Предложено предоставлять кадету необходимое пространство свободы для принятия самостоятельных решений, творчества, выбора содержания и способов учения и поведения.

Ключевые слова
Образовательная среда, социально-педагогическая поддержка, педагогическое сопровождение, становление и развитие качеств лидера, обучение и воспитание кадет (суворовцев)

Современные процессы развития государства, общества, образования, педагогической науки объективно обусловливают необходимость модернизации системы образования в целом и в частности её базовой составляющей – общего образования, на всех его ступенях (начальное общее, основное общее, среднее общее образование). В настоящее время важным компонентом как системы общего образования, так и системы военного образования являются кадетские корпуса (суворовские училища).

Осуществляемая модернизация общего образования, как и реформирование системы военного образования, имеют высочайшую социальную значимость, так как, призвана на деле ответить на вопрос о том, как готовить подрастающие поколение к жизни в современном мире, включая и служение Родине в качестве офицера или гражданского служащего. А это значит увязать проводимую модернизацию общего образования с запросами личности, общества, государства [1].

Период обучения в кадетском корпусе (суворовском училище) в педагогическом плане для этого особенно важен. В возрасте 11-17 лет у юноши на фоне психофизиологических изменений и активной социализации происходит пересмотр системы ценностных ориентаций личности, отношения к себе, как к личности, так и к сверстникам. Поэтому неслучайно психологи и педагоги считают, что данный возраст является периодом интенсивно-

го становления характера и интеллекта, системы взглядов личности её важнейших психологических и социально-психологических характеристик [1]. Для воинского коллектива среди таких характеристик личности особое значение имеют лидерские качества с учётом роли офицера в подразделении как командира [2].

Следовательно, в процессе обучения в кадетском корпусе (суворовском училище) требуется повышенное внимание педагогических коллективов к механизмам и инструментам процесса становления и развития лидерских качеств личности кадета (суворовца).

Как показал проведенный анализ теории и практики, это возможно при создании соответствующих социально-педагогических условий становления и развития лидерских качеств личности кадет (суворовцев, нахимовцев) в ходе получения среднего (полного) общего образования с дополнительными программами, направленными на их раннюю профессиональную ориентацию по профилю военных образовательных учреждений.

Опыт работы инновационных школ по созданию социально-педагогических условий развития личности учащихся показывает, что социально-воспитательная деятельность в них имеет свою специфику относительно традиционного образования (по технологиям, методам, способам управления, целеполаганию, содержанию обучения и другим компонентам) [4].

Инновационный педагогический поиск в целом характеризуется: организационными преобразованиями (изменение статуса образовательного учреждения как открытого социально-воспитательного института, ритма работы школы, функций администрации, привлечении педагогов и специалистов нового типа и т. д.); введением регионального и школьного компонентов учебного плана, интеграции учебных предметов, целевым отбором содержания обучения и воспитания в соответствии с проблемами общего образования и возможностями, особенностями каждого ученика; экспериментальной проверкой новых учебно-воспитательных технологий, оптимизация базового образовательного стандарта, новых диагностических методик, дающих возможность наиболее детально, объективно и полно получить своевременную информацию о различных сторонах педагогического процесса и его результата [5].

Следовательно, инновационная школа это такое образовательное учреждение, сущностью которого является поиск, эксперимент, движение. Однако, опыт управления образовательной деятельностью кадетского корпуса говорит о том, что вводимые инновации нередко дают весьма противоречивые результаты. С одной стороны, они, несомненно, совершенствуют деятельность педагогического коллектива корпуса, дают импульс творческой инициативе, создают кадетам комфортные условия для обучения. Но, с другой стороны, имеют явную тенденцию обладать нередко лишь внешней привлекательностью и, кроме того, создают сложные проблемы в социально-воспитательном плане.

Для того чтобы определить пути дальнейшего развития кадетских корпусов (суворовских училищ) как социально-воспитательного института необходима концепция инновационного построения учебного и особенно воспитательного процесса. Необходимым компонентом осмысления и прогнозирования путей развитая кадетских корпусов (суворовских училищ) являются теоретические положения и практические технологии формирования и реализации возможностей образовательной среды учебного заведения, в том числе, в плане социально-педагогической поддержки. Исходя из этого можно построить модель образовательного учреждения с учетом существующих базовых теорий и адаптации их к условиям и особенной образовательной деятельности и быта кадетских корпусов (суворовских училищ).

До последнего времени весьма заметное воздействие на школьную политику ведущих стран мира оказывали идеи эгалитарного (уравнительного) образования. Они особенно отчетливо выразились в концепциях единой школы, под знаменем которых проходили школьные реформы первой половины XX столетия. И сегодня тезис о равенстве детей от рождения остается сравнительно популярным. На практике это нередко приводит к сдерживанию развития одаренных, преуспевающих учеников. Сторонники эгалитаристского подхода считают невозможным обеспечить каждому отдельному ученику высококачественное образование и предлагают через учет интересов и возможностей групп, сглаживать возникающие противоречия [1].

Мы исходим, что любая система образования выполняет две функции – собственно обучения и социально (профессиональной) ориентации. При этом необходимой является преемственность ступеней образования и его построение на идеях плюрализма, вариативности, диверсификации обучения. Это открывает перспективу формирования многозначной по целям и содержанию образовательной среды кадетских корпусов и суворовских училищ.

Придерживаясь более гибкого взгляда на интеллектуальный рост и личностное развитие, можно создавать группы смешанных способностей, где собраны кадеты с различными интеллектуальными способностями. Такая модель позволяет кадетам обучаться на различном уровне и в темпе, соответствующем уровню развития их способностей в данный момент времени. Такой подход к обучению можно применять при изучении различных предметов или даже их частей.

Хорошо зная индивидуальные способности каждого кадета, стадию интеллектуального и социального развития, на которой он сейчас находится, учитель (офицер-воспитатель) планирует наиболее оптимальную для каждого кадета траекторию обучения, воспитания, включая и формирование качеств лидера воинского коллектива. Такой подход позволяет справляться с ситуацией диагностирования достижений кадета, когда в учебной группе собраны кадеты с различным уровнем развития и способностей [3].

Осуществление социально-педагогической поддержки становления и развития лидерских качеств у кадетов должно включать как самостоятельную индивидуальная, так и групповую работа учителя (офицера-воспитателя) с каждым конкретным кадетом или группой кадет, для обеспечения благоприятного нравственного климата в учебном отделении и морально-психологического состояния кадетов, как необходимого условия качественного обучения и воспитания, формирования качеств личности.

Социально-педагогическая поддержка позволяет дать всем кадетам то, в чем они нуждаются – время обучиться тому, на что они способны, а кроме того, дает возможность для их личностного развития, что и создает условия для формирования и дальнейшего развития качеств лидера воинского коллектива.

Таким образом, образовательная среда кадетского корпуса, включающая процедуры социально-педагогической поддержки, обеспечивает такое развитие способностей и личностных качеств кадет, при котором внимание уделяется не только развитию когнитивных или интеллектуальных способностей, но также и социально-психологических характеристик личности. При таком более поддерживающем понимании роли образовательной среды кадетского корпуса в развития личности кадет и их лидерских качеств между собой увязываются различные виды обучающего и воспитывающего опыта для того чтобы обеспечить наиболее эффективное индивидуальное развитие кадета и его воспитание. В процессе социально-педагогической поддержки за кадетами

внимательно наблюдают, обсуждают их личностный рост и развитие, осуществляется влияние на их повседневную жизнь, учебу и общение, индивидуальные интересы, личностные и социальные проблемы. Как психологические методики, так и дидактические тесты и оценки позволяют осуществлять обратную связь, а их результаты и сделанные на их основе выводы способствуют тому, чтобы помочь кадетам в социально-психологическом плане достигнуть большего прогресса в становлении и развитии лидерских качеств. Становясь активными участниками, субъектами образовательной среды кадетского корпуса, учителя и офицеры-воспитатели главное внимание направляют на отбор адекватных личности и микросреде методов обучения и воспитания и постановку целей, которые они стараются спроектировать на индивидуальное развитие каждого кадета. Систематически проводится сравнительный анализ успехов каждого кадета в его личностном развитии, обучении, воспитании в свете его предыдущих достижений.

Таким образом, под моделью образовательной среды кадетского корпуса (суворовского училища), мы предлагаем понимать такую социально-воспитательную систему, которая создана на основе системных нововведений (в содержании, технологиях, организации, управлении процессом) и решает проблему педагогического взаимодействия всех участников учебно-воспитательного процесса, тесной связи микросреды личности кадета, существующей как в внутри корпуса, так и за его пределами, с её объективными потребностями. Главной особенностью социально-поддерживающей образовательной среды кадетского корпуса (суворовского училища) является её ориентация на развитие всех сторон личности: психики, духовности, социальной адаптивности и образованности, интеллекта, коммуникативных и организаторских способностей, авторитета в коллективе, личного примера, что, в конечном счете, создает базис и условия для становления и дальнейшего развития качеств лидера воинского коллектива.

Особенности социально-поддерживающего построения инновационной образовательной среды кадетского корпуса инициируют пересмотр самого понятия «содержание образования», которое прежде ассоциировалось с вербальным учебным материалом. В рамках социально-поддерживающей образовательной среды содержание образования распространяется и на деятельность кадет, на их внутренний мир и на отношения в различных сферах повседневной деятельности военно-учебного коллектива, что существенно способствует расширению возможностей построения учебных и социально-воспитательных программ. Субъектно-личностная парадигма радикально влияет и на управление кадетским корпусом (суворовским училищем). Оно становится проблемно-ориентированным или ситуационным. Управлять развитием образовательной среды кадетского корпуса – значит вести продуманный отбор и реализацию тех новшеств, которые являются движущей силой развития образовательного процесса учебного заведения и системы образования в целом. Благодаря такой образовательной среде происходит частичная децентрализация управления и привлечения широких слоев обучающихся к управлению, в чем также проявляется идея развития лидерских качеств у кадетов.

В социально-поддерживающей образовательной среде кадет выступает как субъект познания, а учитель (офицер-воспитатель) как самодостаточная в профессиональном плане творческая личность. При этом ведущая роль учителя (офицера-воспитателя) – творческий посредник между миром кадета и миром предметной культуры (воинского коллектива).

Доминанта деятельности кадета, как ученика – творческое усвоение знаний, предшествующего опыта, поиск личностных смыслов познания и развития. Глав-

ной ценностной установкой учителя (офицера-воспитателя) в этой образовательной среде является установка «Я – профессионал», а для кадета – «Я – личность». Это предполагает, что образовательная среда ориентирует кадета в первую очередь на познание самого себя, собственных возможностей и способностей. Соответственно, в инновационной образовательной среде кадет – это, в первую очередь личность саморазвивающаяся, самоактуализирующаяся (стремящаяся к выявлению и развитию своих личностных возможностей), способная к самореализации (стремящаяся проверить себя, реализовать свои возможности).

Социально-педагогическая поддержка становления и развития лидерских качеств личности кадета в условиях образовательной среды кадетского корпуса предполагает решение следующих задач:

– развитие личности кадета и его индивидуальное самоопределение в воинском коллективе;

– организация творческой познавательной деятельности (самодеятельности), основанной на усвоении специальных способов получения знаний из различных источников информации;

– формирование представления об учебно-познавательной, служебной и профессиональной (военно-профессиональной) деятельности, как личностно значимых;

– создание условий для творческой реализации кадетами своих интеллектуальных, коммуникативных, организаторских, нравственных и других личностных качеств, обеспечивающих, в конечном счете, формирование его, как лидера воинского коллектива.

Реализация возможностей образовательной среды кадетского корпуса как фактора социально-педагогической поддержки становления и развития у кадет качеств лидера основывается на положениях личностно-ориентированной педа-гогики. Применительно к практике обучения и воспитания это такая образовательная среда, в которой кадет обретает самого себя, повышается его самооценка, развиваются способности, совершенствуются волевые качества.

Задача учителя (офицера-воспитателя) – способствовать познавательной активности кадет, стимулировать их собственную деятельность по личностному изменению и росту. Кадеты должны учиться сами, а не пассивно подчиняться требованиям учителя (офицера-воспитателя). Целью обучения должно быть не приобретение знаний как набора фактов, теорий и прочего, а изменение и творческое развитие личности кадета, его поведения.

Проектируя изменения в образовательной среде кадетского корпуса, мы исходим из необходимости соблюдения ряда педагогических условий:

– кадеты решают в процессе учения проблемы, интересующие их и личностно значимые для них;

– учитель (офицер-воспитатель) проявляет безусловное положительное отношение к кадету, принимает его таким, каков он есть;

– учитель (офицер-воспитатель) проявляет эмпатию к кадету – способность проникать в его внутренний мир, понимать его, смотреть его глазами, оставаясь при этом самим собой;

– учитель (офицер-воспитатель) обеспечивает (предоставляет) кадету средства обучения, в том числе собственные знания, играет роль помощника и стимулятора в обучении, создает психологический комфорт, обеспечивает психологическую и социальную свободу кадета.

Исходя из выделенных организационно-педагогических условий в воспитательной подструктуре образовательной среды кадетского корпуса определяются следующие позиции кадета и учителя (офицера-воспитателя):

а) в воспитательной подструктуре образовательной среды с помощью личностно-ориентированной технологии воспитания офицер-воспитатель побуждает ка-

дет к нравственному выбору, формирует у них общечеловеческие нормы гуманистической морали: доброту, взаимопонимание, милосердие, веру в созидательные возможности человека, терпимость по отношению к людям;

б) стратегической задачей воспитания в инновационной образовательной среде кадетского корпуса является становление и развитие лидерских качеств личности кадета. Ядром конструируемой на ближайшие годы образовательной среды кадетского корпуса является социально-педагогическая поддержка, которая основывается на том, что офицер-воспитатель:

– должен, в определенной степени, ощущать в себе детство, развивать у себя способность к пониманию подростков, которыми являются кадеты;

– должен мудро относиться к поступкам кадет, при оценке их действий в первую очередь искать положительное, заслуживающее уважение, не думать о них плохо;

– не имеет права ломать детскую индивидуальность, а наоборот, должен выявлять, направлять, поддерживать и развивать ее, помня, что кадет находится в состоянии самопознания, самоутверждения, самовоспитания.

Проведенное исследование показало, что социально-педагогическую поддержку становления и развития качеств лидера может и готов осуществлять лишь каждый пятый учитель (офицер-воспитатель) кадетского корпуса.

Поэтому важным условием реализации возможностей образовательной среды кадетского корпуса как фактора социально-педагогической поддержки является совершенствование профессионально-педагогической культуры учителей и офицеров-воспитателей, развитие у них следующих личностных качеств: повышенная чувствительность к потребностям кадет, открытость и восприимчивость к ним; способность к творчеству; предрасположенность к общению с людьми; эмоциональная уравновешенность, уверенность в себе; оптимизм, жизнерадостность; способность к диалогической интерпретации процессов обучения и воспитания; придание процессу обучения личностной окраски; личный пример – как позитивное подкрепление для самовоспитания учащихся; стиль легкого, неформального, теплого общения с кадетами.

Таким образом, в процессе проведенного исследования были обоснованы и раскрыты возможности образовательной среды кадетского корпуса как фактора социально-педагогической поддержки становления и развития лидерских качеств кадетов. Реализации этих возможностей способствует гуманистическая ориентация взаимодействующих друг с другом подсистем (дидактической, воспитательной, служебной) образовательной среды и организационно-педагогических условий (диалогичность; деятельностно-творческий характер; предоставление кадету необходимого пространства свободы для принятия самостоятельных решений, творчества, выбора содержания и способов учения и поведения).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бордовская Н. В., Реан А. А. Педагогика. – СПб.: Питер, 2006.
2. Военная педагогика / Под ред. О. Ю. Ефремова. – СПб.: Питер, 2008.
3. Марков А. С., Костин К. К. Развитие креативности будущего офицера в условиях догматической образовательной среды военного вуза // Российский научный журнал. – 2010. – № 4 (17). – С. 136-141.
4. Сергеев С. Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды. – М.: Народное образование, 2009.
5. Хуторской А. В. Модель образовательной среды в дистанционном эв-ристическом обучении [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 1 сентября. Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2005/0901.htm, свободный.

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ (ИСАА)**

УДК 37.034
ББК 74.100.53

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ КНР

Мяо Чунь [Miao Chun]

Статья посвящена актуальным проблемам нравственного воспитания студентов высших учебных заведений Китайской Народной Республики. Автор статьи, гражданка КНР, на богатом фактическом материале показывает процесс развития национальной системы нравственного воспитания студентов в конце XX – начале XXI века.

Ключевые слова
Нравственное воспитание китайской молодежи, идейно-политическое воспитание, система дисциплин, Восемь тезисов о славе и позоре, идеи тройного представительства, система базовых ценностей социализма

После образования в 1949 году Китайской Народной Республики студенчество страны оказалось в новой социально-политической и экономической обстановке. Полуколониальное, полуфеодальное общество прежнего Китая постепенно трансформировалось в прогрессивное социалистическое общество всего народа. Новая общественно-экономическая формация, политический строй народной демократии и бурное культурное строительство под руководством Коммунистической партии Китая предоставили широкие возможности для быстрого развития студенчества, роста его численности. Выдвинув лозунг «от прогресса в идеологии – к прогрессу в политике» [1. С. 781], беря пример с КПК, Правительства КНР и людей старшего поколения, современная китайская молодёжь активно участвует в социально-политической жизни страны.

В годы становления народной власти КНР нравственное воспитание молодежи было подчинено политике государства, что являлось традиционным и восходило к временам Конфуция. Под воздействием классовой борьбы нравственное воспитание трудящихся, особенно молодежи, длительное время идентифицировалось с политическим воспитанием. Только после углубленного изучения всех функций нравственного воспитания ведущие китайские ученые пришли к его более широкому толкованию. Согласно их представлениям, воспитание служит не только интересам укрепления государства и общества в целом, но также учитывает интересы различных слоев и групп населения. Нравственное воспитание – это не только оковы и ограничения для личности, но и выражение ее потребности в раскрепощении духовного мира, путь к ее самоутверждению, самосовершенствованию и самореализации» [2. С. 288-289].

На рубеже 1950-1960-х годов, главная задача идейно-политического воспитания китайской молодежи заключалась в повышении уровня ее социалистического мировоззрения. Содержание идейно-поли-

тического воспитания студентов включало изучение сущности классовой борьбы и ее влияние на темпы социалистического строительства. Политика КПК и Правительства КНР была главным приоритетом воспитательной работы, формирования необходимых нравственных качеств у студентов. Их сознание формировалось под воздействием достаточно эффективной системы идейно-нравственного и политического воспитания, которая была создана под руководством правящей партии.

В период «культурной революции» теория нравственного воспитания под воздействием левацкой идеологии превратилась в «зону постоянного возгорания». В период господства левацкой идеологии нравственные ориентиры многих людей, особенно молодежи, оказались перевернутыми. Им предлагались шаблонные догмы, оторванные от реальной жизни человека и его природы, подчеркивалась безоговорочность исполнения навязанных нравственных императивов, выдержанных в духе непререкаемых идеологических установок. В соответствии с теорией нравственного воспитания, в основе которой лежит человек, нравственность формируется для жизненного роста и счастливой жизни индивида. Правильно понятые потребности человека – это основная движущая сила и главная цель его нравственного сознания и поведения [3. С. 15].

В декабре 1978 года 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва решительно отверг ошибочный политический курс и установил новую идеологию «освобождения мысли» [4. С. 1]; от «классовой борьбы» перешли на путь социальной модернизации страны [5. С. 3]. В документах Пленума ЦК КПК было подчеркнуто, что «осуществление четырех модернизаций» [6] требует развивать большими темпами производительные силы. Указывалось на необходимость существенно изменить производственные отношения и общую структуру экономики, которые не соответствуют уровню развития производительных сил общества.

Требовалось также отменить все отжившие методы управления экономикой КНР, используя новые идеологические подходы. Эта широкие и глубокие изменения носили революционный характер. Поэтому 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва ознаменовал начало исторических преобразований в обществе, старт важных реформ и политики открытости, а так же – начало реформирования системы идейно-политического воспитания.

В конце 1970-х годов, в связи с восстановлением системы вступительных экзаменов в китайские вузы, большое число молодых людей и девушек поступило в университеты и институты, испытывая чувство благодарности за предоставленную возможность использовать этот ценный жизненный шанс. В то время значительная часть китайской молодежи разделяла важную общественную идею, облеченную в лозунге: «концентрировать силы на учебе, подчиняться интересам государства и работать там, где нужно государству».

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва товарищ Дэн Сяопин и его соратники по второму поколению руководителей партии начали формировать новую идеологическую концепцию. В 1978 году, выступая на Всекитайском рабочем совещании по вопросам образования, он подчеркнул, что учебные заведения всегда должны уделять приоритетное внимание политике партии. «Главной задачей идейно-политической работы вузов является воспитание, направленное на умственное, нравственное, физическое и эстетическое развитие учащихся», – сказал Дэн Сяопин. В Китае 1980-е годы прошли под знаком усиления патриотического воспитания молодежи. В сентябре 1994 года ЦК КПК утвердил «Программу развития патриотического воспитания» [7. С. 3], которая стала первым документам такого рода в Китайской Народной Республике, важной вехой в истории формирования нового поколения молодежи.

В конце XX века произошли серьезные

политические потрясения внутри системы мирового социализма. Процесс развития социализма в Китае столкнулся с беспрецедентными трудностями и давлением со стороны внешних сил. Судьба Коммунистической партии и будущее страны оказались перед серьезным историческим испытанием. Товарищ Цзян Цзэминь, находясь во главе третьего поколения центрального коллективного руководства партии, добился значительных положительных показателей в развитии КНР. Несмотря на сложную международную обстановку, КПК сохранила высокие темпы экономического развития страны, одновременно решая важнейшие социальные вопросы, продолжила политику открытости. Генеральная партийная линия осуществлялась в условиях стабилизации общей ситуации в стране. Коммунистическая партия проводила напряженную работу по защите социалистической государственной власти, по сохранению независимости страны и ее достоинства. КПК возглавляет работу по поддержанию и укреплению великого дела социализма с китайской спецификой, она продолжает вести корабль реформ и открытости в правильном направлении. Лидер китайского народа подчеркнул, что в КНР патриотизм, коллективизм, социализм находятся в тесном взаимодействии.

В 1993-2003 годы товарищ Цзян Цзэмиь в своих выступлениях по вопросам образования неоднократно подчеркивал, что молодежь Китая должна в процессе обучения сочетать освоение научно-культурных знаний и совершенствование своих идейно-нравственных качеств, стремиться к «служению народу». Идейно-нравственное воспитание нацелено на укрепление у учащихся чувства патриотизма, коллективизма, стремления служить родине и народу. По мнению Цзян Цзэминя, пренебрежение идейно-нравственным воспитанием молодежи, преимущественное внимание лишь к освоению научных знаний приведет к известной односторонности, что может обернуться негативными последствиями. Лишь сочетание обоих компонентов в процессе образования может обеспечить подготовку необходимых кадров [8. С. 46].

Состоявшийся в октябре 2003 года 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва выдвинул новую научную концепцию, которая базируется на принципе «человек – корень всего» [9. С. 3-5]. Суть ее заключается в том, чтобы с помощью комплексного управления и перестройки в китайском обществе постепенно создать гармоничную жизненную атмосферу для здорового развития молодежи, всемерно укреплять доброжелательные связи общества, семьи и школы. Принцип «человек – корень всего» оказывает положительное воздействие на все стороны жизни современного китайского общества, чему способствуют учебные заведения с их системой нравственного воспитания молодежи.

Одной из характерных черт китайской государственной политики в сфере образования является обязательное проведение идейно-нравственной (политической) воспитательной работы в учебных заведениях всех уровней, направленной на укрепление государственной идеологии, повышение лояльности к ней со стороны молодого поколение граждан страны. В высших учебных заведениях КНР преподается учебный курс «Идейно-политическое воспитание». Структура этого курса за период с конца прошлого века трижды претерпела изменения, которые оказали существенное влияние на идейно-политическое воспитание китайских студентов. Кратко рассмотрим существо этих изменений.

В 1985 году Государственный комитет КНР по образованию утвердил систему учебных дисциплин, куда входила и теория идейно-политического воспитания. Она получила название «Система дисциплин 85» и использовалась в вузах как обязательная. Эта система учебных дисциплин включала следующие разделы: основы теории марксизма, история революции в Китае, китайское социалистическое

строительство, мировая политика, экономика и международные отношения, а также идейно-нравственное воспитание. Последний раздел «Системы дисциплин 85» состоял из следующих частей: основы права, идеологическое воспитание молодежи, философия жизни и нравственные ценности в будущей профессии. Более чем 10-летний опыт использования «Системы дисциплин 85» показал ее эффективность в деле идейно-нравственного воспитания студентов. Однако изменения во внутренней жизни и в международном положении КНР потребовали новых усилий в воспитании молодежи.

В 1990-е годы, в связи с трудностями экономического развития, в социальной структуре КНР произошли большие изменения. В это время перемены в нашем обществе вливаются в мощный поток «глобализации». При таких условиях идейно-политическое воспитание студентов начало обретать более глубокий смысл и новые формы. В феврале 1993 года ЦК КПК и Государственный комитет КНР по образованию подготовили «Программу реформы и развития образования Китая». «Программой» установлены цели и задача реформы и развития образования конца XX века. «Программа» устанавливала четкие требования к содержанию материалов учебных пособий и методам идейно-политического воспитания, а также – к администрации и организации системы воспитательной работы.

В ноябре 1995 году Комитет по образованию КНР опубликовал важный документ – «Программу нравственного воспитания вузов Китая». Согласно этому документу, воспитание молодежи должно осуществляться на научной основе. Таким образом, воспитательная работа с китайской молодежью вступила в новый период своего развития.

В конце XX века Государственный комитет КНР по образованию утвердил «Систему дисциплин 98», в рамках которой главное значение имела теория марксизма. Она включает в себя основы философии марксизма, основы политики и экономики марксизма, теорию маоизма, теорию Дэн Сяопина, современную мировую политику и экономику, а также идейно-нравственное воспитание. Идейно-нравственное воспитание молодежи содержит в себе следующие разделы: основа права и идейно-нравственное воспитание. После XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, теория Дэн Сяопина, марксизм-ленинизм и маоизм стали рассматриваться как руководящие идеи КПК.

17-18 января 2005 года в Пекине состоялось Всекитайское рабочее совещание по усилению и улучшению идейно-политической воспитательной работы среди студентов. Генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Военного совета ЦК КПК Ху Цзиньтао выступил на нем с важной речью. Он подчеркнул, что для модернизации страны необходимо усилить идейно-политическую воспитательную работу среди студентов, подготовить многомиллионные кадры талантливой молодежи, обладающей высокими идейными и моральными качествами, овладевшей современными знаниями и имеющей необходимые для этого способности [10]. Таким образом, в 2005 году «Система дисциплин 98» получила новый импульс для своего развития применительно к реалиям XXI века. Посмотрим, как действует эта система сегодня.

«Воспитание нацелено на то, чтобы студенты смогли идти в ногу с эпохой, разделить общую судьбу с Родиной и упорно работать вместе с народом», – сказал товарищ Ху Цзиньтао. «Это имеет далеко идущее стратегическое значение для всестороннего строительства зажиточного общества в Китае, осуществления великой цели модернизации и великого возрождения китайской нации», – отметил он. «Если только по-деловому выполнить эту работу, то возможно поддержать социальную стабильность и обеспечить развитие дела партии и народа из поколения в

поколение», – указал Ху Цзиньтао.

Председатель КНР потребовал, чтобы парткомы и правительства различных уровней полностью поняли важность и актуальность дальнейшего усиления и улучшения идейно-политического воспитания среди студентов в новых обстоятельствах и вывели эту работу на новый уровень. Он сказал, что надлежит усилить воспитание студентов в свете идеалов патриотизма, нравственности и способности, чтобы они стали всесторонне развитыми людьми.

Ху Цзиньтао отметил, что, будучи важными базами подготовки специалистов, вузы обязаны видеть в культивировании строителей и продолжателей социализма фундаментальную задачу. «Это – одна из главных задач работы партийных комитетов для развития управленческих способностей и укрепления статуса, как правящей партии», – подчеркнул председатель КНР. В феврале 2005 года Министерство пропаганды и образования КНР официально призвало вузы начать реализацию новой идейно-политические теории. Была создана «Система дисциплин 05», которая включала ряд разделов.

Например, раздел идейно-политической теории включает следующие предметы: общие основы марксизма, идеи Мао Цзэдуна, идеи тройного представительства [11], а также – теорию Дэн Сяопина, очерк новой истории Китая, идейно-нравственное воспитание и основа права. Кроме того, читался факультативный курс «Современная мировая политика и экономика».

По решению ЦК КПК, осенью 2005 года начался эксперимент с новой «Системой дисциплин 05» в некоторых вузах, а с 2006 года она была распространена на весь Китай. Согласно этому решению ЦК КПК, целью идейно-политического воспитания в вузе является формирование у студентов стремления неуклонно идти по пути социализма под руководством КПК, осуществление единых взглядов и неизменной веры китайской нации в идею великого возобновления. В вузе важная роль отводится воспитанию у студентов патриотизма и стремления служить народу, сознательно соблюдать правила социального обеспечения и морали, заниматься самосовершенствованием, формировать в себе нужные психологические качества.

Содержание идейно-политического воспитания студентов вузов заключается в следующем: во-первых, укрепление идей марксизма-ленинизма и маоизма, теории Дэн Сяопина и концепции «Три правительства», во-вторых, развитие основ теории, концепции, программы и опыта воспитательной работы КПК. Важными элементами идейно-политического воспитания студентов являются укрепление духовных основ строительства китайского революции и историческое воспитание студентов; разъяснение сущности проводимых в Китае реформ и политики открытости; усиление воспитания молодежи в духе национального самосознания, формирование у учащихся высокой нравственности и морали в их отношении к обществу, своей будущей профессии и семье; совершенствование знаний действующего в стране законодательства, укрепление среди молодежи позиций «сучжи цзяою» [12] и формирование научного мировоззрения, укрепление здорового образа жизни, воспитание целеустремленного отношения будущих специалистов к новациям и высокой профессиональной работоспособности.

После внедрения в учебный процесс образовательной программы «Система 05», предмет «Идейно-нравственное воспитание и основы права» стал официально обязательным для всех вузов Китая. В преамбуле к программе было указано, что формирование гармоничной культуры является важной задачей создания гармонии общества социализма. Система базовых ценностей китайского социализма [13] определена гармонией в национальной культуре. Руководящие идеи марксизма с китайской спецификой, социалистические идеалы, основанные на национальном духе

патриотизма, передовые взгляды эпохи реформ и инноваций, концепция «Восемь тезисов о славе и позоре» [14] являются основным содержанием системы базовых ценностей социалистического Китая. Эти инновационные теории КПК были включены в предмет «Идейно-нравственное воспитание и основы права». Таким образом, содержание учебника «Идейно-нравственное воспитание и основы права» было скорректировано. Этот учебник рекомендован для использования во всех учебных заведениях КНР.

Учебный предмет «Идейно-нравственное воспитание и основы права» состоит из введения и восьми глав. Содержание учебника [15] делится на 4 раздела: введение, идейное воспитание, нравственное воспитание и основы права.

Введение включает себя две части.

Первая часть введения нацеливает на понимание сути студенческой жизни, адаптацию студента-первокурсника к новым условиям обучения. Важнейшая предпосылка успешной учебной деятельности первокурсников заключается в своевременной адаптации к условиям обучения в вузе, которая рассматривается как начальный этап включения их в профессиональное сообщество. От ее успешности, зачастую, зависит дальнейший ход профессиональной жизни человека. Отдельные первокурсники, даже успешно окончившие школы, оказываются неспособными выполнить вузовские требования.

Вторая часть включает политические требования. Она показывает значение и важность системы базовых ценностей социализма, пути её реализации.

Содержание раздела идейного воспитания включает в себя воспитание национального духа, веры и мировоззрения. В этом разделе раскрывается значение развития человека посредством понимания цели, веры и идеологии студентами; установка единой идеологии социализма с китайской спецификой; создание мечты, исходя из реальности своего положения в обществе.

Можно сказать, что любовь к родине – необходимая предпосылка формирования единой идеологии социализма с китайской спецификой. Это связано со стремлением Коммунистической партии и социалистического государства иметь единую идеологию для восстановления единой нации с национальном духом на базе патриотизма. В мировоззрении человека проявляются его ценностные ориентации.

Содержание раздела нравственного воспитания включает:

1. Нравственное воспитание в традициях – это традиционное нравственное воспитание. Это основа культуры китайской нации, которую каждый студент должен изучать и наследовать.

2. Нравственное воспитание на идеях социализма, включает понятия «Восемь тезисов о славе и позоре», служение народу и принцип коллективизма.

3. Нравственные нормы [16] граждан и три нравственные нормы китайского общества (в обществе, в профессии и в семье).

4. Воспитание личности студентов.

В содержание раздела воспитание основ права включены следующие элементы: духовные основы социалистического права; основные права и обязанности граждан; конституция и другие законы КНР; воспитание юридических правил, касающиеся поведения студентов и другие.

«Идейно-нравственное воспитание и основы права», как учебная дисциплина изучается в первом курсе вуза по 4 часа в неделю. Этот единый учебник используется во всех китайских высших учебных заведениях. Учебник является важной составной частью программы идейно-политического воспитания молодежи. Как дисциплина, предмет «Идейно-нравственное воспитание и основы права» в общем учебном плане вуза занимается 3 балла за весь учебный год. По существующей в вузах норме 16 академических часов равны 1 баллу. В итоге, на этот предмет выделяет-

ся 48 академических часов [17]. В общем количестве часов на аудиторные занятия отводится 80% учебного времени и 20% – на практику. Каждый преподаватель основное внимание уделяет лекциям.

Практике (практическим занятиям) преподаватели также придают большое значение. В структуру практических занятий включена проверка знаний студентов, которая осуществляется двумя способами – в виде текущего контроля и экзаменов. Учебное время при проведении проверки распределяется следующим образом: на проверку домашних заданий отводится 20%, на текущий контроль знаний, навыков и умений – 30%, на экзамен – 50%.

Во внеучебной деятельности высшей школы КНР появляются новые формы и методы воспитания, такие как культура досуга, социальная практика, психология здоровья студентов и другие. Они играют большую роль в высшем учебном заведении. Формы и методы нравственного воспитания студентов постоянно совершенствуются. В вузах создаются многоканальные, многоуровневые воспитательные системы. Кратко рассмотрим некоторые из них.

l) Повышение культуры студентов во внеучебной деятельности. Культуре досуга студентов, как одной из важнейших форм воспитания, уделялось большое внимание в 1990-х годах. В 1994 и 1995 годах были приняты следующие документы: «Предложения по дальнейшему укреплению и улучшению воспитательной работы в учебных заведениях», «Воспитательная программа в высших учебных заведениях» и «Укрепление культуры университетов (культуры студентов во внеучебной деятельности), оптимизация воспитательной атмосферы».

2) Развитие социальной практики. В документе ЦК КПК «Об улучшении и укреплении идейно-политической работы среди студентов» указано: «На основе обучения научным знаниям, активного участия в социальной практике, молодые студенты готовы отдать свою жизнь за строительство социалистического государства, и постепенно стать полезными для общества людьми». Учитывая, что у многих студентов отсутствие жизненный опыт, высшие учебные заведения уделяют большое внимание проведению разнообразных практических мероприятий. В последние годы получили распространение общественные работы во время каникул, посещение исторических музеев, памятных мест и т. д. Все это способствует нравственному воспитанию студентов китайских вузов.

3) Улучшение психологического здоровья студентов. В рамках внедрения элементов психологии в образовательную сферу с 1980 года психологические консультации стали рассматриваться как важный способ нравственного воспитания студентов. После 1990 года в документах об образовании подчеркивалась важность укрепления психологического здоровья студентов. Во всех высших учебных заведениях Китая создавались отделения психологической консультации, которые выполняли важные воспитательные функции.

4) Роль сетевого образования в воспитании студентов. Поиск теоретических и практических путей решения проблем духовного возрождения Отечества, духовно-нравственного воспитания личности неизменно приводит к выводу о важной роли Интернета в формировании нравственного сознания современного человека. В 2000 году товарищ Цзян Цзэминь отмечал, что нужно «уделять внимание внедрению информационных технологий и Интернета, повышению эффективности идейно-политической работы, расширять и усиливать их влияние». Во многих высших учебных учреждениях уже созданы специальные сайты по вопросам воспитания. Наряду с этим, во многих вузах созданы BBS – Электронные доски объявлений. Например, в университете Цинхуа было создано подразделение «Шуй-му Цинхуа» (BBS), в Пекинском университете – подразделение «Вы-мин» (BBS) т. д.

5) Улучшение процесса воспитания культуры личности студентов. В 1995 году в документе «Уведомление о работе по воспитанию культуры личности студентов» было указано на важность воспитания культуры личности студента. Повышение качества культуры личности считается важной частью содержания нравственного воспитания. Воспитание высокой культуры личности студента расширяет содержание этого вида воспитания, способствует совершенствованию нравственных качеств. Во многих университетах КНР открыты учебные курсы по изучению общих знаний – дисциплин по формированию культуры личности. Таким образом, студенты кроме своей специальности получают дополнительные знания по гуманитарным и естественным дисциплинам. Все это соответствует целям нравственного воспитания.

Очевидно, что в области идейно-нравственного воспитания студентов вузов КНР нормативные документы по его регулированию разрабатываются на государственном уровне. Это позволяет администрации и партийной организации учитывать в практической работе принципиальные изменения, происходящие в вузе и в молодежной среде всей страны. Передовой опыт лучших высших учебных заведений быстро распространяется в провинциях, что приводит к повышению эффективности нравственного воспитания студентов.

Сказанное выше позволяет утверждать, что в современном Китае роль нравственного воспитания студентов высшей школы постоянно возрастает. Это особенно характерно для рубежа XX-XXI веков. Использование исторического опыта с учетом реалий сегодняшнего дня позволяет администрации вузов КНР, а также партийным и другим общественным организаци-

Избранные произведения Мао Цзэ-дуна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 中共中央文献编辑委员会编．《毛泽东著作选读》下册．北京：人民出版社，1986年．第781页 (Сборник материалов ЦК КПК. – 2-й том. – Пекин: Женьминь, 1986).

2. Лу Цзе. Трансцендентность и инновации. – Пекин, 2001.

3. См.: Ци Фансюе, Тан Ханьвэй. Нравственность, в основе которой человек, и нравственное воспитание, в основе которого ученик. – Пекин // Чжунго цзяоюй сюекань. – 2003. – № 1.

4. 中国共产党第十一届中央委员会第三次全体会议公报1978年12月24日 (Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. – Пекин: Женьминь Жибао. – 24. 12 1978).

5. 中国共产党第十一届中央委员会第三次全体会议公报1978年12月24日 (Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. – Пекин: Женьминь Жибао. – 24. 12, 1978).

6. Там же. – С. 3.

7. 中国教育报1994年8月23日(Чжунго цзяоюй бао. – Пекин. – 23. 08.1994.).

8. Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. – М., 2002.

9. 中国特色社会主义理论 (Чжунго тэсэ шэху чжуи лилунь) Специфика китайской социалистической теории. – Пекин. – 2003. – № 1.

10. Женьминь Жибао. – Пекин: – 19. 01. 2005.

11. Смысл этих идей заключается в следующем. Партия должна последовательно: 1) выступать за ускоренное развитие китайских производительных сил; 2) представлять прогрессивные направления национальной культуры Китая; 3) отражать коренные интересы широких слоев китайского народа.

12. Его можно перевести на русский язык как «воспитание с целью повышения качества личности», что созвучно с общей целью, проводимой с 1985 года реформы системы образования: «повысить качество китайской нации».

13. Система базовых ценностей социализма является духовным знаменем социали-

стического Китая. КПК выдвинула идею построения системы базовых ценностей социализма, а также развернула духовное знамя социалистического Китая. Этим показано, что основа китайской социалистической идеологии останется непоколебимой, еще яснее раскрыв и утвердив опору и краеугольный камень социалистической идеологии и систему ценностей Китая. Социалистическая система базовых ценностей играет важную роль не только во всех сферах экономической, политической, культурной и социальной жизни, но и оказывает глубокое воздействие на мировоззрение, отношение к жизни, концепцию ценностей каждого члена общества. Она представляет собой важное руководство для дальнейшего укрепления и развития социалистической идеологии, четко определяет направление для наследования и дальнейшего развития лучшей китайской культуры, это важно для того, чтобы держать в своих руках инициативу, лидерство, право слова в области идеологии, благотворно влиять на укрепление сил единства и творческого потенциала китайской нации, а также для расширения влияния китайской культуры.

14. «Восемь тезисов о славе и позоре» – выступление товарища Ху Цзиньтао 4 марта 2006 года во время встречи с присутствовавшими на 4-й сессии ВК НПКСК. Эта важная речь посвящена формированию социалистических взглядов на такие понятия, как «слава» и «позор». По его словам, общественные нравы – важный признак культуры общества, это целостное воплощение ценностных ориентаций в обществе. Формирование благородных общественных нравов является искренним чаянием широких народных масс, а также необходимым требованием успешного развития экономики и общества. В социалистическом обществе истинное, доброе и прекрасное никак нельзя смешивать с ложным, злым и безобразным. По таким вопросам, за что ратовать, чему противостоять, необходимо иметь четкую позицию. Следует всемерно популяризировать идеи патриотизма, коллективизма и социализма в масштабах всего общества, ратовать за базовые социалистические нравственные нормы, способствовать формированию и развитию благородных общественных нравов. Следует ориентировать руководящие кадры и народные массы, особенно подростков и молодежь, на усвоение социалистических взглядов по таким понятиям как «слава» и «позор». Необходимо: 1) рассматривать любовь к Отчизне как славу, а нанесение ей вреда как позор; 2) рассматривать служение народу как славу, а отчуждение от него как позор; 3) рассматривать уважение научных знаний как славу, а невежество как позор; 4) рассматривать трудолюбие как славу, а праздность и презрение к труду как позор; 5) рассматривать солидарность и взаимопомощь как славу, а обеспечение своих интересов за чужой счет как позор; 6) рассматривать честность и верность слову как славу, а утрату элементарного чувства долга при личной выгоде как позор; 7) рассматривать соблюдение законов и дисциплины как славу, а беззаконие как позор; 8) рассматривать самоотверженную борьбу во имя интересов государства и народа как славу, а роскошную и праздную жизнь как позор.

15. 思想道德修养与法律基础 (Сысян даодэ сюян юй фалю цзичу) / Идейно-нравственное воспитание и основы права: учебные пособие: теория и проект строительства по изучению марксизма. – Пекин, 2008. – 221 с.

16. Нравственная норма – это структурный элемент нравственного сознания личности, являющийся своеобразной мерой допустимых и обязательных вариантов поведения людей, на основе которого осуществляется регуляция деятельности и отношений индивидов с позиции добра и зла. (Антилогова Л. Н. Нравственное сознание личности и его структура. http://hpsy.ru/public/x2480.htm). Нравственные нормы – это выражение определенных отношений, предписываемых моралью общества к поведению и деятельности личности в разных сферах.

17. В КНР один академический час состоит из 45-50 минут.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.922.1
ББК 88.373
Социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ОБ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

И. Н. Орлова

В статье представлены результаты проведенного исследования по методике О. Ф. Потемкиной «Сексуальный профиль личности». Полученные данные проанализированы с позиции социально-психологического подхода с целью выявления особенностей межличностных отношений, формирующих готовность молодёжи к семейной жизни.

Ключевые слова
Молодёжь, студенты, юноши, девушки, психологическая готовность к семейной жизни, сексуальный профиль личности

В настоящее время ввиду существенных изменений экономико-политических условий социализации молодёжи, возрастает значимость изучения этого страта общества. Представляется важным выделение чётких социально-психологических характеристик молодёжи как наиболее активной части общества, переживающей период становления психосоциальной зрелости, экономической самостоятельности, этап нахождения своего места в социальной структуре общества. Именно в период юности и молодости становится актуальным поиск спутника жизни и единомышленников, возрастает потребность в сотрудничестве с людьми, укрепляются связи со своей социальной группой, во взаимодействии с некоторыми людьми появляется чувство интимности: И. С. Кон, Ф. Райс, Е. Е. Сапогова и другие [1, 5, 6, 8]. Выбор подходящего партнёра для личных интимных отношений – трудная задача, которая может способствовать социальной интеграции, однако ещё более трудным делом является сохранение глубоких межличностных отношений и разрешение возникающих в процессе их становления социально-психологических проблем.

В так называемом цивилизованном обществе всё больше людей предпочитает не вступать в брак в самом начале своих межличностных интимных отношений, возрастает количество молодых людей, стремящихся к альтернативным формам устройства собственной личной жизни. Происходит не только эволюция форм брака, но и отношение к браку существенно трансформируется [2, 8]. Подобные изменения в значительной мере имеют отношение к модификации социокультурного характера молодёжи как социального страта. Классическая «фаза молодости» – между наступлением половой зрелости и

полной социально-экономической состоятельностью изменилась: молодые люди достигают биологической и «цивилизационной» зрелости задолго до того, как обретают полную экономическую независимость от родителей и приобретают социальную зрелость и психологическую готовность к полноценной самостоятельной жизни, тем более – к полномасштабной семейной жизни.

В последние годы возникает новое понимание норм сексуального поведения и новое понимание соответствующих морально-нравственных установок. Молодёжь раньше созревает физически, раньше начинает половую жизнь. Например, Д. Попеное отмечает, что «… упадок семейного регулирования сексуального поведения является отличительным признаком последних 30 лет. Против желания многих родителей молодые люди всё чаще вступают в добрачные половые отношения, причем во всё более раннем возрасте» [5. С. 163].

Значимую роль в формировании у современных молодых людей новых «сценариев» сексуального поведения играют разнообразные СМИ: доступная, не подлежащая цензуре информация в сети Интернет, обилие газет и журналов, рассказывающих о специфике половых отношений, – нередко полностью в отрыве от культурного контекста. Сегодня в молодёжной среде сексуальные отношения до брака стали нормой. Как показывают многочисленные исследования, значительная часть молодежи и студентов очень спокойно относится к внебрачным половым отношениям, случайному сексу или сексуальным связям помимо постоянного партнёра [8]. Новые доминирующие взгляды на интимные отношения и вытекающие из них признанные (принятые) значительной частью общества стереотипы поведения, открывают молодёжи разнообразные возможности для реализации моделей современных семей: гостевой брак, открытый брак, повторный брак, семья родителя-одиночки и прочие.

В рамках большой исследовательской работы, направленной на выявление когнитивных, эмоциональных и мотивационных особенностей межличностных отношений, формирующих готовность молодых людей к семейной жизни, нами было проведено психологическое обследование по методике О. Ф. Потемкиной «Сексуальный профиль личности». Данная методика позволяет определить значимость сексуальных отношений и выявить особенности сексуального поведения человека.

В исследовании приняли участие 180 респондентов. Все респонденты являются молодыми людьми, – студентами московских ВУЗов и омского ВУЗа, очной (дневной) и очно-заочной (вечерней) форм обучения.

Всех опрошенных нами студентов можно разделить на две группы по признаку пола: девушки составили 67,2% (121 человек), а юноши, соответственно, 32,8% (59 человек).

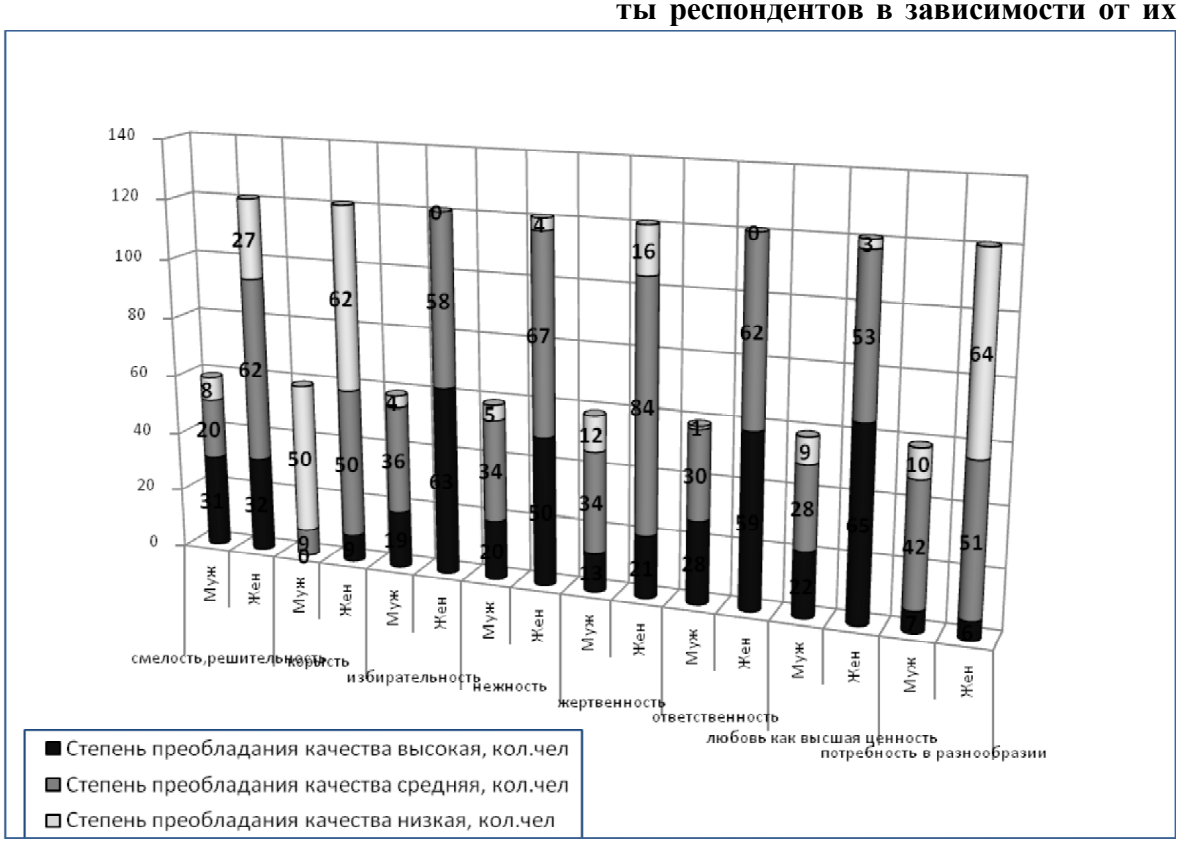
Нам также представляется важным обратить внимание на особенности ответов респондентов в зависимости от регионального признака (регион проживания/учёбы). Исследование проводилось в Москве и Омске. Москва является самым большим и плотно населенным городом нашей страны, экономическим и культурным центром России, а Омск – город-миллионник с развитой промышленностью, замыкает «большую восьмёрку» крупнейших российских городов и по месторасположению максимально приближен к географическому центру нашей страны. В то же время сравнение результатов психологической диагностики молодых людей Москвы и Омска позволяет увидеть наиболее объективную картину брачных представлений молодёжи как целостного страта общества, поскольку принято считать (а зачастую это подтверждается объективными данными), что взгляды молодых людей из разных регионов на

одни и те же проблемы и вопросы сильно разнятся. Студенты-москвичи составили 59,4 % опрошенных (107 человек), студенты-омичи – 40,6% респондентов (73 человека).

Мы осуществили подсчёт по 8 выбранным нами из методики О. Ф. Потёмкиной «Сексуальный профиль личности» шкалам и распределили полученные данные по степени выраженности каждого показателя [высокий (7-10), средний (4-6), низкий (0-3) уровни] у респондентов всей нашей выборки в зависимости от пола и города проживания.

Итак, результаты по 8 выбранным нами содержательным шкалам данной методики в целом по всей общей выборке. 1.**Смелость, решительность:** высокий уровень выраженности этого параметра имеют 63 чел. (35% от общей выборки); средний показатель выраженности – 82 чел., что составило 45,6% соответственно; низкий уровень выраженности – 35 чел. (19,4%). 2. **Корысть:** высокая выраженность – 9 чел.(5% от общей выборки); средняя степень выраженности – 59 чел., что составило 32,8%; низкая выраженность – 112 чел. (62,2%). 3. **Избирательность:** высокий уровень выраженности – 82 чел. (45,6%); средний уровень выраженности – 94 чел. (52,2%); слабо выражена – 4 чел. (2,2%). 4. **Нежность:** высокая выраженность – 70 чел. (38,9%); средняя степень выраженности – 101 чел. (56,1%); низкая выраженность – 9 чел. (5%). 5. **Жертвенность:** высокий уровень выраженности – 34 чел. (18,9%); средний уровень выраженности – 118 чел. (65,6%); слабо выражена у 28 респондентов (15,6%). 6. **Ответственность:** высокая выраженность – 87 чел. (48,3%); средняя степень выраженности – 92 чел. (51,1%) низкая выраженность – 1 чел. (0,6%). 7. **Любовь как высшая ценность:** высокий уровень выраженности – 87 чел. (48,3%); средний уровень выраженности – 81 чел. (45%); слабо выражена – 12 чел. (6,7%). 8. **Потребность в разнообразии:** высокая выраженность – 13 чел. (7,2%); средняя степень выраженности – 93 чел. (51,7%); низкая выраженность – 74 чел. (41,1%).

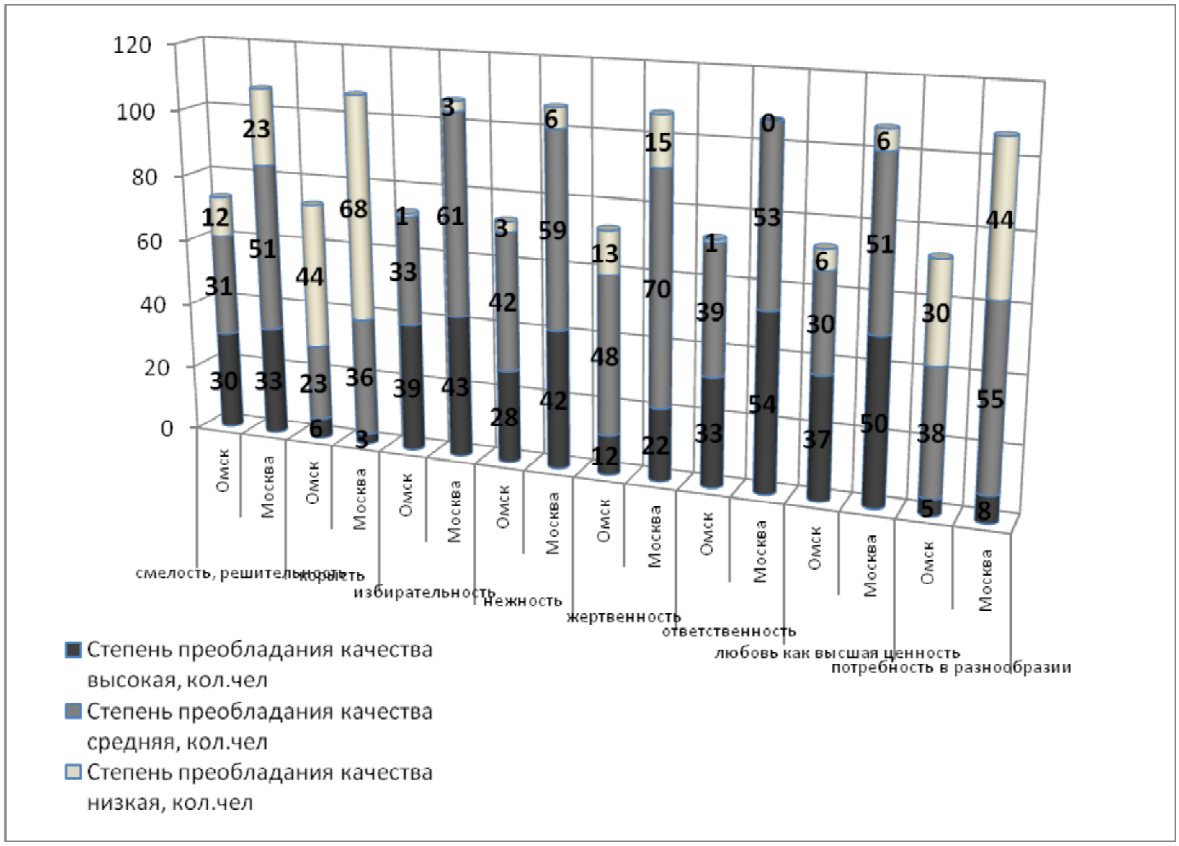
На диаграмме 1 представлены ответы респондентов в зависимости от их



пола.

Диаграмма 1

На диаграмме 2 представлено распределение ответов респондентов по городу проживания (в зависимости от



региона/города проживания/учёбы).

Диаграмма 2

Теперь проанализируем психодиагностические показатели различных частей (подгрупп) нашей общей выборки по данной тестовой методике.

1. Смелость, решительность, т. е. отсутствие страха в общении с лицами противоположного пола, уверенность в своих сексуальных возможностях среди наших респондентов **в большей степени свойственна мужчинам,** чем женщинам, что вполне соответствует общепринятым стереотипам поведения. Среди мужчин (всего их 59 человек из 180 опрошенных) 86,4% респондентов имеют высокий и средний уровни выраженности этого компонента, среди женщин (их всего 121 чел.) – 77,7%. Интересно отметить, что **среди жителей Омска** респондентов, имеющих высокий и средний уровни выраженности **смелости в общении с противоположным полом несколько больше,** чем среди москвичей – 83,6% и 78,5% соответственно.

2. Корысть, т. е. ориентация на материальную выгоду в сексуальном общении среди наших респондентов в большой степени присутствует только у женщин: из 9 человек, имеющих высокие показатели по этому параметру нет ни одного мужчины и 6 из них – жительницы Омска. Совокупно высокие и средние показатели имеют 68 человек (37,8% от общей выборки). Среди них 29 жителей Омска и 39 жителей столицы, однако, если рассматривать процентное соотношение респондентов с высокими и средними показателями корысти, мы увидим, что среди омичей их 39,7% (от соответствующей части выборки), а среди москвичей – 36,4%. Можно ли говорить о том, что омичи более корыстны? Мы полагаем, что разница не столь велика и может быть нивелирована большей выборкой. Интересно отме-

тить, что **женщины в целом корыстнее мужчин** (если мы рассматриваем именно материальную сторону отношений): среди женщин совокупный показатель (высокие и средние оценки) имеют 48,8% (от соответствующей части выборки), тогда как среди мужчин этот показатель демонстрируют лишь 15,2%. Интересно также отметить, что низкий показатель выраженности корысти имеют 112 человек (55,4%) из 180 опрошенных. Это самое большое значение среди показателей крайних степеней выраженности по всем шкалам в данной методике. Можно ли утверждать, что более половины наших респондентов бескорыстны? Или же здесь имеет место эффект идеализации отношений с партнёром и, как следствие, идеализация своего понимания этих отношений? Нам кажется, что возможны оба варианта ответов. Об объективной истинности этих показателей мы можем судить только по косвенным признакам.

3. Избирательность, т. е. строгие критерии оценки при выборе сексуального партнера. **Подавляющее большинство** опрошенных нами **молодых людей избирательны** в отношении сексуальных партнеров – совокупный высокий и средний показатели по данной шкале имеют 97,8% опрошенных. Однако **женщины более избирательны,** чем мужчины: 100% женщин и 93,2% мужчин имеют высокие и средние показатели по данной шкале. Что касается различий, связанных с региональным компонентом, то разница, на наш взгляд невелика – 98,6% омичей и 97,2% москвичей имеют совокупно высокие и средние оценки по данному параметру.

4. Нежность означает проявление чуткости, ласки по отношению к сексуальному партнёру и его окружению. Суммарно высокие и средние показатели выраженности по этой шкале имеют 95% всех наших респондентов. То есть, мы можем говорить о том, что **абсолютное большинство наших респондентов склонны к проявлению чуткости и заботы в отношениях с сексуальным партнером.** Среди жителей Омска суммарно высокие и средние показатели по данной шкале имеют 95,8%, а среди москвичей – 94,4%. На наш взгляд эта разница несущественна и может быть нивелирована большей выборкой. Отметим также, что **у женщин в целом выраженность данного показателя больше,** чем у мужчин, – 96,7% (жительницы Омска) и 91,5% (москвички) от соответствующих частей общей выборки.

5. Жертвенность – стремление, поступаясь своими интересами, использовать свои силы и возможности для решения проблем своего сексуального партнера, большая самоотдача в любви [8]. Суммарно высокий и средний уровни выраженности по этому параметру имеют 84,5% всех наших респондентов. Среди жителей Омска таких респондентов – 82,1%, а среди москвичей – 86% (от соответствующих частей выборки). Таким образом, мы можем отметить, что **жители столицы в несколько большей степени готовы пожертвовать своими интересами,** силами и возможностями ради любимого человека. **Женская часть населения в большей степени готова жертвовать своими интересами** – 86,8% женщин и 79,7% мужчин соответственно имеют высокий и средний уровни выраженности по данной шкале.

6. Ответственность, т. е. высокое чувство долга, стремление взять на себя ответственность за сексуального партнера **в достаточно большой степени свойственна почти всем опрошенным нами представителям студенческой молодёжи.** Только 1 человек (0,6% от общей выборки) – житель Омска, мужчина, имеет низкий показатель выраженности по данной шкале. Высокие показатели по данной шкале демонстрируют 45,2% омичей и 50,5% москвичей. Это 47,5% опрошенных мужского пола и 48,8% девушек здесь, на наш взгляд, разница может быть нивелирована большей выборкой.

7. Любовь как высшая ценность –

вера в любовь как в высшее чувство, стремление сохранить его даже при неблагоприятных ситуациях [8]. 168 из 180 опрошенных нами респондентов (93,3%) имеют суммарно высокие и средние показатели по этой шкале. На наш взгляд этот довольно значимый показатель свидетельствует об идеалистичном отношении молодёжи и студентов к любви и к интимным отношениям. Среди женщин этот показатель несколько выше, чем в целом по выборке – 97,5%, а среди мужчин – несколько ниже: 84,7%, – **женщины более романтичны и идеалистичны в отношениях.** Между жителями Омска и Москвы разница не столь существенна, но она есть – 91,8% омичей и 94,4% москвичей в достаточной степени верят в любовь как в высшее чувство (суммарно высокие и средние показатели).

8. Потребность в разнообразии. Потребность в разнообразии сексуальных контактов, их способов и форм в высокой и средней степени выраженности имеют суммарно 58,9% наших респондентов. Эти данные равномерно распределены среди омичей и москвичей и равны средним по всей выборке. При этом среди мужчин и женщин показатели распределены неравномерно: **83% мужчин и лишь 53,3% женщин имеют высокую и среднюю степени выраженности потребности в разнообразии сексуальных отношений.** Такое соотношение степеней выраженности данного параметра среди мужчин и женщин, в общем, является весьма распространённым в разных выборках испытуемых, а также соответствует обывательским представлениям людей [1, 8].

Анализ полученных данных позволяет сделать выводы об особенностях социализации современной студенческой молодёжи, сформировать общую картину значимости сексуальной жизни для молодых людей, проживающих в разных регионах нашей страны. Представленное исследование является частью большой работы, направленной на выявление факторов готовности современных молодых людей к созданию семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи. – СПб.: Речь, 2005.

2. Вислова А. Д. Современная семья: социально-психологический дискурс // Российский научный журнал. – 2008. – №5(6). – С. 113-121.

3. Обозов Н. Н. Возрастная психология: юность и зрелость. – СПб.: Питер, 2000.

4. Психотерапия семейных отношений: Учебное пособие по психологическому консультированию. Редактор-составитель Д. Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2004.

5. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000.

6. Сапогова Е. Е. Психология развития человека: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2005.

7. Социология молодежи. Под ред. В. Т. Лисовского. – СПб.: Речь, 1996.

8. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2007.

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КОЛОМНА

УДК 159.947.23
ББК 88.37
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. В. Проталинская

Статья посвящена рассмотрению проблемы структуры ответственности в современной психологии. Анализируются понятие, структура, виды и существенные характеристики ответственности. Рассматриваются её компоненты. Предложено рассматривать аспекты ответственности, основываясь не только на внешний контроль деятельности личности, но и на внутренние критерии оценивания собственного поведения.

Ключевые слова
Субъект и объект ответственности, внутренняя и внешняя ответственность, мотивационный, эмоциональный, когнитивный, динамический, продуктивный и др. компоненты ответственности

Разное понимание сущности ответственности значительно затрудняет проведение комплексных исследований данного феномена. Актуальным является решение этой проблемы путем более детального анализа понятия ответственности; выделения его внешней и внутренней структуры, основных компонентов и характеристик, что позволит перевести феномен ответственности с уровня обобщенных определений на уровень конкретно-психологического анализа [1. С. 38].

В психологии существуют различные подходы к определению ответственности. Так, в психологическом словаре (под редакцией А. Петровского, М. Ярошевского) она рассматривается как осуществляемый в различных формах контроль над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых норм и правил. При этом различаются внешние (подотчетность, наказуемость) и внутренние формы контроля (чувство ответственности, долга). Ответственность личности перед обществом характеризуется сознательным соблюдением моральных принципов, правовых норм, выражающих общественную необходимость. Ответственность как черта личности формируется в результате интериоризации социальных ценностей, норм и правил.

Ответственность рассматривается К. Абульхановой-Славской в тесной связи с проблемой активности, являющейся выражением и способом осуществления высших жизненных потребностей личности, в том числе и в самовыражении. Как отмечает К. Абульханова, не всегда потребности, желания и мотивы личности со-

впадают с требованиями, предъявляемыми обществом. Поэтому и возникает проблема присвоения и активного осуществления личностью необходимости, т. е. проблема ответственности.

К. Абульханова-Славская считает актуальным и аспект ответственности, совпадающий с понятием личного и общественного долга, и определение ответственности как присвоение внешней и осуществление внутренней необходимости. В этом случае ответственность выступает как самостоятельное, добровольное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых субъектом.

В. М. Мельников рассматривает ответственность в тесной связи с дисциплинированностью. Последняя представляет собой сознательное и своевременное выполнение задач и обязанностей.

Л. Дементий определяет ответственность как гарантирование личностью достижения результата собственными усилиями при заданном уровне сложности и ограниченном времени с учетом возможных неожиданностей, трудностей, т.е. овладение целостностью ситуации и построение оригинального контура деятельности. Ответственность возникает в связи с проблемой активного осуществления необходимости в процессе жизнедеятельности.

Ответственность как регуляция поведения на основе предвидения его последствий рассматривается К. Муздыбаевым.

К. Брихцин рассматривает ответственность как осознание зависимости своих действий и их последствий от собственного решения и управления, готовность отвечать за них в рамках социальной или организованной структуры.

Ответственность рассматривается Д. Фильдштейном, В. Реаном как показатель зрелости личности.

Э. Ильенков указывает на ответственность как важнейшую характеристику разумности человека, которая предполагает долженствование, долг сохранения человеческой жизни и природы, окружающей и включающей в себя человечество, вовлеченной человечеством в жизнедеятельность.

Проблема ответственности в связи со свободой рассматривается В. Франклом. Свобода порождает ответственность, наша свобода ограничена ответственностью [4. С. 56-57].

В. П. Прядеин отмечает, что термин «ответственность» используется также для характеристики различных свойств, качеств, процессов и состояний личности: активности (К.А. Абульханова-Славская, М. М. Бахтин, В. И. Селиванов), инициативности (К. А. Абульханова-Славская), настойчивости (А. В. Петровский), конформизма (Э. И. Рудковский), восприятия (Х. Хекхаузен), импульсивности (Г. Л. Тульчинский), тревожности (Э. И. Рудковский, В. Ф. Сафин) и т. п.

Также в многочисленных определениях ответственность раскрывается через способности личности (С. П. Иванов, Н. В. Кузнецова, К. К. Платонов), деятельность (Н. И. Конюхов), долг (А. Г. Спиркин), необходимость (В. С. Мухина), склонности (К. Муздыбаев), нравственность (В. Ф. Сафин) и т. д. [8. С. 5-6]

Таким образом, в психологии под ответственностью понимается осуществляемый в различных формах контроль над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых норм и правил. Ответственность личности перед обществом характеризуется сознательным соблюдением моральных принципов и правовых норм, выражающих общественную необходимость. Существенным моментом ответственности является учет возможностей, условий выполнения индивидом этой необходимости, т. е. своего общественного долга, общественных обязанностей [2. С. 3].

Рассматривая проблему структуры ответственности необходимо затронуть аспект внешней и внутренней структуризации этого явления. Различаются внешняя и внутренняя структуры, причём в выде-

лении элементов внешней структуры существует определённое единство у разных авторов, а элементы внутренней структуры отличаются большим разнообразием (К. Муздыбаев, В. Ф. Плахотный, В. П. Прядеин, Т. Н. Сидорова, Э. И. Рудковский, В. Ф. Сафин, Т. В. Сидорова и др.) [7. С. 196]

Т. Н. Сидорова к внешней структуре относит такие составляющие, как субъект ответственности (кто отвечает), объект ответственности (за что отвечает) и инстанция ответственности (перед кем отвечает)

Объект ответственности – это то, за что субъект несет ответственность. Э. И. Рудковский указывает, что объектом ответственности личности является ее деятельность, однако при определенных условиях объектом могут быть и действия других людей [8. С. 13]. Действие, направленное субъектом на объект, всегда осознанно и произвольно. Причем в таких отношениях между субъектом и объектом ответственности имеется некоторая особенность: субъект обладает способностью не, только изменить объект, течение событий, но и одновременно измениться сам. Субъектом ответственности может выступать отдельная личность, группа, социальная общность, т. е. тот, чья деятельность подлежит оценке [1. С. 38].

В течение жизни каждый человек усваивает общие правила: обычаи, законы, социальные нормы, ролевые обязанности, ценности, моральный долг, в соответствии с которыми он строит определенные общественные отношения. Такие отношения предполагают, что кроме субъекта ответственности существует ещё и другой субъект (или субъекты), перед которым необходимо держать ответ, отчитываться. К. Муздыбаев называет этого другого субъекта (или субъектов) «инстанцией». Инстанция оценивает деятельность субъекта ответственности и налагает санкции в зависимости от степени вины или заслуг [6. С. 10]. Субъектом ответственности (как и ее инстанцией) могут быть отдельная личность, коллектив, класс, общество – любая социальная общность, обладающая единством деятельности и организации [8. С. 13].

Итак, существуют в обществе преставления о нравственной, правовой, политической и т. п. ответственности, и личность в своем поведении и деятельности ориентируется на эти нормы и представления. И если происходит совпадение внешних требований об ответственном поведении и деятельности с внутренним отношением к этим требованиям, то в таком случае ответственность становится свойством личности, происходит переход из области должного в область сущего. Такое «сверхнормативное» отношение к обязанностям и реализация их в социально значимых поведении и деятельности и есть внутренняя ответственность личности, которая характеризуется в таких понятиях, как самоконтроль, самооценка, самоуправление, самоактивность, самоответственность. Таким образом, если внешняя ответственность выступает как сумма требований, в которых выражается социальная ответственность в той или иной ее форме, предъявляемых коллективом, обществом, конкретной ситуацией к личности, то степень реализации этих требований с учетом всех внутренних возможностей и волевых усилий представляет собой внутреннюю ответственность личности, любого субъекта ответственных действий [5. С. 5].

На интегральность понятия ответственности, многомерность его структуры указывают многие авторы (А. Г. Спиркин, В. Ф. Сафина, Т. Н. Сидорова, Э. И. Рудковский, В. П. Прядеин, М. В. Борцова, Н. В. Седова, М. Цветкова, И. М. Чередов, В. А. Энгельгард и др.). Наблюдаются лишь некоторые расхождения в обозначении компонентов, входящих в структуру ответственности.

Говоря о структуре ответственности, А. Г. Спиркин выделяет три компонента от-

ветственности: свобода воли, осознание долга, осознание социальных мер воздействия на субъекта в ответ на его социально значимые поступки.

В работах В. Ф. Сафина выделяются мотивационно-аффективный, интеллектуально-когнитивный и деятельностно-поведенческий аспекты [3. С. 24].

Т. Н. Сидорова обозначает структуру ответственности как единство трех компонентов: когнитивного, мотивационного и поведенческого. Она отмечает, что не обнаружено прямой зависимости между знанием норм и реализации их в поведении, а также между мотивационным и поведенческим компонентами [5. С. 12].

По мнению А. Ф. Плахотного ответственность выступает как единство рационального, волевого и эмоционального моментов.

Э. И. Рудковский отмечает, что ответственное поведение основано на предвидении социальных последствий, которые оно может вызвать. Он выделяет две стороны ответственности: внешнюю и внутреннюю, указывая, что кроме внешней стороны ответственности, выражающей отношение личности к требованиям инстанции, существует внутренняя субъективная сторона ответственности, которая проявляется как чувство ответственности и как ее сознание. Также он выделяет эмоциональный компонент ответственности.

М. В. Борцова рассматривает три компонента: поведенчески-результативный, когнитивный, эмоциональный. К поведенчески-результативному компоненту ей относятся такие параметры ответственности, как самостоятельность человека в выполнении задания, доведение начатого дела до конца (что определяется наличием у субъекта целеустремленности, саморегуляции, настойчивости в достижении результата), качественное выполнение порученной работы, организованность деятельности (временное обеспечение деятельности), добровольность, инициатива, дисциплина, преодоление трудностей, способность отказаться от развлечений ради выполнения задания (обеспечение условий деятельности). Когнитивный компонент включает в себя, прежде всего, осознание сущности ответственности как личностной характеристики, предвидение результатов своей дельности, осмысление порученного задания, т.е. понимание правил, условий деятельности и составление мысленного плана работы, осознание значимости обязательного и хорошо выполненного поручения, осознание полезности своего труда для окружающих.

Эмоциональный компонент ответственности отражает: переживания за качество своей работы, переживания в ситуации невыполнения деятельности, эмоциональное отношение к принятию на себя новых обязанностей, к обещаниям, к трудностям, связанным с принятием на себя определенных обязанностей [1. С. 39-40].

Также различными авторами рассматриваются такие аспекты ответственности как коммуникативный (Н. В. Седова), волевой (М. Цветкова), интеллектуальный [4. С. 57].

На наш взгляд, наиболее подробная структуризация понятия «ответственность» предложена В. П. Прядеиным. Автор рассматривает ответственность как системное качество личности в функциональном единстве мотивационных, эмоциональных, когнитивных, динамических, регуляторно-волевых и продуктивных составляющих. При этом мотивационный компонент рассматривается с позиции социоцентричности и эгоцентричности, т. е. проявлением ответственности в связи с чувством долга или в связи с преобладанием личных интересов. Эмоциональный компонент ответственности проявляется в отношении к выполнению ответственных дел. Динамический компонент связывается с самостоятельностью выполнения ответственных дел, доведе-

нием до конца трудных и серьезных заданий, а когнитивный – с позиции осведомленности и осмысленности «стержневой основы ответственности». Продуктивный компонент ответственности связан с результатами деятельности, с самоотверженностью, добросовестностью, самореализацией различных сторон и качеств личности. Регуляторно-волевой компонент рассматривается с позиции экстернальности-интернальности, где об интервальности можно судить по самостоятельности, самокритичности и независимости при выполнении ответственных дел, а экстернальность проявляется в зависимости от других людей и внешних обстоятельств.

По мнению В. П. Прядеина, при реализации ответственных дел субъект сталкивается с трудностями личностного и операционного характера. К личностным он относит трудности внутреннего порядка (тревожность, неуверенность, плохое настроение), к нерациональным трудности, зависящие от окружающих людей и выполняемого задания. Личность как субъекта деятельности могут характеризовать и такие параметры ответственности как самостоятельность, добровольность деятельности, доведение деятельности до конца, способность предвидеть результаты собственных действий, обеспечение высокого качества деятельности, готовность идти на риск ради достижения цели и готовность прийти на помощь другому человеку (Л. Дементий). При этом проявление параметров ответственности не отражает ее в целом, а охватывает лишь одну ее сторону.

Ответственность, будучи системным качеством человека, наиболее полно отражает, по нашему мнению, сущностную природу человека, его противоречивые тенденции – стремление удовлетворить личные эгоистические потребности и с другой стороны, соответствовать предъявляемым обществом требованиям. Успешность разрешаемых при этом противоречий как раз и заключается в уровне развития ответственности, что определяется содержанием, в первую очередь, ее когнитивного и регуляторно-волевого компонентов, а также мотивационной составляющей. Таким образом, в ответственности как качестве человека отражается его духовность в виде мотивационного и когнитивного компонентов, и воля – как регуляторно-волевой компонент [8. С. 26-28].

При анализе литературы по проблеме ответственности возникает впечатление многоликости и расщепленности ответственности. Отсюда видно, что общее понятие ответственности размывается и иногда сводится к частным аспектам. Это происходит потому, что в некоторых случаях речь идет об отдельных – когнитивных или моральных подходах к ответственности, об определении ответственности как помощи в связи с общением или в связи с деятельностью субъекта и его поступками, за которые на него возлагается ответственность.

Подводя итог, важно отметить что, все виды ответственности объединяет то, что они представляют собой формы контроля за деятельностью субъекта на разных ее этапах и характеризуют ответственность либо с позиции ситуации, либо с позиции личности. В первом случае ответственность выступает как средство внешнего контроля и внешней регуляции деятельности личности.

Концепцию ответственности как интериоризации внешней необходимости; т.е. простого перевода, переноса внешнего во внутреннее, мы считаем, достаточно ограниченной. Она не раскрывает отношения личности к необходимости, ее самоопределения. В процессе свободного выбора люди обнаруживают в себе большую ответственность за себя и за другого человека, в условиях свободы выбора человек учится ответственности, у него появляются внутренние критерии оценки собственного поведения.

Существуют различные попытки пост-

роения структуры ответственности и выделения ее различных компонентов. Общим ограничением этих попыток является слишком обобщенное их представление, затрудняющее эмпирическое изучение проявлений ответственности [3. С. 27]. Мы считаем, что проведенный теоретический анализ поможет и другим исследователям более подробно рассмотреть структуру ответственности и проанализировать её компоненты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борцова М. В. Факторы становления начальных форм ответственности личности: теоретический аспект: Монография. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2007. – 125 с.

2. Быков С. В. Проблемы психологии ответственности личности: Монография. – Тольятти: ВУиТ, 2004. – 213 с.

3. Дементий Л. И. Ответственность: типология и личностные основания: Монография. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – 192 с.

4. Ильичёва И. М. Духовность как психологическая проблема: теоретические и эмпирические аспекты исследования. – М.: Прометей МПГУ, 2002. – 195 с.

5. Куренков И. А. Психология ответственности: Учебно-метод. пособие. – Балашов: Изд-во БГПИ, 2002. – 60 с.

6. Муздыбаев К. Психология ответственности / Под ред. В. С. Семёнова. – Изд. 2-е, доп. – М., 2010. – 248 с.

7. Проталинская И. В. Проблема ответственности в психологии // Российский научный журнал. – 2011. – №2(21). – С. 312.

8. Прядеин В. П. Половозрастные особенности ответственности личности. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. – 291 с.

МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ФИЛИАЛ В г. РЯЗАНИ

УДК 37.01
ББК 74.00

педагогика

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Т. А. Тимошина

В статье излагаются подходы к определению понятия «индивидуальная образовательная траектория» ученика и студента. Показано соотношение понятий индивидуальная образовательная траектория и индивидуальный образовательный маршрут. Приводится определение понятие автора термина «индивидуальная образовательная траектория студента» в контексте антропоцентрического и компетентностного подходов. Рекомендуется для преподавателей и студентов как средство индивидуализации и дифференциации образовательного процесса.

Ключевые слова
Индивидуальная образовательная траектория, индивидуальный образовательный маршрут, компетентностный подход, антропоцентрический подход

После присоединения России к Болонскому процессу в 2003 году, в отечественной системе образования активно проводятся реформы на принципах: поворот к личности обучающегося, его индивидуально-типологическим особенностям и уникальности, ценности личности, субъектности, свободы выбора. Условиями реализации вышеуказанных принципов является дифференциация образования, вследствие чего перед российским высшим образованием встал вопрос об индивидуализации обучения, и, прежде всего, об организации процесса обучения на основе принципа субъектности.

В контексте гуманистической парадигмы образования субъект-субъектный характер педагогического взаимодействия является одним из важнейших, поскольку обучающийся становится партнером педагога и получает возможность организовывать процесс обучения в соответствии со своими интересами, способностями, возможностями. Одним из средств реализации активной позиции субъекта в системе образования является индивидуальная образовательная траектория.

Рассмотрим понятие и сущность данного термина в педагогической науке. А. В. Хуторской [13. С. 100] и Е. В. Богомолова [2. С. 26] рассматривают индивидуальную образовательную траекторию как «персональный путь реализации личностного потенциала каждого ученика в образовании».

Г. М. Кулешова, взяв за основу точку зрения Хуторского А. В. на определение индивидуальной образовательной траек-

тории, ставит акцент в нем на взаимодействие ученика и педагога, на субъект-субъектное взаимодействие ученика и педагога. Автор приводит следующее определение: индивидуальная образовательная траектория – это «персональный путь творческой реализации личностного потенциала каждого ученика в образовании, смысл, значение, цель и компоненты каждого последовательного этапа которого осмыслены самостоятельно или в совместной с педагогом деятельности» [8].

Л. В. Байбородова понятие «индивидуальная образовательная траектория» трактует как «реально пройденный учеником путь по достижению намеченной цели» [1. С. 12].

Н. Н. Суртаева рассматривает индивидуальную образовательную траекторию как «определенную последовательность элементов учебной деятельности каждого учащегося, соответствующую его способностям, возможностям, мотивации, интересам, осуществляемым при координирующей, организующей, консультирующей деятельности педагога во взаимосвязи с родителями» [11. С. 15].

С. Сулейманова индивидуальную образовательную траекторию рассматривает как «программируемую своеобразную «линию продвижения» подростка по образовательному маршруту (многоуровневой программе дополнительного образования детей) с индивидуальным содержанием образования и в индивидуальном темпо-ритме, предполагающая возможность достижения фиксированного результата, обеспечивающая подростку возможность творческой самореализации» [10].

В. Г. Ерыкова трактует индивидуальную образовательную траекторию как «личностно-ориентированную организацию учебной деятельности на основе требований ФГОС и учебного плана, обеспечивающих поэтапное освоение компетенций в профессиональной подготовке бакалавра информатики и способствует формированию индивидуального стиля самообразовательной деятельности студента, его дальнейшее совершенствование и переход в индивидуальный стиль профессиональной деятельности выпускника» [6. С. 8].

С точки зрения Э. П. Черняевой индивидуальная образовательная траектория студента – это «форма индивидуализации и дифференциации профессионального образования, базирующаяся на свободе выбора обучаемым целей, содержания, форм, методов, средств, способов рефлексии и темпа обучения в совместной деятельности с преподавателем» [14. С. 8].

Авторы при определении индивидуальной образовательной траектории рассматривают ее сущность с позиции различных целей. В частности, для А. В. Хуторского целью организации индивидуальной образовательной траектории является развитие личностного потенциала, при этом автор не затрагивает вопроса о субъектности ученика. Целью выстраивания индивидуальной образовательной траектории, по мнению Г. М. Кулешовой, является реализация творческих способностей. Согласно С. Сулеймановой целью организации учебного процесса на основе индивидуальной образовательной траектории является творческая самореализация подростка.

Анализ литературы по проблеме индивидуальной образовательной траектории показал, что, несмотря на преобладание различных точек зрения, среди них можно выделить ряд характерных признаков: 1) это личностный путь в образовании; 2) цель индивидуальной образовательной траектории – реализация личностного потенциала, развитие творчества; 3) учет у учащихся характера мотивации к обучению; 4) обучение на основе субъект-субъектных отношений; 5) наличие свободы выбора; 6) обучение согласно способностям.

Анализ педагогических работ, посвященных индивидуальной образователь-

ной траектории выявил, что большинство авторов (А. В. Хуторской, Е. В. Богомолова, Г. М. Кулешова, Л. В. Байбородова, С. Сулейманова и др.) рассматривают данное явление в контексте школьного образования, меньшинство (В. Г. Ерыкова, Э. П. Черняева) в контексте вузовского. Однако система высшего образования имеет свою специфику, обусловленную возрастными особенностями обучающегося, что влечет за собой необходимость более глубокого исследования проблемы организации индивидуальной образовательной траектории студента. В частности, учета психофизиологических особенностей обучающегося в вузе для эффективного выстраивания траектории обучения.

В контексте антропоцентрического подхода к организации образовательного процесса следует учитывать особенности здоровья (психического, физического и социального), темперамента, мотивации, способностей и возможности обучающегося. Как известно, в практике обучения эти особенности отражаются на качестве подготовки будущего специалиста, на времени, затрачиваемом студентами на овладение учебной программой. В связи с заявленной проблемой можно назвать два методологических подхода, которые позволят оказывать эффективную помощь в организации индивидуальной образовательной траектории студента – антропоцентрический и компетентностный.

Антропоцентрический подход тесно связан с идеями человеко-центрированного подхода К. Роджерса и включает ряд принципов: ценности человека, целостности человека как биопсихосоциального существа, самоорганизации, свободы выбора личности, субъектности, индивидуализации, субъект-субъектного взаимодействия.

Компетентностный подход является одним из основополагающих в Болонском соглашении и включает ряд принципов: практической направленности обучения, принцип связи с производством и жизнью, диагностичности.

Выстраивание индивидуальной образовательной траектории на основе названных подходов будет способствовать личностному и профессиональному самоопределению, позволит сформировать общекультурные и личностные компетенции у обучающегося в соответствии с его интересами.

В контексте антропоцентрического и компетентностного подходов понятие «индивидуальная образовательная траектория студента» мы будем рассматривать как динамическую систему действий обучающегося по продвижению к намеченной образовательной цели на основе субъект-субъектных отношений, с учетом психических, психологических и физиологических особенностей, а также мотивации, способностей и возможностей личности.

Ввиду важности уяснения для нашей работы сути понятия «индивидуальная образовательная траектория», рассмотрим термины, близкие по значению. Одним из таких понятий является индивидуальный образовательный маршрут. Рассмотрим особенности употребления данного понятия в педагогической науке.

С. В. Воробьева [3. С. 10] и определяют индивидуальный образовательный маршрут как «целенаправленно проектируемую дифференцированную образовательную программу, обеспечивающую учащемуся позиции субъекта выбора, разработки и реализации образовательной программы при осуществлении преподавателями педагогической поддержки его самоопределения и самореализации» [Н. А. Лабунская, 2002].

Л. В. Байбородова, соглашаясь с точкой зрения М. Б. Утенова, определяет индивидуальный образовательный маршрут как «замысел школьника относительно его собственного продвижения в образовании», «проект ученика, который конкретизирует его образовательную программу и планы», «определение этапов, которые

ученик предполагает целенаправленно пройти сам или совместно с педагогами, или при их поддержке, при этом используются соответствующие ученику образовательные технологии и средства» [1. С. 11].

С точки зрения Н. Г. Зверевой индивидуальный образовательный маршрут – «это вариативная структура учебной деятельности студента, отражающая его личностные особенности, проектируемая и контролируемая в рамках отдельной учебной дисциплины совместно с преподавателем на основе комплексно психолого-педагогической диагностики» [7].

В. В. Лоренц рассматривает понятие «индивидуально-образовательный маршрут» будущего педагога и определяет его как «целенаправленно проектируемую дифференцированную образовательную программу, обеспечивающую будущему учителю позиции субъекта выбора, разработки и реализации образовательной программы при осуществлении преподавателем педагогической поддержки его профессионального самоопределения и самореализации» [9. С. 6].

В. Г. Ерыкова, Д. В. Бобылев, Р. Н. Евдокимов [5] индивидуальный образовательный маршрут определяют как «совокупность индивидуальных для каждого студента этапов, периодов, линий, которые характеризуют его продвижение при получении образования» и называют индивидуальную образовательную траекторию технологическим средством реализации индивидуального образовательного маршрута.

Т. Г. Санникова считает термин «индивидуальный образовательный маршрут» идентичным понятию «индивидуальная образовательная траектория» и указывает, что траектория – маршрут «реализуется через собственный заказ ребенка на процесс обучения и воспитания и дает ему возможность формирования той или иной стратегии продолжения его образования» [12].

Таким образом, обзор литературы по определению термина «индивидуальный образовательный маршрут» позволяет выявить общность среди точек зрения авторов, в частности это: 1) индивидуальная программа продвижения в образовании; 2) субъектность ученика; 3) субъект-субъектные отношения педагогического взаимодействия; 4) освоение учебной нагрузки в индивидуальном темпе; 5) мотивация к обучению.

Говоря о соотношении понятий «индивидуальная образовательная траектория» и «индивидуальный образовательный маршрут», анализ педагогической литературы позволил выявить отсутствие единой точки зрения между соотношениями этих терминов. Ряд педагогов и психологов (А. В. Хуторской, Г. М. Кулешова, Л. В. Байбородова, С. В. Воробьева и др.) трактуют эти термины как различные по значению, ряд других (Т. Г. Санникова) считают их синонимами.

С нашей точки зрения вышеуказанные понятия близки по значению и взаимосвязаны, однако не являются синонимичными. Термин «индивидуальная образовательная траектория» является более широким по значению по сравнению с «индивидуальным образовательным маршрутом». Говоря об индивидуальном образовательном маршруте студента, мы имеем в ввиду этапность обучения, четко ограниченные целевые, содержательные и временные рамки обучения. Кроме того, индивидуальный образовательный маршрут детерминирован потребностями, способностями и возможностями студента.

Индивидуальная образовательная траектория студента – это результаты процесса обучения и воспитания, педагогическое взаимодействие на основе субъект-субъектных отношений, развитие персональных особенностей личности, те навыки и умения, которые учащийся приобретет в ходе процессе обучения в высшей школе, то есть после прохождения индивидуального образовательного маршрута.

Индивидуальный образовательный маршрут студента – это одно из средств организации индивидуальной образовательной траектории студента, ее содержательный компонент.

С точки зрения Н. А. Дука [4], одним из вариантов типологии индивидуального образовательного маршрута является следующая классификация [Н. А. Лабунская, 2002]:

– Я-центрированный образовательный маршрут. В основе его – сам студент. Всё сосредоточено на нём, всё ориентировано на него. Маршрут имеет ярко выраженную личностную направленность;

– ориентированный на получение знаний. Ведущая ориентированность маршрута связана с приобретением знаний;

– ориентированный на формирование студентом себя как образованного человека;

– ориентированный на формирование студента себя как будущего специалиста;

– ориентированный на формирование студента себя как учителя;

– ориентированный на научную деятельность.

Учет данных видов маршрутов педагогам высшей школы позволяет увидеть основные направления организации педагогической работы.

Следует отметить, что в контексте антропоцентрического и компетентностного подходов к планированию и организации индивидуальной образовательной траектории студента будет осуществляться совместно со студентом при целеполагании, планировании, выборе учебных предметов и уровня их сложности, выборе последовательности и форм отчетности, временных рамок и т. п. Результат совместного планирования прохождения образовательной траектории может быть отражен в учебном контракте, технологической карте, дневнике, учебном плане. Это позволит студенту самостоятельно контролировать процесс его профессиональной подготовки. Организация индивидуальной образовательной траектории заключается не только в предварительном планировании обучения студента, разработке индивидуального образовательного маршрута, но и в систематической помощи со стороны преподавателей и кураторов.

Организация индивидуальной образовательной траектории студента в системе высшего образования позволяет в процессе обучения:

– осуществлять индивидуальный подход к каждой личности;

– стимулировать индивидуальную траекторию развития;

– реализовывать личностный потенциал;

– развивать творческие способности;

– стимулировать развитие профессионализма, уникальности.

Задачами преподавателя и куратора совместно со студентом при выстраивании индивидуальной образовательной траектории студента являются: 1) учет индивидуальных особенностей (мотивации, ценностных ориентаций, способностей, уровня развития умений самостоятельной работы); 2) учет возможностей личности (состояние здоровья, материальное благосостояние, жилищно-бытовые условия); 3) выбор типа маршрута; 4) выбор темпа обучения; 5) выбор средств, методов и форм обучения.

Рассмотренный анализ подходов позволяет выявить особенности организации индивидуальной образовательной траектории студента в образовательном процессе, что будет способствовать повышению эффективности образовательного процесса. Однако заявленная проблема организации индивидуальной образовательной траектории в вузе ждет своего дальнейшего исследования. В частности, необходимо решить задачи отбора методов, средств, форм оказания педагогической помощи обучающимся в продвижении по индивидуальной образовательной траектории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Байбородова Л. В. Сопровождение образовательной деятельности сельских школьников. Монография. – Ярославль-Москва, 2008. – 87 с.

2. Богомолова Е. В. Построение и реализация индивидуальной образовательной траектории // Образование и общество. – 2005. – №2. – С. 26-28.

3. Воробьева С. В. Теоретические основы дифференциации образовательных программ: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – СПб, 1999. – 53 с.

4. Дука Н. А. Введение в педагогику. Учебное пособие. – Омск, 1997. – 146 с.

5. Ерыкова В. Г., Бобылев Д. В., Евдокимов Р. Н. Построение индивидуальной образовательной траектории в Современной гуманитарной академии //http://www.conf.muh.ru

6. Ерыкова В. Г. Формирование индивидуальной образовательной траектории подготовки бакалавров информатики: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2008. – 25 с.

7. Зверева Н. Г. Проектирование индивидуальных образовательных маршрутов студентов педвуза на основе комплексной психолого-педагогической диагностики: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ярославль, 2007 // http://inf.yspu.org/documents-open/dis/316/auto.pdf

8. Кулешова Г. М. Проблемы целеполагания субъектов обучения в связи с организацией индивидуальной образовательной траектории // Интернет-журнал «Эйдос». – 2006. – 22 авг. // http://www.eidos.ru/journal/2006/0822-4.htm

9. Лоренц В. В. Проектирование индивидуально-образовательного маршрута как условие подготовки будущего учителя к профессиональной деятельности: Дис. ... канд. пед. наук. – Омск, 2001. – 250 с.

10. Сулейманова С. Сущностно-видовые особенности педагогического стимулирования творческой самореализации подростков в дополнительном образовании // Современные направления развития педагогической мысли и педагогика И. Е. Шварца. Материалы международной научно-практической конференции (1-2 июня 2009 г., г. Пермь). Ч.1// http://shvarts.pspu.ru/sbornik_konf.html

11. Суртаева Н. Н. Педагогические технологии в реализации гуманистической концепции образования // Химия в школе. – 1997. – №7. – С. 13-23.

12. Тьюторство в старшей школе: сборник материалов. Составитель Санникова Т. Г. – Ижевск, 2001// http://shishkinstreet.narod.ru/mathtutor.html

13. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. – 416 с.

14. Чернява Э. П. Реализация индивидуальных образовательных траекторий студентов вузов в процессе использования электронного учебника: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2008. – 23 с.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ
ЧАНЧУНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КНР

УДК 37.01+81‘243
ББК 74.261.7Рус+81.001.91

педагогика

РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Шань Нина [Shan Nina]

В данной статье рассматривается вопрос обучения русскому языку китайских студентов, это во многом определяется спецификой их родного языка. Взаимовлияние родного и русского языков – неизбежные последствия их соприкосновения, специфические особенности двуязычия выявляются в результате его сопоставления.

Ключевые слова
Интерференция, двуязычные и переводные упражнения, сопоставление

Применение сравнительной типологии в качестве прикладной дисциплины может осуществляться через методику преподавания иностранных языков. При сопоставлении систем языков типология определяет системные особенности каждого языка. Большое значение имеет определение места и роли родного языка при обучении студентов иностранному языку, который может иметь положительное и отрицательное влияние на процесс обучения. Можно сказать, что усвоение иностранного языка идет путем прямо противоположным тому, которым идет развитие родного языка. Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный – начиная с осознания и намеренности. Поэтому можно сказать, что развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка идет сверху вниз. 52% ошибок совершаются под влиянием родного языка, а 44% кроются внутри изучаемого.

Интерференция родного языка вызывает большой интерес у преподавателей иностранных языков и лингвистов. Некоторые ученые интерпретируют ее как оппозицию и нейтрализацию, или дивергентный феномен и конвергентный феномен. Интерференция приводит к таким последствиям, как речевой дефект, речевая ошибка и речевая бедность.

Я. М. Колкер отметил, что родной язык является необходимым подспорьем в развитии иноязычной речевой компетенции в целом. Выделены 14 функций родного языка при обучении иностранному языку, такие, как родной язык как средство объяснения грамматического материала, как средство семантизации лексических единиц, контроль понимания значения грамматических структур или лексических единиц, встречаемых при чтении или слушании текста, обеспечение учебного об-

щения (то есть команды, инструкции к заданиям, формулировка цели урока, представление речевой ситуации и т. п.), как средство профилактики ошибок, вызываемых межъязыковой интерференцией, как средство формирования лексических, грамматических и интонационных навыков, как один из способов коррекции ошибок, как средство создания контекста, коммуникативно оправдывающего использование изолированных лексических единиц или речевых образцов, как средство актуализации изучаемых грамматических явлений, как средство самостоятельной актуализации дериватов по знакомой словообразовательной модели, как средство экономного совмещения практических и образовательных целей, как средство формирования языковой картины мира, как средство, способствующее развитию мышления в ходе познавательных игр, как средство активизации оперативной памяти и мышления учащихся в процессе чтения и аудирования[1]. О. Д. Митрофанова утверждает, что сознание, мышление человека неразрывно связано с его родным языком. Е. А. Павлова отмечала, что использование родного языка должно носить осознанный и целенаправленный характер и быть ограничено определенным количеством ситуаций, где он не только не мешает, но и способствует оптимизации учебного процесса. Она также выделила 6 функций родного языка на уроке иностранного языка: мотивационная, обучающая, организационная, семантизирующая, контролирующая, коммуникативная[2].

В практике преподавания возникают трудности, обусловленные факторами взаимодействия лексических систем русского языка и родного языка обучаемых. У лексических систем русского и китайского языков очень мало точек соприкосновения.

Трудности, возникающие при формировании лексических навыков, можно разделить на две группы: межъязыковые трудности и внутриязыковые трудности.

К межъязыковым трудностям можно отнести несовпадение объема значений слова в иностранном и в р她爱跳舞。ах.

Она любит танцевать.

Китайские студенты составляют подобные предложения. 她爱生气。

Она любит сердиться.

Из этого 爱 текает, что любить в китайском языке обозначает часто происходящее действие, на самом деле имеется в виду какой-то характер или качество человека, а в русском языке нет такого смысла. Правильный вариант перевода такой: «Она раздражительна (вспыльчива)».

他爱开玩笑，爱睡觉

переводятся на русский язык так: «Он любит пошутить, любит поспать». Здесь приставка «по» означает кратковременное действие. 她爱唠叨。

Она любит поворчать.

Здесь речь идет не о ее хобби или увлечении, а ее характере, это оценка других людей. Таким образом, правильный вар她不喜欢唠唠叨叨。.

Она не любит ворчать.

Она не любит, когда ворчат.

Здесь имеется в виду, что ей надоедает, когда это действие (ворчать) совершает другой человек.

他自己处事果断，不喜欢婆婆妈妈。

Он сам решителен в действиях, не любит, когда канитель тянут.

Проанализируем глагол «заботиться», кот关心 переводится на китайский язык как

На要关心人民的精神生活。зни народа.

大学生都很关心国家大事。

Студенты очень заботятся о политической他是很关心时事的。

Он очень заботится о текущих событиях.

Правильные варианты:

Студенты проявляют большой интерес к политической жизни страны.

Он всегда внимательно следит за текущими событиями.

К межъязыковым трудностям относят стилистические коннотации. При изучении слова как лексической единицы языка учитывается также его принадлежность к определенному стилю, наличие или отсутствие у него эмоционально-экспрессивной окраски. Если проанализировать синонимы *небылица, легенда, миф, сказка, басня; побасенка, побаска, небывальщина* (общее значение «то, что выдумано, что не соответствует действительности»), то можно установить: они различаются не только происхождением, степенью употребительности, эмоциональностью, но принадлежностью к различным стилям. Слова *небылица, легенда, миф* общеупотребительны и стилистически нейтральны, слова *сказка, басня, побасенка* относятся к разговорному стилю, а *побаска, небывальщина* квалифицируются как просторечные и имеют пренебрежительный и шутливо-иронический характер.

К внутриязыковым трудностям отнесем многозначность слов, употребление слов в конкретной ситуации, их словообразовательную специфику, наличие в русском языке большого количества синонимов, употребление которых имеет свою специфику – разные коннотации.

Фразеологические единицы в русском языке представляют большие трудности для китайских студентов. Например:

Бить баклуши (разг.) – бездельничать.

Баклуши – деревянные чурки, предназначенные для выделки из них посуды (чашек, мисок, ложек и т. п.) первоначальное значение: делать несложное, лёгкое дело – разбивать полено на баклуши, т. е. чурки для выделки мелких изделий.

Витать в эмпиреях – фантазировать, предаваться мечтам, оторванным от реальной жизни.

Эмпирей (от греч. empyros – огненный) в древних космогонических представлениях верхняя часть неба, наполненная огнём, сиянием, местопребывание богов.

Кот наплакал (разг. фам.) – мало.

Обвести вокруг пальца (разг.) – ловко, хитро обмануть.

За тридевять земель (разг. шутл.) – очень далеко.

Набить руку (разг.) – научиться, приобретать опыт, сноровку в чём-л.

Выделяются следующие функции синонимов:

(1) Смыслоразличительная функция. Синонимы служат для дифференциации значений.

(2) Стилистическая функция.

(3) Усилительная функция. В художественной литературе часто используется прием нанизывания синонимов для усиления воздействия.

Синонимы возникают в языке постоянно. Это обусловлено рядом причин. Одна из основных – стремление по-новому взглянуть предмет, явление, открыть в них новые признаки и дать им другое название.

В русском языке разница в семантике большая, многие слова не относятся к одному синонимическому ряду, однако эти слова сводятся к одному китайскому слову. 洗衣服

Стирать белье洗碗

Мыть чашки 洗照片

Печатать фотосним洗钱

Отмывать деньги

В вышеуказанных словосочетаниях глаголы «стирать», «мыть», «печатать» и «отмыва洗 переводятся на китайский язык . 吃

Еще один пример: китайское слово и русско差不多所有孩子都爱吃甜食。

(1)

Почти все дети любят есть сладкое (здесь 你自己做饭还是吃食堂？

(2)

Вы сами готовите или едите в столо-

вой ? (питаетесь).

请吃吧，不客气，就当在自己家里。

Ешьте, пожалуйста, не стесняйтесь, будьте как дома (кушайте).

要想有健康的身体，不能光吃鱼肉。

Чтобы быть здоровым, нельзя есть одну рыбу и мясо (кормиться одной рыбой и мясом).

这药我吃了一星期了，效果不明显。

Это лекарство я ем уже неделю, мало помога他很少吃馆子。

(6)

Он редко ест в ресторане (ходит в ресторан).

В китайском языке существует большое количество образных выражений, которые не имеют никакого отношения к русск农业不能总是靠天吃饭。

В сельском хозяйстве нельзя вечно рассчитывать на милость неба, на манну не常言说得好，靠山吃山，靠海吃海。

Недаром говорят: возле чего живешь, тем и他这个人是软硬不吃的。

Он человек такой, не поддается ни уговор别难过了！吃一堑，长一智吗？

记住教训就行了。

Не печалься, как говорится, одна неудача – одна наука, хорошо бы помнить урок[3].

Изучение русского языка во взаимосвязи с культурой его носителей делает актуальной проблему презентации языкового материала, несущего культурологическую информацию. На современном этапе в методике преподавания русского языка как иностранного центральное место отводится поиску путей и способов оптимизации обучения, т. е. созданию такой организации обучения, которая обеспечила бы высокий уровень языковой и коммуникативной компетенции учащихся. Одним из путей решения этой проблемы, как известно, является выявление в языке национально-культурной семантики и разработка методических приемов и способов презентации, закрепления и активизации этой семантики непосредственно на языковых занятиях. Освоение и внедрение в практику достижений современной методики, прежде всего в области сопоставительного лингвострановедения, является одной из главных задач в подготовке квалифицированных преподавателей русского языка.

Важно выявить потенциальные источники фразеологической интерференции для предупреждения прогнозируемых специфических ошибок. Большая часть устойчивых выражений связана с сюжетами греческой мифологии:

ахиллесова пята – книж. Наиболее уязвимое место кого – чего-н. По древнегреческому мифу об Ахиллесе, тело которого бы(致命的弱点，最大的弱点),роме пятки.

нить Ариадны – о том, что помогает выйти из затруднительного, сложного положения. По древнегреческому мифу об（阿里阿德涅线团，指能帮助摆脱困境、辨别复杂情况、解决疑难的办法),

как из рога изобилия – неиссякаемый источник богатства, благ. По символическому изображению изобилие в виде высы(源源不断，取之不尽。丰足、в, цве富裕的象征）

（陷入窘境；碰钉子；上当；失算）заться в неприятном, неловком положении

– объясняется тем, что на Руси словом «просак» назывался прядильный станок. Из-за собственной невнимательности и

неловкости можно было запутаться в слож(<俗>闲扯，闲聊)» станка и пораниться.

Выражение *«точить лясы»*

(просторечное) – заниматься болтовней, пустословить – связано с тем, что раньше это выражение означало вытачивать узорные фигурные столбики для перил. По-видимому, эта работа не мешала разным разговорам[4]. С другой стороны, русским трудно понять такое предложение: «Когда я был студентом, много путешествовал, денег, конечно, не хватало, поэтому я часто ночевал в бане». Для правильного понимания текста необходимо знать, что в ночное время в Китае бани могут служить дешевой гостиницей. Лексический фон, в свою очередь, состоит из фоновых семантических долей, несущих в себе различную информацию. Мы считаем необходимым в целях повышения эффективности преподавания совершенствовать модель обучения с учетом межкультурной коммуникации.

Таким образом, использование двуязычных или переводных упражнений поможет сделать процесс перехода с кода одного языка на код другого языка более эффективным. А. И. Мучник констатирует, что двуязычные упражнения развивают быстроту и правильность реакции на разноязычные стимулы, повышают тем самым интерес учащихся к языковой работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Колкер Я. М., Устинова Е.С., Шеина И. М. Как использовать родной язык на разных ступенях изучения иностранного. – Рязань, 2007.

[2] Павлова Елена Александровна. Роль и место родного языка в обучении иностранному языку – http://festival.1september.ru/articles/525159/

[3] Примеры из《俄汉对比与俄语学习》赵陵生，王辛夷，北京大学出版社，2006.9

[4] Антонова Е. С., Боброва С. В. Методика преподавания русского языка, начальные классы. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – С. 441-442.

ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ И БИЗНЕСЕ»

УДК 37.032:371.134
ББК 74.58
Педагогические науки: теория и методика профессионального образования

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КРИЗИСНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

С. А. Юрков

В статье описываются структурные и содержательные компоненты педагогической модели формирования кризисной компетенции будущих государственных служащих в процессе профессиональной подготовки в вузе. Также рассматриваются функции педагогической модели и дидактические условия, обеспечивающие эффективное формирование профессионального и личностного становления будущих специалистов государственной службы.

Ключевые слова
Педагогическая модель, кризисная компетенция, компоненты педагогической модели, профессиональная подготовка, государственные служащие

Процесс формирования кризисной компетенции личности будущего государственного служащего в условиях высшего профессионального образования – явление сложное и многоплановое, влияние на которое активно оказывают различные как объективные, так и субъективные факторы [1]. Сложность и многоплановость этого процесса предполагает всесторонний, комплексный подход к его организации; использование самых разнообразных и многочисленных педагогических форм, методов, средств и приемов.

Как целостное явление формирование кризисной компетенции личности имеет свои структурные элементы, внутренние зависимости и системообразующие факторы.

В связи с актуальностью формирования данного личностного образования как условия профессиональной реализации была разработана педагогическая модель кризисной компетенции, включающая целевой, содержательный и результативный компоненты (рис. 1).

Целевой компонент (блок А) педагогической модели формирования кризисной компетенции будущих госслужащих включает совокупность задач, решение которых обеспечивает достижение результата психолого-педагогических мероприятий, направленных на становление личностных качеств, которые профессионально значимы для сотрудника государственной службы в кризисных ситуациях.

Исходя из этого, основной целью учебно-служебного процесса в вузах должно быть формирование знаний, умений, навыков, личностных качеств и отношений,

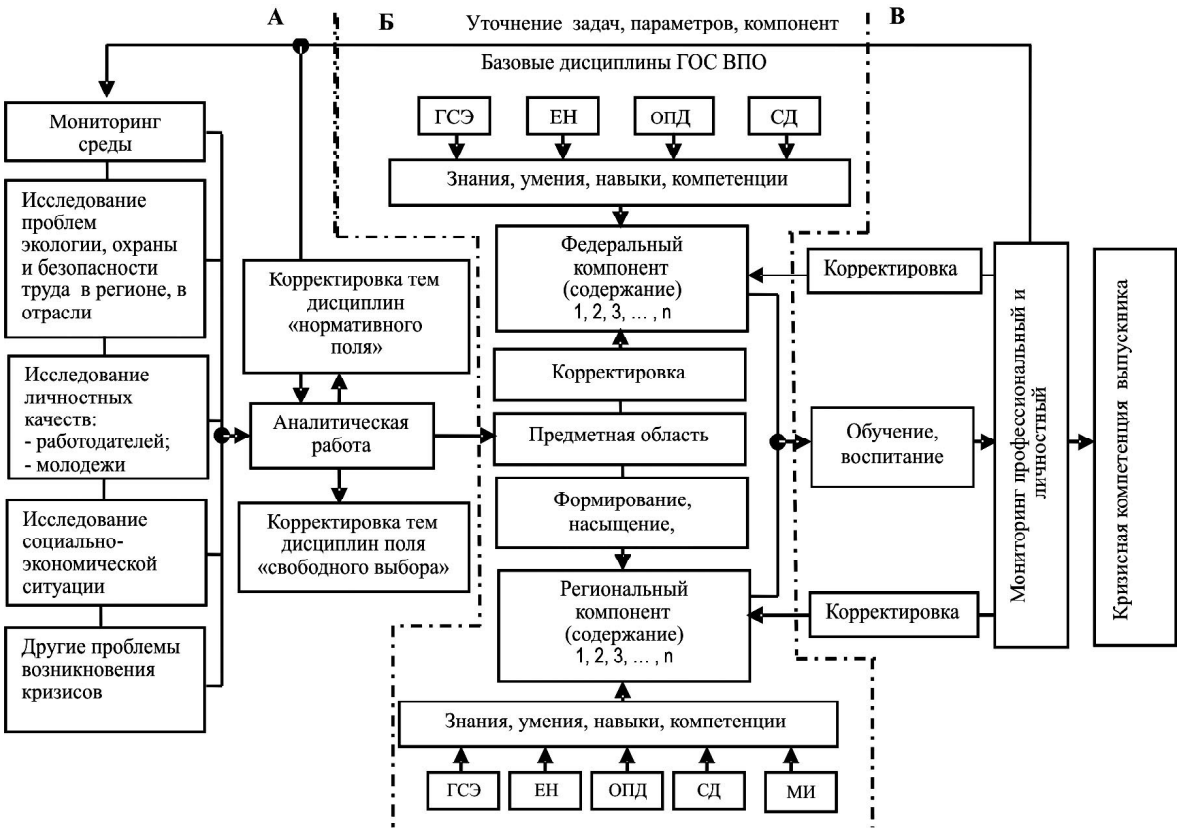


Рис. 1. Педагогическая модель формирования кризисной компетенции будущего государственного служащего

готовности действовать, руководствуясь ценностями, опираясь на которые личность освобождается от стереотипов общения с миром, преодолевает кризисные ситуации, стремится к самосовершенствованию и самореализации.

Для достижения описанной цели выстраиваемая педагогическая модель формирования кризисной компетенции должна обладать не только образовательной, воспитательной, развивающей функциями, но и профессионально-адаптационной, включающей в себя следующие компоненты:

– мотивационно-ценностный, представляющий собой поступательное развитие мотивации к достижению мастерства по избранной специальности с закреплением ценностного отношения к ней;

– рефлексивный, позволяющий анализировать происходящее и производить необходимые коррективы с учетом субъективных притязаний и возможностей воплощения собственного «Я» в контексте профессиональных реалий;

– коммуникативно-интерактивный, определяющий способность к пониманию, эмпатии, толерантности в сфере взаимодействия с другими и готовности на этой основе к принятию необходимых решений и осуществлению профессиональных действий [3].

В качестве задач целевого компонента психолого-педагогической модели формирования кризисной компетенции будущего государственного служащего выделяем следующие:

– формирование системы психологических знаний о сущностных основах собственного «Я», специфике понятий, составляющих антикризисную сферу личности;

– формирование образа «идеального Я», связанного с предстоящей профессиональной деятельностью, с учетом личностно значимых постулатов;

– формирование навыков антикризисного общения как возможного фактора психического здоровья личности и одного из условий создания здорового морально-психологического климата в служебном коллективе;

– развитие системы ценностно-эмоциональных отношений в индивидуально и социально значимых кризисных ситуациях различных видов общения;

– формирование умений применять антикризисные постулаты образования к конкретным ситуациям, возникающим в ходе профессиональной деятельности;

– совершенствование антикризисной культуры восприятия и мышления на основе осознания личностью своего потенциала;

– формирование у студентов осознания возможности и готовности действовать, опираясь на ценности, сформированные в процессе непрерывного образования, в профессиональной деятельности.

Реализация каждой из названных задач предполагает разработку соответствующих программ, учебно-методического обеспечения, проведение организационных мероприятий, предполагающих координацию действий преподавателей по созданию целостной образовательно-воспитательной системы [7].

Содержательный компонент (блок Б) педагогической модели формирования кризисной компетенции личности будущих государственных служащих базируется на трех уровнях: общего теоретического представления (окружение, антикризисная культура, воспитание); специально организационного учебного процесса (изучение учебных дисциплин и спецкурсов, участие в конференциях) и самосовершенствования (рефлексия, чтение литературы, ведение дневниковых записей). Таким образом, с точки зрения содержательной стороны процесс формирования кризисной компетенции будущих государственных служащих представляет собой относительно самостоятельную область профессиональной подготовки, где отражены социальные цели, профессионально значимые задачи, антикризисные ориентиры, стремление к достижению которых определяется индивидуальным выбором студента.

Отбор содержания формирования кризисной компетенции личности будущих госслужащих осуществляется в соответствии с предстоящей профессиональной деятельностью и необходимостью формирования профессионально значимых качеств, что позволяет охватить широкий спектр мероприятий учебной направленности.

Содержание общенаучной, общепрофессиональной и специальной подготовки студента, базирующейся на межпредметных связях, должно быть основано на фундаментализации знаний, обеспечивающих целостность восприятия научной картины мира; системность научного познания; непрерывность образования; гибкость в подготовке специалистов.

Знания, навыки и умения будущего государственного служащего в содержательном аспекте должны подкрепляться системой психолого-педагогической готовности к будущей профессиональной деятельности, ориентировочной основой и средством регуляции которой призваны выступать знание собственных профессиональных устремлений и нормы в социуме. Это возможно при условии использования соответствующих педагогических технологий, умения преподавателей, кураторов, кадрового аппарата института использовать имеющийся опыт студентов для их развития, предоставления им возможности применить получаемые знания на практике.

По своему структурному оформлению процесс формирования кризисной компетенции личности будущих госслужащих с учетом конкретной профессиональной направленности включает в себя следующие основные компоненты:

1) выдвижение личностно и професси-

онально значимых целей в ходе формирования кризисной компетенции личности;

2) использование объективных условий учебной антикризисной деятельности, специально организованных мероприятий для достижения воспитательных целей;

3) включение в содержание учебного процесса различных форм и методов педагогического воздействия с учетом индивидуальных особенностей студентов;

4) вовлечение в педагогическую деятельность всех субъектов учебного процесса и согласование их усилий (педагоги, кураторы и т. д.);

5) решение учебно-профессиональных задач антикризисной тематики с учетом различных видов предстоящей профессиональной деятельности;

6) оптимальное использование разнообразных форм, методов и средств педагогического воздействия;

7) изучение динамики и результатов педагогической деятельности по формированию кризисной компетенции личности и своевременное внесение в нее необходимых корректив [4].

Следует подчеркнуть необходимость обеспечения тесного единства всех вышеперечисленных компонентов учебно-воспитательной работы по формированию кризисной компетенции личности студентов.

В качестве системообразующих факторов педагогической модели формирования кризисной компетентности личности будущих госслужащих выступают цели, механизмы и принципы.

Результативный компонент (блок В) педагогической модели формирования кризисной компетенции личности студентов представлен общим и вариативным модулями. Эффективность процесса формирования кризисной компетенции неразрывно связана с изучением, анализом и оценкой различных аспектов учебно-служебного процесса. Только на строго научной основе, объективно оценивая процесс и результаты проводимой работы, можно правильно строить систему педагогических воздействий на отдельного студента и коллектив в целом, заранее прогнозируя тот или иной результат и своевременно внося необходимые коррективы.

Эффективность процесса формирования кризисной компетенции в ВУЗах достигается в том случае, если методически правильно организованы контроль, учет и оценка его результатов.

Контроль и проверка процесса и результатов работы по различным направлениям формирования кризисной компетенции личности студентов предполагают:

– выявление важнейших направлений в развитии воспитательного процесса;

– методически правильное использование всего арсенала методов, приемов и средств формирования антикризисной культуры личности студентов;

– организацию проверки исполнения планов воспитательной работы и принятых решений;

– глубокий анализ и изучение поступающей информации об эффективности различных форм и методов работы;

– овладение руководителями и исполнителями методикой подведения итогов педагогической работы на различных уровнях;

– создание системы отчетов о реализации планов и решений по вопросам формирования личностно и профессионально значимых качеств у студентов;

– психолого-педагогическую подготовку кадров по осуществлению научно обоснованной модели формирования кризисной компетенции личности студентов;

– информирование всех категорий руководителей (педагоги, кураторы и т. д.) обоснованными выводами и конкретными рекомендациями по взаимодействию со студентами [6].

Основными требованиями, предъявляемыми к контролю и проверке, являются: систематичность, всесторонность, глуби-

на, объективность, полезность, познавательный характер, дифференцированность используемых приемов и методов, действенность, индивидуальность в сочетании с коллективностью.

Методика оценки результатов сформированности кризисной компетенции личности будущих государственных служащих имеет место быть, так как в ходе реализации педагогической модели четко определены критерии данного интегративного образования. Понятие «критерий» рассматривается как «признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки» [2]. Следует учитывать и то, что данное понятие по своему объему шире понятия «показатель» и последний входит в него как составная часть, является компонентом критерия.

Критерии сформированности кризисной компетенции отражают антикризисные знания; качества личности, являющиеся отражением ценностных установок и потребностей; умения как результат действий, реализуемых в кризисных ситуациях.

Кроме того, мы опирались при определении уровней сформированности кризисной компетенции личности на следующие значимые характеристики:

– осмысленность жизненного и профессионального предназначения;

– осознанное, ответственное, творческое отношение к своей жизни;

– стремление к самоактуализации;

– гармоничное отношение с собой и окружающим миром;

– приоритет антикризисных потребностей и ценностей;

– видение перспективы, оптимистичный взгляд в будущее;

– достижение оптимального баланса между «сиюминутным» и «вечным», индивидуальным и коллективным, материальным и духовным.

Однако было бы ошибкой давать оценку сформированности кризисной компетенции личности лишь по результатам действий и деятельности. Один и тот же результат достигается иногда на основе совершенно противоположных побудительных сил – мотивов. Каждому педагогу приходилось, например, наблюдать, когда одни студенты усердно занимаются учебой и спортом, участвуют в художественной самодеятельности потому, что любят это, стремятся свое увлечение передать другим и принести пользу окружающим, коллективу. Другие же руководствуются при этом личными, корыстными целями, стремлением отличиться, показать себя в лучшем свете, добиться поощрения (продвижение по службе, внеочередное увольнение, освобождение от занятий) [5].

Следовательно, обязательным компонентом нравственного поведения должен быть мотив. Особенность мотива как явления состоит в том, что он не лежит на «поверхности», не так заметен, как само действие, и его результат не выступает явно в каждом действии и поступке человека. Мотив можно понять, определить, лишь проанализировав серию поступков, действий, включенных в определенную антикризисную деятельность.

Обозначенные критерии кризисной компетенции можно обнаружить посредством наблюдения в ходе аудиторных занятий и в процессе антикризисной деятельности.

Достигнутый студентами уровень кризисной компетенции имплицитно присутствует при подготовке к занятиям, в культуре мышления, уровне познавательного интереса, оценке значимости приобретаемых знаний и совершаемых поступков, мотивации антикризисной деятельности.

Таким образом, различные уровни кризисной компетенции студентов (антикризисная грамотность и культура) сказываются на интенсивности и направленности учебно-познавательной активности, отражают ценностные ориентации, сферу приложения способностей, уровень

притязаний, сосредоточенность на наиболее приемлемом и значимом для будущего специалиста поле деятельности.

Итак, модель формирования кризисной компетенции будущего государственного служащего в процессе профессиональной подготовки в высших учебных заведениях должна быть представлена комплексным подходом к мероприятиям учебно-служебной направленности, где находят отражение структурные и содержательные компоненты, функции и дидактические условия эффективного формирования профессионального и личностного становления будущих специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жданов О. И. Акмеологические основы профессионального стресс-менеджмента и ресурсосбережения: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А. А. Деркача. – М., 2006. – 78 с.

2. Сластенин В. А., Подымова Л. С. Педагогика: Инновационная деятельность. – М., 1997. – 224 с.

3. Татаркина Н. И., Юрков С. А. Формирование кризисной компетентности личности: учеб. пособие. – Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2011. – 120 с.

4. Юрков С. А. Кризисная компетентность – подходы к рассмотрению понятия // Актуальные вопросы современной педагогической науки: материалы II Международной заочной научно-практической конференции. – Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2010. – С. 302-307.

5. Юрков С. А. Опыт переживания кризиса как условие формирования компетенций // Опыт как важнейшая составляющая социализации субъектов образовательного процесса: сб. материалов Международной научно-практической конференции. – Саратов: Издательский Центр «Наука», 2010. – С. 293-299.

6. Юрков С. А. Педагогические условия формирования кризисной компетентности будущего специалиста в период обучения в вузе // Современная педагогика: актуальные проблемы и тенденции развития: материалы Международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: ЭНСКЕ, 2010. – С. 173-183.

7. Юрков С. А. Сущность и содержание компетентностного подхода // Человек в системе образования: тенденции и перспективы: сб. материалов II Международной заочной научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 235-242.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА

УДК 81‘246.2
ББК 81.001.91
Филология

филология

О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Кандидат филологических наук Ельцова Л. Ф.

В данной статье осуществляется попытка проанализировать некоторые особенности вербализации научного медицинского знания и трудности формирования профессиональной коммуникативной компетенции иностранных студентов, обучающихся в медицинских вузах, которые осваивают язык медицины в особой коммуникативной ситуации, в условиях билингвизма. Мы обращаем внимание на то, что медицинские термины, являясь препятствием при усвоении научных теорий, в то же время, помогают усваивать специальные понятия, объекты и их признаки и связи между ними.

Ключевые слова
Профессиональная коммуникативная компетенция, язык для специальных целей, билингвизм

В современной системе высшего медицинского образования происходят изменения, вызванные потребностью в компетентных специалистах, отвечающих уровню требований мировых стандартов. Модернизация образования определяет введение компетентностного подхода в обучение. Важную роль в формировании профессиональных качеств специалиста медицинской профессии играет формирование профессионально-коммуникативной компетенции, в связи с тем, что его деятельность предусматривает как приобретение медицинского знания и умения его использовать, так и умение адекватно применять речевые средства при устном и письменном общении с коллегами и пациентами. Формирование профессионально-коммуникативной компетенции сложная задача, решение которой осуществляется на всех этапах подготовки специалиста в высшей школе в процессе изучения широкого спектра специальных дисциплин медико-биологического цикла и дисциплин гуманитарной направленности. Мы попытались проанализировать некоторые особенности вербализации научного медицинского знания и их влияние на формирование профессиональной коммуникативной компетенции иностранных студентов, обучающихся в медицинских вузах.

Изучение личности как носителя сознания, языка и культуры, исследование языковой обработки информации, необходимой для передачи и хранения знаний, а также проблемы коммуникации являют-

ся центральными проблемами современного когнитивно-дискурсивного направления в языкознании. Существующие различия в восприятии мира, способах его познания, категоризации и концептуализации определяют наличие индивидуальных и этнических особенностей репрезентации знаний, формирования языковых значений и применения языковых структур. «Апостериорное знание не может выдаваться за способ его получения. Проще говоря, даже если мы знаем что значит данное предложение, можем ли мы утверждать, что то же самое значение мыслилось изначально и в глобальном виде как подлежащее передаче? … Говорящий и слушающий производят разные операции, а не просто набор одинаковых операций с «обратным» порядком их расположения» (Кубрякова Е. С. – С. 92, 93).

Несмотря на индивидуальные речевые особенности, связанные со спецификой познавательных процессов, последовательность и сложность действий, которые связывают мыслительные структуры и их языковую реализацию в обыденной речи не создает трудностей в процессе общения на родном языке. В то же время иностранные студенты, постоянно сталкиваются, с так называемым, языковым «барьером» уже в процессе обыденного общения, отрицательное влияние которого только усиливается в процессе обучения.

Усваивать терминологическую базу медицинской науки, овладевать лингвистическими знаниями необходимыми для формирования профессиональной языковой личности иностранным студентам приходится в особой коммуникативной ситуации, которая требует одновременного использования студентами двух языков, родного (который применяется в процессе мышления) и языка-посредника на котором проводятся занятия. При профессионально ориентированной вербальной коммуникации между студентами, обучающимися на русском языке, (которым они, как правило, не владеют в совершенстве) и преподавателями возникают проблемы связанные с тем, что мысли не могут быть перенесены целиком из одного языка в другой путем простого их перевода. Таким образом, при переводе на другой язык идеи и теории могут утратить часть важной информации, что обусловлено особенностями мышления, трудностями понимания слов и языковых структур. Создается положение, при котором, обучаемый не в состоянии принимать всю поступающую информацию, или имеет локальные трудности восприятия, вызванные отдельным фрагментом информации, лексика или грамматические конструкции которого мало или совсем незнакомы студентам. Возникновение языкового «барьера», приводит к потере части структурных единиц информации, причем это проявляется не, только в момент восприятия информации, но и в дальнейшем, когда она переводится во внутренний, идеальный план. Таким образом, иностранные студенты испытывают трудности, из-за которых они не могут компенсировать потерю информации ни за счет ее избыточности, ни за счет собственной познавательной активности. Значительное влияние языкового «барьера» на характер познавательной деятельности вызывает потребность в адаптации организации учебного процесса к реальным языковым возможностям иностранных студентов и психологии восприятия неродной речи.

К вышеперечисленным проблемам при обучении иностранных студентов присоединяются трудности связанные с процессом формирования профессиональной языковой личности. Под профессиональной языковой личностью понимают совокупность интеллектуальных, социально-культурных, и морально-волевых качеств человека сформированных в особой культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности. «Профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею языковых и речевых еди-

ниц и целостных текстов, в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной деятельности» (Голованова, 2010 – С. 263). Таким образом, профессиональный дискурс является способом вербальной репрезентации профессионального сознания, а профессиональная коммуникативная компетенция – одно из важных профессиональных качеств специалиста, предусматривающее знание языка своей специальности и умение его грамотно использовать.

В отличие от естественного языка, который является результатом обыденного мышления и отражает наивную картину мира, профессиональный язык опирается на научное знание, научную картину мира. В процессе классификации фактов, при обнаружении связей между явлениями, науке требуются определения и точные наименования сложных специальных понятий, которые являются ключевыми единицами научно-теоретического познания. Язык для специальных целей – главный инструмент объективации результатов научного познания, результатов когнитивной деятельности специалиста, где основными единицами, объективирующими структуры знания, являются: профессионализмы, номены и термины. Ведущую роль в процессе вербализации научного знания в письменной профессиональной коммуникации играет термин, без него невозможно познание и деятельность в специальных сферах, он является нормативным обозначением профессионально значимого объекта. «Терминосистема в своей структуре отражает структуру теории с ее объектами, выявленными признаками объектов, связями между ними. Таким образом, терминосистема представляет собой логико-лингвистическую модель определенной теории той или иной области знаний и (или) деятельности» (Лейчик, 2006. – С. 185). В медицине при формулировании теорий, многие объекты специального знания: объекты, процессы, явления, факты, состояния и пр., очень далеки от опыта повседневности и не могут быть описаны без использования диагностических, описательных и специальных терминов. В терминах отражается научная картина медицины, лексический состав и семантика медицинских терминов зачастую определяются внеязыковыми факторами. Динамическая сущность профессионального языка непосредственно связанна с изменениями концептуального аппарата медицины, а также, с социальными, политическими и экономическими изменениями, которые определяют подвижность словарного состава медицинской терминологии: появляются неологизмы, многозначные термины, происходит вытеснение устаревших терминов и пр. Это неизбежно приводит к появлению языковых препятствий мешающих получить доступ к научной медицинской информации у любого приступающего к изучению медицины, т. к. он должен усвоить множество разнообразных как общенаучных, так и узкоспециальных терминов. Кроме того, отличительные особенности научного стиля речи каждого конкретного предмета при изучении медицины, его понятийный аппарат, с которым студенты сталкиваются в процессе обучения, создают языковые трудности, поскольку языки разных дисциплин имеют свои функциональные особенности.

В процессе освоения языка медицины студентам приходится преодолевать трудности, связанные с содержательной структурой терминов. Известно, что существование немотивированных, частично мотивированных, ложномотивированных терминов, многозначных и метафорических терминов, а также огромное количество эпонимических терминов вызывает затруднения не только у иностранных студентов, но и у студентов, обучающихся на родном языке.

Кроме того, в медицинской коммуникации используется большое количество

профессионализмов предоставляющих большой выбор синонимических языковых средств. Употребление профессионализмов делает медицинский профессиональный дискурс богаче и разнообразнее, но в тоже время усложняет восприятие речи, так как профессионализмы отличаются высокой степенью метафоричности и метонимичности, что обусловливает их многозначность и семантическую неопределенность. Так как профессионализмы, главным образом, относится к сфере устной коммуникации, он привязан к ситуации обмена информации, поэтому отличается высокой степенью прагматичности, и может быть результатом приспособления термина к условиям устной коммуникации (т. е. профессионализм может быть результатом фонетического, грамматического или словообразовательного изменения термина). Все это создает дополнительные трудности в коммуникативно-познавательном процессе, усложняет мыслительную и психическую деятельность иностранных студентов.

По нашему мнению, для достижения эффективности процесса обучения требуется, прежде всего, развитие дополнительной познавательной мотивации учащихся, необходимо стимулировать их познавательную активность, важно добиваться того, чтобы усвоение учебного материала рассматривалось не только как цель учебной деятельности, но и как необходимое средство достижения профессионального мастерства. Необходимо создавать условия, при которых студент не просто участвует в репродуктивной деятельности, основанной на предварительном заучивании, а получает знания в результате собственных поисков, что стимулирует мышление, активизирует процесс обучения. Создание проблемных ситуаций позволяет не только усваивать учебный материал, но обусловливает необходимость поиска, анализа, обобщения и конструирования требуемых языковых единиц.

Важно отметить, что термины, с которыми сталкиваются студенты при изучении специальных медицинских дисциплин, являясь препятствием при усвоении научных теорий, в то же время, помогают усваивать как сами специальные понятия, объекты и их признаки так и связи между ними. Это связано с уровнем сознательного в процессе создания терминов, а также унификацией, упорядочением и стандартизацией совокупностей терминов, созданием терминосистем.

Изучение основ медицинской терминологии на начальном этапе обучения обусловливает создание базы для формирования профессионально-коммуникативной компетентности. Медицинская терминология старейшая, бурно развивающаяся система, которая отражает прогресс медицинских знаний, она имеет интернациональный характер, обладает высокой степенью системности, о чем свидетельствует наличие большого количества терминоэлементов греко-латинского происхождения и типовых терминообразовательных моделей, которые определяют структурную мотивированность терминов. Модели производных с греко-латинскими словообразовательными элементами широко используются для пополнения различных терминосистем как русского, так и других языков, поэтому знание структуры и семантики таких моделей дает возможность понимать образованные по ним термины в большинстве европейских языков.

В образовательных стандартах высшей школы существует общепрофессиональная дисциплина гуманитарной направленности «Латинский язык и основы терминологии», которая предполагает изучение медицинской терминологии на самом первом этапе формирования профессионально-коммуникативной компетентности, что значительно расширяет возможности формирования профессиональных качеств обучаемых. То обстоятельство, что дисциплина «Латинский язык и основы терминологии» преподается в условиях

билингвизма позволяет прибегать к методу сравнительного анализа медицинских терминологических систем и языковых явлений. Этот метод позволяет идти от знакомого языка к незнакомому, что отражает один из основных принципов дидактики и способствует повышению эффективности преподавании. Таким образом, в условиях двуязычия изучение медицинской терминологии служит одним из механизмов, обеспечивающих ориентацию обучения на личность учащегося, преодоления затруднений при профессиональном общении, чем облегчает процесс адаптации иностранных студентов в новой для них социальной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 160 с.

2. Голованова Е. И. Профессиональная языковая личности: специфика познавательных процессов в сфере теории и практики // Non multum, sed multa: Не многое о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сборник научных трудов в честь В. Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – 568 с.

3. Лейчик В. М. Терминоведение: предметы, методы, структура. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.

4. Бекишева Е. В. Категориальные основы номинации болезней и проблем связанных со здоровьем: монография /под ред. проф. В. Ф. Новодрановой. – Самара: ООО «ИПК «Содружество»; ГОУ ВПО «СамГМУ», 2007. – 250 с.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ
г. МОСКВА

УДК 81‘221+81‘27
ББК 81.001.1

филология

О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ ОБЩЕНИЯ

Кандидат филологических наук Н. В. Предтеченская

Статья Предтеченской Н. В. посвящена рассмотрению отдельных вопросов межличностного общения, при котором осуществляется диалог культур или межкультурная коммуникация.

Автор останавливается на роли интонации, а также других таких важных проявлениях невербального общения, как жесты, мимика, разновидности контактов на уровне глаз и т. д.

В работе подчеркивается, что при изучении иностранных языков необходимо знать не только их лексико-грамматическую структуру, но и целый комплекс обычаев, традиций, эмоций и т. д., что автор именует вербалистикой.

Ключевые слова
Всемирная деревня, культурология, межкультурный менеджмент, картография эмоций, национальный менталитет, невербальные или паралингвистические средства общения, язык тела, протокол делового общения, политическая корректность, понятие личного пространства, вербалистика

Среди множества точек зрения на современное развитие делового профессионального общения сегодня выделяется позиция, утверждающая, что высокая технологизация производства, интернационализация национальной экономики, перемещение фирм и производства хотя бы частично в точки земного шара с более прибыльными рыночными условиями ускоряет процесс глобализации. Создание же мирового телекоммуникационного и информационного пространства, в свою очередь, ломает географические и экономические барьеры, породив хорошо известный в англистике термин «global village». Живущие в этой «всемирной деревне» люди, однако, стремятся сохранить национальную самобытность и свою культуру.

Поэтому общаясь друг с другом, и совершая устные или письменные акты коммуникации, люди исходят из каких-то принятых в их культуре традиций и правил, в которых отражаются общие черты их национального характера. Таким образом при межличностном общении происходит как-бы диалог культур или межкультурное общение, а осуществляющуюся при этом коммуникацию и называют межкультурной.

Сходство и различие в культуре проявляется сегодня в ином подходе к PR, к менеджменту, к тому, что сегодня называют социокультурой, междкультурной деловой коммуникацией, политической корректностью, в том числе и гендерными различиями. Сегодня стало возможным говорить об американском, английском и русском типах написания резюме (CV), о мужском и женском языке рекламы и т.д.

Проблемы межкультурного общения сегодня волнуют едва ли не всех.

Вслед за социолингвистикой, лингвострановедением и лингвокультурологией в научную специальность ВАК РФ выделяет культурологию, что приводит к созданию специализированных ученых советов для защиты кандидатских и докторских диссертаций. На сегодняшний день культурология включается в учебный план подготовки специалистов по всем гуманитарным направлениям и даже входит в список возможных для изучения предметов по программе средней школы.

Поэтому неслучайно, что, например, в Институте иностранных языков Государственного университета управления разработан специальный курс обучения деловой профессиональной коммуникации для менеджеров в рамках Президентской программы «Подготовки управленческих кадров для организации народного хозяйства РФ», ибо профессиональная коммуникация сегодня действительно составляет неотъемлемую часть межкультурного менеджмента.

Поскольку же речевое общение и познание национального менталитета осуществляется через язык, то лингвисты, в первую очередь работающие с иностранными языками, и призваны разрабатывать и решать проблемы межкультурного общения.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что носитель языка, преподающий свой родной язык как иностранный и не знающий родной язык учащихся, часто не видит скрытых трудностей, которые очевидны только тогда, когда преподавание иностранного языка ведется в сопоставлении с родным языком и культурой. Так, например не каждый носитель русского языка, преподающий его как иностранный англичанам, сможет объяснить, почему в английском аналоге русской поговорки «Не все коту масленица», т. е. в «Every day is not Sunday» нет, как говорится, ни «кота», ни «масленицы».

Обозначимая проблема имеет первостепенное значение не только в переводе пословиц, поговорок и юмористических шуток, но также является и культурологической проблемой и не случайно сегодня ставится вопрос о картографии эмоций, о национальных реалиях, узуальности идеом любого языка и т. д.

Преподаватель же иностранного языка, знающий особенности отражения национального менталитета и его влияния на формирование национального характера любого народа, обратясь к лингвострановедческим словарям «США», «Великобритания», «Австралия», «Франция» и т. д. достаточно быстро объяснит студенту, что «same bed» приводит порой к «different dreams», т.е., как говорится, изучать мы можем одно и то же явление языка или речи, а воспринимать его по-разному, прежде всего, из-за различий в наших культурах.

Любой преподаватель английского языка приведет вам пример с White House и Белым Домом как пример межкультурной интерференции в современных газетных текстах на русском или, наоборот, английском языке.

Любой индивид начинает осознавать особенности своей культуры, только погружаясь в другую культуру. При этом оценкой как чужой, так и собственной культуры часто бывает неадекватной. Согласно сложившимся стереотипам американец трудолюбив, грубоват, не всегда хорошо образован, но предприимчив, англичанин закрыт, но вежлив, а француз весел и жаден. На самом же деле часто

оказывается, что это не всегда и даже вовсе не так. В связи с развитием туризма, межнациональных контактов на совместных предприятиях или иностранных фирмах в России, использующих русских служащих, последние чаще других сталкиваются с чужими для их, т. е. русской культуры, поведением, правилами и традициями, что в силу интерференции русской культуры и недостаточного знания иностранной культуры зачастую приводит к неадекватной реакции с их стороны.

Последнее обстоятельство, по нашему мнению, есть очень часто следствие незнания или недостаточного знания особенностей вербалистики или вербальных средств общения других культур. А при межличностном общении, как известно, до 70% всей информации доносится именно невербальными или паралингвистическими средствами общения, т. е. интонацией, мимикой, движением рук и жестами, манерой садиться и протягивать руки для пожатия или принятия визитной карточки. И именно эти средства общения, называемые «body language», вместе с лексико-грамматическим строем любого языка делают коммуникацию адэкватной.

В Дипломатической Академии на кафедре английского языка читается спецкурс «Проблемы межличностной коммуникации», и это, как мы показали выше представляется нам весьма актуальным. Тем не менее, поскольку этот курс факультативен и выносится за сетку часов, мы считаем его недостаточным.

Изменения в личном составе наших слушателей настойчиво диктуют необходимость изменения существующего порядка, т. е. кроме курса лекций по политологии, экономике, праву, истории международных отношений, ораторского искусства и т. д., исконно преподающихся в ДА и безусловно являющихся важными, было бы уместным в сегодняшних условиях обращать на проблемы специфики межкультурной коммуникации значительно большее внимание, в особенности, в области вербалистики.

Если мы обратимся к интонации, которую многие фонетисты и лингвисты в целом считают наряду с жестами, мимикой и прочими проявлениями body language паралингвистическим средством общения, то, как нам кажется, и ей можно было бы уделять большее внимание. Ведь хорошо известно, что протокол делового общения, как и протокол дипломатический (а многие сегодняшние слушатели ДА либо бизнесмены, либо собираются уйти в бизнес) подразумевает разные стили коммуникации, исходя из культурных традиций взаимодействующих государств. Интонация же, а точнее нисходящий или восходящий тон, как основное проявление мелодического компонента интонации помимо ударения, темпа и тембра голоса, может изменить коммуникативную сущность высказывания. Например, слова, оформленные во фразу He likes it, произнесенные с нисходящей мелодикой воспринимаются как утверждение, а если их же произнести с восходящей интонацией, то это будет осознаваться как вопрос. В психологии, кстати, известен пример, описанный профессором Артёмовым по результатам проведенного им эксперимента, когда слово «yes» (да) произносилось примерно 100 раз и при этом каждый раз с разной интонацией. Оказалось, что каждый раз это слово воспринималось то как удивление, то как категорическое согласие, то как неуверенный вопрос. Слово «спасибо» в зависимости от того с каким нисходящим тоном («низким» или «высоким») его произносят, может восприниматься и как истинная благодарность и как пренебрежительное спасибо.

Хотя в таких специализированных учебных заведениях как ДА на фонетику вообще и интонацию в частности на среднем и старшем этапах обучения практически не отводится учебных часов, из высказанного следует, по нашему, мнению, что помимо обучения языку финансов, менеджменту, элементам корпора-

тивной культуры, этикету, национальным и культурологическим особенностям любого иностранного языка, в том числе и русского, как иностранного, интонации, как одному из действенных средств межличностного общения, необходимо уделять несколько большее внимание.

Хорошим подспорьем в этом вопросе, как нам кажется, могут являться различные пособия К. Грэхэм и прежде всего её знаменитое пособие «Small Talk», в котором различные оттенки удивления, сожаления и т. д. помимо различных грамматических структур передаются и различными интонационными средствами (убыстрением / замедлением темпа, изменением в акцентной структуре фразы и т. д.), что хорошо воспринимается на слух из-за музыкального оформления примеров.

Говоря о том, что межкультурная коммуникация сегодня требует от преподавателя знаний не просто, а точнее, не только лексики и грамматики иностранного языка, но и знаний вербалистики в самом широком смысле этого слова, следует подчеркнуть, что вербалистика в известной степени предполагает и то, что сегодня принято именовать политической корректностью, а также речевой этикет, особенности проксиметрии той или иной культуры, и характерные для неё поведенческие нормы.

Культурологическое незнание одного из проявлений вербалистики может привести к недопониманию и даже обиде между носителями разных культур в случае рукопожатий, столь распространенных у американцев, поцелуев, типичных у французов и русских и отсутствие такого и другого у арабов, у которых всякое прикосновение, особенно к чужой женщине и особенно в самих арабских странах, а не в Европе, может выглядеть оскорбительным.

С точки зрения политической корректности, как мощной культурно-поведенческой и языковой тенденции последних десятилетий, морфемы, указывающие на половую принадлежность человека, вроде суффикса – man (chairman, salesman) вытесняются из языка вместе со словами в состав которых они входят. Такие слова заменяются другими, определяющими человека безотносительно к полу: chair- person, spokesperson, flight attendant и др.

Различные же группы социально ущемленных людей в сегодняшнем английском языке также именуются иначе, например: Afro-Americans (Negroes), disadvantaged (the poor), aliens (foreigners), senior citizens (old age people).

Обучение понятию личного пространства (personal space), описываемое во многих современных учебных пособиях по иностранному языку, контакт на уровне глаз (eye contact), смысл звука, который издается в нужное время и в нужном месте, умение быть одетым к месту, соблюдения дистанции с партнером, занимающим более высокое, чем вы, положение на служебной лестнице – всё это очень важно, ибо вышеперечисленное несет информацию, а следовательно, служит межличностной или адекватной межкультурной коммуникации.

Не зная этого, преподаватель, находясь в аудитории со студентами из Вьетнама или Китая, может неверно истолковать вежливую улыбку и молчание последних вместо ожидаемого ответа на его вопрос, хотя дело может оказаться лишь в незнании им того, что в Южной Азии в присутствии любого преподавателя, в том числе и иностранного языка, надлежит, соблюдая и декларирую свое к нему почтение, молчать, в крайнем случае давая лишь односложные ответы.

У говорящих на одном языке англичан и американцев в силу разного отношения к идее личного пространства (proximity) тоже часто возникает недопонимание. Антропологи и психологи не раз подчеркивали, что американец, общаясь с друзьями, чувствует себя вполне комфортабельно при расстоянии от 18 дюймов до 4 фунтов между ними. В том случае, если гово-

рящий стоит дальше, американец интуитивно ощущает дискомфорт и считает говорящего недружелюбно по отношению к нему настроенным.

Англичане же, в целом, разумеется, по данным тех же антропологов, предпочитают общаться, стоя на значительно большем друг от друга расстоянии, считая американцев агрессивными и невоспитанными.

Упомянутый выше контакт на уровне глаз, как одного из проявлений невербального средства общения, тоже проявляется в разных странах по разному. Народы Средиземноморья с детства приучены смотреть на другого человека пристально (high-look countries), поэтому в этих странах на нас смотрят слишком пристально и неотрывно, вызывая у вас часто чувство неудобства. У жителей же стран северной Европы (low-look count- ries), к которым мы причисляем себя, хорошим тоном считается общаться с собеседником лишь изредка поглядывая на него.

Итак, чтобы считать межкультурную коммуникацию состоявшейся и успешной, одного только знания языка зачастую бывает недостаточно т. к., общаясь с представителями иной культуры, необходимо использовать знание национальных менталитетов, обычаев, традиций, эмоций, особенностей их проявления, т. е. всего того что принято называть сегодня вербалистикой или различными невербальными средствами общения.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 81‘42
ББК 80.9

К ПРОБЛЕМЕ ИЕРАРХИИ КАТЕГОРИЙ ТЕКСТА

Кандидат филологических наук О. С. Федотова

В статье предпринят обзор подходов к рассмотрению категорий текста, в результате которого становится очевидным, что учет разных параметров такого сложного и многомерного феномена, как текст (особенно художественный) может дать совершенно разный набор текстовых категорий.

Ключевые слова
Категория текста, грамматика текста, семантические категории, структурные категории, лингвистический анализ текста

Одной из важнейших задач современной лингвистики является определение понятия текстовой категории и выявление системы категорий текста, которые характеризуют его основные имманентные свойства. Поиски системности, т. е. упорядоченности, организованности, в объективной действительности привели к установлению определенных закономерностей явлений, которые получили название категорий. «Все категории текста, обязательные и факультативные, переплетены и взаимообусловлены. Выделение какой-либо одной из них для целей исследования влечет за собой ее обособление, в результате которого яснее выступают онтологические и парадигматические характеристики данной категории» [5. С. 124].

Вполне очевидно, что категории текста не совпадают с категориями предложения и возникают вместе с текстом как системой высшего ранга. Это категории особого рода, характеризующие отрезки большие, чем предложение. Само понятие «категория текста» не получило еще однозначного терминологического определения.

Исследование категорий текста актуально, так как нельзя говорить о каком-либо объекте исследования, не назвав и не объяснив его категорий. Исследование категорий текста предполагает выявление особенностей текстовой структуры, организации языковых единиц, связей, которые устанавливаются между ними. Важность исследования категорий текста обусловлена также и тем, что без них (категорий) «невозможно представить сам текст в его типологических чертах», и что более существенно, категории текста явля-

Исследование проводится в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы.

ются теми его параметрами, «на основе которых можно построить некую идеальную модель этого объекта исследования» [5].

Таким образом, текстовая категория – это признак, который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст, то есть типологический признак текста.

Объясняя необходимость категоризации текста с когнитивной точки зрения, З. Я. Тураева верно подмечает, что категории текста отражают его наиболее общие и существенные признаки и представляют собой ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков. Описание и изучение категорий текста предполагает, по мнению ученого, как таксономические (классификационные), так и квалитативные исследования [18. С. 80].

Все категории получают свои конкретные формы реализации. Так, например, формы категории информативности – это повествование, рассуждение, описание и т. д.; категория интеграции реализуется: а) в формах подчинения одних частей текста другим, формах совпадающих и не совпадающих с формами подчинения, характерных для предложения, б) в стилистических приемах, в) в синонимических повторах и др.; категория ретроспекции выявляется как композиционными, так и лексическими средствами.

В списке категорий текста, предлагаемом различными учеными и школами, имеются расхождения. По мнению З. Я. Тураевой, предлагаемые классификации неоднородны. В их основе лежат различные критерии: семантические и структурные, прагматические и функциональные, облигаторные и факультативные, признаки, отличающие текст как лингвистический объект, и признаки, характеризующие экстралингвистическую ситуацию порождения текста. Встречаются признаки, не имеющие широкого распространения, такие как частоупоминаемость / редкоупоминаемость тех или иных имен в коммуникации, различные точки зрения говорящего о каком-то поступке и точки зрения совершившего этот поступок.

Так, например, А. А. Акишина в качестве категорий текста называет связанность, единство и отдельность [1]. С. А. Мегентесов в качестве таковых определяет связность и дискретацию [9]. К основным признакам текста Н. Я. Сердобинцев относит смысловую автономность, языковую, композиционную и стилистическую оформленность и связность [16]. Т. М. Николаева разрабатывает теорию функциональных категорий грамматики текста, в качестве которых рассматривает предупоминание, контраст, определенность / неопределенность [12]. Аналогичный методологический подход отличает концепцию Н. Д. Зарубиной, которая в качестве полноправной категории текста называет категорию последовательности [7].

Попытку выработать теоретические основы выделения текстовых категорий и более строго определить их номенклатуру, мы находим в работах И. Р. Гальперина и его учеников [5, 7, 2, 6, 8, 10, 14]. Расширительно толкуя термин «грамматический» в применении к текстовым категориям, И. Р. Гальперин рассматривает их в качестве инстинктивных признаков (параметров) текста, выводя их из особого характера текстовой системности [4, 5]. И. Р. Гальперин верно подчеркивает необходимость определения особых категорий, по которым строится текст: «текст как объективированное произведение языкотворческого процесса должен подчиняться определенным правилам построения. Естественно предположить, что как часть этого произведения, так и все произведение в целом обладает рядом признаков-категорий, которые во взаимообусловленности и создают текст». Ученый дифференцирует семантические и структурные категории текста. К семантическим категориям он относит информативность, подтекст, пресуппозицию, прагматику. Категории интеграции, сцеп-

ления, ретроспекции, проспекции, континуума соответствуют структурным категориям текста. Все эти категории, по его мнению, можно назвать категориями текста, поскольку «каждая из них представляет собой класс форм» [4. С. 524]. И. Р. Гальперин справедливо отмечает, что не все выявленные им категории являются обязательными для всех типов текстов, некоторые из них являются факультативными (например, категория ретроспекции, партитурности, подтекста [5. С. 22-24].

Интересной на наш взгляд является идея И. Беллерт о введении семантической интерпретации в рассмотрение категорий текста. Говоря о таком неотъемлемом признаке текста, как его связность И. Беллерт считает повтор его необходимым условием. Тем не менее, наиболее очевидными связующими элементами, или «соединителями», текста являются по мнению ученого, языковые показатели, а именно собственные имена, личные местоимения, указательные или относительные местоимения, некоторые наречия («здесь», или «в этом месте», «там», или «в том месте»), имена существительные, а также номинативные группы с указательным местоимением в начале. Языковые средства, с помощью которых образуются индексы, различны в разных языках. И. Беллерт определяет языковые индексы как инструменты языка, функция которых состоит в указании на экстралингвистические объекты, которые получатель должен идентифицировать в соответствии с «инструкцией», содержащейся в данном индексе, а также с ситуативным или языковым контекстом [3. С. 185-186].

Важной для нас является точка зрения М. Пфютце, который также уделял большое внимание связности текста, в частности занимался описанием языковых форм, участвующих в прямонаправленной связности текста [15].

М. Пфютце справедливо отмечает, что морфологические средства превышают синтаксические из-за большого объема функциональных связей между классами слов и их категориями. Автор подчеркивает, что языковые формы выступают в двух функциях текстовой направленности не по отдельности, а в комбинациях. Функция прямонаправленности является для некоторых грамматических средств обязательной, а для других – факультативной. К первой группе М. Пфютце относит будущее время, некоторые формы конъюнктива, а также конструкции с инфинитивом, когда в них употреблены глаголы говорения с дейктической семантикой. Обязательную функцию прямонаправленности имеют также числительные, вопросительные слова, некоторые частицы, парные союзы, а также вопросительные предложения. Факультативную прямонаправленную функцию могут иметь, по мнению ученого, местоимения и некоторые наречия. У последних потенциальная отсылочная функция проявляется только в сочетании с глаголом, в котором есть внутрипредложенческая и контекстная напраленность [15. С. 239].

Предлагаемая И. Р. Гальпериным и его школой система текстовых категорий является далеко не единственной. О. И. Москальская также уделяет большое внимание изучению категорий текста. Отправной точкой формирования системы текстовых категорий, предлагаемой исследователем, является утверждение о том, что актуализация высказывания происходит в тексте, где все составляющие его предложения, дополняя друг друга, обретают конкретность реального высказывания о событиях действительности в рамках того художественного мира, который создан воображением писателя [11. С. 14].

О. И. Москальская считает, что при выделении текстовых категорий необходимо не только фиксировать регулярно повторяющиеся в тексте смыслы и языковые формы их выражения, но сразу вводить в анализ ту информационную «картину», то

есть ту реальность, которая формируется в тексте и является предметом сообщения, ту реальность, которая должна быть «передана» читателю посредством текста.

О. И. Москальская справедливо отмечает, что взаимопонимание говорящего и слушающего, пишущего и читающего невозможно без определенного фонда общих знаний, на основе которых может сообщаться и восприниматься новая информация. Этот фонд общих знаний позволяет слушающему / читающему идентифицировать предметы, о которых идет речь и, тем самым, точно понять услышанное/прочитанное. Фонд общих знаний создается текстом, как микротекстом, так и большим контекстом, т. е. всем предшествующим повествованием [11. С. 99]. Также, по мнению автора, имеет значение идентификация предметов, упоминаемых в высказывании, что является непременным условием его актуализации. Референция имен, так же как и категория предикативности вытекает из коммуникативной сущности высказывания и его отнесенности к действительности. Референция имен и категория предикативности теснейшим образом взаимодействуют с коммуникативным членением предложения на тему и рему и с актом предикации (под предикацией О. И. Москальская понимает приписывание «нового» предмету речи, т. е. приписывание теме ремы). Таким образом, мы согласны с мнением ученого о том, что выделение текстовых категорий невозможно (или, точнее, мало продуктивно) без изучения того, как они формируют художественную (в случае художественного текста) реальность.

Мы считаем необходимым рассмотреть также точку зрения Л. А. Ноздриной, которая, анализируя смысловую структуру текста, придерживается когнитивного подхода к изучению художественного произведения и обращается к универсальным понятиям, на которые опирается любой текст: время, пространство, образ автора, герой и модальность текста [13].

Л. А. Ноздрина справедливо отмечает, что рассмотрение понятий художественного времени, художественного пространства, образа автора и героя, модальности текста с точки зрения когнитивного подхода дают читателю возможность не только ориентироваться в фикциональном мире художественного произведения, но и правильно декодировать зашифрованную в тексте «картину мира» автора и, таким образом, позволяют художественному тексту осуществлять одну из важнейших задач искусства – быть средством познания, и в первую очередь – познания человека [13. С. 15].

Указанные литературоведческие категории приобретают, по точному замечанию Л. А. Ноздриной, особую значимость для лингвистического анализа. Категории художественного времени, художественного пространства, образа автора, героя описания/повествования, авторской оценки или модальности текста имеют свое языковое воплощения и выступают в рамках целого текста как составляющие его смысловой структуры. Они могут рассматриваться как темпоральная, локальная, персональная, референтная и модальная структуры текста, как его основные актуализаторы, через которые осуществляется соотнесение художественного текста с внетекстовой действительностью [13. С. 58].

Важным на наш взгляд кажется мнение Л. А. Ноздриной о том, что в основе каждой структуры лежит взаимодействие языковых средств морфологического, лексического и словообразовательного уровней. Эти средства служат для выражения определенного семантического содержания (временного, локального, модального и т. д.). Для описания смысловых текстовых структур исследователь вводит понятие «текстовая сетка» и выделяет в тексте пять основных текстовых сеток, которые в той или иной степени соотносятся с пятью структурами литературоведческого уровня: темпоральную, ло-

кальную, персональную, референтную и модальную сетки [13. С. 60].

Л. А. Ноздрина убедительно приводит несколько причин, в силу которых названные ею пять сеток могут считаться основными. Во-первых, перечисленные категории имеют принципиальное значение для создания и существования текста любого вида коммуникации, а именно, практически каждый текст, существующий как относительно или абсолютно завершенное высказывание, может быть определен с позиций этих пяти категорий. Он как бы размещается в некотором объеме, параметры которого создаются категориями времени, места, лица, референции и модальности. Во-вторых, названные категории в когнитивном плане важны не только для адресанта в процессе порождения текста, но и для адресата в процессе его декодирования. Искажение одного из этих параметров ведет к существенным ошибкам в коммуникации. В-третьих, значительным доводом в пользу объединения этих параметров в группу основных является наличие тесного взаимодействия между ними [13. С. 61].

В связи с этим уместно поставить вопрос о рассмотрении интроспекции как самостоятельной категории текста. Под интроспекцией мы понимаем внутреннее физическое, ментальное и эмоциональное состояние персонажа, оцениваемое им самим [19]. Интроспекция является важной частью художественного дискурса [20]. Но тем не менее, до настоящего времени в качестве отдельной текстовой категории не была изучена. На особый статус категории интроспекции указывает лексическая и образная форма репрезентации интроспекции в тексте, обладающая более высокой степенью вариативности, чем вариативность форм выражения грамматических категорий текста.

Предпринятый нами обзор подходов к рассмотрению категорий текста показывает, что учет разных параметров такого сложного и многомерного феномена, как текст (особенно художественный) может дать совершенно разный набор текстовых категорий. Тем не менее, все выделяемые на разных основаниях текстовые категории определенным образом соотносятся друг с другом. В ряде случаев речь идет не столько о разных категориях текста, а о разной интерпретации одних и тех же текстовых явлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акишина А. А. Структура целого текста. – М.: Высшая школа проф. движ. им. Н. М. Шверника, 1979. – Вып. 1. – 88 с.

2. Баталова Т. М. Соотношения предикативных и релятивных отрезков текста (на материале английской поэзии и прозы): Дис. … канд. филол. наук. – М.: МГПИИЯ, 1977. –179 с.

3. Беллерт М. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск VIII. – Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978. – С. 172-208.

4. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста. (Опыт обобщения) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1977. – Т. 36. – № 6. – С. 522-532.

5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

6. Донскова О. А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте (на материале англо-американской драмы XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 187 с.

7. Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1981. – 111 с.

8. Кручинина Л. И. Основные средства когезии английского научного текста: Дис. … канд. филол. наук. – М.: МГПИИЯ, 1982. – 197 с.

9. Мегентесов С. А. Основные категории грамматики текста (по материалам лингвистической литературы) // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1981. – Вып. 170. – С. 59-67.

10. Морозова Е. В. Грамматическая категория пространственно-временного континуума в художественном тексте: Дис. … канд. филол. наук. – М., 1984. – 184 с.

11. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

12. Николаева Т. М. О функциональных категориях линейной грамматики // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 37-48.

13. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий: учебное пособие для лингвистических вузов и факультетов / Л. А. Ноздрина. – М.: Дрофа, 2009. – 252 с.

14. Прянишникова А. Д. Партитурность текста и ее роль в художественном произведении (на материале английской прозы XX века): Дис. … канд. филол. наук. – М., 1983. – 168 с.

15. Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск VIII. – Лингвистика текста. – М.: «Прогресс», 1978. – С. 218-243.

16. Сердобинцев Н. Я. Текст и стиль // НДВШ, филол. науки. – 1977. – № 6. – С. 42-51.

17. Тер-Авакян И. Р. Функциональная автосемантия единиц текста: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1984. – 25 с.

18. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика: Учебное пособие. – Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.

19. Федотова О. С. Соотношении проспекции, ретроспекции и интроспекции // Российский научный журнал. – 2010. – № 3(16). – С. 123-131.

20. Федотова О. С. К вопросу об определении понятия текста и дискурса // Российский научный журнал. – 2011. – № 2 (21). – С. 253-259.

ИНСТИТУТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
г. МОСКВА

УДК 336.748
ББК 65.268.62
Экономика

НОВЫЙ ПОДХОД К ХЕДЖИРОВАНИЮ ОПЦИОНОВ

В. В. Лещев

В статье рассмотрены вопросы хеджирования валютных опционов. Предложен подход к определению волатильности для использования модели Блека-Шоулза с целью определения цены опционов.

Ключевые слова
Хеджирование, опционы, волатильность, формула Блэка-Шоулза

Введение

На рынке производных ценных бумаг, наряду со спекулятивными операциям, целью которых является получение ценовой разницы в связи с изменением условий экономической деятельности, значительную роль играют операции хеджирования, которые направлены на защиту соглашений от риска. Смысл хеджирования в современных условиях сводится к тому, что оно представляет собой совокупность операций с биржевыми, внебиржевыми и производными ценными бумагами (фьючерсы, опционы, форварды т. д.), целью которых является снижение влияния рыночных (ценовых) рисков на результаты деятельности компании.

В современной экономике хеджирование является действенным и популярным инструментом минимизации рисков, исследованию этого инструмента посвящено значительное количество научных работ как зарубежных, так и отечественных авторов, вместе с тем, достаточно часто отмечается негативный опыт использования данного инструмента, который выражается не только в отсутствии положительного результата (прибыль, компенсация рисков), но и в прямых убытках [1, 2]. В связи с этим, актуальной на данный момент проблемой экономической науки и практики является формирование эффективных подходов к хеджированию финансовых инструментов, выбор адекватных механизмов, в том числе – математических, ориентированных на снижение рисков.

Явление хеджирования с помощью опционов было известно еще в трудах Башелье (хотя и в несколько иной интерпретации). В классическом виде оно было предложено в 70-х годах прошлого века Блэком, Шолузом и Мертоном [1, 2, 3]. Опционы – это финансовый инструмент, позволяющий извлекать прибыль при любом направлении движения цен активов, на которые он оформлен. Таким образом, суть хеджирования состоит в том,

что эмитент опциона (хеджер) употребляет капитал, полученный от продажи опциона, для рыночных операций, покупая или продавая основной актив (на который продан опцион) в некоторых, предписываемых теоретическими формулами количествах.

Цель статьи состоит в исследовании инструментов хеджирования опционов и развитии экономико-математических подходов к их эффективному использованию.

Основная часть

Вопросам стратегии хеджирования опционов посвящены труды В. Саймона [3], А.Н. Буренина [4], Ш. Де Ковни и Л.Таки [5], Г. Лоуренса [6], Н.В.Радионова [7, 8], У. Шарпа, Г. Александера. и Дж. Бэйли [9].

Интересным является позиция Ш. Де Ковни и Л. Таки [5], которые отмечают, что существует два фундаментальных критерия, которые следует учитывать при осуществлении операций хеджирования – ценовая перспектива и экономическая целесообразность. Ориентируясь на это, ученые формируют соответствующий математический аппарат распределения рисков во времени в зависимости от влияния определенных факторов (например, в зависимости от динамики валютных курсов).

Однако стоит отметить, что логнормальное распределение, которое лежит в основе формулы для цены опциона, на практике не достижимо из-за «тяжелых» хвостов. Большие отклонения, обусловлены резкими изменениями конъюнктуры рынка, связаными, например, с распространением важных новостей политики, информацией о экономических показателях или с влиянием директивного государственного регулирования рынка [10, 11]. Это, несомненно, приводит к необходимости дополнительного изучения этого вопроса и еще раз подтверждает актуальность проблематики данной статьи.

В контексте вышесказанного автор предлагает рассмотреть такой актуальный инструмент, как теория Блэка-Шоулза, которая опирается на «историческую волатильность», а именно – определение волатильности по прошлым наблюдениям курса актива за последний год [3, 4].

Рассмотрим стратегию хеджирования на примере валютного рынка Российской Федерации на основе данных о значении валютного курса рубля по отношению к доллару США (рис. 1).

На графике (рис.1) мы видим существенные скачки курса в августе 1998 года, а также сентябре-декабре 2008 года.

Произведем хеджирование позиции в

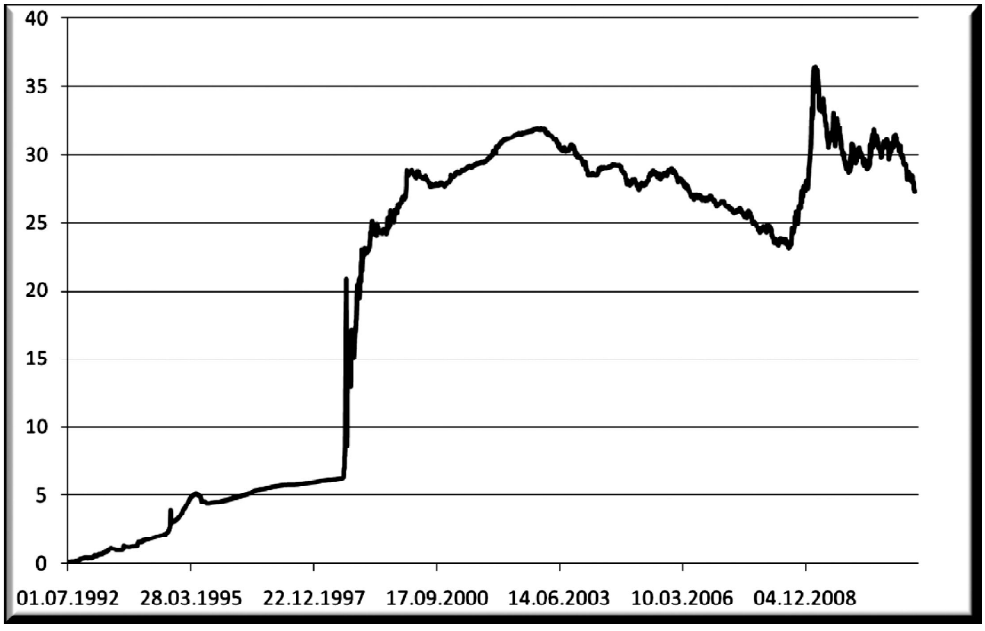


Рис. 1. Изменение курса доллара во времени

валюте, с помощью опционов-колл. Опционы выписываются на покупку долларов по страйк-цене равной курсу на день выпуска (покупатель подобного опциона будет страховать себя от роста курса валюты). Для этого, следуя теории Блэка-Шоулза, нам необходимо вычислить волатильность в каждый момент времени, основываясь на предыдущем опыте.

Вычислим логарифм курса доллара

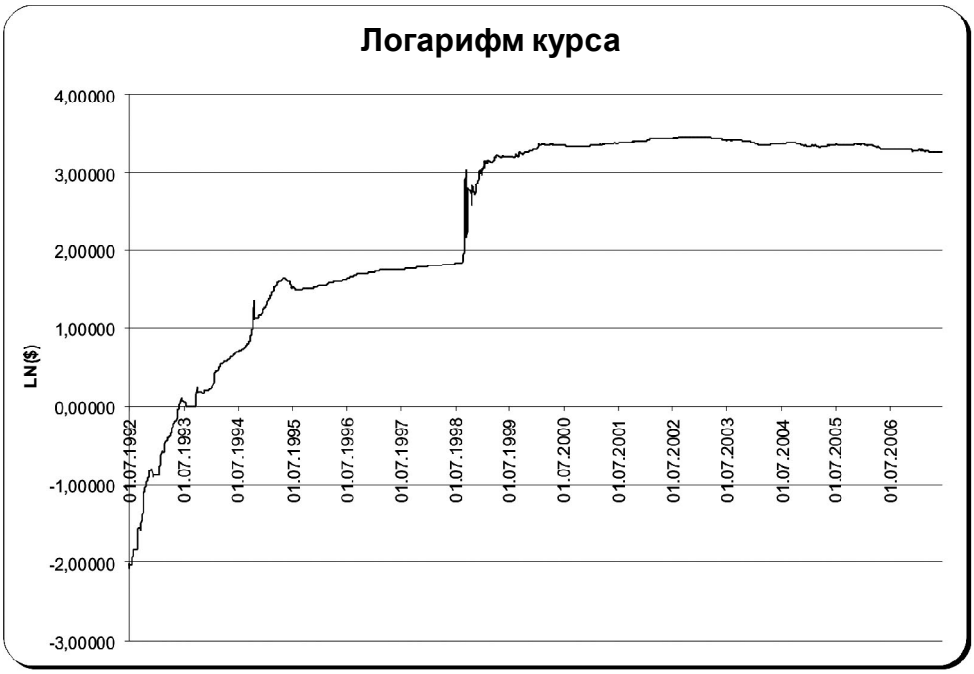


Рис. 2. Логарифм курса доллара с 01.07.1992 г. по 31.05.2007 г.

Рис. 3. Накопленный квадрат разности курсов доллара

Затем вычислим $(\delta Ln)^2$ – квадраты приращений логарифмов курса двух соседних значений, поскольку курс на начальном периоде, как правило, каждый день не фиксировался.

Накопленная сумма квадратов приращений логарифма определяется следующим образом:

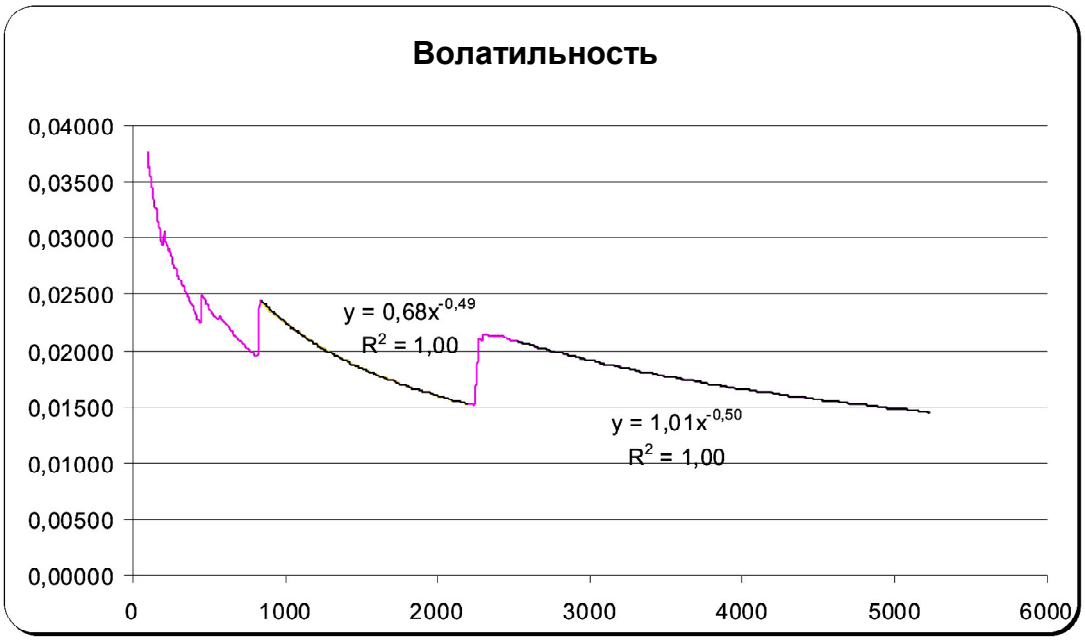


Рис. 4. Зависимость волатильности от продолжительности измерения

$$\sum_{t=0}^{T-h}\left(Ln(S_{t+h}/S_t)\right)^2$$

при *h,* равном 1-му дню, накопленный квадрат разности курсов доллара имеет следующий вид (рис. 3). Так как

$$E\left(\sum_{t=1}^{T-h}\left(Ln(S_{t+h}/S_t)\right)^2\right)=\sigma^2 T$$

мы можем оценить волатильность (рис. 4).

В приведенном выше графике, по оси абсцисс отложено время в днях от начала измерений курса.

Рассмотрим алгоритм хеджирования. В начальный момент времени $t = 0$ хеджер получает за опцион цену в соответствии с моделью Блэка-Шоулза и может сформировать свой портфель (β_0, γ_0) в соответствии с теоретическими предписаниями: $\beta_0=\beta_0^*$, $\gamma_0=\gamma_0^*$. Далее нужно выбрать некий шаг времени *h*, и в моменты времени, разделенные этим шагом, корректировать портфель.

С учетом операционных расходов нет необходимости корректировать портфель слишком часто, а, например, один раз в день (по ценам закрытия) или один раз в неделю (т. е. в пять торговых дней). В таком случае количество бон в портфеле и количество долларов не будут совпадать с теоретическими, поэтому появляется необходимость отдать предпочтение одному из данных вариантов.

Для хеджера естественно ориентироваться на количество долларов, как более непредсказуемый актив, и мы примем такой сценарий, когда в дискретные моменты количество валюты делается равным теоретическому. В то же время существует возможность принять количество бон равным теоретическому, что было бы неизбежным, если представить себе, что хеджер берет боны не из собственного капитала, а получает от некоего фонда, который дает ровно столько, сколько требуется на основании теоретических расчетов.

Итак, мы постулируем, что при $t=kh$, k=0,1,...количество валюты в портфеле (которое мы теперь обозначим $\gamma(t)$ и соответственно количество бон обозначим $\beta(t)$) представляется следующим равенством: $\gamma(t)=\gamma_t^*$.

При этом $\beta(0)=\beta_t^*$ в силу сценария, при котором цена опциона (начальный капитал хеджера) равна цене Блэка-Шоулза, но при *t, не равном нулю,* равенство теоретического и реального числа бон со-

блюдаться не будет. Таким образом, возникнет *дисбаланс* $D(t)=\beta(t)-\beta_t^*$, равный разности между реальным и теоретическим числом бон в портфеле в момент $t=kh$. Вопрос состоит в том, насколько велики или малы получающиеся значения дисбалансов, а в особенности, последнее значение $D(T)$.

Разобьем наши данные на 3000 дней, на 100 интервалов по 30 данных о курсах (в среднем это 40-45 календарных дней, так как в праздники и выходные дни валютная биржа не работет). Для каждого интервала имитируем выпуск опциона на покупку 1 доллара по цене на день выпуска и исполнением в день через 30 изменений курса (примерно 6 календарных недель). Согласно теории Блэка-Шоулза будем использовать самофинансируемый портфель исходя из волатильности, зафиксированной на начало периода. Одновременно вычислим теоретическое количество рублей в виде бонов. Для каждого интервала зафиксируем разницу в конце периода между фактическим и теоретическим значением бонов, разделим на цену опциона и в итоге получим искомый приведенный дисбаланс.

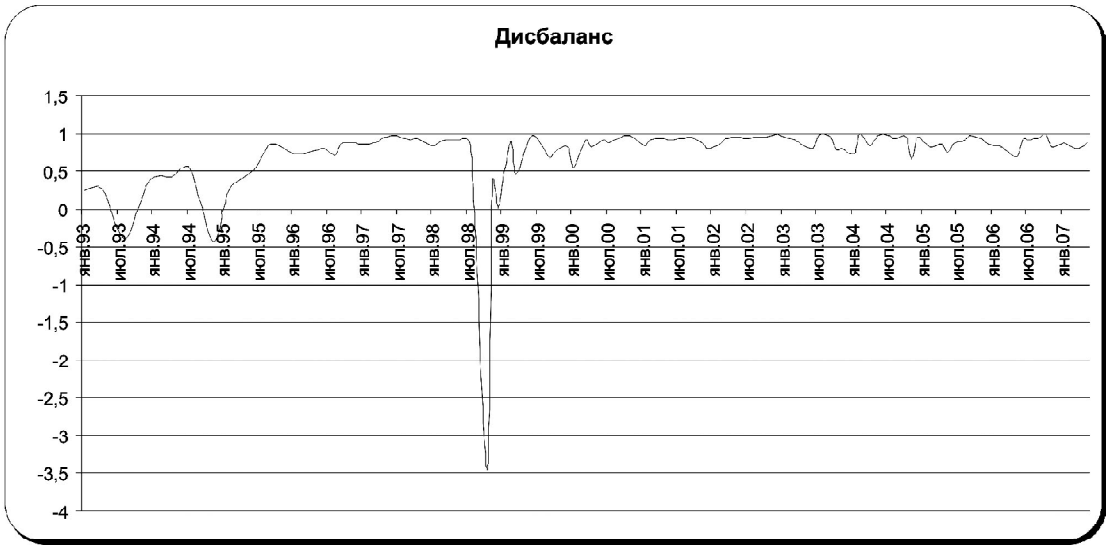


Рис. 5. График дисбаланса.

Итоговый график дисбаланса выглядит следующим образом (рис. 5):

Таким образом, на итоговом графике дисбаланса отмечаются три четких провала в дисбалансе, которые говорят о том, что в моменты кризисов (описанных выше), хеджирование становиться существенно менее эффективным инструментом минимизации рисков. И, наоборот, в периоды «покоя» приведенный дисбаланс близок к 1, т. е. к цене опциона, что в полной мере согласуется с теоретическим нулевым результатом хеджирования (хеджер, пользуясь этой стратегией, должен на выходе хотя бы не проиграть).

Выводы

Несмотря на расходы, связанные с необходимостью хеджирования опционов и на многочисленные трудности, с которыми можно столкнуться при разработке и реализации стратегии хеджирования, его роль в обеспечении стабильного развития экономики в современных условиях очень велика. В конечном итоге происходит существенное снижение ценового риска, связанного с закупкой сырья и поставкой готовой продукции – хеджирование процентных ставок и обменных курсов снижает неопределенность будущих финансовых потоков и обеспечивает эффективный финансовый менеджмент в целом.

Перед тем, как принять решение о хеджировании, важно оценить величину потенциальных убытков, которые может по-

нести компания в случае отказа от хеджа а также все возможные риски, для чего применяется соответствующий математический аппарат, в частности – анализируемая в данной статье теория Блэка-Шоулза. На протяжении многих лет теоретики были озабочены тем, что реальные биржевые цены опционов не совпадают с ценами Блэка-Шоулза, разницу списывали на неточное знание будущей волатильности (мы выяснили, что волатильность не остается на самом деле строго постоянной).

Развивая данную проблематику, автор статьи формирует довольно точный метод определения (прогнозирования) волатильности для валютного рынка на основе теории Блэка-Шоулза: с точностью порядка десятых долей процента для относительных погрешностей волатильность обратно пропорциональна корню из количества дней прошедших с начала измерений. Данный результат способствует формированию эффективного инструментария оценки поведения волатильности и стратегии хеджирования опционов.

Также в статье рассмотрены дисбалансы как в периоды резких скачков курса доллара, так и в относительно спокойные периоды, и подтверждено, что хеджирование, хотя и не уберегает от потерь в кризисных ситуациях, но существенно уменьшает эти потери, а на промежутках стабильности, дает уверенную возможность получения эмитентом опциона прибыли. Средний выигрыш такого эмитента в России в спокойные периоды, например, с 2000 г. и по 2007 г., мог бы быть равен (если бы кто-то выпускал опционы и пользовался бы стратегией хеджирования, приведенной в статье) четырем центам за один доллар за период, равный 40-45 дням, что соответствует 37-40% годовых.

Главный вывод состоит в том, что, хотя теория Блэка-Шоулза не обладает высокой точностью, но вполне пригодна для ориентировки в ценах опционов с использованием предложенного в статье механизма корректировка получаемых результатов (путем внесения дополнений в формулу вычисления волатильности, для учета резких скачков курса).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Буренин Л. Н. Рынок производных финансовых инструментов [Текст]/ Л. Н. Буренин. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 386 с.

2. Галанов В. А. Производные инструменты срочного рынка: фьючерсы, опционы, свопы [Текст] / В. А. Галанов. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 464 с.

3. Вайн Саймон. Опционы. Полный курс для профессионалов. – М.: Альпина, Паблишер, 2003. – 416 с.

4. Буренин А. Н. Форварды, фьючерсы, опционы, экзотические и погодные производные. – М.: Научно-техническое общество имени академика С. И. Вавилова, 2005. –540 с.

5. Де Ковни Ш., Таки Л. Стратегии хеджирования / Пер. с англ. – М.:ИНФРА-Ь, 1996. – 208 с.

6. Лоуренс Г. Макмиллан. Опционы как стратегическое инвестирование. – М.: Издательство «Евро», 2003.

7. Радионов Н. В. О реальных опционах // АУДИТ И ФИНАНСОВЫЙ АНАЛИЗ. – 2005. – № 3. – С. 154-164.

8. Радионов Н. В., Антонов Г. А. Об одном подходе к анализу финансовых показателей ликвидности // Известия С.-Петербург. ун-та экон. и фин. – 2004. – №3. – С. 67-77.

9. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1998. – XII, 1028 с.

10. Джон К. Халл. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые инструменты =Options, Futures and Other Derivatives. – 6-е изд. – М.: «Вильямс», 2007. – 1056 с.

11. Фельдман А. Б. Производные финансовые и товарные инструменты / А. Б. Фельдман. – М.: Финансы и статистика, 2003.

МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА
РЕСПУБЛИКА МОРДОВИЯ, г. САРАНСК

УДК 591.4
ББК 28.65
Биология

биология

ВЛИЯНИЕ МИНЕРАЛЬНОГО СОСТАВА ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ НА СТРОЕНИЕ ПОЧЕК И КИШЕЧНИКА БЕЛЫХ КРЫС

Доктор биологических наук О. С. Шубина
Н. А. Смертина
Кандидат биологических наук Н. А. Мельникова
Кандидат биологических наук М. В. Лапшина

Изучено воздействие хлорида натрия на гистологические и морфометрические показатели почек и двенадцатиперстной кишки белых крыс. Для выяснения этого вопроса использовался микроскоп MT 4000 Series Biological Microscope и программное обеспечение для анализа изображений «BioVision Version 4.0».

Ключевые слова
Хлорид натрия, почки, двенадцатиперстная кишка, морфология

Воздействие минерального состава питьевой воды на человека давно известно [1, 4]. Хлоридно-натриевые минеральные воды с преобладанием ионов хлора и натрия обладают значительным сосудорасширяющим эффектом, улучшая местный кровоток, ускоряют процессы репарации [2, 3]. Несмотря на положительное влияние минеральных вод, их рекомендуется пить дозировано, определенный период времени ее прием противопоказан беременным [4]. К сожалению, исследования в этом направлении малочисленны.

Целью настоящей работы явилось изучение длительного употребления питьевой воды с повышенным содержанием ионов натрия и хлора на гистологические и морфометрические показатели почек и тонкого кишечника небеременных и беременных белых крыс.

Материалы и методы исследования
В работе в качестве биологических объектов использовали белых беспородных крыс-самок массой 200-250 г. Длительность эксперимента составила 20 дней. В соответствии с поставленными задачами животные разбивались на четыре группы. В качестве контроля служили интактные крысы, получавшие питьевую воду «Акваминерале», сбалансированную по содержанию микро- и макроэлементов согласно требованиям СанПина. Первую экспериментальную группу (опыт 1) составили небеременные крысы, в качестве питья получавшие 1%-ный раствор хлорида натрия. Вторую экспериментальную группу (опыт 2) составили беременные сам-

Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

ки, получавшие питьевую воду «Аквaминерале». Третью экспериментальную группу (опыт 3) составили беременные самки, получавшие 1%-ный раствор хлорида натрия. Во время эксперимента все животные имели свободный доступ к корму и воде. Животные каждой группы забивались путем декапитации под наркозом эфира с хлороформом с соблюдением принципов гуманности, изложенных в директивах Европейского сообщества (86/609/EEC) и Хельсинкской декларации и в соответствии с требованиями правил проведения работ с использованием экспериментальных животных.

Материалом исследования служили почки и двенадцатиперстная кишка белых крыс. Для гистологического исследования кусочки органов фиксировали в 10%-ном растворе нейтрального формалина, заливали в парафин, готовили срезы толщиной 10-15 мкм и окрашивали гематоксилин-эозином. Гистологические срезы исследовали с помощью микроскопа MT 4000 Series Biological Microscope с программным обеспечением для анализа изображений «BioVision Version 4.0». При цито- и морфометрии почек измеряли площадь почечного тельца, площадь почечного клубочка, диаметр проксимального извитого канальца, диаметр просвета проксимального извитого канальца, площадь эпителиоцитов и площадь ядер извитого канальца почки. В кишечнике определяли толщину всей кишечной стенки, слизистой, мышечной и серозной оболочек, высоту и ширину ворсинок, глубину и ширину крипт, высоту энтероцитов ворсин и крипт, количество и площадь бокаловидных клеток, площадь клеток Панета, среднюю площадь ядра энтероцитов ворсин и крипт. Статистическая обработка полученных цифровых данных проводилась с помощью программы FStat и Exel. Проверка статистических гипотез осуществлялась по t-критерию Стьюдента.

Гистологические исследования показали, что у небеременных белых крыс, получавших 1-% раствор хлорида натрия (опыт 1), во всех отделах нефрона наблюдались незначительные дистрофические изменения с явлениями набухания. Отмечено некоторое полнокровие капилляров и расширение клубочков, что позволяет говорить о нарушении микроциркуляции.

При морфометрии почек данной экспериментальной группы выявлено уменьшение количества почечных телец в поле зрения по сравнению с контролем на 6,34% ($P \leq 0,05$), при этом площадь почечного тельца и почечного клубочка увеличилась соответственно на 9,94% ($P \leq 0,05$) и 12,69% ($P \leq 0,05$). Измерения проксимальных извитых канальцев почек, показали, что диаметр канальцев и диаметр их просвета, площадь эпителиоцитов канальцев и площадь их ядер практически не отличались от таковых показателей контрольной группы (таблица 1).

Гистологические исследования почек беременных крыс, получавших длительное время гипертонический раствор хлорида натрия (опыт 3), показали на формирование гипертрофии почечных клубочков, капиллярные петли которых расширены, полнокровны. Канальцы коркового вещества расширены, а их просвет вследствие набухания эпителиоцитов сужен. Как в корковом, так и в мозговом веществе отмечен интерстициальный отёк.

Морфометрические исследования данной группы животных обнаружили, что по сравнению с контролем уменьшилось количество почечных телец в поле зрения на 15,7% ($P \leq 0,05$), площадь почечного тельца увеличилась на 20,71% ($P \leq 0,05$), площадь почечного клубочка увеличилась на 23,96 % ($P \leq 0,02$). Диаметр проксимального извитого канальца увеличился на 7,3% ($P \leq 0,02$), при этом на 18,62% ($P \leq 0,02$) уменьшился просвет канальца. Цитоморфометрические измерения проксимальных извитых канальцев почек показали увеличение по сравнению с контролем площади эпителиоцитов канальцев на 13,85% ($P \leq 0,05$), уменьшение площади ядра эпителиоцита на 16,89% ($P \leq 0,02$) (таблица 1).

Таблица 1

Морфометрические показатели почек белых крыс

Показатели	Контроль	Опыт 1	Опыт 2	Опыт 3
Количество телец в поле зрения, шт.	10,25±0,18	9,6±0,05**	9,8±0,17	8,64±0,51**
Площадь почечного тельца, мкм^2.	5849,03±193,65	6430,90±201,25**	6689,48±321,00**	7060,27±178,14**
Площадь почечного клубочка, мкм^2.	4079,71±159,16	4597,37±162,20**	4375,05±049,50*	5057,33±194,46*
Диаметр проксимального извитого канальца, мкм.	32,68±0,59	33,60±0,60	33,09±0,65	35,09±0,54*
Диаметр просвета проксимального канальца, мкм.	14,28±0,47	14,01±0,30	12,45±0,27	11,62±0,01*
Площадь эпителиоцита, мкм^2.	109,46±2,26	114,47±3,99	117,47±3,27*	124,63±5,70**
Площадь ядра эпителиоцита, мкм^2.	31,15±0,89	32,05±0,67	30,18±0,70*	25,89±0,78*

Примечание: ** – $P \leq 0,05$, * – $P \leq 0,02$ по сравнению с контрольными животными

По сравнению с беременными самками, употреблявшими питьевую воду «Аквaминерале» (опыт 2), у животных третьей опытной группы снизилось количество почечных телец в поле зрения на 11,83 % ($P \leq 0,05$). При этом отмечено увеличение площади их почечного тельца и почечного клубочка на 5,54% ($P \leq 0,05$) и 15,59% ($P \leq 0,05$) соответственно. Диаметр проксимального извитого канальца был больше на 6,04% ($P \leq 0,05$), а диаметр его просвета оказался меньше на 6,67% ($P \leq 0,05$), площадь эпителиоцитов почек увеличи-лась на 6,10% (P? 0,02), при этом средняя площадь их ядра уменьшилась на 14,21% ($P \leq 0,05$).

Гистологические исследования двенадцатиперстной кишки небеременных белых крыс, получавших 1-% раствор хлорида натрия (опыт 1), показали незначительные изменения в виде расширения и полнокровия мелких кровеносных сосудов собственной пластинки слизистой оболочки, наличие отдельных лимфоцитов или их небольших групп во всех слоях стенки. Структура эпителиального слоя в области ворсинок и крипт была типичной. Абсорбтивные энтероциты, энтероциты с ацидофильными гранулами (клетки Панета) имели обычное строение. Редко встречались энтерохромаффинные, эндокринные клетки в эпителии средней части крипт. Визуально можно было отметить увеличение по сравнению с контролем количества бокаловидных клеток.

Морфометрические исследования двенадцатиперстного отдела тонкого кишечника показали, что толщина кишечной стенки у небеременных крыс, в качестве питья получавших гипертонический раствор хлорида натрия, составила 633,99 ±7,05 мкм, что на 7,37% ($P \leq 0,02$) меньше толщины кишечной стенки животных контрольной группы. Толщина слизистого, мышечного и серозного слоев кишечной стенке в первой опытной группе достоверно меньше по сравнению с данными показателями контроля на 1,49% ($P \leq 0,05$), 29,25% ($P \leq 0,05$) и 48,35 % ($P \leq 0,05$) соответственно (таблица 2).

В кишечнике опытных небеременных животных по сравнению с контролем дли-

Таблица 2

Данные морфометрического анализа стенки тонкого кишечника белых крыс

Показатели	Контроль	Опыт 1	Опыт 2	Опыт 3
Длина ворсин, мкм.	288,98±1,2	246,27±3,38*	264,15±0,18**	236,98±6,78*
Ширина ворсин, мкм.	73,82±0,76	76,65±1,10**	81,34±3,05**	77,68±0,78*
Длина крипт, мкм.	261,57±0,47	197,31±0,63*	248,19±1,18*	237,67±6,23*
Ширина крипт, мкм.	38,25±0,99	48,05±2,09**	39,98±0,06	50,11±4,15**
Толщина кишечной стенки, мкм.	684,45±0,53	633,99±7,05*	681,19±2,45	627,47±4,32*
Толщина слизистого слоя, мкм.	542,28±6,43	534,15±3,60**	546,87±5,38	530,89±2,08**
Толщина мышечного слоя, мкм.	150,64±2,66	106,57±1,91**	152,36±7,61	107,18±2,86*
Толщина серозной оболочки, мкм.	5,17±0,60	2,67±0,24**	5,56±1,19	3,08±0,96**

Примечание: ** – $P \leq 0,05$, * – $P \leq 0,02$ по сравнению с контрольными животными

на ворсин уменьшилась на 14,77% ($P \leq 0,02$), длина крипт – на 24,57% ($P \leq 0,02$), при этом ширина и ворсин и крипт увеличилась на 3,83 % ($P \leq 0,05$) и 25.62% ($P \leq 0,05$) (таблица 2). Цитоморфометрия показала увеличение по сравнению с контролем высоты энтероцитов кишечных ворсин на 28,17% ($P \leq 0,05$), высоты энтероцитов кишечных крипт на 9,59% ($P \leq 0,05$), уменьшение площади ядра энтероцитов на 28,98% ($P \leq 0,02$). Площадь ядра энтероцитов крипт в контроле и опыте достоверно не отличалась друг от друга (таблица 3).

В кишечнике опытных крыс было отмечено увеличение количества бокаловидных клеток на 78,63% ($P \leq 0,02$), площадь которых увеличилась на 8,49% ($P \leq 0,02$). Площадь клеток Панета была на 15,21% ($P \leq 0,02$) меньше по сравнению с контролем (таблица 3).

Таблица 3

Данные цитоморфометрического анализа стенки тонкого кишечника белых крыс

Показатели	Контроль	Опыт 1	Опыт 2	Опыт 3
Высота энтероцитов ворсин, мкм.	20,09±2,07	25,75±0,96**	23,44±1,01*	30,21±0,98*
Высота энтероцитов крипт, мкм.	21,37±1,26	23,42±0,78**	23,87±0,06**	24,56±0,07**
Площадь бокаловидных клеток, мкм2.	73,15±2,56	79,36±3,56**	72,19±1,44	83,19±2,67**
Количество бокаловидных клеток в ворсинке, шт.	18,25±3,11	32,6±1,89*	19,76±3,98	34,6±2,02*
Площадь ядра энтероцитов ворсинки, мкм2.	39,48±1,15	28,04±1,07*	41,06±1,34	23,19±1,65*
Площадь ядра энтероцитов крипт, мкм2.	24,68±1,91	25,15±1,57	25,72±2,41	22,54±0,96
Площадь клеток Панета, мкм2.	158,07±32,67	134,02±1,05*	162,4±2,07	118,15±11,33

Примечание: ** – $P \leq 0,05$, * – $P \leq 0,02$ по сравнению с контрольными животными

У беременных белых крыс, потреблявших в качестве питья 1-% раствор хлорида натрия в неограниченном количестве (опыт 3), по сравнению с контролем было отмечено достоверное уменьшение толщины всей кишечной стенки на 8,32% ($P \leq 0,02$), при этом уменьшилась толщина слизистой на 2,1% ($P \leq 0,05$), толщина мышечной на 28,85% ($P \leq 0,02$), толщина серозной оболочки на 40,42% ($P \leq 0,05$)

(таблица 2). У животных данной опытной группы в просвете кишечника и между ворсинками зафиксировано обилие слизи с включениями слущенных эпителиальных пластов, отдельных лимфоцитов. Отмечен ярко выраженный полиморфизм кишечных ворсин по диаметру и форме. Апикальные части большинства клеточных ворсин лишены покровного эпителия. Хорошо выражен отек эпителиоцитов боковой части ворсин.

При морфометрии двенадцатиперстной кишки данной группы крыс выявлено, что под воздействием гипертонического раствора хлорида натрия уменьшается длина ворсин на 17,99% (P≤ 0,02), при этом их ширина на 5,23% (P≤ 0,02) больше данного показателя контрольной группы. Длина крипт на 9,02% (P≤ 0,02) меньше, чем в контрольной группе, при этом их ширина достоверно увеличивалась на 31,01% (P≤ 0,05) (таблица 2). При цитометрии выявлено увеличение по сравнению с контролем высоты энтероцитов ворсинок на 50,37% (P≤ 0,02) и крипт на 14,92% (P? 0,05), уменьшение площади ядер энтероцитов ворсин на 41,26% (P≤ 0,02), увеличение количества бокаловидных экзокриноцитов на 89,59% (P≤ 0,02) и их площади на 13,72% (P≤ 0,05). Площадь клеток Панета была на 25,25% (P≤ 0,02) меньше по сравнению с контролем (таблица 3).

По сравнению со второй опытной группой у беременных самок, употреблявших раствор соли (опыт 3), отмечено уменьшение толщины всей кишечной стенки на 7,89 % (P≤ 0,05) за счет уменьшения толщины слизистой, мышечной и серозной оболочек на 2,92% (P≤ 0,05), 29,65% (P≤ 0,05) и 44,60% (P≤ 0,05) соответственно. Длина кишечных ворсин и крипт была меньше на 10,28% (P≤ 0,05) и 4,23% (P≤ 0,05) соответственно, на 25,33% (P≤ 0,05) увеличилась ширина крипт кишечника (таблица 2). Увеличилась высота энтероцитов ворсин кишечника на 28,88 % (P≤ 0,05) с одновременным уменьшением площади их ядра на 43,52% (P≤ 0,05). Увеличилось количество бокаловидных клеток и их площадь на 75,10% (P≤ 0,05) и 15,24%(P≤ 0,05), площадь клеток Панета снизилась на 27,25%(P≤ 0,05) (таблица 3).

Заключение

В результате проведенных исследований выявлены особенности формирования морфологических изменений в почках и кишечнике у небеременных и беременных самок белых крыс вследствие употребления ими воды с повышенным содержанием ионов натрия и хлора. Выявлено, что деструктивные изменения клеток при потреблении раствора хлорида натрия имеют более выраженный характер у беременных животных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Джиоев, И. Г. Влияние минеральной воды «Тиб-2» на обмен кальция и магния / И. Г. Джиоев // IV Сибирский физиологический съезд: тезисы докладов. – Новосибирск, 2002. – С. 77-78.

2. Лотоцька, Е. В. Хлорид натрия как фактор антропогенного загрязнения воды и его гигиеническое значение / Е. В. Лотоцька // Гигиеническая наука и практика на рубеже столетий: материалы XIV съезда гигиенистов Украины. – Днепропетровск: Артпрес, 2004. – С. 135.

3. Ондар, А. О. Вариабельность ритма сердца у здоровых юношей после гипоксической пробы на фоне водно-солевых нагрузок / А. О. Ондар, В. Н. Мельников, С. Г. Кривощеков, Р. И. Айзман // Тезисы VI съезда физиологов Сибири. – Барнаул, 2008. – Т. 1. – С. 39.

4. Пронина, Н. Н. Влияние разных доз минеральной воды на функцию почек и некоторые механизмы её действия / Н. Н. Пронина, Л. В. Логунова, И. Г. Джиоев, Л. Т. Кубалова // Вопросы курортологии. – 1986. – № 5. – С. 46-49.

**РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА**

УДК 616-089
ББК 55.548

ОТДАЛЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СИМУЛЬТАННЫХ ВМЕШАТЕЛЬСТВ У ПАЦИЕНТОВ С ОЖИРЕНИЕМ

Кандидат медицинских наук В. В. Иванов

В статье анализируются результаты лечения пациентов, оперированных по поводу различных вариантов сочетания хирургических и гинекологических заболевания, грыжевой болезни у пациентов с ожирением. На основании большого клинического опыта приводятся ранние и отдаленные осложнения послеоперационного периода при сочетании традиционного и лапароскопического доступов, применении аллопластических материалов и местных тканей в воссоздании опорности, непрерывности и функциональности передней брюшной стенки. Проведенные нами исследования (по опроснику SF-36) показали динамику показателей физического и психологический компонентов здоровья. Проведение дерматолипэктомий ведет к более значительной положительной динамике комплекса факторов определяющих уровень качества жизни в отдаленном послеоперационном периоде.

Ключевые слова
Герниопластика, паховые грыжи, вентральные грыжи, аллопластика, сетчатые имплантаты, ожирение, лапароскопическая хирургия, пластическая хирургия

Актуальность проблемы хирургической коррекции грыжевой болезни у пациентов с ожирением обусловлена не только большим количеством осложнений раннего и позднего послеоперационного периода, рецидивов, но также и неопределенностью в тактико-методологических подходах и технических аспектах выполнения оперативных вмешательств. Тем более, что лечение грыж различной локализации с использованием аллопластики и лапароскопической техники в последние десятилетия приобрело большую популярность. Подавляющее число исследователей отмечает, что данные методы, по сравнению с традиционными, у пациентов с ожирением сопровождаются снижением числа интра– и послеоперационных осложнений, незначительным болевым синдромом, ранними сроками реабилитации и быстрым возвращением оперированных больных к привычному труду.

Целью настоящей работы является изучение результатов хирургического лечения двусторонних паховых грыж, множественных вентральных грыж и их сочетании, при использования комбинации открытого доступа и лапароскопической техники, аллопластических материалов и местных тканей у пациентов с ожирением.

Материалы и методы

Согласно плану исследования и для решения поставленных задач были про-

анализированы результаты лечения 260 пациентов перенесших оперативные вмешательства по поводу двусторонних паховых грыж (п=56), сочетания паховых и вентральных грыж (п=92) и множественных вентральных грыж (п=112) в отделении хирургии № 2, ГУЗ «Рязанская областная клиническая больница», хирургических отделений ГУП «Медицинский центр управления делами правительства и мэра г. Москвы», с 1999 г. по сентябрь 2009 г. Средний возраст пациентов составил 41,6±8,5 лет. В клинической работе использовалась классификация по величине, локализации грыжевого дефекта и клиническому симптомокомплексу, предложенная К. Д. Тоскиным и В. В. Жебровским, таб. 1.

Таблица 1

Распределение больных в клинических группах в зависимости от величины наибольшего грыжевого дефекта

Величина грыжевого дефекта	Пациенты с двусторонними паховыми грыжами, п=56	Пациенты с сочетанием паховых и вентральных грыж, п=92		Пациенты с множественными вентральными грыжами, п=112
		Паховая грыжа	Вентральная грыжа	
Малая	10	68	12	14
Средняя	38	20	45	46
Обширная	6	4	25	34
Гигантская	2	-	10	18

Все пациенты в предоперационном периоде прошли комплексное обследование, которое, кроме стандартного клинико-лабораторного комплекса включало также УЗИ органов брюшной полости, малого таза, ФГС, УЗИ сердца и спирографию с проведением компрессионной пробы. Сердечно-сосудистые заболевания (ИБС, гипертоническая болезнь) выявлены у всех 260 пациентов. Характер других сопутствующих заболеваний представлен в таблице 2. В исследование не включены пациенты с сердечной недостаточностью, дыхательной недостаточностью 3 и выше степеней.

Таблица 2

Сопутствующие соматические заболевания у пациентов оперированных по поводу вентральных грыж

Сопутствующие заболевания	Пациенты с двусторонними паховыми грыжами п=56		Пациенты с сочетанием паховых и вентральных грыж, п=92		Пациенты с множественными вентральными грыжами, п=112	
	N	%	n	%	n	%
Заболевания дыхательной системы	11	19,6	18	19,6	22	19,6
Заболевания мочевыделительной системы	23	41,0	31	33,7	41	36,6
Заболевания ЦНС	10	17,9	14	15,2	16	14,3
Гинекологические заболевания	2	3,6	4	4,3	48	42,9
Сахарный диабет	12	21,43	19	20,7	25	22,3
ИМТ 30,0 - 34,9 кг/м^2	29	51,8	52	56,5	56	50,0
ИМТ 35,0 - 39,9 кг/м^2	21	37,5	32	34,8	48	42,9
ИМТ ≥ 40 кг/м^2	6	10,7	8	8,7	8	7,1

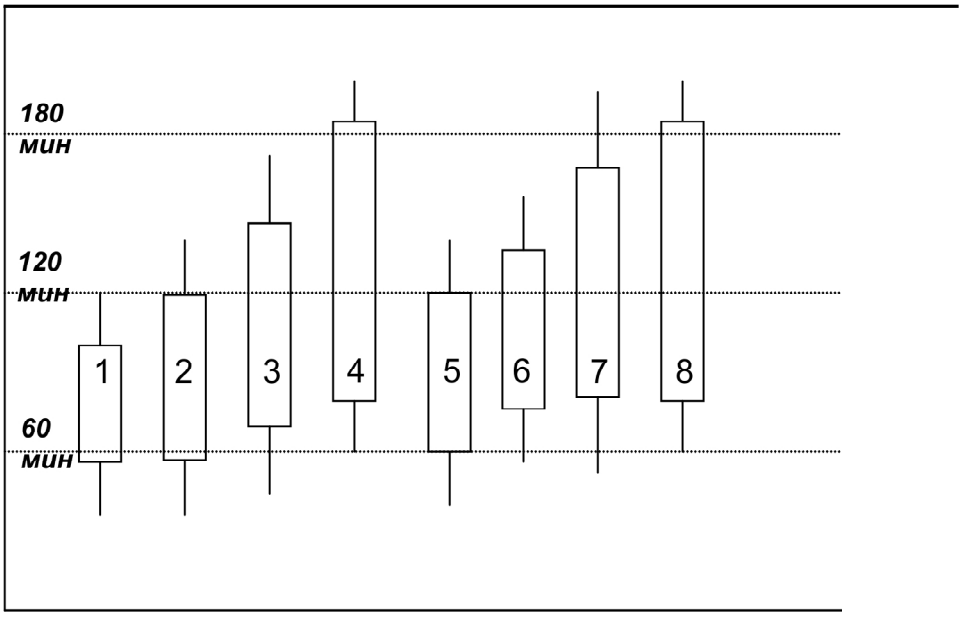
Коррекцию сопутствующих заболеваний осуществляли с участием в лечебном процессе терапевта, эндокринолога, пульмонолога, невропатолога, уролога, нефролога и гастроэнтеролога. Симультанные операции выполнены у 42 (16,15%) пациентов: в 26 случаях выполнена холецистэктомия, в 6 случаях фундопликация с крурорафией, в 9 случаях гистерэктомия (надвлагалищная ампутация матки у 7 пациенток, экстирпация матки у 2 пациенток), 4 пациентки оперированы по поводу кист яичников. Консервативная миомэктомия выполнена у 2 женщин, 6 пациенткам выполнена диатермокаутеризация яичников. Количество симультанных этапов составило от 2 до 4.

На всех этапах оперативных вмешательств были использованы современные электрохирургические и ультразвуковые комплексы. В послеоперационном периоде наряду с комплексной реологической и противовоспалительной терапией применялись методы физиотерапевтического воздействия (лазеротерапия, ГБО и пр.).

Для изучения влияния предложенных оперативных методик на течение раннего и позднего послеоперационных периодов у пациентов с вентральными грыжами, нами были изучены ряд стандартных показателей раннего и позднего послеоперационных периодов, а также интегративный критерий – динамика качества жизни.

Результаты проведенных исследований

Средняя продолжительность операции (хронометраж проведен по картам анестезиологического пособия) при проведении оперативных вмешательств составил от 46,1±14,3 до 240±30 мин. Время оперативного вмешательства зависело, прежде всего, от морфологических особенностей и размеров грыжевого дефекта. Вполне естественно, что продолжительность операции была больше у пациентов с ожирением 2 и более степеней. Выполнение симультанного этапа увеличивает время



1 – малые грыжи, 2 – средние грыжи, 3 – обширные грыжи, 4 – гигантские грыжи, 5-8 герниопластика с симультанным оперативным вмешательством при малых (5), средних (6), обширных (7), гигантских (8) грыжах

95% доверительный интервал

99% доверительный интервал

Рис. 1. Продолжительность оперативных вмешательств у пациентов с вентральными грыжами

оперативного вмешательства не более чем на 30,5±10,2%, рис. 1.

Выполнение того или иного варианта абдоминопластики увеличивает время оперативного вмешательства почти в 1,7 раза при малых и средних грыжах (особенно при выполнении симультанного этапа, и/или липосакции), и на 25,5 8,2% у пациентов с обширными и гигантскими вентральными грыжами.

Как показывает наша практика, практически у всех пациентов оперированных по поводу вентральных грыж удается в раннем послеоперационном периоде обойтись без назначения наркотических препаратов. Современные фармакологические средства (ксефокам, перфалган, кеторол) позволяют избежать таких побочных эффектов применения наркотических анальгетиков, как угнетение дыхания, тошнота и рвота, ослабление перистальтики кишечника. Во многом благодаря этому уже с первых суток послеоперационного периода они отмечали хорошее самочувствие, самостоятельно вставали и принимали пищу.

Наркотические анальгетики применяли в случаях сочетания реконструктивной операции с достаточно обширным интра-абдоминальным вмешательством (экстирпация матки, резекция кишечника и т.п.).

Как показывают наши данные болевой синдром покоя (оценка проводилась по визуально-аналоговой шкале) в первые сутки после выполнения абдоминопластики у пациентов с обширными грыжами был в среднем на 24,5±5,6 ед. больше ($p<0,01$) по сравнению с пациентами которым не выполнялась дерматолипэктомия, и на 12,5±6,2 ед. ($p<0,05$) больше при симультанных операциях (герниопластика + лапароскопическое вмешательство в брюшной полости). К 5 суткам неосложненного послеоперационного периода достоверных различий в уровне болей покоя не отмечалось.

Умеренный френикус-симптом на 2-3 е сутки после выполнения лапароскопических вмешательств, был выявлен у 25% пациентов, перенесших ЛС длительностью более 45 минут, независимо от объема оперативного вмешательства и массы тела.

Функциональные и стартовые боли (рис.2) отмечаются во всех группах обследованных пациентов в течение первого месяца послеоперационного периода, причем их интенсивность в значительной степени зависит от объема реконструктив-

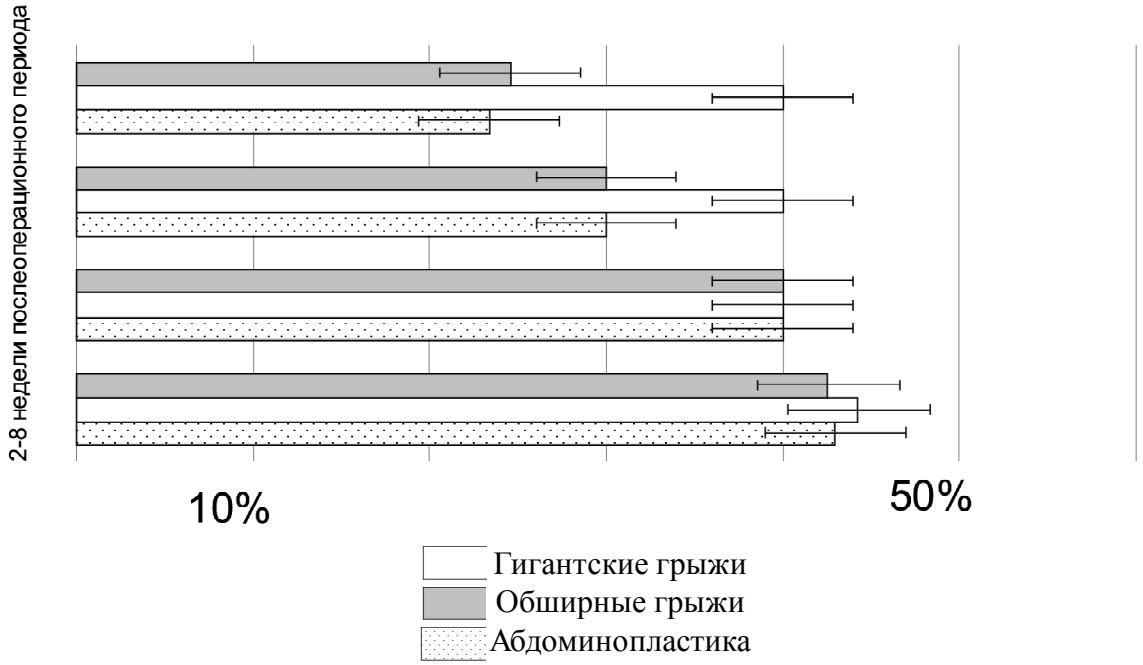


Рис. 2. Стартовые боли и боли нагрузки в отдаленном послеоперационном периоде

ного этапа а также субъективного статуса и психо-эмоционального настроя.

Необходимо отметить, что у всех больных, независимо от объема оперативного вмешательства и количества дополнительных этапов, нами проводилась ранняя активизация – через 6-8 часов после операции. С первых послеоперационных суток всем больным проводилась дыхательная и лечебная гимнастика по разработанной в отделении схеме.

Парез желудочно-кишечного тракта свыше 3х суток, отмечен в 6 случаях и был купирован комплексом консервативных мероприятий. На вторые-третьи сутки у всех пациентов был самостоятельный стул. Острая задержка мочи была отмечена у 2 пациентов, купирована комплексом консервативных мероприятий.

Внеабдоминальные осложнения отмечены, как правило, в группах пациентов старше 40 лет с обширными и гигантски-

Таблица 3

Внеабдоминальные осложнения раннего послеоперационного периода

Осложнения	Пациенты с двусторонними паховыми грыжами, n=56	Пациенты с сочетанием паховых и вентральных грыж, n=92	Пациенты с множественными вентральными грыжами, n=112
Длительная гипертермия	2	4	6
Обострение хронических воспалительных заболеваний мочевыводящей системы	8	12	22
Послеоперационная пневмония	1	2	4
Ухудшение течение сердечно-сосудистых заболеваний	10	15	18

ми послеоперационными грыжами. Их характер представлен в таб. 3.

Анализ течения послеоперационного периода у больных, перенесших симультанные операции, показало, что выполнение сочетанных оперативных вмешательств не влечет за собой более позднюю активизацию, увеличение числа интра – и послеоперационных осложнений, послеоперационного койко-дня.

При анализе местных осложнений раннего послеоперационного периода выделяли следующие моменты: над – и подапоневротические гематомы, серомы объемом более 50 мл требующие выполнения дренирующих мероприятий, ишемический некроз краев раны, нагноение послеоперационного шва, инфильтраты подкожной жировой клетчатки, таб. 4. Других осложнений в своей практике мы не отмечали.

С целью профилактики местных осложнений во всех случаях мы используем индивидуально подобранное компрессионное белье (рис. 3), которое мы рекомендуем носить пациентам до 2 месяцев

Рис. 3. Пациентка после выполнения абдоминопластики

Нами прослежены отдаленные резуль-

Таблица 4

Характер и частота развития местных осложнений при выполнении аллопластических вмешательств при вентральных грыжах

Группы пациентов	Гематома	Серома и лимфорея	Инфильтрат подкожной клетчатки	Ишемический некроз краев раны	Нагноение послеоперационного шва
Пациенты с двусторонними паховыми грыжами, n=56	1	1	1	-	-
Пациенты с сочетанием паховых и вентральных грыж, n=92	3	3	4	1	1
Пациенты с множественными вентральными грыжами, n=112	3	5	5	3	2

таты лечения у 220 больных в сроки от 1 года до 10 лет (*медиана наблюдения 6,4±3,1 лет). Рецидивы паховых грыж в сроки от 2,5 до 8 лет возникли у 4 больных. Во всех случаях рецидив возник с одной стороны. Больные были повторно оперированы. Причиной рецидива в трех случаях послужило смещение сетки вверх с подворачиванием нижнего ее края вследствии вероятного недостаточного крепления ее к лонной кости. Из них в двух случаях сетка была сморщена и уменьшена в размерах, что могло быть связано с местной реакцией тканей на трансплантат. Еще в одном случае был обнаружен дефект апоневроза над мочевым пузырем, медиальнее сетки. Практически речь шла о формировании новой, ранее отсутствующей надпузырной грыжи, место образования которой не было покрыто сеткой.

Один больной был также оперирован нами с подозрением на рецидив паховой грыжи. После ревизии пахового канала выявлена предбрюшинная липома, которая выходила через наружное паховое кольцо и тем самым имитировала рецидив.

У 2 пациентов оперированных по поводу вентральных грыж в отдаленные сроки был выявлен рецидив вследствие прогрессирования диастаза прямых мышц и формировании новой грыжи выше (1 случай) и ниже (2 случая) фиксации сетчатого имплантата. У 2 пациенток выявлено формирование грыж в месте предшествующего выведения дренажей и у 2 в новых анатомических областях в области послеоперационных рубцов.

Следует отметить, что все случаи повторных операций выполнены у пациентов, вес которых увеличился за последние годы не менее чем на 10 кг, то есть в условиях прогрессирующего ожирения, внутрибрюшной гипертензии и перерастяжения мышечно-фасциальных структур.

Болевой синдром (невралгии) и парастезии в большинстве случаев были следствием повреждения или компрессии ветвей нервов проходящих в зоне операции при фиксации сетки скрепками. До 3 месяцев такие жалобы предъявляли 9 пациентов: 6 оперированных по поводу паховых грыж и 3 пациентов с вентральными грыжами. Полный регресс неврологической симптоматики у всех больных отмечен к 6 месяцу послеоперационному периода.

У 220 пациентов изучены отдаленные результаты хирургического лечения по критерию качества жизни (опросник SF-36).

Проведенное нами исследования по опроснику SF-36 показали, что до оперативного вмешательства у всех пациентов с грыжами наблюдалось снижение показателей качества жизни. При этом страдал как физический, так и психологический компонент здоровья.

В наибольшей степени у пациентов с грыжевой болезнью на фоне ожирения страдают такие показатели как физическое функционирование и определяемое этим ролевое функционирование обусловленное физическим состоянием. Первый показатель был ниже 50 ед. у всех пациентов с гигантскими грыжами и выше 50 ед. у всех пациентов со средними грыжами. Причем болевой компонент, в данном случае, не играет столь значительной роли как при других хирургических заболеваниях (у всех пациентов со средними и обширными грыжами и у половины больных с гигантскими формами грыж он был выше 50 ед.).

Очевидным явилось и подтверждение факта прямой корреляции между величиной морфологических изменений и уровнем общего состояния здоровья. Все исходные показатели у пациентов с гигантскими грыжами меньше на 15,8±3,8% по сравнению с пациентами со средними размерами грыж. В отдаленном послеоперационном периоде отмечается положительная динамика всех критериев, причем степень этих изменений больше в группах больных с обширными и гигантскими формами грыж.

Так показатель общего состояния здоровья увеличивается на 55,1% (с 48,4±8,2 ед до 75,1±6,2 ед. ($p<0,05$)).

Резекция кожно-жирового фартука с удалением избытков жира в сочетании с оперативным реконструктивным приемом на мышечно-фасциальном каркасе передней брюшной стенки ведет к более значительным изменениям показателей уровня качества жизни, чем простое «избавление» пациента от наличия грыжевого выпячивания. У пациентов с гигантскими грыжами показатель общего состояния здоровья увеличивается практически вдвое (103,1%) от исходного уровня (с 38,5±5,0 до 78,2±5,0 ед., ($p\leq0,05$)), в группе пациентов со средними размерами грыж динамика не менее значительна и составляет 74,2% (с 46,2±4,2 до 80,5±10,2 ед., $p\leq0,05$).

Изменение всех критериев во всех группах происходит параллельно и отмечается на протяжение первых 2х лет с момента выполненного вмешательства. Начиная с 3го года динамики данных показателей не отмечается или в большей мере она связана с течением сопутствующих соматическим заболеваний, прежде всего, сердечно-сосудистых, а также с динамикой массы тела.

В большей степени, чем физический компонент здоровья изменяется в отдаленном послеоперационном периоде психологический компонент здоровья. В отдаленном послеоперационном периоде отмечается динамика большинства показателей минимум на 40%.

Так, исходные значения показателя жизненной активности у пациентов с гигантскими грыжами (44,2±5,2 ед.) меньше на 25,3%, по сравнению с аналогичным показателем в других группах (58,3±8,5 ед. и 60,1±5,5 ед. соответственно). Состояние психического здоровья, как критерий наличия тревожных переживаний и депрессивных тенденций, снижен в большей степени, чем другие показатели: 39,2±5,5; 42,5±5,2; 48,2±5,5 ед. в группах пациентов с гигантскими, обширными и средними грыжами соответственно.

Наличие грыжевого дефекта ведет к большему ограничению социальной активности, нежели повседневной работы. Эта тенденция четко коррелирует с величиной грыжи. Так, у пациентов с гигантскими грыжами исходные значения показателя социального функционирования составляют 36,8±5,5 ед., ролевого функционирования 44,2±5,5 ед., ($p\leq0,05$). В группах паци-

ентов с обширными и средними формами грыж эти показатели составляют 46,8±5,2 ед. и 56,9±5,5 ед. – 58,2±5,5 ед. и 65,5±5,2 ед. соответственно.

В отдаленном послеоперационном периоде у пациентов всех групп такие показатели как социальное функционирование и ролевое функционирование обусловленное эмоциональным состоянием были выше 80 ед. Показатель жизненной активности увеличился у пациентов перенесших аллопластические вмешательства до 75,2±8,5 ед. (в среднем на 46%). Аналогичная динамика прослеживается и для других показателей: на 76,2% и 48,5% выросли значения шкал социального функционирования и ролевого функционирование обусловленное эмоциональным состоянием (с 46,8±5,2 до 82,5±5,5 ед. и 56,9±5,5 до 84,5±7,2 ед. соответственно).

Показатель психического здоровья в наибольшей степени, среди всех других индексов, повышается в отдаленном послеоперационном периоде: рост составляет 91,3% (до 75,2±7,5 ед.), 85,8% (до 78,9±6,5 ед.), 64,3% (до 79,2±8,5 ед.) в группах больных с гигантскими, обширными и средними формами грыж соответственно.

Использование приемов липодерматоэктомии в лечении больных с вентральными

Рис. 4. Пациентка до и после french-line абдоминопластики по поводу грыжи белой линии живота и послеоперационной грыжей в сочетании с липосакцией

грыжами ведет не только к более эстетическому результату (рис. 4), но и к достоверному увеличению уровня качества жизни, исходя из критериев опросника SF-36.

Так показатель жизненной активности в этой группе выше на 100,2%, 55,2% и 53,9% (рост с 44,2±5,2 до 88,5±2,5 ед., 58,3±8,5 до 90,5±4,5 ед., 60,1±5,5 до 92,5±3,5 ед.) соответственно.

Сходная тенденция прослеживает и по шкалам социального функционирования и ролевого функционирования обусловленного эмоциональным состоянием.

Показатель психического здоровья увеличивается в среднем до уровня 90,1±5,5 ед. При этом его рост составляет у пациентов с гигантскими грыжами 130,1% (с 39,2±5,5 до 90,2±6,5 ед.), 112,9% у пациентов с обширными грыжами (с 42,5±5,2 до 90,5±5,5 ед.) и 83,6% у пациентов со средними формами грыж (с 48,2±5,5 до 88,5±5,5 ед.).

Выводы:

1. Несмотря на системные аспекты соматических заболеваний и патофизиологические изменения в мышечно-фасциальных структурах, у пациентов с ожирением возможна безопасная одномоментная коррекция двусторонних паховых грыж, множественных вентральных грыж, а также их сочетаний.

2. Комплексное предоперационное обследование позволяет не только выявить и корригировать факторы риска периоперационного периода, но также доказательно обосновать необходимость симультанной оперативной коррекции сочетанных хирургических заболеваний органов брюшной полости и малого таза.

3. С целью снижения количества рецидивов при всех оперативных вмешательствах следует использовать современные генерации сетчатых имплантантов. В условиях востребованности и реальной оценки пациентом результатов лечения следует в максимально-возможной степени использовать комплекс хирургических технологий реконструктивно-восстановительной, пластической и эстетической хирургии.

4. Наличие грыжевого дефекта ведет к снижению качества жизни по ряду критериев физического и психического здоровья.

5. Оперативные вмешательства, направленные на восстановление целостности передней брюшной стенки способствует улучшению душевного и физического благополучия. Проведение дерматолипэктомий ведет к более значительной положительной динамике комплекса факторов определяющих уровень качества жизни в отдаленном послеоперационном периоде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев А. Л., Лукьянчук Р. М. Сравнительный анализ результатов оперативного лечения больных с паховой грыжей // Неотложная и специализированная хирургическая помощь. – Первый конгресс московских хирургов. Тез. докл. Москва, 19-21 мая 2005. – М.: ГЕОС, 2005. – 245 с.

2. Белов И. Н., Лебедев Р. В. Раневые осложнения после грыжесечений с применением аллотрансплантата и без него // Неотложная и специализированная хирургическая помощь. – Первый конгресс московских хирургов. Тез. докл. Москва, 19-21 мая 2005. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 246-247

3. Грубник В. В., Лосев А. А., Баязитов Н. Р., Парфентьев Р. С. Современные методы лечения брюшных грыж. – Киев: Здоровье, 2001. – 280 с.

4. Митин С. Е., Пешехонов С. И., Чистяков Д. Б. Операция Лихтенштейна или лапароскопическая герниопластика – что проще, безопаснее и надежнее, что лучше? // Актуальные вопросы герниологии. Матер. конф., Москва, 9-10 октября, 2002. – С. 38-40.

5. Пришвин А. П., Сингаевский С. Б. Результаты лапароскопической герниопластики/ /Актуальные вопросы герниологии. Матер. конф., Москва, 9-10 октября, 2002. – С. 45-46.

6. Пришвин А. П., Сингаевский С. Б. Оптимизация методики лапароскопической герниопластики при устранении пахово-мошоночных грыж // Эндоск. хир. – 2002. – №3. – С. 46.

7. Пришвин А. П., Майстренко Н. А., Сингаевский С. Б. Оптимизация методики лапароскопической герниопластики //Вест. хир. – 2003. – Т. 162. – № 6. – С. 71-75.

8. Тимошин А. Д., Юрасов А. В., Шестаков А. Л., Федоров Д. А., Колесников С. А., Косовский Ю. А. Тактика лечения паховых грыж в общехирургическом стационаре // Актуальные вопросы герниологии. Матер. конф., Москва, 9-10 октября, 2002. – С. 66-67.

9. Рутенбург Г. М. Эндовидеохирургия в лечении паховых и бедренных грыж // Избранные лекции по эндовидеохирургии / Под редакцией академика В. Д. Федорова. – СПб.: ООО «Фирма «КОСТА», 2004. – 216 с.

10. Седов В. М., Стрижелецкий В. В. Осложнения в лапароскопической хирургии и их профилактика. – СПб.: Санкт-Петербургское медицинское изд-во, 2002. – С. 121-143.

11. Тимошин А. Д., Юрасов А. В. Малоинвазивные вмешательства в абдоминальной хирургии. – М.: Триада –Х, 2003. – 216 с.

12. Шевченко Ю. Л., Лядов К. В., Стойко Ю. М., Феденко В. В., Ромашкин-Тиманов

М. В., Ермаков Н. А. Ошибки, опасности и осложнения оперативного лечения паховых грыж // Неотложная и специализированная хирургическая помощь. Первый конгресс московских хирургов. Тез. докл. Москва, 19-21 мая 2005. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 273.

13. Annibali R., Camps J., Nagan R. F., Quinn T. H., Arregui M. E., Fitzgibbons R. J. Anatomical Considerations for Laparoscopic Inguinal Herniorraphy // Principles of laparoscopic surgery. Basic and advanced techniques / Под ред. Arregui, Fitzgibbons R. J., Katkhouda J. N., Mckernan J. B., Reich H. – Изд. Springer -Verlag., 1995. – P. 409-425.

14. Corbit J. D. Transabdominal preperitoneal herniorraphy // Surg. Laparosc. Endosc. – 1994. – Vol. 4. – P. 411.

15. Berndsen F., Petersson U., Montgomery A. Endoscopic repair of bilateral inguinal hernias-short and late outcome // Hernia. – 2001. – Vol 5. – № 4. – P. 192-195.

16. Kald A., Fridsten S., Nordin P., Nilsson E. Outcome of repair of bilateral groin hernias: a prospective evaluation of 1,487 patients // Eur J Surg. – 2002. – Vol. 168. – №3. – P. 150-153.

17. Krahenbuhl L., Schafer M., Schilling M., Kuzinkovas V., Buchler M. W. Simultaneous repair of bilateral groin hernias: open or laparoscopic approach? // Surg Laparosc Endosc. – 1998. – Vol. 8. – №4. – P. 313-318, prospective evaluation of 1,487 patients // Eur J Surg. – 2002. – Vol. 168. – №3. – P. 150-153.

18. Liem M. S., van Steensel C. J., Boelhouwer R. U., Clevers G. J., Mejer W. S., Vente L. S., van Vroonhoven T. J. The learning curve for totally extraperitoneal laparoscopic inguinal hernia repair //Am. J. Surg. – 1996. – Vol. 171. – P. 281-285.

19. Ridings P., Evans D. S. The transabdominal pre-peritoneal (TAPP) inguinal hernia repair: a trip along the learning curve //J. R. Coll. Surg. Edinb. – 2000. – Vol. 45. – P. 29-32.

20. Seid A. S., Fmos E. Entrapment neuropathy in laparo-scopic herniorraphy // Surg. Endosc. – 1994. – Vol. 8. – P. 1050-1053.

21. Sarli L., Iusco D. R., Sansebastiano G., Costi R. Simultaneous repair of bilateral inguinal hernias: a prospective, randomized study of open, tension-free versus laparoscopic approach // Surg-Laparosc-Endosc-Percutan-Tech. – 2001.– Vol. 11. – № 4. – P. 262-267.

22. Sarli L., Pietra N., Choua O., Costi R., Thenasseril B., Giunta A. Prospective randomized comparative study of laparoscopic hernioplasty and Lichtenstein tension-free hernioplasty //Acta Biomed Ateneo Parmense. – 1997. – Vol. 68. – № 1-2. – P. 5-10.

23. Schmedt C. G., Daubler P., Leibl B. J., Kraft K., Bittner R. Simultaneous bilateral laparoscopic inguinal hernia repair: an analysis of 1336 consecutive cases at a single center // Surg-Endosc. – 2002. – Vol. 16. – № 2. – P. 240-244.

24. Szymanski J., Voitk A. Laparoscopic repair of inguinal hernias with higher risk for recurrence: independent assessment of results from 121 repairs // Am. Surg. – 2001. – Vol. 67. – №2. – P. 155-158.

25. Schulz C., Baca I., Gotzen V. Laparoscopic inguinal hernia repair. A review of 2500 cases / / Surg. Endosc. – 2001. – V. 15. – № 6. – P. 582-584.

26. Szymanski J., Voitk A. Laparoscopic repair of inguinal hernias with higher risk for recurrence: independent assessment of results from 121 repairs // Am. Surg. – 2001. – Vol. 67. – № 2. – P. 155-158; Surg. Endosc. – 2001.– V. 15.– № 6. – P. 582-584.

27. Thumbe V. K., Evans D. S. To repair or not to repair incidental defects found on laparoscopic repair of groin hernia: early results of a randomized control trial // Surg Endosc. – 2001. – Vol. 15. – № 1. – P. 47-49.

28. Velasco J.M., Gelman C., Vallina V.L. Preperitoneal bilateral inguinal herniorrhaphy evolution of a technique from conventional to laparoscopic //Surg Endosc. – 1996. – Vol. 10. – № 2. – P. 122-127.

29. Wilson M. S., Deans G. T., Brough W. A. Prospective trial compaing Lichtenstein with laparoscopic tension-free mesh repair of inguinal hernia // Brit. J. Surg. – 1995. – V. 82. – P. 274-277.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 58 + 574 + 581.5.
ББК 28.5
Ботаника, биоразнообразие, экология

ботаника

БИОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФЛОРЫ ПРИРОДНОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И РЕКРЕАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА – УСАДЬБА «ВОРОНЦОВО» Г. МОСКВЫ

Доктор сельскохозяйственных наук Е. С. Иванов
Н. В. Авдеева
Кандидат биологических наук Т. В. Кременецкая

Проанализирована биоморфологическая и таксономическая структура флоры Природного историко-архитектурного и рекреационного комплекса – усадьба «Воронцово» на основе подходов Раункиера К. и Серебрякова И. Г. Выявлены растения Красной книги г. Москвы, произрастающие на территории парка.

Ключевые слова
Флора, биоморфа, климаморфа, усадьба Воронцово, Красная Книга

Актуальность. Изучение современного состояния флоры городов продолжает оставаться одним из приоритетных направлений ботаники и экологии XXI века. Под флорой понимается система популяций всех видов растений, населяющих данную территорию [12. С. 10].

Знания о естественной исторической сопряженности видов имеют решающее значение при разработке классификации растительных сообществ, в решении многих вопросов естественной и антропогенной динамики биоценозов, дают научную основу в решении многих практических задач по оценке биологических ресурсов, в планировании их использования, интродукции, создании искусственных насаждений, разработке природоохранных мероприятий.

Исследование флоры Природного историко-архитектурного и рекреационного комплекса усадьба «Воронцово» г. Москвы ранее не проводилось.

Территория исследования. Природный историко-архитектурный и рекреационный комплекс усадьба «Воронцово», расположенный в ЮЗАО г. Москвы между улицами Новаторов, Воронцовские пруды, Пилюгина, находится недалеко от станций метро Новые Черемушки и Калужская.

Усадьба была заложена на рубеже XVII-XVIII веков на юго-западе ближнего Подмосковья. Сейчас площадь парка составляет примерно 40 га и является зоной отдыха жителей районов Обручевский и Черемушки.

Цель данной работы – изучить биоморфологические особенности флоры усадьбы «Воронцово» г. Москвы.

Задачи исследования

- определить видовой состав сосудистых растений усадьбы «Воронцово»;
- составить таксономическую структуру флоры парка;
- проанализировать биоморфологическую структуру флоры;
- выявить редкие виды флоры парка.

Материал и методы. Материал для создания конспекта флоры парка получен в результате обобщения доступной для изучения информации и собственных исследований. Наблюдения велись в 2007-2010 гг. маршрутным методом. Собранные на маршрутах образцы сосудистых растений гербаризировали, определяли в камеральных условиях и этикетировали. Анализ материала проводился с помощью определителей [1. С. 9; 3, 5, 7, 10. С. 10].

Таксономическая структура флоры

Представленность семейств и распределение видов по семействам отражены в приведенном далее перечне (табл. 1).

На территории парка выявлено 173 вида сосудистых растений, принадлежащих к 108 родам, 48 семействам. Флора усадьбы «Воронцово» содержит 10,28% видов от флоры Москвы [11. С. 10]. Подавляющее большинство видов относится к цветковым растениям, из них к классу хвойные – 8 (4,62 % флоры), к классу двудольные 158 видов (91,33 % флоры), к классу однодольные – 6 (3,47 % флоры). Видов двудольных почти в 26 раз больше, чем однодольных. Лишь один вид принадлежит к классу хвощевидные (0,58% флоры).

Ведущее положение во флористическом спектре сосудистых растений занимают семейства, содержащие от 5 до 42 видов. Наибольшим видовым богатством отличаются Розоцветные *Rosaceae* (42), Ивовые *Salicaceae* (11), Сложноцветные *Asteraceae* (10), Бобовые *Fabaceae* (10), Жимолостные *Caprifoliaceae* (8), Лютиковые *Ranunculuaceae* (7), Сосновые *Pinaceae* (6), Губоцветные *Lamiaceae* (6). Средних по объему семейств 10 % (5-8 видов), мелковидовых 37,5 % (2-4), на одновидовые приходится 39,6 %. Семейства *Asteraceae, Fabaceae* являются ведущими во всех умеренных флорах Голарктики [2. С. 9]. Ведущее положение семейства Розоцветные *Rosaceae* объясняется высокой долей декоративных растений и плодовых растений, получивших распространение в культуре, принадлежащих к этому семейству. Увеличенная численность однолетников из семейства *Asteraceae* обусловлена усилением антропогенного влияния на флору и растительный покров, что согласуется с данными Панченковой И. А. [8. С. 10].

На уровне родов наибольшую значимость во флоре Воронцовского парка имеют *Spiraea* – 8 видов; *Salix* – 6; *Physocarpus, Populus* – 5; *Acer* – 4; *Ranunculus, Fraxinus, Philadelphus, Sambucus* – 3; *Sedum, Trifolium, Vicia, Geranium, Amelanchier, Plantago, Picea, Euonymus, Polygonum, Prunus, Betula, Lonicera, Caragana, Ribes, Viburnum, Urtica, Poa, Geum, Potentilla, Juniperus, Ulmus* – 2 вида, в остальных родах содержится по 1 виду.

Биоморфологический анализ флоры

Одним из важнейших показателей растительного покрова является состав и соотношение разных жизненных форм растений в фитоценозах. Жизненная форма (биоморфа) – это комплекс морфологических признаков, связанных с ритмом развития, отражающих приспособленность вида к современным и прошлым условиям среды в целом, ко всему комплексу факторов местообитания. Жизненная форма вырабатывается в процессе длительной эволюции растений, её признаки закрепляются в генотипе и проявляются в онтогенезе растений при наличии подходящих условий [9. С. 10]. Важнейшим структурно-биологическим признаком, определяющим габитус растения, является сравнительная длительность жизненного цикла главной оси и заменяющих ее основных надземных скелетных осей растения.

В спектре жизненных форм по Сереб-

Таблица 1

Распределение растений усадьбы «Воронцово» г. Москвы по семействам (2007-2010 гг.)

№	Семейство	Число		% видов от флоры парка
		родов	видов	
1.	Розоцветные	20	42	24,28
2.	Ивовые	2	11	6,36
3.	Сложноцветные	10	10	5,78
4.	Бобовые	7	10	5,78
5.	Жимолостные	4	8	4,62
6.	Лютиковые	5	7	4,05
7.	Губоцветные	6	6	3,47
8.	Сосновые	2	6	3,47
9.	Злаки	4	5	2,89
10.	Гречишковые	3	4	2,31
11.	Березовые	2	4	2,31
12.	Маслинные	2	4	2,31
13.	Кленовые	1	4	2,31
14.	Гортензиевые	1	3	1,73
15.	Крестоцветные	2	2	1,16
16.	Норичниковые	2	2	1,16
17.	Бурачниковые	2	2	1,16
18.	Лоховые	2	2	1,16
19.	Барбарисовые	2	2	1,16
20.	Подорожниковые	1	2	1,16
21.	Толстянковые	1	2	1,16
22.	Бересклетовые	1	2	1,16
23.	Гераниевые	1	2	1,16
24.	Крапивные	1	2	1,16
25.	Кипарисовые	1	2	1,16
26.	Липовые	1	2	1,16
27.	Ильмовые	1	2	1,16
28.	Крыжовниковые	1	2	1,16
29.	Ореховые	1	2	1,16
30.	Зонтичные	1	1	0,58
31.	Рогозовые	1	1	0,58
32.	Кирказоновые	1	1	0,58
33.	Бальзаминовые	1	1	0,58
34.	Гвоздичные	1	1	0,58
35.	Дереновые	1	1	0,58
36.	Вьюнковые	1	1	0,58
37.	Лещиновые	1	1	0,58
38.	Буковые	1	1	0,58
39.	Кисличные	1	1	0,58
40.	Конскокаштановые	1	1	0,58
41.	Маковые	1	1	0,58
42.	Первоцветные	1	1	0,58
43.	Лилейные	1	1	0,58
44.	Камнеломковые	1	1	0,58
45.	Кувшинковые	1	1	0,58
46.	Маревые	1	1	0,58
47.	Хвощевые	1	1	0,58
48.	Крушиновые	1	1	0,58
	Всего	108	173	

рякову И. Г. во флоре Воронцовского парка самой многочисленной группой отдела Цветковых (табл.2) являются травянистые растения 72 вида (41,62 %), на долю дере-

Таблица 2

Биоморфологическая структура флоры усадьбы «Воронцово» г. Москвы (2007-2010 гг.)

Название жизненной формы	Число видов	% от общего числа видов парка
Деревья	45	26,0
Кустарники	56	32,40
Кустарнички	0	0
Однолетники	9	5,19
Двулетники	2	1,16
Многолетники	61	35,25
Лианы	0	0

вьев приходится 45 видов (26,0 % флоры), кустарников 56 видов (32,4 % флоры). Из трав больше всего многолетних (61 вид), а однолетних (9 видов) и двулетних (2 вида) – существенно меньше.

Из жизненных форм (биоморф) среди многолетних трав превалируют длиннокорневишные (21 вид), короткорневищные (16 видов) и стержнекорневые (6 видов). Существенно меньше представлены корнеотпрысковые (2 вида), кистекорневые (3 вида), столонообразующие (4 вида), рыхлодерновинные (2 вида), кистеклубневые (1 вид). Луковичные и плотнодерновинные не обнаружены.

Это свидетельствует о том, что на исследуемой нами территории почвы обладают повышенной рыхлостью и хорошей аэрацией. Если длиннокорневишные, короткокорневищные, кистекорневые, клубнеобразующие, кистеклубневые развиваются за счет гравитационной влаги, то стержнекорневые используют запасы капиллярной воды и (в низинах) грунтовых вод. Из названных биоморф наибольшей вегетативной подвижностью, то есть способностью разрастаться за счет интенсивного вегетативного размножения и быстро занимать площадь, обладают длиннокорневишные и корнеотпрысковые. Вегетативно малоподвижны рыхло – и плотнодерновинные и клубнеобразующие.

Система жизненных форм Раункиера К. (1934) достаточно хорошо характеризует приспособленность различных видов растений к перенесению неблагоприятных погодных и климатических условий в зимний период. Бельгард А. Л. предложил называть эти группы видов «климаморфами». Распределение по климаморфам дано в таблице 3.

Таблица 3

Анализ климаморф растений парка (2007-2010 гг.)

Климаморфы	Число видов	% от общего числа видов парка
Фанерофиты	100	57,80
Гемикриптофиты	56	32,37
Терофиты	9	5,20
Криптофиты	4	2,31
Хамефиты	3	1,73
Гидрофиты	1	0,59
Геофиты	0	0

В биологическом спектре жизненных форм флоры Воронцовского парка по Раункиеру К. (1934) преобладают фанерофиты (57,8 %). Большинство этих растений относится к группе декоративных, высаживаемых на территории парков. Фанерофиты с почками, расположенными высоко над поверхностью почвы и защищенными от зимних холодов только почечны-

ми чешуями, обладают наименьшей зимостойкостью. Сильные морозы часто повреждают эти почки.

Второе место по численности занимают гемикриптофиты (32,37%), как и во всех внетропических флорах [2. С. 9]. К наступлению зимы, после отмирания надземных побегов, у них формируются почки на поверхности почвы на остающихся живыми подземных органах. Эти почки от зимних холодов предохраняют почечные чешуи, опад, подстилка и снежный покров. При наступлении сильной почвенной засухи в летнее время у многих гемикриптофитов частично или полностью отмирают надземные побеги, но с сохранением живых почек на поверхности почвы. С началом теплого весеннего периода у летнезеленых или дождливой погоды осенью у осенне-зимне-летнезеленых из почек быстро развиваются новью надземные побеги. При этом они не тратят энергии и времени на преодоления слоя почвы, что может быть затруднительно, если последняя уплотнена.

У терофитов (5,2 % видов) к наступлению зимы формируются семена, которые надежно защищают зародыш питательными тканями, кожурой (часто еще и околоплодником). Надземные и подземные органы отмирают. Семена (плоды) опадают на поверхность почвы и зимой оказываются под защитой опада, подстилки и снежного покрова. Терофиты занимают в фитоценозах свободные от более конкурентноспособных видов участки почвы и отражают степень нарушенности растительного покрова.

У криптофитов (2,31 %) зимующие почки развиваются на многолетних подземных органах под слоем почвы. С одной стороны, они лучше защищены от зимних холодов (почечные чешуи, слой почвы, опад, подстилка, снежный покров), но весной побеги вынуждены преодолевать слой почвы [6. С. 10].

У хамефитов (1,73 %) почки расположены на небольшой высоте у поверхности почвы и обычно прикрыты снежным покровом.

Количественное превосходство гемикриптофитов над другими биологическими типами указывает на связь флоры парка с флорой умеренной климатической зоны. Процент участия терофитов объясняется длительным и интенсивным антропогенным воздействием на растительный покров изучаемой территории, ведь большая часть терофитов – это сорные растения.

Охраняемые и редкие виды во флоре

Только детальное изучение распространения редких видов может создать необходимые предпосылки для их эффективной охраны и обеспечить обоснования при вовлечении в национальную систему ООПТ. В составе флоры Природного историко-архитектурного и рекреационного комплекса усадьба «Воронцово» произрастает 5 видов растений (2,89% от флоры парка), занесенных в Красную книгу города Москвы (ветреница лютичная *Anemone ranunculoides*, ландыш майский *Convallaria majalis*, медуница неясная *Pulmondria obscura*,чистяк весенний *Ficaria verna*, перелеска благородная *Hepatica nobilis*) [4. С. 10] .

Выводы

• Впервые изучен видовой состав растений Природного историко-архитектурного и рекреационного комплекса усадьбы «Воронцово», проведен таксономический и биоморфологический анализ структуры флоры парка.

• На территории парка выявлено 173 вида сосудистых растений, принадлежащих к 108 родам, 48 семействам, 4 классам, 4 отделам.

• В спектре жизненных форм по Серебрякову И. Г. (1962,1964) на долю деревьев приходится 45 видов (26,0 % флоры), кустарников 56 видов (32,4 % флоры). Из трав больше всего многолетних (35,25 %), а однолетних (5,19 %) и двулетних (1,16 %) – существенно меньше.

• В биологическом спектре жизненных форм флоры Воронцовского парка по Раункиеру К. (1934) преобладают фанерофиты (57,8 %) и гемикриптофиты (32,37%).

• На территории Воронцовского парка произрастает 5 видов растений, занесенных в Красную книгу города Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андронов Н. М., Богданов П. Л. Определитель древесных растений по листьям. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – С. 128.

2. Анькова Т. В. Систематическая структура флоры Ульбинского хребта (Восточный Казахстан) // Материалы Всероссийской конференции «Роль ботанических садов в сохранении биоразнообразия растительного мира Азиатской России: настоящее и будущее», посвященной 60-летию Центрального сибирского ботанического сада (Новосибирск, 17-19 июля 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во «Сибтехнорезерв», 2006. – С. 24-27.

3. Виноградова Т. В. Определитель луговых злаковых трав Нечерноземной зоны. – Ленинград: «Колос», 1984. – С. 112.

4. Красная книга города Москвы. – М.: АБФ, 2001.– 624 с.

5. Маевский П. Ф. Флора средней полосы европейской части России. 10-е изд. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 600 с.

6. Матвеев Н. М. Биоэкологический анализ флоры и растительности (на примере лесостепной и степной полосы): учебное пособие. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – 311 с.

7. Определитель растений Мещеры. Ч. 1 / под. ред. Тихомирова В. Н. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 240 с.

8. Панченкова И. А. История изучения и современное состояние лугов Приволжской возвышенности // Вестник ОГУ. – 2010. – №6 (112), июнь. – С.16-18.

9. Серебряков И. Г. Жизненные формы высших растений и их изучение // Полевая геоботаника. – М.; Л.: Наука, 1964. – Т. 3. – С. 146-205.

10. Флора Москвы / Варлыгина Т. И., Головкин Б. Н., Киселева К. В., Майоров С. Р., Немченко Э. П., Новиков В. С., Швецов А. Н., Щербаков А. В. / Под общ. ред. проф. Новикова В. С. Департамент природопользования и охраны окружающей среды города Москвы. – М.: Голден-Би, 2007. – 512 с.

11. Швецов А. Н. Конспект флоры г. Москвы // Бюл. ГБС. – 1997. – Вып. 174. – С. 47-57.

12. Юрцев Б. А., Камелин Р. В. Программы флористических исследований разной степени детальности // Теоретические и методические проблемы сравнительной флористики. – Л., 1987. – С. 219-241.

20-22 сентября 2011 года

Институт психологии Пермского государственного педагогического университета

при поддержке Российского гуманитарного научного фонда проводит

Всероссийскую научно-практическую конференцию

«Психологические инновации в образовании»

(XXVI Мерлинские чтения)

Направления работы конференции:

1. Новое детство как инновационное поле психологии образования.
2. Психолого-педагогические вопросы воспитания и развития личности детей и подростков в условиях реализации образовательной программы «Наша новая школа».
3. Проблемы экологии инновационных образовательных систем и психодидактических технологий.
4. Новые задачи профессиональной подготовки и переподготовки психологических кадров.
5. Психологическая служба в образовании: новые задачи и технологии.
6. Психологическое сопровождение профессионального становления педагога: традиции и инновации.
7. Психолого-педагогические аспекты развития способностей и одаренности субъектов образования.
8. Психодиагностика и экспертиза в образовании: инновационные подходы и технологии.
9. Психологическое сопровождение активности субъектов образования.
10. Инновационные психолого-педагогические технологии профилактики социальных рисков и зависимостей детей и подростков.
11. Психологические аспекты социальной работы в образовательных учреждениях.

Председатель оргкомитета: Бронислав Александрович Вяткин.

Заявки на участие в конференции и тезисы (до 3 страниц) принимаются до 15 июня 2011 г. по адресу psyeduperm@pspu.ru. Информационное письмо и дополнительная информация о конференции доступны на сайте: http:/www.pspu.ru.

Участие в конференции и публикация материалов – бесплатно.

Оплата проживания осуществляется участниками конференции.

Требования к оформлению материалов: редактор Word-MS Office 2003, шрифт Times New Roman, размер 14, интервал 1,5; абзацный отступ 1 см; поля 2 см со всех сторон. Заголовок прописными жирными буквами, выравнивание по центру строки; на следующей строке жирным курсивом, (выравнивание по правому краю) – Ф.И.О. полностью; на следующей строке курсивом (выравнивание по правому краю) – место работы, город; ниже через 1 строку – текст тезисов (выравнивание по ширине. Тезисы оформляются без списка литературы, при необходимости ссылки указываются в круглых скобках (фамилия автора и год издания) внутри текста. В тексте не должно быть рисунков и таблиц. Имя файлов в электронном варианте должно быть оформлено следующим образом: «Иванов_тезисы», «Иванов_заявка».

Оргкомитет оставляет за собой право отбора и редактирования материалов.

В отдельном файле высылается заявка на участие в конференции. В ее общей части указывается Ф.И.О. первого автора (при наличии соавторов), направление, к которому относится сообщение, форма участия (очная, заочная, мастер-класс) и необходимость в технических средствах. В индивидуальной части заявки каждый автор-участник указывает Ф.И.О., место работы, должность, ученую степень и звание, телефоны, адрес электронной почты и заявка на бронирование гостиничного номера.

Контактное лицо: Корниенко Дмитрий Сергеевич.

SUMMARY

Gomzin A. A. To the Question on Features of Monetary Hoards of Last Quarter Xth Century in the Oka River Basin // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 3 – 15. [1,0 п. л.]

Key words

Hoards of kufic coins, Oka river basin, chronological and geographic distribution, whole and damaged dirhams, imitations, Samanids, Buwayhids, Ziyarids

Summary

In this article hoards of islamic dirhams of last quarter Xth century found in the Oka river basin are analised. On the basis of chronological and geographical structures' research prominent features of these complexes which differ from noted earlier are allocated. Consideration of the reasons of formation of these features allows to correct the picture of dirhams' circulation in the Oka river basin.

Ryndin I. Y. The Interprincely Relations System in the Russian Principalities before the Kulikovo Battle (1340-1380) [Part 15] // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 16 – 27. [1,0 п. л.]

Key words

The khan's label, the great reign, princely corporation, grand prince's domain, the Moscow princely House, the Smolensk and Bryansk conference, shared sovereignty

Summary

Consideration of the political situation in Rus in the reign of Ivan Kalita's heirs - his sons, the Seeds of Pride, Ivan Red, and his grandson, Dmitri Donskoy. Analysis of the causes of the grand prince's throne for the members of the Moscow princely House in a period of the Golden Horde decline. Step-by-step consideration of the consolidation process of the Russian princes before the Kulikovo battle.

Kholyaev S. V. The 17th October-Union Could Stop Existing in 1906 // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 28 – 35. [0,6 п. л.]

The History of the State Russian

Key words

The 17th October-Union, the Party of Peaceful Renewal, constitutional-democratic party, D. N. Shipov, A. I. Guchkov, S. A. Muromtsev, Prince E. N. Trubetskoi

Summary

In this article it is ghown that in spite of contradiction between the «October» leaders D. N. Shipov and A. I. Guchkov, the Union of the 17th October remained the progressive organization right up to 1907 strived for the agreement with the Cadet party.

Kovalev I. G. «Peers, against the People»: the Problem of the House of Lords Reform during the Budget Crisis of 1909 // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 36 – 46. [0,9 п. л.]

Key words

House of Lords Reform, Conservative party, Liberal Party, absolute veto, suspensory veto, «people's budget», general election

Summary

The correlation between the issue of the need of the House of Lords reform and the «budget crisis» of 1909 in the UK is explored in the article. The main arguments of opposing political forces are described and assessed, their strategy and tactic is discussed. A special focus is turned to the so-called «doctrine mandate» characterization, through which the conservative opposition tried to justify their right to block government budget initiatives.

Knyazeva M. V. The Architectural Service Formation in the Structure of Town and Public Authorities in 1870 - 1917 (by Ryazan Example) // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 47 – 53. [0,6 п. л.]

Key words

Town regulations, municipal government, town architect, activity, speciality

Summary

This publication deals with the process of architectural service formation in 1870 - 1917 that regulated the town building and played an important role in Ryazan development. The author tries to analyze the main periods of structural institution formation that was the constituent part of administrative organizational reform of municipal government.

Mukhinova N. A. Beginning of the Great Patriotic war memories of prisoners labor camp colonies and the Soviet Union // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 54 – 59. [0,5 п. л.]

Key words

GULAG, World War II, prisoners, forced labor camps, memories

Summary

This article is devoted to the perception of prisoners of Soviet labor camps of the World War II beginning. Having analyzed the former GULAG prisoners memoirs, the author finds out several categories of prisoners who had different reaction to the German attack on the USSR. Political prisoners, as author sets, were mostly set up patriotic and make every effort to defeat fascism.

Safronov B. V. The Forum Asia-Pacific Economical Cooperation (APEC) in Hanoi in 2006 Year // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 60 – 65. [0,5 п. л.]

Key words

Sable development, many sided trade system, zone of free, commerce, regional economic integration, personal plans of action.

Summary

The article deals with the work of the Forum APEC which took part in 2006 in Hanoi. Forum touched upon vital questions connected with questions of the world economic development decisions of the Forum aim the main goals of APEC: achievement of the «Bogorsky aims» of creation of zone of free commerce and investments in 2020.

Kozlova T. A. The Mordovian Folklore as the Source of Studying of Economic Life of Ethnos // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 66 – 69. [0,4 п. л.]

Key words

Mordovian folklore, a song, a fairy tale, proverbs, riddles, material components of traditional culture of the Mordovian people, agriculture, agricultural instruments of labor

Summary

The importance of involving folklore as a source for studying of the material components of traditional culture of the Mordovian people is demonstrated, one of the main traditional occupations of the Mordovians is considered, which reflects in the works of Mordovian folklore, starting with lullabies, children's fairy tales and ending with epic songs and legends, the main agricultural instruments of labor, with the help of which ploughing, sowing, harvest were carried out are described.

Nedugova I. A. Nonlinear Level Approach in the Analysis of Culture // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 70 – 76. [0,6 п. л.]

Key words

Culture, systematicallity, nonlinearity, dynamics, objectiveness, illusory consciousness,

reflexion.

Summary

The consideration of the culture as a dynamic system allows to determine nonlinear models of its development. The changes taking place in the system of culture may be classified as uninterrupted and interrupted. The continuity in the development of the system is expressed by the qualitative determinacy of the system. Only quantitative characteristics of all or some of the properties of this whole are the subject to changing. On the basis of the nonlinear level approach culture is defined as a disbalanced system which is in the condition of transition from the compression stage to the stage of dissipation of objective levels.

Filippov A. V. The Peculiarity of Sensible's History in the Philosophy of Early Christianity // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 77 – 82. [0,5 п. л.]

Key words

The Holy Bible, apologetic, theofanica, philosophy of history, historyosofy

Summary

In this article expounding essential peculiarity biblical vision of history and influence on process of forming and interpreted this category of early patristic.

Vardanyan Y. V., Savinova T. V. The Designing and Accomplishment of the Technology of Development of the Competence of the Subject of Pedagogical Communication // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 83 – 87.[0,4 п. л.]

Pedagogy of professional education, pedagogical psychology

Key words

Competence, subject, communication, technology, the competence of the subject of pedagogical communication, the technology of development of the competence of the subject of pedagogical communication.

Summary

In the article the technology of development of the competence of the subject of pedagogical communication is proved and characterized. The special attention is devoted to the designed system of the tasks which are used in the educational process and during the pedagogical practice. These tasks provide the development of the competence of student as the subject of pedagogical communication.

Volodarskaya E. A. Psychological Studying of Activity of the Russia Society «Knowledge» on Science Popularization on Example of the Magazine «New Knowledge» // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 88 – 97. [0,8 п. л.]

Key words

Scientific popularization, directions of popularization of a science, a society «Knowledge» of Russia, magazine «New Knowledge», the content-analysis

Summary

In this work on an example of using content-analysis method of the information in magazine «New Knowledge» the maintenance of three directions of scientific popularization (in detail-substantial, social-group and lichnostno-psychological) is revealing. The role of the Russian society «Knowledge» in activity on scientific popularization and education of citizens is revealing. Results of research allow to ascertain absence equal expressiveness directions of popularization of a science, and also domination of a social-group direction in comparison with subject and personal kinds broadcast in the popular scientific edition «New Knowledge».

Fomina N. A., Avdeev V. S. Features of Organization of Students // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 98 – 103. [0,5 п. л.]

Key words

Students, sportsmen, organization, system property of the person, dynamic, emotional, regulator, is reflective-estimated, target, motivational, kognitivnyy, productive components

Summary

In article results of research of organization as major strong-willed property of the person of students on which level of development success of their ability to live in many respects depends are presented.

Fomina N. A., Aleykin A. G. Commutability, Self-Descipline and Responsibility as Important Professional Properties of the Personality of the Students-Future Managers // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 104 – 110. [0,5 п. л.]

Key words

Students-future managers, personality, commutability, self-discipline, responsibility, instrumental-style and semantic-content characteristics

Summary

The article considers the results of the systematic research of the commutability, self-descipline and responsibility of the students-future managers.

Arutyunyan T. A., Fomina N. A. , Teenagers' Peculiarities of Sociability and Anxiety // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 111 – 117. [0,6 п. л.]

Key words

Teenagers, personality, sociability, system properties of the person, psychological structure, anxiety

Summary

The article is about actual problems of commutability and teenager's anxiety. There are presented several results of empirical study of psychological peculiarities and structures of commutability as system attribute of a person, and also anxiety of unsociable teenagers.

Kustubayeva A. M., Matthews G., Jakupov S. M., Kamzanova A. T., Tolegenova A. A., Zoldassova M. K. Dundee Stress State Questionnaire // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 118 – 122. [0,4 п. л.]

Key words

Stress, task engagement, emotion, motivation, cognition

Summary

Dundee Stress State Qestionnaire (DSSQ) was developed for comprehensive assessment of subjective states (affective, motivational, and cognitive) in performance contexts. The reliability analyses with Cronbach' Alpha was used for the validation of the Russian version of DSSQ. The purpose of this article is to acquaint with the DSSQ for further application among Russian psychologists.

Agafonova S. V., Bryuhova N. G. Influence Developing Regulative Functions of Emotional Self-Conception Component on Improving Professional Decisions Taking by Future Psychologists // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 123 – 132. [0,8 п. л.]

Psychology of development, acmeology

Key words

Emotional self-conception component, personal emotional sphere, taking professional decisions, self-regulation future psychologists

Summary

The authors investigate the influence of emotional self-conception component on process of accepting professional decisions by future psychologists. The data of empiric investigations given in this article affirm that emotional self-conception regulate this process through

interconnection structure-essential references with personal factors of taken decisions. The article clearly demonstrates that the development of regulative function of emotional self-conception component is one of conditions improving professional decisions taking by future psychologists.

Vasilenko T. D. Viability Structure in the Stuation of Chronic Somatic Disease // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 133 – 138. [0,5 п. л.]

Medical psychology, social psychology

Key words

Viability, sense sphere of personality, time perspective, stress, situation of chronic somatic disease.

Summary

In the article transformations of viability structure (control, involvement, risk taking, and general viability) in interconnection with characteristics of sense sphere (life goals, process of living, life result and general meaning of life) and time perspective parameters (future, positive past, fatalistic present, negative past and hedonistic present) in the situation of chronic somatic disease are regarded.

Kruk V. M., Zaharik S. V., Luzgin D. A. The Impact of Stressful Factors on the Life of Soldiers during Combat Missions // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 139 – 143. [0,4 п. л.]

Key words

Psychological stability, stressful factors, adverse conditions

Summary

The article looks at the questions of the stressful factors on the life of soldiers during combat missions. The materials of the article show how topical the problem under the study is question, the examples of the influence of stressful factors on the effective execution of tasks.

Zotova O. Y. Typology of Individual Behavior While Perceiving and Assessing Social and Psychological Security // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 144 – 154. [0,9 п. л.]

Key words

Social and psychological security, perception, semantic field

Summary

The study puts features of security perception to scrutiny. The findings have allowed the typology of persons when perceiving themselves safe and secure to be singled out. The distinctions marked out confirm the existence of practicable reasons for different definitions of security itself characteristic of various subjects. The estimation of this or that personality feature (both positive and negative) depends on correlation of «I», «I'm in dander», «I'm safe» images and the degree of acceptance or denial of «safe self».

Mamedova A. V. Structure of Communicative Activity of a Specialist to Be // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 155 – 162. [0,8 п. л.]

Key words

Communicative competence, communicative activity, perceptive actions, interaction control, communicative technique

Summary

On the analysis of the scholars works the key positions of the communicative activity of a specialist to be are described in the article. As the components of the communicative activity we have analyzed perception, communication itself, communicative technique. The

communicative activity is regarded as the basis of the formation of the communicative competence of a specialist to be.

Murtazov A. K. Space Ecology under Children's Integreted Alternative Education as Innovation Component of General Education System // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 163 – 176. [1,1 п. л.]

Key words

Children's alternative education, innovations in education, space ecology

Summary

Didactic principles that underlie modern innovation system of children's integrated alternative space ecology education are considered.

Novikova I. A. Individually-Typical Features of Sociability and Specificity of Temperament of Students // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 177 – 184. [0,6 п. л.]

Key words

System-functional approach, sociability, individually-typical features, personality traits, temperament

Summary

In the article analyzed and systematized researches of individually-typical features of sociability, executed within the framework of system-functional approach. Four basic types of sociability of students are described in the article. Analyzed specifics of these types in relation with the peculiarities of temperament and concretized the possibility of psychological work with representatives of each type.

Baklanova O. E. Personality Psychological Characteristics and Role-Playing Adequacy of Spouses in Attractive Area // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 185 – 190. [0,5 п. л.]

Key words

Personal traits, role consistency in marriage, interpersonal interaction, psychological compatibility

Summary

We present results of research about female-spouses' personality's interconnections and consistency level of their representations with representations of their male-spouses about significance of spouses attractiveness in family life. We provided correlation analysis of sample spouses with different level of consistency their role set in marriage; correlation analysis between consistency level of spouses' of attractiveness area and value orientation structure, basic needs, strategy behavior in conflict, reactions to frustrations, aggressiveness and psychological defense mechanism which could be. We determinate difference in behavior of female-spouses who have stable marriage (N=88): in matters of attractiveness, these female-spouses demonstrate high level of adequacy, use active forms of behavior and rely on individual value orientations. Female-spouses with low role set level of consistency are more rely on collective values.

Veprentsova S. Features of the Impact on Adolescent Experience of Volunteer Work in the Program Training «Teen-Teen» // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 191 – 196. [0,5 п. л.]

Key words

Socio-psychological training, teens, volunteers, prevention of substance use

Summary

The article discusses the features of the program teen-teen as a means of primary

prevention of substance abuse teens; examines the criteria for the selection of senior teen volunteer programs, especially the influence of older adolescents in the program «Teen-teen» as a volunteer on the development of socio-psychological characteristics of personality of these guys.

Gordeyev V. V. Time Span of Will Action in the Context of Will Reference System // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 197 – 202. [0,5 п. л.]

Key words

«Will reference system», psychological time, «time experience sphere», «time span of will action»

Summary

The article is devoted to the problem of time span in the will reference system, giving the analysis of approaches of time perception in the context of will reference system and factor time span experience. The article show how time perception influences human behavior. It also singles out the time span of will action in the factor time experience span. It is suggested that the problem of will is to be studied within the framework of human time perception.

Dolgorukova M. Yu. Superstition as Option of Ordinary Knowledge // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 203 – 208. [0,5 п. л.]

Key words

Everyday consciousness, mass consciousness, superstition

Summary

The article discusses the features of ordinary consciousness in the structure of the mass consciousness. The article describes in detail one type of ordinary knowledge – superstition. The book shows the different points of view about the superstition.

Ermolov E. M. Educational Environment Cadet Corps as a Socio-Pedagogical Support Formation and Development of Quality Leader Military Collective the Cadets // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 209 – 214. [0,5 п. л.]

Key words

Educational environment, socio-pedagogical support, pedagogical support, formation and development as a leader, training and education of a cadet

Summary

In the article the author's views on the implementation capacity of the educational environment Cadet Corps as a factor in the socio-pedagogical support to the establishment and development of qualities of a leader of the military staff at the cadet. Shows the dominant role of the educational environment in shaping the leadership qualities of students.

Miao Chun. The Increasing Role of Moral Education Chinese Students // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 215 – 223. [0,7 п. л.]

History of education

Key words

Moral education of Chinese youth, ideological and political education, system of disciplines, Eight theses about glory and shame, triple represents ideas, basic values system of socialism.

Summary

The article is devoted to current problems of moral education students in higher educational institutions of China. The author, a citizen of China, on the wealth factual material shows the process of developing national system of moral education students in the late XX - early XXI century.

Orlova I. N. Conceptions of Modern Russian Student Youth about Intimate Relations // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 224 – 229. [0,5 п. л.]

Social Psychology

Key words

Youth, students, social and psychological readiness to family life, sexual profile of personality

Summary

The article presents the results of the study «Sexual profile of personality». The obtained data has been examined from the social and psychological point of view to reveal the characteristics of interpersonal relations, forming readiness of youth to family life.

Protalinskaya I. V. Psychological Structure of Resposibility // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 230 – 235. [0,5 п. л.]

Key words

Subject and object of responsibility; inner and outer responsibility; motivational, emotional, cognitive dynamic, productive components of responsibility.

Summary

The current article is devoted to the problem of the structure of responsibility in modern psychology. The article gives the analysis of the concept of responsibility, its structure, types and its essential characteristics. The article also dives the description the components of responsibility. The article suggests that responsibility should be viewed not as dependent just upon outside control of the person's activity, but also upon the inner criteria of self-evaluation.

Timoshina T. A. Approaches to Concept Definition «an Individual Educational Trajectory» in a Pedagogical Science // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 236 – 241. [0,5 п. л.]

Key words

An individual educational trajectory, an individual educational route, competence approach, anthropocentric approach

Summary

The article states the approaches to the definition «an individual educational trajectory» of a pupil and a student. The correlation of the concepts of an individual educational trajectory and an individual educational route are displayed. The author`s definition of the term «an individual educational trajectory of the student» in a context anthropocentric and competence approaches is treated in this article. It is recommended for teachers and students as means of an individualization and differentiation of educational process.

Shan Nina. The Employment of First Language in Russian Teaching for Chinese Students at Normal Universities // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 242 – 246. [0,4 п. л.]

Key words

Interference, bilingual and translation exercises, comparison

Summary

This article addresses the issues in Russian teaching for Chinese students, most of which are problems occured due to their mother language of Chinese. However, the interimpacts between Russian and Chinese are inevitable results in language contact. In comparison with the results, the special characters in the two languages easily reached out, which are

worthwhile to be exploed in the future.

Yurkov S. A. Pedagogical Model of Formation of the Crisis Competence of the Person of the Future Civil Servant in the Course of Vocational Training // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 247 – 252. [0,5 п. л.]

Pedagogical sciences: the theory and a technique of vocational training

Key words

Pedagogical model, the crisis competence, components of pedagogical model, vocational training, civil servants

Summary

In article structural and substantial components of pedagogical model of formation of the crisis competence of the future civil servants in the course of vocational training in high school are described. Also functions of pedagogical model and the didactic conditions providing effective formation of professional and personal formation of the future experts of public service are considered.

Eltsova L. F. About Formation of Professional Communicative Competence of Foreign Students in the Medical University // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 253 – 257. [0,4 п. л.]

Philology

Key words

Professional communicative competence, special purpose language, bilingualism

Summary

In this article an attempt to analyze some features of scientific medical knowledge verbalization and difficulties of formation of professional communicative competence of foreign students studied in medical universities which learn medical language in specific communicative situation amid bilingualism is performed. We pay our attention that medical terms being obstacle while adoption of scientific theories at the same time help to adopt special ideas, objects and their features and relations between them.

Predtechenskaya N. V. Cross-Cultural Communication Today and Non-Verbal Means of Interpersonal Communication // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 258 – 262. [0,4 п. л.]

Key words

Global village, non-verbal means of communication, political correctness, personal space, eye contact, proximity, high-look and low-look countries.

Summary

The article is headlined «Crosscultural communication today and non-verbal means of interpersonal communication». It is about the necessity of mastering cultural differences, political correctness problems and gender issues.

The author, Predtechenskaya N.V., underlines that besides learning proverbs and sayings as well as idioms of any foreign language it is important to be aware of cultural differences which might realize themselves through various means of non-verbal communication (body language, eye contact, intonation).

Fedotova O. S. To the Problem of Hierarchy of Textual Categories // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 263 – 268. [0,5 п. л.]

Philology

Key words

Textual categories, text grammar, semantic categories, structural categories, linguistic analysis of a text

Summary

This article shows different approaches to analyzing textual categories. As a result we

can see that text (especially fiction) consists of different categories.

Leschev V. V. A New Approach to Hedging Options // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 269 – 274. [0,5 п. л.]

Key words

Hedging, options, volatility, Black-Scholes formula

Summary

The questions of hedging of currency options are considered in the article. Method of determination of Volatility is offered for the use of Black-Scholes Option Pricing Model for determination of options cost.

Shubina O. S., Smertina N. A., Melnikova N. A., Lapshina M. V. Influence of Mineral Structure of Potable Water on a Structure of Kidneys and Intestines of White Rats // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 275 – 279. [0,4 п. л.]

Key words

Chloride of sodium, a kidney, a duodenal gut, morphology

Summary

Influence of chloride of sodium on histologic and морфометрические indicators of kidneys and a duodenal gut of white rats Is studied. For finding-out of this question microscope MT 4000 Series Biological Microscope and the software for the analysis of images «BioVision Version 4.0» was used.

Ivanov V. V. The Remote Results Simultaneously Operation by Patients with Obesity // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 280 – 289. [0,8 п. л.]

Key words

Hernioplasty, hernia unguinal, ventral hernia, alloplasty implants, obesity, laparoscopy surgery, plastic

Summary

In the given article the results of treatment patients operated in conjunction with different kinds of hernia diseases by patients with obesity. On the basis of some clinical experience early and distant complications in post operational period represented in connection with traditional and laparoscopic approaches, using alloplastic materials and local tissue for forming suppoting, uninterrapting and functioning of the front ventral abdominal cavity. The accomplished research according to the questioning SF-36 showed dynamics of indexes of physical and psychological components of the health. Performing dermatolipectomy leads to the greater positive dynamics of the complex of some factors determining the life quality level in the future post operation period.

Ivanov E. S., Avdeeva N. V., Kremenetskaya T. V. The Biomorphological Structure of Flora of the Natural Historical and Architectural Complex «The Vorontsovo Residence» in Moscow // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 3(22). – PP. 290 – 296. [0,5 п. л.]

Key words

Flora, biomorpha, «The Vorontsovo residence», «Red Book»

Summary

The biomorphological and taxonomic structure of flora has been analyzed in the Moscow Natural historical and architectural complex «The Vorontsovo residence». This work was based on the theoretic methods of Raunkier K. and Serebrjakov I. During this research there were revealed the plants from the Moscow «Red Book».

АВТОРЫ
(AUTHORS)

АВДЕЕВ Виктор Сергеевич – ведущий специалист Комитета по физической культуре и спорту Рязанской области
Контактная информация: E-mail: avdeev_viktor@mail.ru; тел. 8-(4912)-32-89-62

АВДЕЕВА Наталья Владимировна – аспирант кафедры экологии и природопользования Рязанского государственного университета имени С. А Есенина
Контактная информация: E-mail: a.paramonova@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-05-78

АГАФОНОВА Светлана Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, акмеологии факультета психологии института педагогики, психологии и социальной работы Астраханского государственного университета
Контактная информация: E-mail: agafo-svetlana@yandex.ru; тел. 8-(8512)-59-53-41

АЛЕЙКИН Андрей Геннадьевич – аспирант кафедры психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: andrey-mir@bk.ru; тел. 8-920-635-07-12

АРУТЮНЯН Татьяна Арташевна – аспирант кафедры психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Института психологии, педагогики и социальной работы Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: ata1985@mail.ru; тел. 89056914113

БАКЛАНОВА Ольга Эрнестовна – младший научный сотрудник ФГУ «СПб НИИФ Росмедтехнологий», соискатель Северо-Западной Академии Государственной службы
Контактная информация: E-mail: obaklanova@mail.ru; тел. 8-(812)-273-30-47

БРЮХОВА Наталья Геннадиевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, акмеологии факультета психологии института педагогики, психологии и социальной работы Астраханского государственного университета
Контактная информация: E-mail: bryuhova@list.ru; тел. 8-(8512)-59-53-41

ВАРДАНЯН Юлия Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
Контактная информация: E-mail: julia_vardanyan@mail.ru; тел. 8-(8342)-47-65-26

ВАСИЛЕНКО Татьяна Дмитриевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и клинической психологии, декан факультетов клинической и специальной психологии Курского государственного медицинского университета
Контактная информация: E-mail: tvasilenko@yandex.ru; тел. 8-(4712)-58-81-30

ВЕПРЕНЦОВА Светлана Юрьевна – педагог-психолог Центра психолого-педагогической реабилитации «На Снежной» (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: 715@bk.ru; тел. 8-(499)-903-54-65

ВОЛОДАРСКАЯ Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, г. Москва
Контактная информация: E-mail: eavolod@gmail.com; тел. 8-916-151-05-91

ГОМЗИН Андрей Александрович – старший научный сотрудник Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (РИАМЗ)
Контактная информация: E-mail: gomzin_a@mail.ru; тел. 8-(4912)-27-60-70

ГОРДЕЕВ Виктор Владимирович – старший преподаватель кафедры психологии Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна)
Контактная информация: E-mail: Gordlan@mail.ru; тел. 8-496-404-09-13

ДЖАКУПОВ Сатыбалды Мукатаевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и этнической психологии Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби, (г. Алматы, Казахстан)
Контактная информация: E-mail: mukatai@mail.ru; тел. +77773677758

ДОЛГОРУКОВА Мария Юрьевна – аспирант Психологического института Российской академии образования (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: m.y.dolgorukova@gmail.com; тел. 8-910-427-87-07

ЕЛЬЦОВА Любовь Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой латинского языка и русского языка Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: Elf-lat@rambler.ru; тел. 8-915-6236778

ЕРМОЛОВ Евгений Михайлович – начальник Санкт-Петербургского кадетского ракетно-артиллерийского корпуса
Контактная информация: E-mail: avnprof@yandex.ru; тел. 89119412555

ЖОЛДАСОВА Манзура Кенесбеккызы – докторант PhD кафедры общей и этнической психологии Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби, г. Алматы
Контактная информация: E-mail: manzura-7@mail.ru; тел. +77773727617

ЗАХАРИК Сергей Викторович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета (МГОУ)
Контактная информация: моб. 8-905-550-44-46; тел. 8-(495)-780-09-48

ЗОТОВА Ольга Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, заместитель декана факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)
Контактная информация: E-mail: oiambusheva@mail.ru; тел. 8-912-2686805

ИВАНОВ Владислав Валериевич – кандидат медицинских наук, гл. внештатный хирург Министерства здравоохранения Рязанской обл. по спец. пластическая хирургия, ассистент кафедры хирургии и общеврачебной подготовки с курсом эндохирургии ФПДО Рязанского государственного медицинского ун-та имени академика И. П. Павлова, ст. орди-

натор хирургического отделения №2 Рязанской областной клинической больницы
Контактная информация: E-mail: ivanovvladislav@rambler.ru; тел. 8-(4912)-99-00-89
Подробнее http://spras.ru/fellow.html http://oplastike.ru/hirurgi/ivanov_vladislav_ valerievich/

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заведующий кафедрой экологии и природопользования Рязанского государственного университета имени С. А Есенина
Контактная информация: E-mail: a.paramonova@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-05-78

КАМЗАНОВА Алтынгуль Тустикбаевна – докторант PhD кафедры общей и этнической психологии Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби
Контактная информация: E-mail: kamzanova@gmail.com; тел. +77772770793

КНЯЗЕВА Марина Вячеславовна – специалист 1-ой категории отдела учета и сохранения объектов культурного наследия комитета по культуре и туризму Рязанской области
Контактная информация: E-mail: marina1859@mail.ru; тел. 8-920-638-20-22

КОВАЛЕВ Игорь Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе факультета мировой экономики и мировой политики Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ, г. Москва)
Контактная информация: E-mail: ikovalev@hse.ru; тел. +7-(495)-772-95-90*2205

КОЗЛОВА Тамара Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры хорового дирижирования, пения и методики преподавания музыки Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск
Контактная информация: E-mail: toma_68@mail.ru; тел. 89026682233

КРЕМЕНЕЦКАЯ Татьяна Владимировна – кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии и природопользования Рязанского государственного университета
Контактная информация: E-mail: a.paramonova@rsu.edu.ru; тел. 8-903-838-76-93

КРУК Владимир Михайлович – кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологического консультирования Московского государственного областного университета (МГОУ)
Контактная информация: моб. 8-903-79-77-392; тел. 8-(495)-780-09-48

КУСТУБАЕВА Альмира Мэлсовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и этнической психологии Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби, (г. Алматы, Казахстан)
Контактная информация: E-mail: almkust@gmail.com; тел. +77272644120

ЛАПШИНА Марина Вениаминовна – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры общей биологии, анатомии и физиологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
Контактная информация: E-mail: mvlapshina@yandex.ru; тел. 8-(8342)-35-01-97

ЛЕЩЕВ Владимир Владимирович – соискатель Института системнога анализа РАН
Контактная информация: E-mail: sergi1977@yandex.ru; тел. +7 985 9777879

ЛУЗГИН Денис Александрович – соискатель кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета (МГОУ)
Контактная информация: E-mail: siava@mail.ru; тел. 8-(962)-998-67-04

МАМЕДОВА Альбина Ваидовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Рязанского государственного ун-та имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: albina_mamedova@mail.ru; тел. 8-(4912)-28-19-38

МЕЛЬНИКОВА Наталья Алексеевна – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры общей биологии, анатомии и физиологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
Контактная информация: E-mail: n_melnicowa@mail.ru; тел. 8-(8342)-25-79-04

МУРТАЗОВ Андрей Константинович – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экологии и природопользования, директор астрономической обсерватории РГУ имени С. А. Есенина, почетный работник общего образования РФ
Контактная информация: E-mail: a.murtazov@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-12-97

МУХИНОВА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Казанского государственного архитектурно-строительного университета
Контактная информация: E-mail: nmukhinova@yandex.ru; тел. 8-91-79-37-34-57

МЭТТЬЮС Джеральд [Matthews Gerald] – PhD, профессор ун-та Цинциннати, США
Контактная информация: Адрес: University of Cincinnati, Cincinnati, OH 45221-0376

МЯО Чунь [MIAO Chun] – старший преподаватель Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: miaochun16@gmail.com; тел. 8-916-143-01-97

НЕДУГОВА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Южно-Уральского государственного университета (филиала в г. Миассе)
Контактная информация: E-mail: nedugova@mail.ru; тел. 8-(3513)-54-78-13

НОВИКОВА Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент и заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН)
Контактная информация: E-mail: camiga@yandex.ru; тел. 8-910-484-73-28

ОРЛОВА Ирина Николаевна – соискатель факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета
Контактная информация: E-mail: orlevich@bk.ru; тел. 8-(495)-415-88-15

ПРЕДТЕЧЕНСКАЯ Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка Дипломатической академии МИД России (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: npredtechenskaya@mail.ru; тел. 8-903-71-23-349

ПРОТАЛИНСКАЯ Ирина Владимировна – аспирант и ассистент кафедры психологии Московского государственного областного социально-гуманитарного института (МГОМ-ГИ), Московская область, г. Коломна
Контактная информация: E-mail: protalina86@mail.ru; тел. 8-(496)-613-11-62

РЫНДИН Игорь Жанович – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории проблем регионализации образования Рязанского областного института развития образования (НИЛ ПРО РИРО)
Контактная информация: E-mail: ryndin@post.rzn.ru; тел. 8-(9412)-45-73-53

САВИНОВА Татьяна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
Контактная информация: E-mail: stanya2610@yandex.ru; тел. 8-(8342)-75-83-80

САФРОНОВ Борис Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.
Контактная информация: E-mail: safronis @ yandex.ru; тел. 8-(4912)-76-56-22

СМЕРТИНА Нина Анатольевна – преподаватель кафедры логопедии и медицинских основ дефектологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
Контактная информация: E-mail: ninasm@bk.ru; тел. 89530282808

ТИМОШИНА Татьяна Александровна – преподаватель кафедры социально-культурного сервиса, туризма и межкультурной коммуникации Московского психолого-социального института, филиал в г. Рязани
Контактная информация: E-mail: t_tanya21@mail.ru; тел. 8-915-597-86-62

ТОЛЕГЕНОВА Алия Амангельдиновна – PhD, старший преподаватель кафедры общей и этнической психологии Казахского Национального Университета имени Аль-Фараби, (г. Алматы, Казахстан)
Контактная информация: E-mail: aliyats@gmail.com; тел. +7(727)2728712

ФЕДОТОВА Оксана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: o.fedotova@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-24-45-19

ФИЛИППОВ Алексей Витальевич – аспирант кафедры философии факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета
Контактная информация: E-mail: winak@mail.ru; тел. 89057306787

ФОМИНА Наталья Александровна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: pslfom@mail.ryazan.ru; тел. 8-910-508-66-90

ХОЛЯЕВ Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Ярославского государственного технического университета, докторант кафедры новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова
Контактная информация: E-mail: holyaevsv@ystu.ru; тел. 89159734590.

ШАНЬ Нина [SHAN Nina] – директор Института Конфуция Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, соискатель учёной степени кандидата педагогических наук, преподаватель факультета русского языка института иностранных языков Чанчуньского университета КНР
Контактная информация: E-mail: shanyu486@163.com; тел. 8-(965)-711-11-83

ШУБИНА Ольга Сергеевна – доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры общей биологии, анатомии и физиологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева
Контактная информация: E-mail: o.shubina@mail.ru; тел. 8-(8342)-47-75-90

ЮРКОВ Сергей Александрович – соискатель Межрегиональной научно-исследовательской лаборатории «Современные технологии в образовании и бизнесе» Тамбовского государственного технического университета
Контактная информация: E-mail: neosfinks@rambler.ru; тел. 8-950-808-80-39

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В «РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»

1. Правила оформления научных статей:
набор текста в формате Word, шрифт Times New Roman; размер шрифта - 14; междустрочный интервал -1,5; формат бумаги - А4; отступ - 5, поля - 20 Объём статьи - не менее 10 стандартных машинописных листов. Сноски и примечания, список литературы формировать единым списком под названием **Примечания** - в конце статьи. Ссылки в тексте - в квадратных скобках, первая цифра - номер ссылки в концевом списке Примечаний, вторая цифра - номер страницы, например: [3. С. 15].

2. На первой странице статьи указываются:

2.1. Название научного или учебного заведения, той организации, в которой выполнена научная работа, либо учреждение, где работает автор статьи.

Указывается также местонахождение указанной организации: страна, регион, населённый пункт.

2.2. УДК и ББК, в случае, если автор не может провести классификацию по данным классификаторам, то классификацию проводит редакция журнала.

2.3. Название разделов науки, к которым, по мнению автора, принадлежит его статья.

2.4. Название статьи - прописными буквами жирным шрифтом.

В следующей строке располагаются научная степень автора, его инициалы и фамилия.

2.5. Далее следует аннотация статьи или сообщения.

2.6. После аннотации помещаются ключевые слова, отражающие основное содержание статьи.

2.7. После ключевых слов размещается основной текст статьи.

2.8. Статья завершается примечаниями.

2.9. Дополнительно к материалам статьи прилагаются на английском языке - фамилия автора, название статьи, аннотация (summary), ключевые слова (key words), разделы науки.

3. Публикации в журнале платные. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Предварительно подаётся заявка на публикацию статьи по электроннному адресу: rosnauka@mail.ru

4. Стоимость пересылки одного экземпляра журнала: по России -100 руб.; по странам СНГ - 250 руб.; стран дальнего зарубежья - определяется расчётным путём.

5. К материалам статьи отдельным файлом прилагается авторская справка, содержащая основные сведения об авторе:

Ф.И.О. автора, учёное звание, учёная степень, место работы, должность, почтовый адрес (с индексом), электронный адрес (e-mail), номера контактных телефонов для открытой печати.

6. Для аспирантов и соискателей обязательно предоставление в редакцию рецензии от научного руководителя или известного специалиста. Рецензия полжна быть заверена надлежащим образом.

7.Автору статьи высылается один бесплатный экземпляр журнала.

8. Наш почтовый адрес:
119313, Москва, Ленинский пр., 89, оф. 2. «Российский научный журнал».

9. Наши банковские реквизиты:
Наименование получателя платежа:
ИП Нагорнов Валентин Павлович
Р/счет № 40802810490000448401
в Рязанском филиале ОАО «Промсвязьбанк» г. Рязань
ИНН 622900425707, БИК 046126797,
к/с 30101810100000000797 в ГРКЦ ГУ Банка России по Рязанской области
ОКАТО 61401370000
Назначение платежа - целевые взносы

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – – ПИ №ФС77–35383 от 19 февраля 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ: В. П. НАГОРНОВ

ИЗДАТЕЛЬ: ИП Нагорнов Валентин Павлович.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
119313, Москва, Ленинский пр., 89, оф. 2

Тел./факс: (4912) 25-45-74, моб. 8-910-505-45-43
E-mail: rosnauka@mail.ru
http: // www.rnjournal.narod.ru

Сдано в набор 31.05.2011.
Подписано в печать 31.05.2011.
Тираж 1 200 экз.
Заказ № 391.
Отпечатано в ООО «Полиграфия».
390000, Рязань, ул. Почтовая, 61, стр. 9а.